

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 2 2026

Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:**Председатель редакционного совета****И.А. Макаренко**

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета**А.Б. Галимханов**

кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Члены редакционного совета:**С.Ж. Айдарбаев**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданыч

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гизатуллин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбазаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Г. Аминева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Ответственный секретарь

Г.И. Самигуллина, ассистент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

Литературный редактор

Л.С. Макаренко

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора	11
----------------------------------	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Нагимова З.Ф.

К вопросу о реформе контрольно-надзорной деятельности как необходимого совершенствования правовой политики в области социально-экономического развития общества	13
---	----

Седнев В.В.

Традиционные духовно-нравственные ценности в правовом пространстве России	25
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Евдокимов К.Н.

Прокурорский надзор за соблюдением прав детей участников специальной военной операции	45
---	----

Пеньковский П.Э.

Экспертная профилактика в сфере охраны труда и техники безопасности: теоретические основы и методология	55
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Аминева А.Ю.

К вопросу о переустройстве жилого помещения	68
---	----

Максуров А.А.

Теоретико-исторические особенности права публичной собственности на недвижимость в контексте управления ею	80
--	----

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Зарубин Д.В., Каражан Б.С., Ергалимова А.Н.

Региональные стандарты о нормальной продолжительности рабочего времени: сравнительно-правовой анализ	95
--	----

Трапезникова М.М., Ильина И.М.

О некоторых аспектах правового регулирования
трудоустройства инвалидов 107

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Иванова Е.С., Желенкова М.Р.

Судебная строительно-техническая экспертиза в механизме
уголовно-правовой оценки самовольного строительства:
вопросы теории и практики доказывания 118

Поляков С.А.

Уголовно-правовое противодействие ядерному терроризму
как преступлению против мира 133

Садвакасов А.Р.

Уголовная ответственность за нарушение условий государственного
контракта по государственному оборонному заказу 144

Шарипова А.Р.

Традиционные ценности в процедурах российского судопроизводства 156

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Батраханов А.А.

О роли кассационных судов в цивилистическом процессе
Республики Казахстан 165

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Беженцев А.А.

Досудебное расследование: общие положения
и перспектив реформирования 176

Белов О.А.

Предпосылки разработки криминалистической методики расследования
преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий 188

Вознюк М.А.

Практика ситуационного анализа видеоматериалов перестрелки 199

Кашуба Ю.А., Тюнь А.А.

Побеги осужденных из мест лишения свободы РСФСР и Российской Федерации
(1990-1994 гг.): уроки на будущее 211

Купцова Ю.И.

Цифровой профиль как инструмент выявления признаков преступления 220

Пичугин С.А.

Проблема установления разыскиваемых лиц по признакам внешности метисных антропологических групп на примере внешности коренного населения Башкортостана 229

Сагидуллин Р.Х.

Травматологическая экспертиза телесных повреждений в рамках уголовного и гражданского процесса 245

Смирнова С.А., Бритвак Н.

К вопросу о безопасности применения отдельных методов выявления следов пальцев рук и ладоней в экспертной практике 256

Харисов А.Ф.

Совершенствование методического обеспечения междисциплинарных научно-практических исследований судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации 268

Шеметов А.К.

Ситуационные особенности раскрытия убийств малолетних, совершаемых из сексуальных побуждений 281

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Ващенко Б.М., Прудников А.В.

Использование современных технологий для профилактики дорожно-транспортных происшествий (часть 2) 293

Власова Е.Л., Фидель П.М.

Электронные сервисы для взаимодействия с ГИБДД: возможности и преимущества 308

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Editorial council:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova

Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak);

A.R. Sharipova

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief**

F.G. Aminev Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Executive Secretary

G.I. Samigullina, Assistant of the Department of Theory of State and Law, Ufa University of Science and Technology.

Texts Editor

L.S. Makarenko

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and Publications in which the main scientific results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences must be published

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate

ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column	11
--------------------------------	----

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Nagimova Z.F.

On the Supervisory and Control Reform as a Necessary Element to Improve Legal Policies in the Area of the Society Social and Economic Development	13
---	----

Sednev V.V.

Traditional Spiritual and Moral Values in the Legal Framework of Russia	25
---	----

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Evdokimov K.N.

Prosecutorial Supervision over the Children's Rights of a Special Military Operation's Participants.....	45
--	----

Penkovsky P.E.

The Expert Preventive Care in the Field of Occupational Health and Safety: Theoretical Foundations and Methodology	55
--	----

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Amineva A.Yu.

On the Reconstruction of Private Premises	68
---	----

Maksurov A.A.

Theoretical and Historical Features of Public Property Law in the Context of Real Estate Management	80
---	----

LABOUR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Zarubin D.V., Karazhan B. S., Yergalimova A.N.

The Regional Standards of Normal Working Time: Comparative Legal Analysis	95
---	----

Trapeznikova M.M., Ilyna I.M.

On the Legal Regulation of Disabled Employment	107
--	-----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Ivanova E.S., Zhelenkova M.R.

Forensic Structural Engineering in the Mechanism of Criminal Law Evaluation of Unauthorized Constructions: Issues of Theory and Practice of Proof..... 118

Polyakov S.A.

Criminal Law Counteraction to Nuclear Terrorism as a Crime against Peace 133

Sadvakasov A.R.

Criminal Liability for Violation of the Terms of a Government Contract on State Defense Order..... 144

Sharipova A.R.

Traditional Values in Russian Judicial Procedure 156

INTERNATIONAL LAW

Batrakhanov A.A.

For citation: Batrakhanov A. A. The Cassation Courts Role in the Civil Process of the Republic of Kazakhstan 165

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Bezhentsev A.A.

Pre-Trial Investigation: General Provisions and Prospects for Reform 176

Belov O.A.

Prerequisites to Develop a Forensic Methodology for Investigating Crimes Committed by Using Biotechnology 188

Voznyuk M.A.

The Practice of Situational Analysis of Shootout Event Videos 199

Kashuba Yu.A., Tyun A.A.

The Convicted Offender's Flight from Place of Confinement in the RSFSR and the Russian Federation (1990-1994): Lessons for the Future 211

Kuptsova Yu.I.

Digital Profile as a Tool for Detecting Criminal Involvements 220

Pichugin S.A.
Problem of Identifying the Wanted Persons by the Appearance
of Half-Caste Anthropological Groups: on the Example of Bashkortostan
Indigenous Population 229

Sagidullin R.Kh
Traumatological Expertise of Bodily Injuries in Criminal and Civil Practice 245

Smirnova S.A., Britvak N.
On the Safety of Modern Fingerprint Development Methods
in Forensic Expert Practice..... 256

Kharisov A.F.
The Methodology Improvement for Interdisciplinary Scientific and Practical
Research in Forensic Expertise in the Context of Digitalization 268

Shemetov A.K.
Situational Features of Solving Sexually Motivated Juvenile Murders 281

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

Vaschenko B.M., Prudnikov A.V.
The Use of Modern Technologies to Prevent Road Accidents (Part 2) 293

Vlasova E.L., Fidel P.M.
Electronic Services for Interaction with the State Inspectorate
for Road Traffic Safety: Possibilities and Benefits 308

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Успех, который мы видим: преемственность традиций и качество научных результатов журнала

Уважаемые читатели!

«Вестник Института права Башкирского государственного университета» – молодое издание. Идея его основания принадлежит доктору юридических наук, профессору Илоне Анатольевне Макаренко, возглавлявшей тогда Институт права. Журнал замысливался как научное издание для преподавателей нашего Института, которые могли бы публиковать результаты своих научных исследований для выполнения ими требований эффективного контракта. Вся работа, связанная с регистрацией и дальнейшим продвижением журнала, была осуществлена подхватившим эстафету Илоны Анатольевны Русланом Ильдаровичем Зайнуллин, нынешним директором Института права, доктором юридических наук, который предложил сделать журнал открытым для коллег из других вузов.

Сегодня мы с особым удовлетворением можем подвести предварительные итоги последних лет работы нашего журнала (2024–2025 годы) в контексте главной миссии любого ВАКовского издания – быть проводником молодых учёных в большую науку.

Прежде всего, позвольте выразить глубокую признательность руководству Института права УУНиТ. В условиях высокой конкуренции научных изданий именно стратегическое видение дирекции, неизменная поддержка инициатив редакционного совета и созданная в Институте атмосфера академической свободы позволяют «Вестнику» оставаться не просто площадкой для публикаций, а подлинной школой профессионального роста.

20 февраля 2024 года журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (ВАК-К3); в октябре 2025 года наш журнал введён в категорию K2 ВАК и в «Белый список» (3-й уровень).

Особый повод для гордости – наши авторы последних трёх лет. Мы внимательно следим за тем, как складывается их карьера. И 2024–2025 годы стали для журнала рекордными по эффективности «научного лифта». Целый ряд авторов, чьи статьи прошли строгую процедуру рецензирования на наших страницах, успешно защитили докторские и кандидатские диссертации. Например, авторы, опубликовавшие статьи в номерах нашего журнала в 2024 году (М.Р. Джамиев (№ 2), В.Н. Семелев (№ 4) и другие), в 2025 году успешно защитили кандидатские диссертации, а авторы, публиковавшиеся в 2025 году (А.Н. Вяткин (№ 1), Р.Н. Подольный (№ 4), О.Е. Рослова (№3)) защитили канди-

датские диссертации в 2026 году. Особо следует отметить успешные защиты докторских диссертаций в 2026 году наших постоянных авторов (А.Ф. Халиуллиной (№ 1, № 3-2025) и З.И. Харисовой (№ 2-2025)).

Эти результаты – лучшее доказательство того, что экспертиза «Вестника Института права» не ошибается. Для нас очевидно, что уровень представленных рукописей изначально был высок. Ведь для того, чтобы написать фундаментальную научную работу учёному необходимо сформировать две основы (базы): эмпирическую и теоретическую. В то же время автору публикации в солидном журнале нужна третья составляющая – умение подать материал не только узко-научным, но и доступным, в какой-то степени увлекательным, языком. Приятно осознавать, что лаконичные выводы статей, опубликованных в нашем журнале, затем превращались в объёмные главы успешных диссертаций по теории права, гражданскому и уголовному процессу, криминалистике и судебной экспертологии.

И особое значение редакцией журнала придаётся развитию отечественных научных школ, таких как, например, «Научная школа заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Башкортостан, доктора юридических наук, профессора Льва Львовича Каневского по криминалистическим проблемам борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодёжи» (статьи Р.А. Варфоломеева, А.Ф. Халиуллиной, М.А. Ячменевой и др.).

Вместе с тем, мы никогда не замыкаемся исключительно на поддержке «лифтов» для начинающих. Гордость журнала, в том числе, этого номера – это ещё и наша постоянная совместная работа с учёными признанных школ, докторами наук, чьи имена известны далеко за пределами Уфы: профессорами Ю.А. Кашубой (г. Ростов-на-Дону), В.В. Седневым (г. Донецк), С.А. Смирновой (г. Москва) А.Р. Шариповой (г. Уфа). Присутствие маститых авторов на наших страницах создаёт тот необходимый научный фон, ту «систему координат», которая помогает молодым исследователям сверять свои гипотезы с фундаментальной наукой.

Дорогие друзья! Факты говорят сами за себя: публикация в нашем журнале – это не формальный пункт отчёта. Это реальный инвестиционный билет в мир большой науки, проверенный успешными защитами 2024–2026 годов. Искренне поздравляю всех новоиспечённых кандидатов и докторов наук! Ждем ваши новые статьи уже в новом статусе.

С уважением и верой в силу отечественной юридической науки!

*Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор
Фарит Гизарович Аминев*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 342.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.1

Нагимова Зарина Фаварисовна

Общество с ограниченной ответственностью Международная франчайзинговая образовательная управляющая компания «Самолет Плюс», Уфа, Россия, zarrina.sabirova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК НЕОБХОДИМОГО ЭЛЕМЕНТА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу реформы контрольно-надзорной деятельности (КНД) как ключевого правового инструмента обеспечения социально-экономического развития Российской Федерации на современном этапе. Исследуются институционально-правовые основы административной реформы, ее эволюция от истоков в начале 2000-х годов до текущей фазы цифровой трансформации. Автор детально анализирует достигнутые результаты, включая внедрение риск-ориентированного подхода и масштабную цифровизацию надзора, а также системные проблемы: сохраняющуюся избыточную административную нагрузку, фрагментарность регулирования, недостаточную эффективность профилактики. Особое внимание уделено роли КНД в формировании благоприятной предпринимательской среды и защите социальных прав граждан. На основе выявленных проблем и тенденций предложена авторская концепция дальнейшего реформирования КНД, включающая гармонизацию законодательства, развитие предиктивной аналитики, внедрение KPI результативности надзора и создание интегрированной цифровой платформы «Умный надзор». Доказывается, что глубокая модернизация контрольно-надзорной системы выступает необходимым условием для достижения стратегических целей социально-экономического прогресса России.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, административная реформа, риск-ориентированный подход, государственное управление, цифровизация, социально-экономическое развитие, регуляторная гильотина,

государственные услуги, административные барьеры, превентивный надзор, государственный контроль, оптимизация проверок, цифровой суверенитет, государственные услуги, эффективность государственного администрирования.

Для цитирования: Нагимова З.Ф. К вопросу о реформе контрольно-надзорной деятельности как необходимого элемента совершенствования правовой политики в области социально-экономического развития общества / З.Ф. Нагимова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 13–24.

Original article

Nagimova Zarina Favarisovna

Head of the Legal Department at the Limited Liability Company International Franchise Educational Management Company “Samolet Plus”, Ufa, Russia, zarrina.sabirova@yandex.ru

ON THE SUPERVISORY AND CONTROL REFORM AS A NECESSARY ELEMENT TO IMPROVE LEGAL POLICIES IN THE AREA OF THE SOCIETY SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the control and supervisory activities reform as a key legal instrument for ensuring the socio-economic development of the Russian Federation at the present stage. The article examines the institutional and legal foundations of administrative reform, its evolution from the origins in the early 2000s to the current phase of digital transformation. The author analyzes in detail the results achieved, including the introduction of a risk-based approach and large-scale digitalization of supervision, as well as systemic problems: the continuing excessive administrative burden, fragmented regulation, and insufficient prevention effectiveness. Special attention is paid to the role of the control and supervisory activities in creating a favorable business environment and protecting the social rights of citizens. Based on the identified problems and trends, the author’s concept of further reform of the control and supervisory activities is proposed, including the harmonization of legislation, the development of predictive analytics, the introduction of KPIs for the effectiveness of supervision and the creation of an integrated digital platform “Smart Supervision”. It is proved that a deep modernization of the control and supervisory system is a necessary condition for achieving the strategic goals of Russia socio-economic progress.

Keywords: control and supervisory activities, administrative reform, risk-based approach, public administration, digitalization, socio-economic development, regulatory guillotine, public services, administrative barriers, preventive supervision, state control, optimization of inspections, digital sovereignty, public services, efficiency of public administration.

For citation: Nagimova Z.F. On the Supervisory and Control Reform as a Necessary Element to Improve Legal Policies in the Area of the Society Social and Economic Development. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 13–24 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.

Введение. В контексте стратегических задач модернизации российской государственности особую актуальность приобретает вопрос должного правового обеспечения административной реформы, центральным элементом которой выступает реформа контрольно-надзорной деятельности (КНД), и ее определяющей роли в стимулировании устойчивого социально-экономического развития. Административная реформа в Российской Федерации, которую следует рассматривать как комплексную трансформацию системы, структуры и принципов функционирования органов исполнительной власти, по своей политико-правовой сущности должна быть направлена на кардинальное повышение эффективности государственного управления, минимизацию избыточных бюрократических барьеров и создание оптимальных институциональных условий для экономического роста и повышения качества жизни граждан. Исторически административная реформа в современной России в своем генезисе и развитии прошла несколько последовательных этапов:

1. Начальный этап (2003-2007 гг.), связанный с принятием Указа Президента РФ от 09 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹ (далее – Указ Президента РФ № 314) и разделением функций федеральных органов исполнительной власти;

2. Стадия оптимизации (2008-2015 гг.), характеризующаяся принятием Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»² (далее – Закон № 294) и началом внедрения риск-ориентированного подхода при осуществлении КНД;

3. Современный этап цифровизации и информатизации государственного управления (с 2016 г. по н.в.), инициированный программой «Цифровая экономика»³ и т.н. «регуляторной гильотиной» (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»⁴

---

¹ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с посл. изм. и доп. от 27.03.2023 № 202) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

² Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с посл. изм. и доп. от 26.12.2024 № 494-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

³ Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 01.08.2024 № 1043) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 28.02.2025 № 28-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

(далее – Закон об обязательных требованиях) и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁵ (далее – Закон о контроле). Несмотря на очевидные сложности, включая инерцию бюрократического аппарата, за последние несколько лет, с нашей точки зрения, законодателю и органам исполнительной власти удалось достичь значимых результатов в оптимизации КНД. Для наиболее полного изучения роли и места административной реформы в процессе оптимизации российской модели правового регулирования социально-экономического развития общества, рассмотрим подробнее упомянутые этапы развития отечественной системы КНД и их содержание.

Этапы и содержание развития правового регулирования контрольно-надзорной деятельности как ключевого правового инструмента обеспечения социально-экономического развития Российской Федерации. Правовое регулирование системы, структуры и компетенции государственных органов, особенно в сфере надзора, в последние два десятилетия претерпело радикальные изменения. Исходным импульсом для реформы в середине 2000-х годов послужили системные дисфункции государственного управления, унаследованные от позднесоветского периода: острый дисбаланс во взаимодействии общества и власти, структурное несоответствие органов исполнительной власти конституционным принципам федерализма и разделения властей, воспроизводство архаичных элементов командно-административной модели, непрозрачность и коррупциогенность государственной службы. Эти вызовы определили ключевые цели реформы, созвучные мировому опыту: радикальная оптимизация государственного управления, включая создание эффективных и прозрачных контрольно-надзорных механизмов; построение социально ответственного государства-работодателя, способного привлекать высококвалифицированных кадров; системная борьба с коррупцией на всех уровнях; восстановление и укрепление доверия граждан и предпринимательского сообщества к институтам публичной власти. Знаковым результатом первого этапа реформы (2003-2005 гг.) стал Указ Президента РФ № 314, который ввел принципиально новую для России классификацию функций исполнительной власти, выделив четыре базовых типа:

- 1) нормативное регулирование (разработка и принятие общеобязательных правил поведения);
- 2) контроль и надзор (обеспечение соблюдения установленных норм через лицензирование, регистрацию, проверки и применение санкций);
- 3) управление государственным имуществом (реализация полномочий собственника в отношении федеральной собственности);
- 4) предоставление государственных услуг населению и бизнесу (безвозмездная или льготная деятельность в социально значимых сферах: образование, здравоохранение, соцзащита).

---

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 28.12.2024 № 540-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

Контрольно-надзорные функции заняли центральное место в этой системе, однако практика и доктрина быстро выявила их дублирование, избыточность и коррупциогенный потенциал, особенно губительный в условиях формирующейся рыночной экономики [1, с. 53]. Последовательное сокращение количества плановых проверок, введение временных мораториев, систематизация и регламентация контрольных мероприятий продемонстрировали позитивный экономический эффект, подтвердив тезис о критической важности нахождения баланса между необходимым государственным контролем и свободой экономической деятельности.

Эволюция административной реформы, особенно в сфере КНД, в период 2008-2021 гг. ознаменовалась принятием ключевых законодательных актов: Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон о защите прав юрлиц и ИП) и, что особенно значимо, Закона об обязательных требованиях и Закона о контроле. Пик преобразований в контрольно-надзорной сфере пришелся на 2021-2023 годы. Как справедливо отметил Заместитель Председателя Правительства РФ Д.Ю. Григоренко: «Отмена 140 тыс. устаревших, противоречивых и избыточных обязательных требований (около 40% от общего массива) позволила бизнесу, особенно малому и среднему, ежегодно экономить порядка 200 млрд рублей. Внедрение универсального риск-ориентированного подхода через новый закон о госконтроле кардинально унифицировало правила игры для всех видов надзора»⁶.

Риск-ориентированный подход (РОП), законодательно закрепленный в ст. 8.1 Закона о защите прав юрлиц и ИП, в последующем детализированный в Законе о контроле, стал методологическим стержнем административной реформы. Его суть заключается в дифференциации интенсивности и форм надзора в зависимости от присвоенной объекту категории риска причинения вреда. Этот подход базируется на принципах: законности и доказательной обоснованности; стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований; соразмерности вмешательства государства; максимальной прозрачности и оперативности контрольных мероприятий. Согласно последним официальным данным Правительства РФ, акцент в работе надзорных органов последовательно смещается с карательных мер на профилактику нарушений: в 2024 году было отменено 240 тысяч плановых проверок, а 560 тысяч заменены профилактическими визитами и консультациями. При этом 62% всех проведенных проверок касались социально значимых объектов (больницы, школы, детские сады), а не коммерческого сектора. Динамика сокращения общего числа контрольных мероприятий впечатляет: с 1,5 млн проверок в 2019 году показатель снизился до 297,7 тыс. в 2024 г.⁷ Такая тенденция способствует не

---

⁶ Заместитель Председателя Правительства – Руководитель Аппарата Правительства Дмитрий Григоренко: Вся контрольно-надзорную систему нужно делать более современной [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/news/42736/> (дата обращения: 14.07.2025).

⁷ Сводный доклад о государственном контроле (надзоре) за 2024 г. [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/news/42736/> (дата обращения: 14.07.2025).

только оптимизации бюджетных расходов на содержание надзорного аппарата, но и существенному снижению административной нагрузки на бизнес, реализуя декларируемый властями принцип «помогать, а не мешать».

Современный этап развития государственного управления в целом и КНД в частности неразрывно связан с процессами глубокой цифровизации, трансформирующими саму природу общественных отношений в сфере надзора, предоставления государственных и муниципальных услуг, реализации иных социально-экономических функций государства. Поскольку достижение технологического суверенитета и цифровая трансформация заявлены как национальные стратегические приоритеты, закономерно, что этим направлениям уделяется первостепенное внимание законодателя и органов власти. Глобальный тренд на всеобъемлющую информатизацию общественной жизни не мог не затронуть Россию. В этом контексте справедливо звучит предупреждение А.Б. Галимханова и Р.Г. Юсупова: «Россия не может позволить себе роль технологического аутсайдера, рискующего оказаться на обочине прогресса со всеми катастрофическими последствиями для экономики и суверенитета. Последствия технологического отставания от лидеров цифровой эры страна уже ощутила в полной мере, войдя в мировой рынок преимущественно как поставщик сырья» [2, с. 63]. Современные вызовы правового регулирования в сфере информационных технологий, особенно для усиления инновационного потенциала страны, требуют беспрецедентного внимания. Динамика развития цифровых и коммуникационных технологий в последние два десятилетия кардинально изменила подходы к их законодательному сопровождению. Если в конце 1990-х – начале 2000-х дискуссии велись о самой необходимости специализированного регулирования ИТ-сектора, то сегодня ключевой проблемой стала адаптация права к экспоненциальному технологическому прогрессу, опережающему нормотворческие процессы. Это порождает опасные правовые лакуны и коллизии, особенно ощутимые в административно-правовом регулировании взаимодействия государства, бизнеса и граждан в цифровой среде. Эффективное государственное управление цифровыми процессами и инфраструктурой выступает базисом для отраслевого регулирования. Модернизация контрольно-надзорных механизмов с использованием передовых информационных технологий играет здесь особую роль, так как от ее качества напрямую зависит не только эффективность государственного администрирования, но и ключевые макроэкономические и социальные показатели.

С 2015 года в России реализуется комплексная стратегия обеспечения цифрового суверенитета, включающая такие направления как: экспериментальные меры по обеспечению устойчивости и автономности национального интернет-сегмента (RUNET); легализацию цифровых прав и финансовых активов (включая криптовалюты и цифровой рубль); масштабную государственную поддержку разработки и внедрения отечественного программного обеспечения и оборудования; предоставление целевых налоговых льгот и преференций для российских ИТ-компаний. Цифровая трансформация контрольно-

надзорной деятельности столкнулась со значительными институциональными и техническими сложностями. Смена парадигмы произошла в 2019 году с трансформацией федеральной программы «Цифровая экономика» (утв. в 2017 г.) в одноименный национальный проект, реализуемый до 2024 года. В его структуре ключевое значение для КНД имеет федеральный проект «Цифровое государственное управление», предусматривающий: внедрение единой цифровой платформы управления государственными и муниципальными функциями и услугами (срок реализации – до 2021 г.); создание и развитие Единого реестра проверок (ЕРП) как централизованной информационной системы (до 2024 г.). Законодательные новации (прежде всего Закон о контроле) обязали все контрольно-надзорные органы интегрировать свои данные в систему ЕРП, а также формировать и поддерживать в актуальном состоянии: Реестр видов контроля; Реестр контрольных (надзорных) мероприятий; Реестр результатов проверок и выданных заключений о соответствии/несоответствии обязательным требованиям. В 2022-2023 годах была проведена значительная оптимизация цифровых инструментов КНД: автоматизировано заполнение протоколов проверок за счет интеграции с реестром обязательных требований; внедрена система массовой рассылки юридически значимых уведомлений и предписаний через портал Госуслуг; обеспечена синхронизация данных о мораториях на проверки малого бизнеса с ЕРП; введены административные санкции за несвоевременное или неполное обновление информации в реестрах. Однако цифровая трансформация контроля ни в коем случае не означает снижения стандартов безопасности или качества, но кардинально меняет саму природу надзора: вместо эпизодических, часто формальных выездных проверок внедряется система постоянного дистанционного мониторинга и анализа данных. Новый подход, основанный на обработке больших данных (Big Data) и использовании предиктивных аналитических алгоритмов, позволяет не только оперативно выявлять, но и прогнозировать и предупреждать потенциальные нарушения, делая ставку на рекомендации и превентивные меры, а не на карательные санкции [3, с. 170]. Как подчеркивается в аналитическом докладе Высшей школы экономики за 2023 год, «последовательный переход от карательно-репрессивной модели контроля к сервисно-ориентированной и профилактической увеличил индекс доверия бизнеса к надзорным органам на 17 процентных пунктов»⁸.

Перспективы развития института контрольно-надзорной деятельности для целей устойчивого социально-экономического развития. Несмотря на несомненные успехи, реформа КНД требует дальнейшего углубления и систематизации для полноценного выполнения своей роли драйвера социально-экономического развития. На основании изложенного нами предлагаются следующие направления модернизации отечественной модели КНД для целей дальнейшего совершенствования основ социально-экономического развития российского общества:

---

⁸ Аналитический доклад Высшей школы экономики за 2023 г.: «Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Вектор развития до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики : сайт. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/910981048.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

1. Гармонизация и кодификация законодательства о КНД: необходимо разработать и принять Административный кодекс РФ, который систематизирует и кодифицирует разрозненные нормы, содержащиеся в Законе о защите прав юрлиц и ИП, Законе о контроле, Законе об обязательных требования, КоАП РФ и множестве отраслевых законов и подзаконных актов. Это устраним имеющиеся противоречия, нормативное дублирование и законодательные пробелы, создаст единое правовое поле для осуществления последовательной, прозрачной и законной КНД. В действительности множество разрозненных обязательных требований и правил надзора в сотнях законов и подзаконных актов создают неопределенность, почву для коррупции и административного произвола. При таких обстоятельствах кодификация обеспечит системность, непротиворечивость и предсказуемость регулирования, что является основой для эффективной экономической деятельности и защиты прав. Это фундамент для качественного улучшения регуляторной среды.

2. Развитие предиктивной аналитики и «надзора будущего»: следует значительно усилить аналитический потенциал надзорных органов за счет внедрения систем искусственного интеллекта для анализа больших данных из открытых источников (соцсети, отзывы потребителей, данные с камер наблюдения, финансовые транзакции), систем «Интернета вещей» на объектах контроля и государственных информационных ресурсов (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ФНС, Росстат). Данное предложение преодолевает реактивность традиционного подхода к осуществлению КНД. Переход от реагирования на свершившиеся нарушения к их прогнозированию и предупреждению кардинально повышает профилактический потенциал КНД. Использование Big Data и искусственного интеллекта позволяет выявлять скрытые риски и уязвимости в социально-экономических процессах до наступления негативных последствий. Это делает регулирование опережающим и более эффективным в защите публичных интересов и позволит перейти от реагирования на нарушения к их прогнозированию и предотвращению.

3. Внедрение KPI результативности надзора: ключевыми показателями эффективности работы контрольно-надзорных органов должны стать не количество проведенных проверок или выписанных штрафов, а снижение уровня вреда (производственного травматизма, экологического ущерба, фальсифицированной продукции, финансовых потерь граждан), рост индекса доверия бизнеса и населения к надзору, сокращение времени на устранение выявленных нарушений, увеличение доли профилактических мероприятий в общей нагрузке инспектора. Финансирование органов должно быть увязано с достижением этих KPI. Таким образом, привязка бюджетного финансирования и оценки деятельности государственных контрольно-надзорных органов к реальным результатам – снижению вреда, повышению доверия, скорости устранения нарушений и т.д. – переориентирует систему на достижение общественно значимых целей, а не на бюрократическую отчетность. Это внедряет принципы управления «по результатам» (т.н. Performance-Based Regulation) в государственном управлении.

4. Создание интегрированной цифровой платформы «Умный надзор»: на базе Единого реестра проверок необходимо создать федеральную платформу, объединяющую все этапы КНД: от сбора данных и анализа рисков до планирования мероприятий, их проведения (включая инструменты для видеофиксации и онлайн-аудита), выдачи предписаний, контроля их исполнения и анализа результативности. Платформа должна быть интегрирована с ГИС ЖКХ, ЕГАИС, системами МЧС, Роспотребнадзора и т.д., обеспечивая межведомственное взаимодействие в режиме «одного окна» для государственного инспектора. Для бизнеса должен быть создан единый «Личный кабинет подконтрольного субъекта» с функцией автоматизированного контроля соблюдения требований и получения превентивных уведомлений и предостережений. Это реализует принцип цифрового государства на практике, повышая эффективность использования бюджетных средств и качество государственных услуг в сфере надзора.

5. Реформа кадровой политики контрольно-надзорных органов: требуется пересмотреть систему подготовки, переподготовки и аттестации инспекторского состава, сделав упор на навыки работы с цифровыми инструментами, аналитику данных, коммуникацию и консультирование. Необходимо ввести сертификацию инспекторов на знание риск-ориентированных методик и цифровых платформ. Повышение статуса, зарплат и социальных гарантий инспекторов должно быть увязано с их квалификацией и достижением KPI. Настоящее предложение направлено на преодоление ключевого порока «человеческого фактора» в области КНД – недостаточной квалификации, консерватизма и коррупционных рисков среди инспекторов. Сертификация, переподготовка и денежное довольствие, основанное на учете KPI, создадут новое поколение инспекторов-аналитиков и консультантов, способных работать в цифровой среде и ориентированных на результат, а не на формальное соблюдение процедур.

6. Широкое внедрение «регуляторных песочниц» для социально-экономических проектов: Для пилотных проектов в приоритетных отраслях (нацпроекты, высокие технологии, социальное предпринимательство) следует вводить особый режим КНД с акцентом на консультационную поддержку, длительные моратории на плановые проверки и возможность апробировать новые технологии/бизнес-модели без риска санкций за формальное несоответствие устаревшим нормам.

7. Усиление общественного контроля: необходимо законодательно закрепить и обеспечить ресурсами механизмы эффективного участия институтов гражданского общества (СРО, общественные палаты, НКО, объединения потребителей и т.п.) в оценке работы надзорных органов, формировании приоритетов проверок и мониторинге устранения нарушений, особенно в социальной сфере (ЖКХ, здравоохранение, образование).

Реализация этих предложений, с нашей точки зрения, позволит создать современную, эффективную, прозрачную и ориентированную на результат систему контрольно-надзорной деятельности, которая станет не барьером, а катализатором социально-экономического прогресса России, обеспечивая ба-

ланс между необходимым государственным контролем, свободой предпринимательства и защитой прав граждан.

Заключение. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности (КНД) представляет собой не узковедомственную задачу, а стратегический императив повышения конкурентоспособности и устойчивости российской государственности в XXI веке. Его критическая важность для социально-экономического развития проистекает из фундаментальных причин:

1. Оптимизация предпринимательской среды и рост инвестиций: избыточный, непредсказуемый или коррумпированный государственный контроль – главный тормоз деловой активности. Эффективная КНД, основанная на РОП, цифровых инструментах и профилактике, кардинально снижает транзакционные издержки бизнеса, особенно МСП. Это напрямую влияет на рост числа новых предприятий, объем инвестиций (включая иностранные), внедрение инноваций и, в конечном итоге, на темпы роста ВВП и налоговые поступления. Снижение административной нагрузки, как показала «регуляторная гильотина», высвобождает ресурсы бизнеса для развития, а не для бюрократического выживания.

2. Повышение качества жизни и защита социальных прав граждан: КНД – ключевой инструмент обеспечения безопасности и качества товаров, услуг и среды обитания. Эффективный надзор в ЖКХ, здравоохранении, образовании, экологии, сфере потребительского рынка напрямую влияет на продолжительность и качество жизни, снижение заболеваемости, травматизма, экологического ущерба. Переход от формальных проверок к предиктивному мониторингу реальных угроз (например, эпидемиологической безопасности, аварийному состоянию инфраструктуры) делает защиту прав граждан более действенной и адресной.

3. Формирование доверия к государству и легитимности власти: справедливый, прозрачный и понятный надзор укрепляет социальный контракт. Когда граждане и бизнес видят, что контроль направлен не на причинение неудобств подконтрольным субъектам и сбор штрафов, а на реальное решение общественных проблем (борьба с фальсификатом, опасными объектами, недобросовестными поставщиками услуг и т.д.), растет доверие к институтам власти. Это снижает социальную напряженность, повышает готовность следовать законам (правовая культура) и снижает уровень теневой экономики.

4. Повышение эффективности бюджетных расходов: современная КНД, основанная на риск-ориентированном подходе и анализе данных, позволяет концентрировать ограниченные ресурсы надзорных органов на реально опасных объектах и практиках. Это повышает отдачу от каждого рубля, вложенного в надзорную систему. Снижение количества неэффективных проверок экономит бюджетные средства. Профилактика нарушений дешевле, чем ликвидация их последствий (аварии, эпидемии, экологические катастрофы).

5. Стимулирование инноваций и технологического развития: предсказуемые и разумные «правила игры» в контроле создают условия для внедрения новых технологий и бизнес-моделей. «Регуляторные песочницы» позволяют тестировать инновации без риска немедленных санкций за несоответствие устарев-

шим нормам. Цифровизация КНД сама по себе создает спрос и на отечественные ИТ-решения в области аналитики данных, платформенных решений.

6. Обеспечение национальной безопасности и устойчивости: Эффективный контроль за соблюдением требований в критически важных отраслях является элементом экономической безопасности. Предупреждение техногенных катастроф, эпидемий, сбоев в работе инфраструктуры посредством проведения превентивного надзора повышает устойчивость государства к внешним и внутренним вызовам.

Предложенные в настоящей статье меры носят адресный характер и направлены на преодоление ключевых системных проблем текущей модели КНД и, как следствие, правового регулирования социально-экономической сферы в целом. В совокупности реализация озвученных автором предложений позволит трансформировать КНД из воспринимаемого преимущественно как «карательный аппарат» и административное бремя в современный, интеллектуальный, сервисно-ориентированный инструмент «умного регулирования». Такой инструмент будет способен гибко балансировать между необходимыми ограничениями для обеспечения безопасности и качества жизни и созданием максимально благоприятных условий для экономической инициативы, инноваций и социального прогресса. Это создаст качественно новую правовую среду для социально-экономического развития России, основанную на предсказуемости, технологичности, ориентации на результат и доверии между государством, бизнесом и обществом. Реформа КНД, таким образом, выступает не самоцелью, а необходимым условием и мощным катализатором достижения стратегических национальных целей развития Российской Федерации, сформулированных в Указе Президента РФ № 309 от 07 мая 2024 г.⁹. Без глубокой модернизации этого института устойчивый социально-экономический прогресс страны в условиях современных глобальных вызовов нам представляется крайне затруднительным.

Список использованной литературы:

1. Глазунова И.В. Анализ опыта административной реформы 2003-2010 гг. как инструмент поиска форм и методов административно-правового регулирования / И.В. Глазунова // Право и практика. – 2022. – № 1. – С. 52–58.

2. Абасов И.Р., Галимханов А.Б., Юсупов Р.Г. О контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти Российской Федерации в сфере образования в условиях развития цифровых технологий / И.Р. Абасов, А.Б. Галимханов, Р.Г. Юсупов // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (74). – С. 62–70.

---

⁹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).

3. Петракова А.С., Левченко Е.А., Маслова А.В. Правовые основы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации с учетом актуальных тенденций совершенствования системы государственного управления / А.С. Петракова, Е.А. Левченко, А.В. Маслова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 1-4 (100). – С. 167–174.

References

1. Glazunova I.V. Analysis of the Experience of Administrative Reform of 2003–2010 as a Tool for Searching for Forms and Methods of Administrative Legal Regulation. *Law and Practice*, 2022, no. 1, pp. 52–58. (In Russian).

2. Abasov I.R., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G. On the Monitoring and Supervision of the State Authorities of the Russian Federation in the Field of Education in the Context of the Digital Technologies Development. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4 (74), pp. 62–70. (In Russian).

3. Petrakova A.S., Levchenko E.A., Maslova A.V. Legal Basis for Control and Supervisory Activities in the Russian Federation, Taking into Account Current Trends in Improving the Public Administration System. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2025, no. 1–4 (100), pp.167–174. (In Russian).

Информация об авторе

Назимова Зарина Фаварисовна – Руководитель юридического отдела в Обществе с ограниченной ответственностью Международная франчайзинговая образовательная управляющая компания «Самолет Плюс»

Information about the Author

Nagimova Zarina Favarisovna – Head of the Legal Department at the Limited Liability Company International Franchise Educational Management Company “Samolet Plus”

Статья поступила в редакцию 9.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 10.06.2026 г.; принята к публикации 11.06.2026 г.

The article was submitted 9.02.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 11.06.2026.

Научная статья

УДК 340.132

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.2

Седнев Владислав Владимирович

Донецкий государственный университет, Донецк, ДНР, Россия,

wsednev63@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0612-468X>

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» расширяет объём нормативно-закреплённых регуляторов правопослушного поведения за счёт введения морально-этических норм. Это, отражая эволюцию отношений морали и права, изменяет конфигурацию правового пространства России и правового поля. Цель исследования: рассмотрение формальных и существенных содержательных сторон данного нормативного правового акта применительно к регуляции поведения индивида, групп индивидов и общества в целом. Методы исследования: для установления соотношений и значения Указа Президента РФ о традиционных духовно-нравственных ценностях использован комплекс методов как общенаучных: анализ и синтез, сравнение и обобщение, индукция и дедукция, абстрагирование, исторический, системный, структурно-системный подходы и методы формальной и диалектической логики, так и частнонаучных: сравнительно-правовой, догматического и социального анализа. В статье рассмотрены: положение указов Президента РФ в системе нормативных правовых актов, категории правового пространства и правового поля в их соотношении, соотношение морали и права применительно к нормативному закреплению морально-нравственных стандартов поведения.

Ключевые слова: традиционные морально-нравственные ценности, иерархия высших нормативных правовых актов, правовое пространство, правовое поле, нормативность, мораль, право.

Для цитирования: Седнев В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в правовом пространстве России / В.В. Седнев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 25–44.

Original article

Sednev Vladislav Vladimirovich

Donetsk State University, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia,
wsednev63@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0612-468X>

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE LEGAL FRAMEWORK OF RUSSIA

Abstract. The Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, No. 809 “On Approval of the State Policy Fundamentals for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” expands the scope of normatively enshrined regulators of law-abiding behavior by introducing moral and ethical standards. This reflecting the evolution of the relationship between morality and law, changes the configuration of the legal framework and the legal field in Russia. Purpose: to consider the formal and substantive aspects of this normative legal act, as applied to the regulation of the behavior of an individual, groups of individuals, and society as a whole. Research methods: to establish the relationships and significance of the Decree of the President of the Russian Federation on traditional spiritual and moral values, a set of methods was used: general scientific methods: analysis and synthesis, comparison and generalization, induction and deduction, abstraction, historical, systemic, structural-systemic approaches and methods of formal and dialectical logic. As well as specific scientific approaches were used: comparative legal, dogmatic and social analysis. The article examines the position of Presidential Decrees within the system of regulatory legal acts, the categories of legal space and legal field in their relationship and the relationship between morality and law as applied to the normative consolidation of moral and ethical standards of behavior.

Keywords: traditional moral and ethical values, hierarchy of higher normative legal acts, legal framework, legal field, normativity, morality, law.

For citation: Sednev V. V. Traditional Spiritual and Moral Values in the Legal Framework of Russia. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 25–44. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.2.

Введение. Актуальность темы исследования традиционных духовно-нравственных ценностей обусловлена рядом факторов (перечень не является исчерпывающим): фиксацией их в нормативном правовом акте высокого уровня; вхождением морально-нравственных установлений в контекст права, что требует оценки соотношения права и морали как регуляторов поведения субъекта; рассмотрением традиционных духовно-нравственных ценностей (далее – ТДНЦ) с позиций правового регулирования; рассмотрением ТДНЦ как философского, социального, культурного феномена применительно к нормативной их фиксации и др.

Задача данной работы – рассмотрение значимых аспектов нормативного правового документа, которым указанные ценности были введены в правовое пространство Российской Федерации, их анализ во взаимоотношениях между собой, а также существенными, релевантными сторонами социальной и правовой реальности.

Указы Президента Российской Федерации в системе нормативных правовых актов. В системе нормативных актов Президента Российской Федерации ключевое место занимают его указы – они формируют базовую категорию таких документов, а все президентские акты в целом характеризуются единым уровнем правовой силы [1, с. 606–608].

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в системе российского законодательства классифицируется как подзаконный нормативный правовой акт. Его место в правовой иерархии – после Конституции РФ, международных договоров, федеральных конституционных законов и федеральных законов, и он обладает более высоким правовым статусом по сравнению с постановлениями Правительства РФ и нормативными документами федеральных органов исполнительной власти¹. Отмечается логическая временная последовательность между установлением в России института президентства и, соответственно, появлением такой формы нормативных правовых актов как указы Президента [2, с. 31].

Как уже упоминалось, в иерархии нормативных правовых актов (далее – НПА) указы Президента России имеют специфический статус – они занимают обособленную позицию. Основой для существования такой иерархической структуры служат взаимосвязи между нормами, которые содержатся в разных нормативных актах [3, с. 71], а также иерархией государственных органов [4, с. 68–69].

Тем не менее, такое их положение вызывает определённые дискуссии [5, с. 28–29, 30, 33–34], при этом основные истоки различия мнений состоят в иерархическом соотношении указов Президента с другими НПА. Так, например, В.А. Толстик размещает их в соответствии с разработанной им концепцией иерархической структуры законодательства [6, с. 41] в таксоне подзаконных нормативных актов на первом уровне. К числу сопоставимых по статусу нормативных документов относятся постановления Государственной думы РФ нормативного характера, правовые акты Центрального банка, а также инструкции

---

¹ Конституция Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/> (дата обращения: 06.02.2026); Указ Президента РФ от 23.05.1996 №763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9400/> (дата обращения: 06.02.2026); Федеральный закон от 14.06.1994 №5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6332/> (дата обращения: 06.02.2026).

ЦИК. При этом подчёркивается: данные акты не вступают в иерархические противоречия – потенциальные конфликты могут касаться исключительно вопросов распределения компетенции [6, с. 161]. Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» так определяет положение нормативных правовых актов Президента РФ в системе законодательства: они следуют после Конституции РФ, законов о поправках к ней, федеральных конституционных и федеральных законов, а также нормативных актов палат Федерального Собрания РФ (Совета Федерации и Госдумы) – при этом предшествуя нормативным правовым актам, издаваемым Правительством РФ. Л.Т. Жанкузова в работе 2022 года рассматривала сходные обстоятельства в контексте иерархии нормативных правовых актов Казахстана, отмечая, что в системе разделения властей Президент Казахстана и Парламент (включая его Палаты) действуют как самостоятельные органы, не подчинённые друг другу, и на этом фоне положение Закона Республики Казахстан «О правовых актах» о приоритете нормативных постановлений Парламента над нормативными правовыми актами Президента противоречит Конституции Казахстана [7, с. 32].

Анализ имеющихся источников позволяет сделать вывод: нормативные акты Президента Российской Федерации формируют отдельную иерархическую позицию в системе нормативно-правовых актов. Их статус находится выше правительственных нормативных документов, но ниже федеральных законов [8, с. 4], при этом констатируется, что указы Президента могут служить восполнению законодательных пробелов при условии отсутствия противоречия с Конституцией РФ и федеральными законами [9, с. 54–58]. Также указывается, что с точки зрения юридической силы, уровня и нормативности в иерархии правовых актов Российской Федерации нормативные указы Президента занимают третью ступень – непосредственно после Конституции и принятых законов [9, с. 82]. Согласно мнению большинства отечественных правоведов, указы Президента Российской Федерации входят в группу (катеорию) подзаконных нормативных правовых актов [10, с. 40].

Можно предположить, что отчасти расхождения во взглядах относительно положения указов Президента в иерархии нормативных правовых актов отражают становление правового государства в России и его стабилизацию. Указы Президента представляют собой основной вид его нормативного правотворчества, опирающегося на Конституцию Российской Федерации как на основополагающий правовой акт [2, с. 31], занимая высшее место в иерархии подзаконных НПА. Таким образом, указы Президента Российской Федерации представляют собой высший подзаконный нормативный правовой акт российского государства.

Правовое пространство и правовое поле. Юридическая сила и правовые последствия указов Президента характеризуются обязывающим, императивным и властным характером, т.к. ими осуществляется детализация, уточнение и раскрытие содержания определённых положений посредством углублённого правового регулирования отдельных тематических блоков [11, с. 269]. Здесь, как в любой публичной власти, основой является обязанность субъектов под-

чиняться воле законодателя, т.е. демонстрировать правопослушное поведение в рамках правового пространства государства. Нормативность указов Президента РФ (здесь и далее «нормативность» понимается как регулирование типических и стабильных, повторяемых и универсальных форм поведения с неперсонифицируемостью адресата нормы, неопределённостью случаев, предусмотренных нормой) не вызывает дискуссий.

Соответственно, указы Президента РФ могут рассматриваться как неотъемлемая составляющая и правового пространства, и правового поля. Взаимоотношение между этими двумя понятиями неоднозначны. Понятие «правовое пространство» имеет, как представляется, более объёмное понимание – форма общественного пространства, в рамках которого правовые нормы служат инструментом установления социальной стабильности, обеспечения правопорядка и реализации принципов законности [12, с. 58]. Правовое пространство рассматривается как неотъемлемая часть общественных процессов, ограниченная, с одной стороны, отношениями, не подконтрольными для регулирования государством и/или обществом, а с другой – теми отношениями, в регулировании которых у государства нет надобности [13, с. 125–126, 263–264]. Также понятие «правовое пространство» получило нормативное закрепление – оно фигурирует в ряде действующих нормативных актов, например, в Указе Президента РФ от 10.08.2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации», в Приказе Минюста РФ от 10.06.2000 г. № 176 «О первоочередных мерах по активизации работы Министерства юстиции Российской Федерации по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации», при этом ни в первом, ни во втором из указанных НПА определения рассматриваемому понятию нет.

Обобщая мнения авторов, «правовое пространство» для целей настоящего исследования понимается как автономная и универсальная правовая категория, отражающая состояние взаимосвязи, согласования и соподчинённости правовых норм, актуально действующих на территории государства (ряда государств).

Понятие «правовое поле» представлено меньшим числом самостоятельных публикаций и большим разночтением его смысла. Для целей настоящей работы значим ряд работ, опубликованных в Вестнике Совета Федерации за 2006 г. № 4-5, в которых констатируется этот термин как социальное пространство реализации и обеспечения соблюдения прав и свобод личности и граждан, однако отчётливого определения понятию не представлено. А.Ю. Гаврилова, разграничивая ряд сходных понятий, указывает, что представление о правовом поле формируется в сознании человека посредством совокупности его потенциальных (проективных) и фактически совершаемых юридических действий [14, с. 18], наполняется его индивидуальным смыслом [14, с. 19] и создаёт сферу правовых как возможностей, так и ограничений, «социальной свободы и активности» [14, с. 20].

Далее, для целей настоящего исследования под понятием «правовое поле» понимается особая, уникальная сфера, в которой осуществляются и охраняются права и свободы индивидуумов, а также накладывается ответственность за их использование.

Необходимо указать на соотношение рассмотренных понятий между собой: правовое пространство как более ёмкое представляется видовым, а «правовое поле» – родовым. Это обусловлено тем, что именно правовое пространство создает определённую территориальную и социальную сферу правовых отношений, обеспечивающую существование и практическое воплощение прав и свобод личности и граждан в общественной жизни, что приводит к гипотезе о том, что правовое пространство применительно к конкретным территориальным, временным, социальным и правовым условиям – одно, едино и относительно стабильно, а правовое поле более динамично, многообразно и многозначно.

Государственная политика и её основы. Следующим существенным элементом рассматриваемого Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является понятие «основы государственной политики» – именно этот концепт выходит на первый план. Само понятие «политика» включает принятие решений, систему управления, регулирование отношений, обеспечение порядка и распределение ресурсов, обратную связь и т.п.

Если говорить о «государственной политике», то это в большей мере стратегическое, нежели тактическое, явление, что обусловлено уровнем принятия решений, масштабом управления и регулирования общественных отношений, степенью ответственности за полученные результаты во многих сферах жизнедеятельности, включая сферу государственных интересов, в ходе осуществления государственной власти [15, с. 51–52], в котором плотно переплетаются экономические, социальные, идеологические, правовые и иные сферы. Применительно к рассматриваемой проблеме существенным является понятие государственной политики, заданное С.В. Сытиным как ключевой формы деятельности государства, направленной на укрепление его роли как социального института, которая реализуется посредством создания общественных благ и упорядочения социальной структуры через формирование экономических, культурно-политических и иных связей между членами общества, а также через выстраивание конструктивного взаимодействия с социумом и консолидацию его за счёт экономических, культурно-политических и иных связующих механизмов, развитие партнёрского взаимодействия между государством и обществом [16, с. 86–87].

Конституция РФ (ч. 3 ст. 80) и федеральные законы наделяют Президента Российской Федерации полномочиями по определению обеих основополагающих направлений (внешнего и внутреннего) политики государства. К основам государственной политики принято относить её принципы, цели и задачи, механизмы реализации и иные основополагающие элементы, определяющие деятельность государства в регулировании и реализации решений в сфере социальной, экономической и управленческой деятельности, а также с точки зрения нормативно-правового сопровождения государственной политики [17, с. 3, 21, 30, 46]. И.Д. Фиалковская акцентирует внимание на том, что эффективность государственного управления напрямую зависит от используемых методов и реализу-

емых функций в процессе воплощения государственной политики; в качестве общего ориентира автор отмечает создание условий для того, чтобы участники отношений добровольно и осознанно выбирали корректное поведение в соответствии со своими внутренними установками и ценностными ориентирами, а не под внешним давлением [17, с. 158].

Л.А. Морозова указывает, что материально-информационным воплощением государственной политики являются государственные акты, издаваемые от имени государства: нормативные правовые акты, декларации, официальные обращения и призывы, а также иные акты официального статуса, утверждаемые и публикуемые от имени государства [18, с. 266.]. На этом же акцентируют внимание Н.И. Красняков и Н.В. Шишкина, А.В. Малько. Это представляется обоснованным и логичным, т.к. именно в государственных актах закреплено управленческое решение высшего уровня власти.

Для исследуемой темы также существенно мнение В.И. Якунина с соавторами о том, что в основе государственной политики должны лежать не абстрактно универсальные ценности, а те, что отражают цивилизационную самобытность и исторически сложившуюся идентичность общества [19, с. 69], и далее о том, что политический курс задаёт целевые, цивилизационные и ценностные основы, а государственная политика служит механизмом их практической реализации на уровне управленческих решений и действий государства [19, с. 84].

Рассматриваемый Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 содержит исчерпывающее изложение принципов и направлений государственной политики – они представлены в документе в полном объёме: согласно ст. 1 данный нормативный правовой акт (НПА) отнесён к сфере национальной безопасности как части системы государственной политики. Такое нормативное закрепление напрямую влияет на структуру и содержание документа: в нём чётко прописываются принципы действия, целеполагание, перечень задач, способы их достижения, а также другие ключевые элементы, формирующие основу правового регулирования в данной области. Для целей данной работы под национальной безопасностью понимается состояние, при котором национальные интересы России защищены от внешних и внутренних угроз. Это предполагает реализацию конституционных прав и свобод граждан; обеспечение достойного качества и уровня жизни населения; поддержание гражданского мира и согласия в стране; охрану суверенитета, независимости и государственной целостности РФ; создание условий для социально-экономического развития страны.

Раздел III Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 содержит конкретизацию целей и задач, стоящих перед государственной политикой относительно ТДНЦ, раздел IV описывает правовые, организационные, научно-аналитические, мониторинговые, финансовые инструменты реализации и оценки эффективности. Раздел V логично завершает Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 перечнем ожидаемых результатов, развивая эту тему, представленную в ст. ст. 20, 21, 22 Раздела II.

Соответственно, такой высший подзаконный официальный документ нормативно-правового характера как Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» прочитывается как форма реализации государственной воли, реализуемая через систему институтов, обеспечивающих цикл политических решений – от их формирования и утверждения до практического исполнения (в т. ч. в сферах правотворчества, правоприменения и охраны правопорядка). Это направлено на институционализацию в правовом пространстве конкретных морально-нравственных регуляторов поведения граждан.

Имплементация ТДНЦ в правовое пространство России активно реализуется на общегосударственном уровне. Рассматривая федеральное законодательство и указы Президента, следует отметить, что приведённый перечень не является исчерпывающим и постоянно расширяется:

а) Федеральное законодательство:

- в ФЗ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»² внесены изменения (дополнен п. 2.3. ст. 12) относительно организации отдыха и оздоровления детей, указывающие на необходимость создания условий для социализации их на основе ТДНЦ;

- в ФЗ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»³ увеличены требования к иностранным гражданам, пребывающим, либо проживающим в России, об уважении ТДНЦ;

- в ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ внесены изменения в ст. 2 – понятие основ воспитания расширено за счёт ТДНЦ;

- ФЗ от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации»⁵. В рамках концепции «воспитания» ТДНЦ занял позицию ключевого элемента – это нашло отражение в официальном утверждении всесторонней государственной поддержки структур, нацеленных на продвижение и распространение идей и практик ТДНЦ;

---

² Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12706> / (дата обращения: 17.03.2026).

³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669> (дата обращения: 19.03.2026).

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 18.03.2026).

⁵ Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912> (дата обращения: 21.03.2026).

- ФЗ от 28 декабря 2024 г. № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»⁶ скорректировал формулировку понятия молодежной политики – с особым упором на вопросы духовно-нравственного воспитания молодежи, дав ему в п. 4.2. развернутое определение;

- ФЗ от 31 июля 2025 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 ФЗ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5.1 ФЗ от 22 августа 1996 года № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»⁷ ввел обязательное требование преграждать продвижение произведений, дискредитирующих ТДНЦ, дополненное введением официального запрета на тиражирование, демонстрацию и распространение аудиовизуальных произведений, включающих элементы, умаляющие значимость традиционных российских духовно-нравственных ценностей или прямо призывающие к их отрицанию, с использованием административного инструментария: отказа в предоставлении прокатного удостоверения на стадии рассмотрения заявки или отмены ранее утвержденного разрешения на демонстрацию произведения, включая случаи, когда кинопродукция наносит ущерб репутации ТДНЦ; такие решения были впоследствии оформлены и закреплены нормативными актами

– приказами Министерства культуры Российской Федерации от 29 декабря 2025 г. № 2503 «Об утверждении Порядка и случаев выдачи заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание, либо отказа в выдаче таких заключений»⁸ и от 9 февраля 2026 г. № 226 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства культуры Российской Федерации с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в рамках выдачи заключений о наличии в фильмах, на

---

⁶ Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51552> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Федеральный закон от 31.07.2025 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10–5 и 10–6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5–1 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52262> (дата обращения: 19.03.2026).

⁸ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 29.12.2025 № 2503 «Об утверждении Порядка и случаев выдачи заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание, либо отказа в выдаче таких заключений» (Зарегистрирован 09.02.2026 № 85277) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602090007> (дата обращения: 19.03.2026).

которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание»⁹;

б) Нормативные правовые акты Президента РФ:

- от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹⁰, в котором констатируется тенденция ослабления влияния ТДНЦ (подп. е п. 14), а их сохранение и поддержка указываются в качестве одной из целей (подп. г п. 17);

- от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»¹¹, в котором ТДНЦ актуализируются как составляющая установления приоритета культуры (Введение), необходимость их сбережения и укрепления (п. 2), а их нивелирование – как одна из наибольших опасностей для будущего России (п. 3). Также ТДНЦ интегрированы в несколько ключевых концептуальных блоков, что отражает многогранность их роли: как элемент понятия «культурный суверенитет» (Раздел III), как часть целей по формированию «гармонично развитой личности» (Раздел IV), как составляющая принципов государственной культурной политики (Раздел V) и её задач (Раздел VI). При этом сохранение ТДНЦ обозначено в качестве целевого результата, предусмотренного в Разделе VIII;

- от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹², где в п. 12 (см. также подп. к ст. 23) констатируется негативное информационное воздействие на население РФ с целью дискредитации ТДНЦ;

- от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»¹³, где приоритетность ТДНЦ

---

⁹ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 09.02.2026 № 226 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства культуры Российской Федерации с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в рамках выдачи заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание» (Зарегистрирован 16.02.2026 № 85349) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602170001> (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 17.03.2026).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 17.03.2026).

¹² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 18.03.2026).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 18.03.2026).

официально утверждена в качестве ключевого принципа государственной политики в области информации, что прямо зафиксировано в рассматриваемом акте (подп. г п. 3);

- от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁴, где ТДНЦ указаны в качестве составляющих антинаркотической идеологии (подп. в п. 4) и элементов формирования «осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков» (подп. ж п. 11);

- от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹⁵. В составе документа предусмотрен отдельный раздел, который регламентирует меры по сохранению и защите ТДНЦ, поддержанию культурного наследия и сбережению исторической памяти как взаимосвязанных компонентов национальной идентичности (п. п. 84-93);

- от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»¹⁶, где представлена констатация необходимости выработки «объективного восприятия Российской Федерации за рубежом, продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (п. п. 17-21);

- от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы»¹⁷. Данный документ чётко определяет как одну из центральных задач Минюста России реализацию мер по сохранению и укреплению ТДНЦ, выделяя эту деятельность в числе первоочередных обязательств ведомства (подп. 4 п. 6);

- от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»¹⁸, где внедрение идеологических установок, противоречащих ТДНЦ, указано как одна из внешних угроз (п. 8), а их укрепление как один из национальных интересов в сфере внешней государственной политики (подп. 8 п. 15) и приоритетных направлений этой политики (подп. 9 п. 19; подп. 2 п. 48);

---

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46116> (дата обращения: 18.03.2026).

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 21.03.2026).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 21.03.2026).

- от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»¹⁹, в качестве целей деятельности данного фонда указывает сохранение и укрепление ТДНЦ (подп. а п. 5);

- от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»²⁰. Рассматриваемый НПА в своей преамбуле определяет ТДНЦ как одну из краеугольных составляющих устойчивого развития страны, после чего прямо фиксируется положение о том, что ТДНЦ выступают в качестве фундамента «воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности» (подп. а п. 3), указывает на необходимость обеспечения продвижения и защиты ТДНЦ проектами культуры, искусства и народного творчества, финансируемых государственным институтами до 70% к 2030 г. и 80% к 2036 г. (подп. ж п. 3);

- от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»²¹, в котором сформулированы целевые ориентиры реализуемого направления государственной политики, а именно указано воспитание на основе ТДНЦ (подп. 3 п. 27), а в качестве направлений реализации – их сохранение и поддержка (подп. 5 п. 28), а также как конкретизированные задачи (подп. 5 п. 32);

- от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»²², где в п. 3 ТДНЦ указаны в качестве элемента нормативно-правовой базы, одной из основ как самосознания российского общества (п. 5), так и целей государственной политики в области исторического просвещения (п. 8), принципов (п. 9) и результатов (п. 21);

- от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий»²³, где ТДНЦ зафиксированы в пункте 17 раздела «Критические технологии» – в рамках Перечня наукоёмких направлений, для которых предусмотрено

---

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49138> (дата обращения: 21.03.2026).

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 22.03.2026).

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49230> (дата обращения: 22.03.2026).

²² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 22.03.2026).

²³ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 23.03.2026).

приоритетное развитие и выделение дополнительных финансовых ресурсов «Современный инструментарий исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества»;

- от 19 августа 2024 № 702²⁴, согласно которому иностранцы, иностранные граждане, намеревающиеся обосноваться в Российской Федерации из-за неприятия политического курса, продвигающего деструктивные неолиберальные идеологические установки, вступающие в противоречие с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, вправе получить разрешение на временное проживание вне установленной квоты и без прохождения обязательных испытаний на знание русского языка, истории России и основ российского законодательства;

- от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»²⁵, где в подп. 6 п. 35 ТДНЦ указаны как один из инструментов противодействия деструктивным идеологиям, а содействие их сохранению и укреплению как одно из направлений противодействия этим идеология (подп. 3, подп. 7 п. 36);

- от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации»²⁶, где ТДНЦ указаны в качестве одной из нормативных баз для основ указанного направления государственной политики (п. 3), констатируется неразрывное единство русского языка и ТДНЦ (п. 10);

- от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы»²⁷, в которой ТДНЦ указаны одним из значимых факторов переселения иностранных граждан в РФ (п. 8), как одна из целей по совершенствованию привлекательности добровольного переселения в Россию (подп. а п. 27; подп. г п. 28), как элемент ожидаемых результатов миграционной политики (подп. ж п. 41);

- от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»²⁸, где зафиксировано положение о том, что Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению

---

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (дата обращения: 23.03.2026).

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 23.03.2026).

²⁶ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143> (дата обращения: 24.03.2026).

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 24.03.2026).

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 24.03.2026).

нию традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является одной из правовых основ данной Стратегии (п. 3, 22), а снижение значимости ТДНЦ, как угроза национальной безопасности (подп. ж п. 31), а их укрепление как инструмент обеспечения и защиты национальной безопасности (подп. а п. 37) и далее детализируются на основе ТДНЦ задачи по упрочению гражданской идентичности (п. 38), обеспечению межнационального, межэтнического и межрелигиозного согласия (п. 40), информационному обеспечению государственной политики (п. 43, 44);

- от 2 декабря 2025 г. № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации»²⁹, где в п. 9 установлена обязанность потенциального переселенца в Россию предоставить подтверждение приверженности ТДНЦ;

- от 4 февраля 2026 г. № 55 «О Совете при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями»³⁰ в числе своих ключевых целей закрепляет защиту и последовательное укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в обществе.

По результатам изучения соответствующих нормативных правовых актов сформулировано следующее заключение, действительное исключительно в пределах проанализированного массива НПА: до вступления в силу Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 федеральные законы не предусматривали актуализированных правовых норм: действующее законодательство не отражало современных требований к регулированию этой сферы, а соответствующие изменения, при необходимости, там, где так или иначе регулируемые отношения касались темы ТДНЦ, были внесены после принятия данного Указа Президента. После принятия Указа о ТДНЦ они стали неотъемлемой составляющей тех ФЗ, в которых это было необходимо в связи с теми либо иными направлениями государственной политики.

В указах Президента до 09.11.2022 г. ТДНЦ упоминались как значимый элемент внешних и внутренних социальных отношений, претерпевающий определённые негативные влияния, но без детализации их содержания. После принятия Указа Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 отмечается устойчивая динамика роста количества нормативных актов в т.ч. и в форме указов, которые в разной степени задают роль традиционных духовно-нравственных ценностей в государственной политике – как во внутреннем управлении, так и во внешнеполитических решениях. На основании этого мож-

---

²⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2025 № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52654> (дата обращения: 26.03.2026).

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2026 № 55 «О Совете при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52938> (дата обращения: 26.03.2026).

но прийти к выводу о необходимости принятия этого Указа ввиду накопления понимания значимости ТДНЦ, что привело к работе по конкретизации их содержания в целях однообразного их понимания (как элемент нормативности) и отражает закономерность изменения правового пространства влиянием государственной политики.

Соотношение морали и права. Следующим значимым аспектом рассмотрения Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 выступает проблема взаимосвязи морали (нравственности) и права в контексте формирования законопослушного поведения и механизмов его регулирования, причём акцент делается преимущественно на содержательной стороне вопроса. Значительная часть учёных-правоведов указывает на непростую природу взаимоотношений между сферами морали и права и, как отмечает в этой связи В.В. Лапаева, соотношение правовых норм и моральных принципов традиционно рассматривается как одна из фундаментальных проблем в рамках философско-правовых исследований и теоретической юриспруденции [20, с. 242]. Рассматривая нормативность как универсальный фактор человеческого общежития и деятельности Л.О. Мурашко указывает на первичность морально-нравственных ценностей относительно правовой регуляции [13, с. 301].

Изданное в 2019 г. под редакцией доктора юрид. наук, проф. А.А. Клишаса, председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, пособие по теории государства и права указывает на сложность взаимосоотношения морали, нравственности и права в силу:

- 1) тесной взаимосвязи их с понятиями государства и права [21, с. 37];
- 2) необходимости соответствия нормативных правовых актов морально-нравственным нормам [21, с. 174];
- 3) зависимости законности государственной власти и её решений от соответствия императивам морально-нравственным исторически сложившимся непреходящим ценностям и общественным представлениям о том, что является добром и злом, а также о принципах справедливости [21, с. 173, см. также с. 290];
- 4) обусловленности правовых норм социальными факторами, включая мораль [21, с. 277];
- 5) ключевой роли моральных императивов в системе ценностных ориентиров, опирающихся на категории добра и зла, чести и достоинства и задающих нормы взаимодействия людей друг с другом, с социумом, государственными институтами и окружающей действительностью [21, с. 231] и подытоживает тему взаимовлияния морали и права, отражающего их тесную связь, указывая [21, с. 233], что между правом и моралью существует двусторонняя связь, которая, с одной стороны, в содержании законодательства частично отражает господствующие в обществе моральные ценности, а нравственные ориентиры формируют мотивацию законопослушного поведения. С другой же стороны, процесс правоприменения не может игнорировать морально-нравственную сторону общественных отношений. Право способно влиять на трансформацию

моральных установок, в то время как мораль предъявляет к праву определённые требования и служит критерием его оценки с точки зрения ценностных ориентиров общества.

Таким образом, констатируя сложность и неоднозначность взаимосоотношений морали и права, а также определённую дискуссионность их генезиса и системы их общего и различий, следует всё же признать, что большинство исследователей согласны в первичности происхождения морали, в общности их такой характеристики с правом как нормативность. Следует отметить, что обоснование нормативности морали, представленное в литературе, также дискуссионно, представляется, что нормативность морали более реализована в правовом поле, в то время как нормативность права – в правовом пространстве, что требует отдельного рассмотрения.

В соответствии с изложенным, Указ Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 служит правовой формой фиксации ряда морально-этических требований, получивших наименование «традиционные российские духовно-нравственные ценности». При этом каждый элемент этой формулы несёт свою смысловую нагрузку: «традиционный» указывает на исторически сложившиеся истоки их происхождения, «российские» акцентирует внимание на многонациональном характере государства и отказе от мононационального подхода, а «духовно-нравственные ценности» раскрывает их этическое содержание.

Заключение. 1) Не взирая на существование отдельных альтернативных мнений, указы Президента Российской Федерации занимают наивысшее положение среди подзаконных нормативных правовых актов. Это также означает, что изменения в данные НПА могут быть реализованы на основе следующих правовых механизмов: через внесение поправок в Конституцию, обновление федеральных конституционных законов и федеральных законов либо путём издания соответствующего нормативного акта в форме указа Президента России.

2) Акты Президента РФ, изданные в форме указов, являются неотъемлемой составляющей правового пространства государства (проект правовой дефиниции понятия «правовое пространство» – самостоятельная, обособленная, многоцелевая и независимая правовая категория универсального характера, которая выражает степень согласованности, взаимосвязи и субординации действующих в государстве правовых норм) и правового поля (проект правовой дефиниции понятия «правовое поле» – отдельная область правового пространства и исключительная сфера юридической практики, где гарантия, реализация и охрана неотъемлемых прав и свобод индивида обеспечивается на практике субъектами правоотношений, при этом законодательство закрепляет их ответственность за надлежащее использование данных прав и свобод).

Правовое пространство создаёт всеобъемлющую, неразрывную и стабильную структуру правовых отношений, охватывающую цивилизационные, территориальные, временные и социальные аспекты. Именно в её пределах обеспечивается реализация и защита прав и свобод личности. А правовое поле обладает существенно более высокой степенью динамичности, изменчивости,

многообразием, множественностью и полисемией форм и смыслов. При этом, правовое пространство изменяется, прежде всего, соответственно запросам, потребностям и интересам официального государственного курса.

3) Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» воплощает собой государственное волеизъявление о деятельности институтов, занимающихся формированием, утверждением и исполнением политических решений в области законотворческой деятельности, реализации правовых норм и поддержания правопорядка – с ориентацией на закрепление в правовой системе определённых морально-нравственных ориентиров поведения. Эти ориентиры выступают в качестве этических ценностей, формирующих цивилизационную идентичность, и призваны обеспечить защищённость от потенциальных угроз благополучию и единству как государства в целом, так и граждан России. Такие нормы воплощают в себе этические ценности, определяющие цивилизационную принадлежность общества.

4) Рассматриваемые на основе такой фундаментальной характеристики регулирования поведения субъектов как нормативность, мораль и право оказываются существенно связанными между собой, при этом мораль выступает как более ранняя, объёмная и динамичная социальная структура.

5) Сообразно – Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», отражая эволюцию взаимосоотношений морали и права, в ходе которых именно право расширяло и наращивало нормы, за счёт интроекции в т.ч. и морально-нравственных норм, представляет собой высший подзаконный нормативный правовой акт, направленный на регулирование государственной политики относительно поддержания и развития морально-нравственных регуляторов социального поведения граждан в рамках концепции национальной безопасности России путём формально-правовой фиксации этих регуляторов в правовом пространстве для реализации в конкретном правовом пространстве.

Список источников

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
2. Верстов В.В. Указы в правовой системе России: история и современность / В.В. Верстов // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 3. – С. 11–34.
3. Бырдин Е.Н., Кузнецова М.А. К вопросу об основных принципах построения иерархической системы норм российского права / Е.Н. Бырдин, М.А. Кузнецова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 3. Право. – С. 71–77.

4. Зубарев С.М. О соотношении акта управления и закона в новых реалиях / С.М. Зубарев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 45. – С. 66–87.
5. Грачев Н.И. Особенности правовых актов Президента РФ и конституционно-правовая формула президентской власти в России // Вестник Саратовской государственной военной академии. - 2021. - №2(139). - С. 22-38.
6. Толстик В.А. Иерархия источников российского права / В.А. Толстик. – Н. Новгород: Интелсервис, 2002. – 216 с.
7. Жанузакова Л.Т. Об иерархии нормативных правовых актов / Л.Т. Жанузакова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 2 (69). – С. 32–39.
8. Правила оформления библиографических списков и библиографических ссылок / Составители: И.Г. Воронцова, И.И. Косик, Т.В. Бородина, Е.И. Суворова, Т.А. Дроздова, О.Д. Тарасенко. – Новосибирск, 2019. – 34 с.
9. Тихомиров Ю.А. Конституция, закон, подзаконный акт / Ю.А. Тихомиров. – М.: Юрид. лит., 1994. – 136 с.
10. Хидзев А.Т. Роль и место указов Президента в системе законодательства РФ: правовые аспекты / А.Т. Хидзев // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – №7. – С. 40–42.
11. Пестерев М.С. Современная иерархия системы источников конституционного права Российской Федерации / М.С. Пестерев // Известия Сочинского государственного университета. – 2012. – № 1(19). – С. 268–269.
12. Ганцева Л.М. Правовое пространство: социально-философский анализ: на примере Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л.М. Ганцева. – Уфа, 2001. – 191 с.
13. Мурашко Л.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Л.О. Мурашко. – М., 2015. – 378 с.
14. Гаврилова А.Ю. Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь»: проблемы соотношения / А.Ю. Гаврилова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 16–20.
15. Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды / В.М. Родачин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 11(6). – С. 46–53.
16. Сытин С.В. Основные подходы к механизмам выработки государственной политики / С.В. Сытин // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 6. – С. 85–98.
17. Фиалковская И.Д. Методы государственного управления: вопросы теории: монография / И.Д. Фиалковская. – Казань: Бук, 2019. – 174 с.
18. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – М.: НОРМА, 2017. – 464 с.
19. Якунин В.И., Володенков С.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. Государственная политика как объект современных научных исследований / В.И. Якунин, С.В. Володенков, В.Э. Багдасарян, М.В. Вилисов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2024. – № 6. – С. 50–94.

20. Лапаева В.В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера / В.В. Лапаева // Правоведение. – 2013. – № 2 (307). – С. 241–256.

21. Власенко Н.А., Муромцев Г.И., Зинковский С.Б., Ястребов О.А., Чечельницкий И.В., Трикоз Е.Н. Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional Lexicon: State and Legal Terminology Dictionary. Moscow, Yustitsinform, 2015. 656 p. (In Russian).

2. Verstov V.V. Decrees in the Russian Legal System: History and Modernity. *Human. Community. Management*, 2007, no. 3, pp. 11–34. (In Russian).

3. Byrdin E.N., Kuznetsova M.A. On the Issue of the Basic Principles of Building a Hierarchical System of the Russian Law Norms. *Tyumen State University Herald*, 2014, no. 3, pp. 71–77. (In Russian).

4. Zubarev S.M. On the Relationship between the Act of Management and the Law in New Realities. *Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 45, pp. 66–87. (In Russian).

5. Baranov V. M., Krasnov D. G. (eds.). Codification of Legislation: Theory, Practice and Technique. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, September 25–26, 2008*. Nizhny Novgorod, Publ. House of the Nizhny Novgorod Academy of Sciences of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 1100 p. (In Russian).

6. Tolstik, V. A. Hierarchy of Sources of Russian Law. Nizhny Novgorod, Intelservice, 2002. 216 p. (In Russian).

7. Zhanuzakova, L. T. On the Hierarchy of Regulatory Legal Acts. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2022, no. 2 (69), pp. 32–39. (In Russian).

8. Vorontsova I. G., Kosik I. I., Borodina T. V., Suvorova E. I. et al. Rules for the Preparation of Bibliographic Lists and Bibliographic References. Novosibirsk, 2019. 34 p. (In Russian).

9. Tikhomirov Yu. A. (ed.). Constitution, Law, By-Law. Moscow, Yurid. Lit., 1994. 136 p. (In Russian).

10. Khidzev A. T. The Role and Place of Presidential Decrees in the Legislation of the Russian Federation: Legal Aspects. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 7, pp. 40–42. (In Russian).

11. Pesterev M. S. Modern Hierarchy of the System of the Constitutional Law of the Russian Federation. *Izvestiy Sochi State University*, 2012, no. 1 (19), pp. 268–269. (In Russian).

12. Gantseva L.M. Legal Space: Social and Philosophical Analysis on the Example of the Russian Federation. *Cand. Diss.* Ufa, 2001. 191 p. (In Russian).

13. Murashko L.O. Axiological Dimension of the Law-Formation Process: History and Modernity. *Doc. Diss.* Moscow, 2015. 378 p. (In Russian).

14. Gavrilova A.Yu. The Concepts of «Semantic Field of Law», «Legal Field», «Legal Life»: Problems of Correlation. *Legal Policy and Legal Life*, 2013, no. 4, pp. 16–20. (In Russian).
15. Rodachin V.M. The Phenomenon of State Policy: The Essence and Types. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 11(6), pp. 46–53. (In Russian).
16. Rodachin V.M. The Phenomenon of State Policy: The Essence and Types. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 11(6), pp. 46–53. (In Russian).
17. Fialkovskaya I.D. Methods of Public Administration. Theoretical Issues: Monograph. Kazan, Buk, 2019. 174 p. (In Russian).
18. Morozova L.A. Theory of State and Law: Textbook. Moscow, NORMA, 2017. 464 p. (In Russian).
19. Yakunin V.I., Volodenkov S.V., Bagdasaryan V.E., Vilisov M.V. Public Policy as an Object of Contemporary Research. *Lomonosov Political Science Journal*, 2024, no. 6, pp. 50–94. (In Russian).
20. Lapaeva V. V. The Relationship between Law and Morality in L. Fuller’s Legal Concept. *Jurisprudence*, 2013, no. 2 (307), pp. 241–256. (In Russian).
21. Vlasenko N.A., Muromtsev G.I., Zinkovsky S.B., Yastrebov O.A., Chechelnit-sky I.V., Trikoz E.N. Theory of State and Law: Textbook. Moscow, Statut, 2019. 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Седнев Владислав Владимирович – *Sednev Vladislav Vladimirovich* – Doctor of Medicine, Professor, Chairman of the Donetsk-Lugansk (Donbas) Interregional Branch of the Russian Criminological Association named after A.I. Dolgova

Статья поступила в редакцию 17.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.05.2026 г.; принята к публикации 13.05.2026 г.

The article was submitted 17.03.2026 г.; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 13.05.2026.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.3

Евдокимов Константин Николаевич

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Иркутск, Россия, kons-evdokimov@yandex.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ДЕТЕЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время на территории Украины продолжается специальная военная операция, которая затронула миллионы российских граждан. Вместе с тем, Российская Федерация гарантирует права и меры социальной поддержки как участникам специальной военной операции, так и членам их семей, включая детей. В статье на основе статистических данных и анализа российского законодательства, научных работ и материалов прокурорской практики формулируется вывод об актуальности прокурорского надзора за соблюдением прав детей участников специальной военной операции и важной роли прокуратуры как гаранта реализации указанных прав. Автором обосновывается необходимость разработки и принятия Федерального закона «О правах и гарантиях участников специальной военной операции, членов их семей», который должен ликвидировать правовой пробел в российском законодательстве; систематизировать федеральные, региональные и муниципальные правовые акты в рассматриваемой сфере, а также унифицировать перечень и объём прав, мер социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, в том числе детей.

Ключевые слова: специальная военная операция, права участников специальной военной операции, меры социальной поддержки, прокуратура Российской Федерации, прокурорский надзор.

Для цитирования: Евдокимов К.Н. Прокурорский надзор за соблюдением прав детей участников специальной военной операции / К.Н. Евдокимов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 45–54.

Original article

Evdokimov Konstantin Nikolaevich

Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, kons-evdokimov@yandex.ru

PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE CHILDREN'S RIGHTS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION'S PARTICIPANTS

Abstract. A special military operation is currently underway on the territory of Ukraine and has affected millions of Russian citizens. At the same time, the Russian Federation guarantees the rights and social support measures for both participants in a special military operation and their family members, including children. Based on statistical data and analysis of Russian legislation, scientific papers and materials of prosecutorial practice, the article draws a conclusion about the relevance of prosecutorial supervision over the observance of the children's rights whose parents participate in a special military operation and the important role of the prosecutor's office as a guarantor of these rights realization. The author substantiates the need to develop and adopt a Federal law "On the rights and guarantees of participants in a special military operation and their family members", which should eliminate a legal gap in Russian legislation, systematize federal, regional and municipal legal acts in this area, as well as unify the list and scope of rights, social support measures for participants in a special military operation and their family members, including children.

Keywords: special military operation, rights of participants in a special military operation, social support measures, prosecutor's office of the Russian Federation, prosecutor's supervision

For citation: Evdokimov K.N. Prosecutorial Supervision over the Children's Rights of a Special Military Operation's Participants. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 45–54. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.3

Введение. Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» (далее – Постановление Совета Федерации Российской Федерации № 35-СФ) было дано согласие Президенту Российской Федерации на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

24 февраля 2022 г. на основании Постановления Совета Федерации Российской Федерации № 35-СФ Президентом Российской Федерации принято

решение о проведении специальной военной операции на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (далее – специальная военная операция) в связи с обращением глав указанных республик с просьбой об оказании военно-технической помощи.

В настоящее время специальная военная операция длится уже более четырёх лет. По данным Министерства обороны Российской Федерации по состоянию на 19 ноября 2025 года более трёх миллионов человек получили электронные справки об участии в специальной военной операции (далее – СВО)¹.

Между тем, у миллионов участников СВО есть родственники, семьи, дети, которые не менее чем участники боевых действий нуждаются в государственной поддержке и социальной защите. В этом важную роль играет прокуратура Российской Федерации как государственный орган конституционного надзора, надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Поэтому прокурорский надзор за соблюдением прав участников СВО и членов их семей является приоритетной задачей для прокуроров. Об этом было непосредственно заявлено бывшим Генеральным прокурором Российской Федерации И.В. Красновым 2 апреля 2025 года во время выступления в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) с докладом о состоянии законности.

Также действующий Генеральный прокурор Российской Федерации А.В. Гуцан 15 апреля 2026 года, выступая с ежегодным докладом Совету Федерации «О состоянии законности и правопорядка в России в 2025 году», сообщил, что в 2025 году прокурорами были восстановлены права более 600 тысяч участников СВО и членов их семей, которые получили средства поддержки на сумму 18,5 миллиардов рублей².

Как отметил Генеральный прокурор, средствами надзора устранялись нарушения закона в связи с отказами и задержками денежных выплат, оказанием ненадлежащей медицинской помощи и реабилитации участникам СВО, несоблюдением предусмотренных законом льгот и гарантий для членов их семей.

Между тем, в рамках нашего научного исследования представляет интерес прокурорский надзор за соблюдением прав детей участников СВО как социально уязвимой категории населения и требующей пристального внимания не только прокуроров, но и федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

---

¹ Более трёх миллионов человек получили электронные справки об участии в СВО [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20251119/servis--2055928649.html> (дата обращения: 29.05.2026).

² Гуцан рассказал о защите прокурорами прав участников СВО и членов их семей [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/27111773> (дата обращения: 29.05.2026).

Прокурорский надзор за соблюдением прав детей участников СВО в настоящее время. Правовую основу прокурорского надзора в данной сфере составляют правовые акты федерального, регионального и муниципального уровня.

В качестве примеров федеральных актов можно привести: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»; Федеральный закон от 07.10.2022 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 15.05.2026 № 327 «О единых базовых мерах поддержки лиц, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции, и других категорий лиц в субъектах Российской Федерации»; Распоряжение Президента РФ от 06.06.2023 № 174-рп «О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей»; Постановление Правительства РФ от 02.08.2005 № 475 (ред. от 27.02.2023) «О предоставлении членам семей погибших (умерших) военнослужащих, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти компенсационных выплат в связи с расходами по оплате пользования жилым помещением, содержания жилого помещения, взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, коммунальных и других видов услуг»; Распоряжение Правительства РФ от 24.05.2025 № 1311-р «Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня трудоустройства участников специальной военной операции и организации их профессиональной ориентации» и другие.

Между тем, для регламентации прав детей участников СВО большую роль играют региональные правовые акты, где закрепляется большой спектр мер социальной поддержки.

Например, в Иркутской области приняты Закон Иркутской области от 07.07.2022 № 53-ОЗ (ред. от 25.12.2024) «О дополнительных мерах социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей» и Распоряжение Губернатора Иркутской области от 08.11.2022 № 338-р (ред. от 11.11.2025) «Об утверждении Перечня мер социальной поддержки, предоставляемых на территории Иркутской области участникам специальной военной операции, проводимой с 24 февраля 2022 года, и членам их семей», которые содержат 39 мер государственной поддержки.

Отдельные меры поддержки и социальные права детей участников СВО закрепляются на муниципальном уровне. Например, решение Думы г. Иркутска

от 22.12.2023 № 007-20-058765/3 (ред. от 01.12.2025) «О дополнительной мере социальной поддержки членов семей граждан, принимающих участие или погибших (умерших) в ходе специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, при проезде в автомобильном транспорте и (или) городском наземном электрическом транспорте по муниципальным маршрутам регулярных перевозок пассажиров и багажа города Иркутска»; решение Думы г. Братска от 23.12.2022 № 524/г-Д (ред. от 28.02.2025) «Об установлении дополнительных мер социальной поддержки семей, в которых один из родителей (законных представителей) детей, осваивающих образовательные программы дошкольного образования в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях города Братска, является участником специальной военной операции»; решение Думы городского округа муниципального образования – «г. Тулун» от 30.04.2026 № 9-ДГО «Об установлении мер социальной поддержки, предоставляемых на территории города Тулуна».

В связи с тем, что дети участников СВО являются несовершеннолетними, то большинство объектов прокурорского надзора связано с соблюдением органами государственной власти и местного самоуправления, а также государственными и муниципальными учреждениями различных их социальных прав.

К типовым объектам прокурорского надзора в указанной сфере следует отнести соблюдение органами власти следующих прав детей участников СВО:

1. Право на получение в первоочередном порядке места в государственных и муниципальных общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства их семей, а также места в летних оздоровительных лагерях.

2. Приём на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов Российской Федерации и местных бюджетов в пределах отдельной квоты (10 %) без проведения вступительных испытаний.

3. Право на получение единовременной денежной выплаты в размере 50 000 рублей детям участников специальной военной операции, зачисленным на первый курс очной формы обучения по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата, программам специалитета).

4. Право на перевод на бюджетное отделение при отсутствии академической задолженности в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования.

5. Право на приём и обучение на подготовительном отделении федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета с последующим преимущественным правом зачисления в образовательные организации, находящиеся в ведении государственных органов, без вступительных испытаний (за исключением дополнительных вступительных испытаний творческой и (или) профессиональной направленности).

6. Право на приём и обучение в Президентском кадетском училище, суворовском военном училище, кадетском (морском кадетском) военном корпусе, кадетском корпусе, казачьем кадетском корпусе без вступительных испытаний (для детей участников СВО, погибших (умерших), получивших увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание).

7. Право на бесплатное питание в образовательных организациях основного общего, среднего общего образования, среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения.

8. Право на бесплатное дополнительное образование (кружки, секции и иные подобные занятия) в государственных образовательных организациях и в муниципальных образовательных организациях.

9. Право на получение ежемесячной денежной выплаты в размере 2 000 рублей либо иных мер социальной поддержки в случае отказа от получения денежной выплаты (для детей погибших (умерших) участников СВО).

10. Право на получение пенсии по потере кормильца (для детей погибших (умерших) участников СВО).

11. Право на бесплатное посещение культурных мероприятий, проводимых государственными и муниципальными учреждениями культуры.

12. Право на бесплатное посещение спортивных и физкультурных мероприятий, проводимых государственными и муниципальными физкультурно-спортивными организациями.

13. Право на бесплатный оздоровительный отдых и санаторно-курортное лечение в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения.

14. Право на бесплатное получение новогодних подарков и посещение новогодних театрализованных представлений.

15. Другие.

Как мы видим, перечень социальных прав детей участников СВО в сфере образования, культуры, здравоохранения, пенсионного обеспечения и социальной защиты достаточно широкий и к тому же постоянно пополняется за счёт мер социальной поддержки регионального и муниципального уровня (например, бесплатный проезд детей участников СВО в муниципальном общественном транспорте³), что требует от прокуроров постоянного внимания и изучения региональных и муниципальных правовых актов на поднадзорной территории.

Также следует отметить, что требования прокуроров о соблюдении прав детей участников СВО, выраженные в протестах и представлениях, в подавляющем большинстве случаев удовлетворяются органами государственной вла-

---

³ См.: Решение Думы г. Иркутска от 22.12.2023 № 007-20-058765/3 (ред. от 01.12.2025) «О дополнительной мере социальной поддержки членов семей граждан, принимающих участие или погибших (умерших) в ходе специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, при проезде в автомобильном транспорте и (или) городском наземном электрическом транспорте по муниципальным маршрутам регулярных перевозок пассажиров и багажа города Иркутска» // Ведомости органов местного самоуправления города Иркутска. – 2024. – № 12.

сти и местного самоуправления и не требуют обращения в суды с административным иском заявлением.

Так, например, прокурором Куйбышевского района г. Иркутска был принесён протест директору МБОУ г. Иркутска СОШ №3 на Положение о порядке организации питания обучающихся в МБОУ г. Иркутска СОШ №3, утверждённое приказом директора от 30.12.2022 №190/3 (далее – Положение).

Прокурором было отмечено, что данное Положение не соответствует действующему законодательству, а именно части 1 статьи 2(2) Закона Иркутской области от 07.06.2021 № 38-ОЗ «Об обеспечении бесплатным питанием обучающихся общеобразовательных организаций в Иркутской области», где определено, что при отсутствии в муниципальных общеобразовательных организациях организованного питания либо на время применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в период действия режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обучающиеся, один из родителей которых является участником специальной военной операции, проводимой с 24 февраля 2022 года, либо лицом, являвшимся участником специальной военной операции, обеспечиваются набором продуктов питания.

Протест прокурора был удовлетворён и Положение было дополнено соответствующей правовой нормой⁴.

В другом случае, прокурором Осинского района Иркутской области был принесён протест директору МБОУ на Положение о порядке приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в МБОУ «Осинская СОШ №2», утверждённое приказом директора образовательной организации от 02.03.2023 №33/3 (далее – Положение).

Прокурором было установлено, что локальный акт не соответствует требованиям федерального законодательства, а именно пункту 8 статьи 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и не предусматривает внеочередной порядок предоставления места в муниципальных общеобразовательных и образовательных организациях детям военнослужащих и детям граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, погибших (умерших) или получивших увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания при выполнении задач в специальной военной операции.

Протест прокурора был удовлетворён и Положение было дополнено соответствующей правовой нормой⁵.

---

⁴ Протест от 16.06.2025 №21 -114-2025/1743-25-20250008 на Положение о порядке организации питания обучающихся в МБОУ г. Иркутска СОШ №3, утверждённое приказом директора №190/3 от 30.12.2022 // Архив прокуратуры Куйбышевского района города Иркутска за 2025 год.

⁵ Протест от 20.02.2025 №21-93-2025/Прдп65-25-20250033 на Положение о порядке приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в МБОУ «Осинская СОШ №2», утверждённое приказом директора образовательной организации от 02.03.2023 №33/3 // Архив прокуратуры Осинского района Иркутской области за 2025 год.

Таким образом, автор приходит к выводу, что прокуратура Российской Федерации является важным структурным элементом механизма обеспечения прав детей участников СВО и обладает эффективным инструментарием в виде актов прокурорского реагирования для защиты нарушенных прав.

Вместе с тем, проведённый анализ российского законодательства, научных и учебных источников [1, с. 3; 2, с. 84; 3, с. 63; 4, с. 42; 5, с. 20; 6, с. 6; 7, с. 39; 8, с. 138] показывает, что в настоящее время права участников СВО и членов их семей регламентируется множеством федеральных, региональных и муниципальных правовых актов, что требует их систематизации.

Заключение. С учётом сказанного, автор полагает логичным принятие Федерального закона «О правах и гарантиях участников специальной военной операции, членов их семей», где следует определить: круг участников СВО и членов их семей, общий перечень прав и мер социальной поддержки указанных лиц; полномочия Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, некоммерческих организаций и общественных объединений; контроль (надзор) за соблюдением прав участников СВО и членов их семей; ответственность за нарушение прав участников СВО и членов их семей.

Данный закон, по нашему мнению, аккумулировал бы в себе общий стандарт прав, мер поддержки, гарантий участников СВО и членов их семей, включая детей.

Также указанный нормативный правовой акт обеспечил бы приведение большого количества региональных и муниципальных актов к единообразию по мерам государственной (муниципальной) поддержки участников специальной военной операции (военнослужащих, мобилизованных, добровольцев и др.) и членов их семей.

Кроме того, принятие Федерального закона «О правах и гарантиях участников специальной военной операции, членов их семей» существенно бы систематизировало и сократило количество подзаконных актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, а также ряда федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Годованик Е.В. Правовое обеспечение отдыха и оздоровления детей в городе Севастополе: проблемы теории и практики / Е.В. Годованик // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 1. – С. 2–4.
2. Давудов Д.А. Защита прав участников специальной военной операции и их семей / Д.А. Давудов // Закон и право. – 2024. – № 12. – С. 78–84.

3. Дымолазов В.С. Актуальные направления прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних (на примере Новосибирской области) / В.С. Дымолазов // *Ex jure*. – 2025. – № 2. – С. 53–63.

4. Ережипалиев Д.И. Обеспечение прокурором прав семей участников специальной военной операции / Д.И. Ережипалиев // *Право в Вооружённых Силах*. – 2024. – № 9. – С. 38–43.

5. Краецкая Е. Льготы участникам СВО и членам их семей / Е. Краецкая // *Кадровая служба и управление персоналом предприятия*. – 2023. – № 8. – С. 11–22.

6. Чебаненко Ю.А. Некоторые вопросы прокурорского надзора за соблюдением прав осуждённых, заключивших контракт в период мобилизации / Ю.А. Чебаненко // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. – 2025. – № 4. – С. 2–6.

7. Шахова Е.С. Проблемы реализации прав участников и ветеранов специальной военной операции, членов их семей: меры государственной защиты / Е.С. Шахова // *Социальное и пенсионное право*. – 2025. – № 2. – С. 34–39.

8. Юрковский А.В. Права человека : учебник / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов, Е.Л. Иванова. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации», 2025. – 318 с.

References

1. Godovanik E.V. Legal Support for Children's Recreation and Health Improvement in Sevastopol: Problems of Theory and Practice. *Tourism: Law and Economy*, 2024, no. 1, pp. 2–4. (In Russian).

2. Davudov D.A. Protection of the Rights of Participants in a Special Military Operation and Their Families. *Law and Legislation*, 2024, no. 12, pp. 78–84. (In Russian).

3. Dymolażov V.S. Current Directions of Prosecutorial Supervision over Observance of the Rights of Minors (a Case Study of the Novosibirsk Region). *Ex jure*, 2025, no. 2, pp. 53–63. (In Russian).

4. Erezhipaliev D.I. Ensuring the Rights of Families of Special Military Operation Participants by the Prosecutor. *Law in the Armed Forces*, 2024, no. 9, pp. 38–43. (In Russian).

5. Kraetskaya E. Benefits for SMO Participants and Their Family Members. *Personnel Service and Personnel Management of the Enterprise*, 2023, no. 8, pp. 11–22. (In Russian).

6. Chebanenko Yu.A. Some Issues of Prosecutor's Supervision over the Rights' Observance of Convicts Who Signed a Contract During Mobilization. *Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2025, no. 4, pp. 2–6. (In Russian).

7. Shakhova E.S. Problems of Realization the Rights of Participants and Veterans of a Special Military Operation, Members of Their Families: Measures of State Protection. *Social and Pension Law*, 2025, no. 2, pp. 34–39. (In Russian).

8. Yurkovsky A.V., Evdokimov K.N., Ivanova E.L. Human Rights: Textbook. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. 318 p. (In Russian).

Информация об авторе

Евдокимов Константин Николаевич – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент

Information about the Author

Evdokimov Konstantin Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines

Статья поступила в редакцию 23.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 23.05.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.

Научная статья

УДК 342.32

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.4

Пеньковский Павел Эдуардович

ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России,
ФГБОУ ВО «ВГУЮ (РПА Минюста России), Москва Россия,
p.penkovskiy@sudexpert.ru

ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Аннотация: В статье рассматривается развитие задач судебной экспертизы в сфере охраны труда и техники безопасности. Проводится анализ эволюции экспертной деятельности от исключительно ретроспективных задач (установление причин и нарушений) к реализации самостоятельной и методологически обоснованной профилактической функции. Последовательно обосновывается, что судебная экспертиза охраны труда, будучи иницилируемой после инцидента, должна системно решать задачу разработки мер по предотвращению повторения аналогичных нарушений в будущем. Рассматриваются теоретические основы, методологический инструментарий и практическая значимость данного подхода.

Ключевые слова: судебная экспертиза, охрана труда, техника безопасности, управление рисками, экспертная профилактика, моделирование, прогнозирование, методология.

Для цитирования: Пеньковский П.Э. Экспертная профилактика в сфере охраны труда и техники безопасности: теоретические основы и методология / П.Э. Пеньковский. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 55–67.

Original article

Penkovsky Pavel Eduardovich

Russian Federal Center for Forensic Science named after Professor A.R. Shlyakhov under the Ministry of Justice of the Russian Federation, All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia, p.penkovskiy@sudexpert.ru

THE EXPERT PREVENTIVE CARE IN THE FIELD OF OCCUPATIONAL HEALTH AND SAFETY: THEORETICAL FOUNDATIONS AND METHODOLOGY

Abstract. The article examines the development of forensic tasks in the field of occupational health and safety. It analyzes the evolution of expert activity from

purely retrospective tasks (identifying causes and violations) to the implementation of an independent and methodologically sound preventive function. The article consistently argues that forensic expertise of labor protection, initiated after an incident, should systematically address the task of developing measures to prevent similar violations in the future. The article explores the theoretical foundations, methodological tools and practical significance of this approach.

Keywords: forensic expertise, occupational safety and health (labor protection), risk management, expert prevention, modeling, forecasting, methodology

For citation: Penkovsky P.E. The Expert Preventive Care in the Field of Occupational Health and Safety: Theoretical Foundations and Methodology. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 55–67. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.4

Введение. Современное состояние правоприменительной практики характеризуется возрастанием роли специальных знаний, интегрируемых в процесс судопроизводства посредством института судебной экспертизы. Традиционно выполняя функцию установления обстоятельств, имеющих значение для дела, на основе ретроспективного анализа, судебная экспертиза демонстрирует развитие за счёт расширения спектра решаемых задач и углубления их содержания. Одним из ключевых векторов этого развития является теоретическое и практическое обоснование экспертной профилактики. Данная функция, будучи реализованной после установления факта нарушения, логически завершает экспертный анализ, направляя его результаты на разработку профилактических мер по недопущению аналогичных событий в будущем.

Особую актуальность данный подход приобретает в сфере судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности. В условиях усложнения производственных технологий и роста концентрации энергетических мощностей последствия аварий, несчастных случаев и иных нарушений становятся соизмеримыми с последствиями масштабных чрезвычайных ситуаций. В этой связи ограничение экспертной деятельности лишь констатацией случившегося представляется недостаточным. Это обуславливает необходимость максимально эффективного и системного использования всего потенциала специальных знаний, что включает в себя не только реактивный анализ случившегося, но и обязательную последующую выработку научно обоснованных профилактических решений.

В научной доктрине вопрос о задачах судебной экспертизы остаётся дискуссионным. Наряду с общепризнанными идентификационными и диагностическими задачами, такие учёные как Е.Р. Россинская, Т.В. Толстухина и другие, обосновывают необходимость выделения профилактических и прогностических функций. Теоретические основы экспертной профилактики, заложенные в трудах А.И. Алиева, находят своё практическое применение в рамках становления в СЭУ Минюста России, в настоящее время, судебной экспертизы охраны

труда. Синтез специальных знаний в области технологии производства, промышленной безопасности и управления рисками создаёт уникальную базу для перехода от констатации каузальных связей к формированию эффективных профилактических решений.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ профилактической функции как неотъемлемого и научно обоснованного элемента судебно-экспертной деятельности в области охраны труда и техники безопасности.

Теоретические предпосылки экспертной профилактики. Ускорение научно-технического прогресса связано с интенсивным развитием промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта, коммунального хозяйства. Оно характеризуется постоянным совершенствованием, изменением и усложнением современных технологий, установок и сооружений. В производственной сфере всё в большей степени используются процессы, протекающие при высоких давлениях и температурах, а также вещества и материалы, обладающие различными опасными свойствами на всех стадиях производства или их применения.

Как отмечал академик В.А. Легасов, «человечество в своём промышленном развитии достигло такого уровня использования энергии всех видов, построило такую инфраструктуру с высоким уровнем концентрации энергетических мощностей, что беда от их аварийного разрушения соизмерима с бедами от военных действий и стихийных бедствий...» [1, с. 165].

В научной литературе сформировался ряд концептуальных подходов к определению и классификации задач судебной экспертизы, что отражает эволюцию понимания её роли в судопроизводстве.

Сегодня судебная экспертиза является важным инструментом для решения судебных дел и представляет собой широкий спектр различных видов экспертиз. Так, согласно ст. 9 ФЗ №73-ФЗ¹, судебная экспертиза – это предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

При изучении общей теории судебной экспертизы важно отметить, что её фундаментальные принципы и задачи уже получили детальное освещение в трудах многих исследователей. Ключевые закономерности подробно проанализированы такими ведущими учёными как Аверьянова Т.В., Корухов Ю.Г., Росинская Е.Р., Бычкова С.Ф. и другими. Что касается функций судебной экспертологии, то традиционно выделяют четыре основные: методологическую, синтезирующую, объяснительную и прогностическую. Однако существует ещё одна немаловажная функция – это профилактическая функция.

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности производится по факту несчастного случая, аварии, получения предписания надзорного орга-

---

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2026).

на, постановления следователя или определения суда. Её задачи: установить механизм (техническую причину) случившегося события и установить нарушения установленных норм и правил, находящихся в причинной связи с условиями возникновения события (организационно-техническую причину) [2, с. 15], и на этой прочной основе, созданной в ходе ретроспективного анализа, становится возможным и необходимым решение следующей задачи – выработать научно и практически обоснованные, а также выполнимые меры по устранению выявленных причин и предотвращению повторения аналогичных событий в будущем.

Сама экспертная профилактика представляет собой деятельность эксперта, ориентированную на установление обстоятельств, которые обусловили или потенциально могут обусловить совершение преступлений, а также формирование и представление мер по предупреждению преступлений и событий [3, с. 89].

Зарождение теории экспертной профилактики связано с дискуссией о криминалистической профилактике, инициированной в 1960-е годы В.П. Колмаковым и И.Я. Фридманом. В 1989 году А.И. Алиев в своей докторской диссертации, посвящённой вопросам экспертной профилактики, предложил расширить понимание этого явления [4, с. 6–10]. Он вышел за рамки традиционного криминалистического предупреждения преступлений, обосновав необходимость выделения в структуре общей теории судебной экспертизы самостоятельной частной теории, которую он назвал теорией экспертной профилактики. Эта проблематика оставалась центральной для А.И. Алиева и в его последующих публикациях. Так, в 1991 году вышла его монография под названием «Проблемы экспертной профилактики», данные исследования сформировали теоретические основы экспертно-профилактической деятельности [5, с. 133–173]. Его вклад заключается не только в обосновании необходимости разработки частной теории экспертной профилактики, но и в комплексном определении её принципов и функций, содержания и структуры. Он также выявил закономерности её построения и дал исчерпывающие понятия предмета теории, самой экспертной профилактики и экспертно-профилактической деятельности.

Профессорами И.А. Алиевым и Т.В. Аверьяновой было опубликовано исследование «Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы». В этом труде, наряду с другими частными теориями судебной экспертизы, упоминается и теория экспертной профилактики. Впоследствии Т.В. Аверьянова занимала иную позицию: она не выделяла такую теорию в рамках общей теории судебной экспертизы. Вместо этого она предлагала рассматривать вопрос об объединении подобных частных теорий, таких как экспертная идентификация и экспертная диагностика, в рамках единой теории, охватывающей процессы, отношения и цели экспертной деятельности [6, с. 78–104].

Развитие научных представлений об экспертной профилактике, инициированное дискуссией о криминалистической профилактике в 1960-е годы, получило дальнейшее обоснование в рамках частной криминалистической теории предупреждения преступлений. Как справедливо отмечает М.Ш. Махтаев, «экспертно-криминалистическая профилактика как вид (направление) крими-

налистического предупреждения преступлений» обладает собственным предметом, структурой и задачами, отличными от криминологической превенции [7, с. 26–30]. Применительно к сфере охраны труда и техники безопасности это означает, что эксперт, работая по конкретному уголовному или гражданскому делу, не ограничивается фиксацией нарушений правил безопасности, а выявляет объективные закономерности возникновения опасных ситуаций. Такие закономерности, будучи экстраполированы на аналогичные производственные объекты, позволяют перейти от реактивного подхода (ликвидация последствий) к системному управлению промышленными рисками. Именно в этом проявляется принципиальное отличие экспертной профилактики от ведомственного технического расследования, которое зачастую ограничивается формальным установлением непосредственных причин происшествия.

М.Ш. Махтаев подчёркивает, что «основу экспертно-криминалистической профилактики составляет деятельность экспертов (специалистов-криминалистов), которые на базе своих специальных знаний выявляют обстоятельства, фигурирующие в качестве условий, а иногда и причин совершения и сокрытия преступлений» [7, с. 3]. В контексте аварийности и производственного травматизма такими обстоятельствами выступают не только нарушения технологических регламентов или неисправности оборудования, но и организационные пробелы – недостатки в обучении персонала, отсутствие эффективной системы контроля, эргономические просчёты. Выявление подобных многоуровневых факторов требует не просто инженерной компетенции, но и методологической оснащённости эксперта, включающей знание общих принципов судебной экспертологии и умение применять их в специфической предметной области.

Следовательно, профилактическая задача экспертной деятельности может быть определена как системное выявление обстоятельств, способствовавших совершению правонарушения (инцидента), и разработка на этой основе мер по их устранению или предупреждению. Данная деятельность может осуществляться в двух взаимосвязанных формах:

- 1) в рамках производства экспертизы по конкретному делу (в форме экспертной инициативы или ответов на специально поставленные вопросы);
- 2) на основе последующего обобщения и анализа накопленной экспертной практики для выявления типовых, системных проблем.

В рамках общепринятой научной парадигмы судебной экспертологии экспертная профилактика рассматривается как неотъемлемая часть блока частных теорий и учений наряду с идентификацией, диагностикой и экспертным прогнозированием [8, с. 46, 360].

В контексте реализации профилактической функции, активно развивающийся род судебных экспертиз охраны труда и техники безопасности обладает выраженным профилактическим и прогностическим потенциалом. Специальные знания в области охраны труда, промышленной безопасности, технологии производства и т.д. могут быть задействованы не только для получения доказательственной информации в рамках расследования и судебного рассмотрения

конкретных дел, но и для аккумуляции знаний об этиологических факторах противоправных деяний. Данные знания могут быть получены посредством экспертно-профилактической деятельности как в процессуальной форме (в рамках экспертной инициативы), так и путём сбора, обобщения экспертной практики производства экспертизы охраны труда и техники безопасности и исследовательской деятельности в непроцессуальной форме.

Основной целью реализации функции экспертной профилактики в экспертизе охраны труда и техники безопасности является выработка профилактических решений по совершенствованию нормативных и технических требований к обеспечению безопасности условий труда, эксплуатации оборудования и производственных процессов, а также разработке технических средств и решений по предотвращению или ликвидации опасных факторов, способствовавших совершению преступления или развитию аварийного события.

Процесс выработки профилактических решений заключается в анализе двух категорий, которые выделял основоположник безопасности труда Г.У. Хейнрих [9, с. 104–107]:

1. Опасное поведение.
2. Опасные условия.

После чего эксперт на основании проведённого анализа может группировать либо на основании этих двух категорий, либо только на основании свойств опасных условий уже накопившуюся практику, или же индивидуально для конкретного случая, подготовив решение в форме предложений по доработанным нормам безопасности труда на определённых анализируемых производственных предприятиях или рабочих местах, сгруппированных по механизму события, особенностям нарушений, приведших к возникновению аварийного события и т.д.

Исходя из этого стоит выделить профилактическую задачу или подзадачу в рамках уже рода судебных экспертиз охраны труда и техники безопасности, а также существующего вида экспертизы в номенклатуре приказа Минюста №72². Данная задача будет отвечать на вопросы следствия и суда, а также позволит применять специальные знания из данной отрасли в непроцессуальной форме. Например:

- Являются ли выявленные при производстве экспертизы нарушения (технического состояния, организации работ) причиной возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью работников в дальнейшем?

---

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (Зарегистрирован 24.04.2023 № 73133) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 24.02.2026).

- Могло ли (и каким образом) дальнейшее развитие аварийной ситуации при непринятии мер привести к более тяжким последствиям (гибели людей, крупной аварии, экологической катастрофе)?

- Какие дополнительные меры безопасности (организационного или технического характера) необходимо внедрить на данном объекте для предотвращения аналогичных инцидентов в будущем?

Реализация профилактической функции судебной экспертизы охраны труда невозможна без адекватного правового регулирования. Анализ действующего законодательства, проведённый профессором М.Ш. Махтаевым, показывает, что «принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в действующем УПК РФ сформулировано как право, а не обязанность органов дознания, предварительного следствия и суда» [7, с. 86]. Эта правовая неопределённость напрямую влияет на судьбу профилактических рекомендаций эксперта: даже будучи включёнными в заключение, они не имеют обязательного механизма реализации. Выход из сложившейся ситуации учёный видит в законодательном закреплении обязанности следователя и суда рассматривать предложения эксперта по устранению условий, способствующих совершению преступлений, и выносить мотивированное постановление об их принятии или непринятии [7, с. 107]. Применительно к экспертизе охраны труда это означало бы, что каждое заключение, содержащее выводы о технических и организационных причинах аварии, одновременно включало бы раздел «Профилактические рекомендации», который становился бы основанием для внесения представления руководителю опасного производственного объекта либо в контролирующий орган.

Особого внимания заслуживает право эксперта на так называемую экспертную инициативу. Эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не содержащимся в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования [7, с. 99]. В случаях, когда в ходе исследования аварии эксперт выявляет обстоятельства, создающие непосредственную угрозу жизни и здоровью работников (например, критический износ оборудования, недопустимые отклонения от технологического режима), он должен иметь возможность незамедлительно сообщить о них не только органу, назначившему экспертизу, но и руководителю предприятия с правом требования принятия оперативных мер. Такая норма, предложенная ещё Р.С. Белкиным и поддержанная М.Ш. Махтаевым, в полной мере корреспондирует с принципом приоритета жизни и здоровья человека над процессуальными формальностями.

На основании этого стоит дополнить способы реализации профилактической функции экспертной деятельности таким видом применения специальных знаний как участие эксперта в работе комиссий по расследованию несчастных случаев, так как без этого участия процедура выявления причин и условий, способствовавших происшествию, рискует остаться неполной как в досудебной, так и в процессуальной форме исследования, а вырабатываемые профилакти-

ческие меры – недостаточно обоснованными. В соответствии с Трудовым кодексом РФ и Положением об особенностях расследования несчастных случаев на производстве, расследование проводится комиссией, формируемой работодателем с участием представителей органа по труду, профсоюза, а также специалистов по охране труда. Однако в действующем порядке не предусмотрено обязательное включение в состав комиссии судебного эксперта, обладающего компетенциями в области экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Восполнение этого пробела путём привлечения эксперта на стадии технического расследования позволило бы:

1. Обеспечить методологическое единство при установлении механизма происшествия.
2. Интегрировать выявленные данные, полученные в ходе расследования, в заключения судебного эксперта и в систему накопления профилактической информации.
3. Преодолеть разрыв между расследованием технической комиссии и судебно-экспертным исследованием.

Другой формой непроцессуальной профилактики стоит выделить проведение семинаров и консультаций для специалистов по охране труда и правоприменителей. Основная цель таких мероприятий заключается в трансляции актуальных знаний о выявленных в ходе экспертной практики типичных нарушениях, новых способах совершения правонарушений и рисках, связанных с внедрением современного оборудования и технологий. В рамках семинаров и консультаций решаются следующие важные задачи:

1. Повышение качества ведомственных расследований.
2. Выработка единой правоприменительной практики.

Эффективность экспертной профилактики в области охраны труда напрямую зависит от качества информационного обмена между экспертными учреждениями, надзорными органами и субъектами экономической деятельности. М.Ш. Махтаев указывает, что «информация профилактического свойства должна не только выявляться, изучаться и использоваться сразу в ходе расследования преступления или после его окончания, но и накапливаться и систематизироваться в автоматизированных банках данных, в экспертно-криминалистических подразделениях» [7, с. 37]. Применительно к промышленной безопасности это означает необходимость создания отраслевого банка данных «Типовые механизмы аварий и профилактические меры». Такой банк, ведение которого может быть поручено головным судебно-экспертным учреждениям (например, РФЦСЭ при Минюсте России), позволит экспертам при производстве новых исследований обращаться к апробированным профилактическим решениям, адаптируя их к конкретной обстановке. Накопленный массив данных станет основой для подготовки обзорных справок и методических писем для Ростехнадзора, Роструда и отраслевых союзов работодателей, что выведет профилактическую работу на межведомственный уровень.

Кроме того, требуется совершенствование правового механизма взаимодействия. Как отмечает М.Ш. Махтаев, «в ведомственных нормативных актах о взаимодействии следственных, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений необходимо отразить закономерности и условия взаимодействия, права и обязанности, порядок привлечения следователя для оказания правовой помощи в осуществлении профилактики» [7, с. 141–142]. Применительно к экспертизе охраны труда это означает, что в совместных приказах Минюста, МЧС, Ростехнадзора и других ведомств должен быть чётко прописан алгоритм передачи профилактической информации от эксперта к контролирующему органу, а также механизм контроля за исполнением выданных предписаний. Такая межведомственная координация позволит преодолеть существующий разрыв между выявлением причин аварии в ходе экспертизы и реальным устранением этих причин на производстве.

Реализация данной формы профилактики может осуществляться как на базе самих судебно-экспертных учреждений, так и в рамках межведомственного взаимодействия с органами прокуратуры, следствия, государственными инспекциями труда и отраслевыми объединениями работодателей. Важным условием эффективности является систематичность такого взаимодействия и его методическая обеспеченность, что предполагает разработку соответствующих учебных программ и информационно-аналитических материалов на основе накопленного экспертного опыта.

Задачи возникновения и развития чрезвычайных ситуаций являются основными вопросами, решаемыми в рамках каузальных задач и ситуалогических подзадач, судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности. Профилактическая задача закономерно использует результаты этого глубокого анализа как исходные и необходимые данные. Без точного установления причинных связей любая профилактика теряет научную обоснованность и может оказаться неэффективной. Таким образом, моделирование не заменяет, а дополняет традиционный диагностический подход, переводя его на прогностический уровень.

Переход от ретроспективного анализа к прогностической профилактике невозможен без освоения экспертом современных методов моделирования. В судебной экспертологии, как отмечает М.Ш. Махтаев, «криминалистическое учение о предупреждении преступлений тесно связано с криминалистическим прогнозированием» [7, с. 39]. Применительно к расследованию аварий на опасных производственных объектах это означает, что эксперт, установив первичное нарушение (например, превышение допустимого давления в сосуде или отказ предохранительного клапана), обязан смоделировать дальнейшее развитие событий при непринятии мер. Такое моделирование может включать построение временных шкал, диаграмм Ганта, деревьев событий, а также использование специализированного программного обеспечения для расчёта зон поражения при взрыве или выбросе опасных веществ. Результаты моделирования, оформленные в виде наглядных схем и количественных оценок, суще-

ственно повышают доказательственную ценность заключения и дают суду и следствию убедительную основу для принятия обеспечительных мер – вплоть до приостановки деятельности опасного участка.

Современные условия информатизации позволяют накопить, обобщить экспертный опыт, выявить закономерности, что позволяет найти и предложить профилактические решения не только на стадии расследования, но и на стадиях надзора и обеспечения соблюдения норм на местах.

Реализация профилактической функции требует от судебного эксперта инженерно-технического профиля (пожарно-технические, взрывотехнологические, строительно-технические эксперты и эксперты по технике безопасности и другие) не только глубоких инженерных знаний, но и понимания методологии судебной экспертологии, правовых аспектов и современных информационных технологий. М.Ш. Махтаев подчёркивает, что «определённые резервы для повышения эффективности экспертно-криминалистической профилактики содержит в себе последовательная специализация на предупредительной деятельности экспертов, сочетаемая с профильным обучением, переподготовкой и повышением квалификации» [7, с. 144]. В области охраны труда это означает, что программы дополнительного профессионального образования для экспертов должны включать модули по экспертному прогнозированию, методам моделирования аварийных сценариев, а также по юридической технике составления профилактических рекомендаций. Только синтез технических и правовых компетенций позволит выпускать специалистов, способных не только констатировать нарушения, но и предлагать эффективные, экономически обоснованные и юридически корректные пути их предотвращения.

Цифровая трансформация, о которой говорится в современной экспертологии, не менее актуальна и для экспертизы охраны труда. Внедрение технологий «цифровых двойников» производственных объектов позволяет эксперту проводить виртуальное моделирование аварийных сценариев, не подвергая риску людей и оборудование. Анализ больших данных (Big Data) – обработка многолетних массивов информации о происшествиях на однотипных предприятиях с помощью алгоритмов машинного обучения – способен выявить скрытые корреляции между, казалось бы, не связанными параметрами (например, влажностью воздуха и частотой отказов электрооборудования), что открывает новые возможности для предиктивной профилактики. Задача судебного эксперта в этих условиях – не только владеть специальными знаниями в области безопасности, но и уметь интерпретировать результаты цифрового моделирования, представляя их в форме, доступной и убедительной для суда. Соответственно, в программы повышения квалификации экспертов-технологов необходимо включать модули по цифровым методам анализа рисков и основам судебной экспертологии, что позволит им полноценно реализовывать профилактическую функцию в условиях цифровой экономики.

Заключение. Подводя итог, следует подчеркнуть, что экспертная профилактика в сфере охраны труда и техники безопасности перестала быть факульт-

тативным дополнением к основному исследованию. Экспертная профилактика превращается в системообразующий элемент судебно-экспертной деятельности, обеспечивающий социальную и экономическую безопасность граждан и государства. Реализация профилактической функции требует не только методологической оснащённости эксперта, но и совершенствования правового регулирования, внедрения цифровых технологий, создания отраслевых банков данных, а также тесного межведомственного взаимодействия. Только при этих условиях судебная экспертиза сможет в полной мере выполнить своё предназначение – не просто помочь правосудию в наказании виновных, но и спасти жизни людей, предотвратив повторение трагедий на производстве. Экспертная профилактика преступности выступает как перспективный инструмент выявления закономерностей преступлений и накопления, стандартизации профилактических решений. Её ценность заключается в синергии правоохранительной, в большей степени прокурорской, и судебно-экспертной деятельности, позволяющей аккумулировать релевантную информацию.

На основе анализа научных подходов к классификации задач судебной экспертизы было установлено, что экспертная профилактика, теоретические основы которой были заложены в трудах А.И. Алиева и М.Ш. Махтаева, представляет собой самостоятельное и значимое направление судебно-экспертной деятельности. В контексте специальных знаний из области охраны труда и техники безопасности она реализуется через системный анализ не только опасных условий, но и опасного поведения, что позволяет вырабатывать комплексные профилактические решения, направленные на совершенствование нормативных требований и технических регламентов.

Важнейшим инструментом, обеспечивающим научную обоснованность выводов профилактики, выступает судебно-экспертное моделирование. Применение таких методов как построение временных шкал, диаграмм Ганта, деревьев событий и т.д., позволяет реконструировать механизм происшествия, выявить причинно-следственные связи и визуализировать выводы, что повышает их доказательственную и профилактическую ценность.

Это приобретает особую значимость в условиях современной цифровой парадигмы, представляет собой перспективный путь повышения эффективности государственной системы предупреждения и расследования производственного травматизма и аварийности, что в полной мере соответствует вызовам современной высококонцентрированной и технологически сложной производственной среды.

Список источников

1. Легасова, М. М. Крутые перевалы / М. М. Легасова // Проблемы анализа риска. – 2005. – Т. 2, № 2. – С. 159-166. – EDN NUESFJ.
2. Пеньковский П.Э. Специальные знания в области охраны труда и техники безопасности, промышленной безопасности в правоприменении / П.Э. Пеньковский // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20, № 3. – С. 14–24.

3. Винберг А.И. Словарь основных терминов судебных экспертиз / [Подгот.: засл. деят. науки РСФСР, д. ю. н., проф. А.И. Винбергом, д. ю. н. А.Р. Шляховым, д. ю. н. проф. А.А. Эйсманом]. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – 92 с.

4. Алиев И.А. Проблемы судебно-экспертной профилактики: автореферат дис. доктора / И.А. Алиев. – Киев, 1989. – 31 с.

5. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики / И.А. Алиев. – Баку : Азернешр, 1991. – 312 с.

6. Алиев И.А., Аверьянова Т.В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы / И.А. Алиев, Т.В. Аверьянова. – Баку, 1992. – 186 с.

7. Махтаев М.Ш. Экспертно-криминалистическая профилактика: монография / М.Ш. Махтаев. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 164 с.

8. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2016. – 368 с.

9. Heinrich H. W. Industrial Accident Prevention: A Scientific Approach. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 1950. xiii, 470 p.

References

1. Legasova M. M. Abrupt Passes. *Issues of Risk Analysis*, 2005, vol. 2, no. 2, pp. 159–166. (In Russian).

2. Penkovsky P.E. Special Knowledge in the Field of Occupational Health and Safety and Industrial Safety in Relation to Law Enforcement. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2025, vol. 20, no. 3, pp. 14–24. (In Russian).

3. Vinberg A.I. Dictionary of Forensic Expertise Basic Terms. Moscow, All-Union Scientific Research Institute of Forensic Expertise, 1980. 92 p. (In Russian).

4. Aliev I.A. Problems of Forensic Prevention. *Doc. Diss. Thesis*. Kiev, 1989. 31 p. (In Russian).

5. Aliev I.A. Problems of Expert Prevention. Baku, Azerneshr, 1991. 312 p. (In Russian).

6. Aliev I.A., Averyanova T.V. Conceptual Foundations of the Forensic Expertise General Theory. Baku, 1992. 186 p. (In Russian).

7. Makhtaev M.Sh. Expert and Criminalistic Prevention: Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2018. 164 p. (In Russian).

8. Rossinskaya E. R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of Forensic Expertise (Forensic Expertology): Textbook. Moscow, Norma Legal Publ. House, 2016. 368 p. (In Russian).

9. Heinrich H. W. Industrial Accident Prevention: A Scientific Approach. New York, McGraw-Hill, 1950. 470 p. (In English).

Информация об авторе

Пеньковский Павел Эдуардович – государственный эксперт отдела пожарно-технической, взрывотехнической и взрывотехнологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России; аспирант кафедры судебной экспертологии ФГБОУ ВО «ВГУЮ (РПА Минюста России)»

Information about the Author

Penkovsky Pavel Eduardovich – State Expert of the Department of Fire-Technical and Explosives Examination of the Russian Federal Centre of Forensic Science named after Professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation; Postgraduate Student of the Department of Forensic Expertology of the All-Russian State University of Justice

Статья поступила в редакцию 17.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 02.06.2026 г.; принята к публикации 03.06.2026 г.

The article was submitted 17.04.2026; approved after reviewing 02.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 347.21

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.5

Аmineва Айгуль Юлаевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, aigulbika@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0061-0963>

К ВОПРОСУ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется понятие переустройства жилого помещения с учётом последних изменений в жилищном законодательстве. Цель исследования – проанализировать содержащееся в нормативных актах определение переустройства жилого помещения, провести его разграничение с термином переоборудование, а также рассмотреть разнообразные виды переустройства жилого помещения, имеющих различные правовые последствия; исследовать этапы согласования осуществления действий по переустройству с органом местного самоуправления. Основой методологии исследования является совокупность общенаучных и частно-научных методов познания, среди которых выделяются диалектический, системно-структурный, формально-юридический и метод анализа. Результаты исследования: определено, что термин переустройство является синонимом термина переоборудование. Анализ действующего жилищного законодательства позволяет выделить различные виды переустройства жилого помещения: затрагивающее изменения в инженерных сетях и оборудовании (в зависимости от объекта); установка, замена и перенос (в зависимости от вида действия) оборудования или инженерных сетей; эскизное и проектное; простое (не требующих значительных материало- и трудозатрат) и сложное; согласованное и самовольное (без согласования с соответствующими уполномоченными органами и иными лицами). Проанализированы этапы согласования переустройства с органами местного самоуправления. Исходя из анализа нормативно-правовых актов, доктрины и судебной практики, предложены меры по совершенствованию действующего жилищного законодательства.

Ключевые слова: переустройство жилого помещения, виды переустройства жилого помещения, порядок проведения переустройства жилого помещения.

Для цитирования: Аминова А.Ю. К вопросу о переустройстве жилого помещения / А.Ю. Аминова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 68–79.

Original article

Amineva Aigul Yulaevna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, aigulbika@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0061-0963>

ON THE RECONSTRUCTION OF PRIVATE PREMISES

Abstract. The article analyzes the concept of reconstruction the private premises, taking into account the latest changes in housing law. The purpose of the study is to analyze the definition of the private premises reconstruction contained in regulatory acts and to distinguish it from the term accommodation rearrangement, to consider various types of residential reconstruction with different legal consequences, to study the stages of coordinating the implementation of redevelopment actions with the local government. The basis of the research methodology is a combination of general scientific and specific scientific methods of cognition, among which the dialectical, systemic-structural, formal-legal and analytical methods stand out. Results: it was determined that the term reconstruction is a synonym with the term reequipment. An analysis of housing law allows us to identify different types of private premises reconstruction: affecting changes in utilities system and equipment (it depends on the property); installation, replacement and relocation (depend on the type of action) of equipment or utilities system; draft and design; simple (not requiring significant material and labor costs) and complex; agreed and unauthorized (without the consent of the relevant authorized bodies and other persons). The stages of reconstruction approval with local governments are analyzed. Based on an analysis of regulatory legal acts, doctrine and judicial practice, measures to improve current housing law are proposed.

Keywords: redevelopment of residential premises, types of residential premises redevelopment, procedure for private premises redevelopment

For citation: Amineva A.Yu. On the Reconstruction of Private Premises. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 68–79. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.5

Введение. Повышение уровня жизни, развитие новых технологий, наличие в советских квартирах типовых планировок, а в новостройках предоставление квартир в основном в черновой отделке способствовали естественному стремлению владельцев жилых помещений повысить комфортность проживания путём разнообразного изменения конфигурации квартир и их технического оснащения, то есть их переустройства. При этом при осуществлении пере-

устройства важно учитывать не только собственные интересы владельца жилья, но и требования безопасности и права соседей. В современном обществе, где постоянно растёт спрос на улучшение жилищных условий, правовое регулирование процессов переустройства квартир играет ключевую роль в обеспечении баланса интересов всех участников жилищных правоотношений. В связи с особым правовым режимом жилых помещений государство сохраняет за собой право и обязательство контролировать правильность их использования, что нередко приводит к установлению определенных запретов и ограничений, в том числе при проведении переустройства объектов жилой недвижимости.

В настоящее время проблематика правового регулирования переустройства жилых помещений характеризуется фрагментарностью исследований. Существующие работы, как правило, рассматривают данную тему в контексте с темой перепланировки жилого объекта недвижимости. В связи с этим, целью настоящего исследования является углубленное изучение термина «переустройство жилого помещения», включая классификацию видов и анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок проведения соответствующих работ.

Понятие и виды переустройства жилого помещения. Вопросы правового регулирования переустройства жилых помещений подробно рассматриваются в главе 4 Жилищного кодекса Российской Федерации.

В статье 25 ЖК РФ содержится определение переустройства, в соответствии с которым оно представляет собой установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, требующие внесения изменения в технический паспорт жилого помещения.

Хотя в главе 4 ЖК РФ понятие «переустройство» рассматривается вместе с понятием «перепланировка», следует отметить, что это не идентичные понятия. В то время как перепланировка предполагает корректировку границ и/или площади, а также обязательную регистрацию изменений в Едином государственном реестре недвижимости, переустройство ограничивается модификацией технических параметров объекта недвижимости.

Нормативно-правовая регламентация действий, квалифицируемых как переустройство, производится согласно положению Постановления Госстроя Российской Федерации «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда»¹ (далее – Правила). В этом акте содержится примерный перечень действий, относящихся к переустройству, например, перенос сантехнических приборов, установка «джакузи» и другие, но данный перечень мероприятий не является закрытым. В действующем Жилищном кодексе Российской Федерации также не представлен исчерпывающий перечень мероприятий, однозначно квалифицируемых как переустройство жилого помещения. В этой связи, муниципальные органы при принятии тех или иных решений, как правило, ориентируются на примерный перечень работ, содержащихся как в

---

¹ Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда : Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 (с изм. от 22.06.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2026).

вышеуказанных Правилах, так и в нормативных актах, принятых на уровне муниципалитетов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость унификации подходов к определению действий, относящихся к переустройству, в жилищном законодательстве именно на федеральном уровне, поскольку, как довольно справедливо отмечает В.П. Камышанский, такая ситуация весьма располагает к произволу толкования и возможным злоупотреблениям со стороны должностных лиц [1, с. 23–24].

В пункте 1.7.1 Постановления Госстроя Российской Федерации № 170 вместо термина «переустройство» используется слово «переоборудование», то есть установлен знак тождества между понятиями «переустройство» и «переоборудование». Но при этом необходимо отметить, что в пункте 1.7 термин «переоборудование» законодатель применил как собирательный термин, включающий в себя как переустройство, так и перепланировку. Но в пункте 1.7.2 законодатель снова употребил термины «переоборудование» и «перепланировка», то есть в данном положении слово «переоборудование» используется как синоним термина «переустройство». Данная игра словами создаёт неясность в правоприменении: законодатель применяет и термин «переоборудование», и термин «переустройство» для описания как одинаковых действий, так и в качестве собирательного термина, включающего перепланировку и переустройство жилого помещения. В связи с этим требуется внести коррективы в вышеуказанный нормативный акт, употребив термин «переустройство», потому как именно он использован законодателем в Жилищном кодексе как нормативном акте, имеющем большую юридическую силу.

Анализ действующего жилищного законодательства позволяет выделить различные виды переустройства жилого помещения. Так, можно выделить виды переустройства в зависимости от объекта переоборудования: изменения в инженерных сетях или оборудовании; в зависимости от вида действия: установка, замена и перенос того или иного объекта; эскизное (не требующее проекта) и проектное; простое (не требующее значительных материало- и трудозатрат) и сложное; согласованное и самовольное (без согласования с соответствующими уполномоченными органами); подлежащее и не подлежащее согласованию с муниципальными органами, а также иные.

По аналогии с классификацией видов перепланировок, предложенной М.И. Бальзанниковым, А.А. Алексеенко и Е.В. Ениным, основанной на четырёх категориях решений собственников, касающихся изменений в жилых помещениях, возможно выделение следующих видов переустройства: 1) не требующее предварительного согласования; 2) требующее согласования с органом местного самоуправления; 3) требующее как согласования, так и получения специального разрешения; 4) нарушающее действующие нормативно-правовые акты в сфере переустройства [2, с. 1].

Работы по решению о перепланировке первого вида включают в себя мероприятия, не требующие согласования в муниципальных органах, поскольку влекут несущественное изменение параметров помещения. Их перечень со-

держится в ряде нормативных актов муниципальных образований. К таким действиям относятся замена (без перестановки) инженерного оборудования аналогичным по параметрам и техническому устройству, устройство встроенной мебели или легких каркасно-щитовых конструкций, не влекущих за собой изменение технических параметров жилого помещения. То есть, в данном случае речь идет об усовершенствовании ранее согласованного переустройства².

Мероприятия, охватываемые решением относительно перепланировки второго уровня, включают: модернизацию технического, инженерного и сантехнического оборудования с учётом нового назначения помещения; перестановка нагревательных (отопительных), сантехнических и газовых устройств (за исключением перемещения радиаторов в застекленных лоджиях и балконах); установка бытовых электроплит вместо газовых или кухонных плит; замена или установка дополнительного инженерного оборудования, что увеличивает потребление электроэнергии или воды, а также замену соответствующих сетей (исключая системы подогрева пола от общедомовых систем водоснабжения и отопления); а также демонтаж инженерных коммуникаций и/или подводящих сетей при условии сохранения существующих стояков холодного, горячего водоснабжения и канализации³.

Второй вид перепланировки касается совершения действий только внутри отдельного жилого помещения и не затрагивает интересы соседей и не касается общего имущества собственников многоквартирного дома.

Третий вид перепланировки, как правило, требует согласование её не только с муниципальными органами, но и со специализированными организациями, имеющими свидетельство саморегулируемой организации на данный вид деятельности, организацией, имеющей соответствующий допуск к таким работам, со всеми сособственниками общего имущества в многоквартирном доме путём проведения общего собрания и оформления принятого на нём решения в форме протокола. Примером переоборудования третьей разновидности служат мероприятия по преобразованию жилой (нежилой) площади в многоэтажном здании, влияющие на систему газового оснащения, выполняемые специализированной организацией, обладающей правом осуществлять подобные процедуры, либо преоб-

---

² Приложение 1 Положения о порядке согласования переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, перевода жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения : Решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11.09.2019 № 44/4 [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561541159> (дата обращения: 17.01.2026).

³ Положение о порядке согласования переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, перевода жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения : Решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11.09.2019 № 44/4 [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561541159> (дата обращения: 17.01.2026).

разования внутри комнаты коммунального жилья, приводящие изменение размера общего имущества в сторону уменьшения или увеличения⁴.

Признаки, характерные для четвёртого типа перепланировок, отражены в разных правовых актах. Так, в вышерассмотренном акте муниципалитета установлены запреты на операции по трансформации технически предназначенных подпольев в подвалы, организацию балконов и террас на уровнях выше второго этажа, возведение построек на кровлях вспомогательных строений, внесение изменений в конструкции мансард и технических уровней здания, а также любые изменения в строениях, официально признанных ветхими. Отдельно отметим пункт 15 статьи 14 Федерального закона «О теплоснабжении», запрещающего переход на индивидуальное отопление с использованием частных линий теплопередач⁵. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, данная норма закона направлена на обеспечение надёжности и безопасности системы теплоснабжения многоквартирных жилых домов, к нарушению которой может приводить использование некоторых видов индивидуальных квартирных источников тепловой энергии⁶. Более подробно примеры переустройства четвёртого вида мы рассмотрим при изучении вопросов запретов и ограничений на действия при переоборудовании жилой недвижимости.

Порядок проведения переустройства жилого помещения. Переустройство жилого пространства должно быть предварительно одобрено органами местной власти. Процедура согласования состоит из ряда последовательных этапов:

1) Подготовка необходимых документов и заявления. Заявление должно соответствовать форме, утверждённой Правительством РФ⁷. Верховный Суд РФ рассмотрел вопрос о недействительности некоторых положений формы заявления. Истец утверждал, что форма вторгается в личную сферу и нарушает права граждан, требуя указывать сроки начала и окончания работ, а также режим проведения, а также обеспечивать доступ контролирующих ор-

---

⁴ Пункт 12 Обзора судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме : утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/33237/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵ О теплоснабжении : Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гордеева Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав частью 15 статьи 14 Федерального закона «О теплоснабжении» : Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1514-О-О [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70004576/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷ Об утверждении формы заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и формы документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения : Постановление Правительства РФ от 28.04.2005 № 266 (ред. от 21.09.2005) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2026).

ганов. Суд же признал, что форма соответствует законодательству, и отказал в удовлетворении требований истца⁸.

Пункт 2 статьи 26 ЖК РФ устанавливает список необходимых документов: подтверждающие право собственности или другие основания владения жильём, проект переустройства, протокол общего собрания, технический паспорт помещения, письменное согласие всех членов семьи нанимателя на переустройство, а также заключение органа по охране памятников о возможном проведении таких работ, если квартира или здание являются памятником архитектуры, истории или культуры.

Необходимо отдельно отметить, что подача документов в муниципальный орган должна осуществляться до проведения работ по переустройству. Однако на практике встречаются ситуации, когда граждане обращаются в муниципальные органы с необходимой документацией уже после старта работ по переоборудованию. По данному поводу Верховный Суд РФ утверждает, что данное обстоятельство не освобождает компетентные структуры от обязанности рассмотреть обращение заявителя по сути дела. Это означает, что представители муниципального органа обязаны провести экспертизу представленного пакета документов и принять решение о согласии на реконструкцию объекта недвижимости, если отсутствуют доказательства несоответствия проекта законодательству, нарушения прав посторонних лиц или угрозы здоровью и жизни населения⁹.

2) Согласование переустройства в муниципальном органе. Муниципальные органы могут вынести два типа решений. Так, при соответствии плана переустройства и иных документов законодательным требованиям может принято решение о согласовании переоборудования; иначе (при наличии оснований, предусмотренных ст. 27 ЖК РФ) – решение об отказе в проведении переоборудования.

3) В течение трёх рабочих дней после вынесения решения администрация отправляет заинтересованному лицу письменное уведомление об этом. Если оно носит положительный характер, гражданин получает право приступить непосредственно к осуществлению запланированных ремонтных мероприятий в жилом помещении.

Мероприятия по переоборудованию необходимо осуществлять с учётом ограничений, которые выражаются как в конкретных предписаниях законов,

---

⁸ Об отказе в признании недействующими формы заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и формы документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения, утв. постановлением Правительства РФ от 28.04.2005 № 266 : Решение Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № АКПИ23-149 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2026).

⁹ Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме : утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/33237/> (дата обращения: 17.01.2026).

так и выводятся из анализа норм разрешающего характера. Например, в пункте 1.7.2 упомянутого ранее Постановления Госстроя РФ № 170 чётко обозначены абсолютные запреты на деятельность, способствующую ухудшению прочности конструктивных элементов сооружения, снижению надёжности функционирования инженерных коммуникаций и оборудования.

Стоит отметить, что ограничение, установленное пунктом 1.7.3 Постановления Госстроя РФ № 170 от 27 сентября 2003 г., касается запрета лишь на перепланировку. Однако и реализация действий по переоборудованию помещения также способно повлечь нарушение законных интересов граждан. К примеру, установка мощных стиральных машин без учёта мер безопасности способна создать повышенный уровень шума, доставляющий неудобства жильцам соседних квартир, либо вызвать аварийные скачки напряжения, повреждая бытовую технику и изоляционные покрытия электропроводки. Исходя из этого, мы считаем необходимым дополнить положение пункта 1.7.3 вышеуказанного Постановления в части внесения дополнения относительно недопустимости переустройства объекта жилой недвижимости, которое влечёт или может повлечь нарушение как имущественных, так и неимущественных прав других лиц.

Ограничения, накладываемые на мероприятия по переоборудованию, также содержатся в положении, утверждённом Постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 года № 47, согласно которому запрещается: осуществлять действия, создающие опасность травмирования жильцов (пункт 11); использовать инженерные сети, если они не соответствуют санитарно-гигиеническим нормам и правилам (пункт 13); допускать превышение предельных значений вибрационных нагрузок в жилых комнатах (пункт 27) и ряд иных запретов¹⁰.

Дополнительно требования и дополнительные ограничения к действиям по переустройству уточняются в локальных нормативных документах органов муниципальной власти, так, например, в Решении Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11 сентября 2019 года № 44/4 «Об утверждении Положения о порядке согласования переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, перевода жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения» имеется приложение, где зафиксирован перечень ограничений на мероприятия по переоборудованию как жилых, так и нежилых помещений¹¹.

---

¹⁰ Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом : Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 19.10.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2026).

¹¹ Положение о порядке согласования переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, перевода жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения : Решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11.09.2019 № 44/4 [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561541159> (дата обращения: 17.01.2026).

В федеральном законодательстве не предусмотрены, но в локальных нормативных актах содержатся требования по порядку осуществления действий по переустройству. Так, например, в соответствии с вышеуказанным Решением Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11 сентября 2019 года № 44/4 в многоквартирных домах:

- производство работ допускается только в будние дни, исключая выходные и праздничные нерабочие дни;

- работы должны быть произведены в промежутке с 9:00 до 20:00 по местному времени;

- не должны быть использованы оборудование и инструменты, которые вызывают шум и вибрацию сверх допустимых нормативных пределов для жилых помещений;

- запрещается загромождать и загрязнять эвакуационные пути, лифты и другие общественные зоны строительными материалами или строительными отходами;

- общая длительность работ по переустройству и (или) перепланировке жилых и нежилых помещений не должна превышать шесть месяцев.

4) После уведомления муниципальных органов о завершении работ по переустройству специальная комиссия принимает выполненные работы и выдает соответствующий акт приёмочной комиссии.

При выявлении самовольной перепланировки собственники такого помещения вынуждены вернуть его в прежнее состояние. Тем не менее, судебная практика показывает, что отсутствие предварительного одобрения соответствующих инстанций не служит безусловным поводом для обязательного возвращения помещения к изначальному виду. Доказательствами соответствия проведенных работ по переустройству требованиям законодательства являются в основном заключения экспертов [3, с. 230]. Если владелец сумеет представить убедительные подтверждения тому, что проведённые изменения не ущемляют законные права и интересы окружающих, а также не несут риска для жизни и здоровья жителей или иных лиц [4, с. 31-39], суд может оставить квартиру или дом в переустроенном виде¹². Так, судебная практика исходит из того, что даже если истец предоставил техническое заключение после проведения переустройства, суд может вынести решение об оставлении жилого помещения в переустроенном состоянии, даже если собственник обращался с заявлением о согласовании переустройства в муниципальные органы, а последний ему неправомерно отказал в согласовании¹³.

---

¹² Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме : утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/all/33237/> (дата обращения: 17.01.2026).

¹³ Определение Судебной коллегия по гражданским делам Верховного Суда от 14.08.2018 № 18-КГ18-101 [Электронный ресурс]. // URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/n3kRO1jz59U1/?page=3> (дата обращения: 17.01.2026).

Решение о сохранении переустройства обычно принимается судом, однако в соответствии с нормативными актами отдельных муниципальных образований этот вопрос также может решаться муниципальным органом¹⁴. В этом видится определённая проблема, поскольку в нормативном акте, обладающем большей юридической силой – Жилищном кодексе РФ, предусмотрено только судебное разбирательство по данному вопросу. Хотя по примеру самовольной постройки в целях разгрузки объёма работы судов можно предложить и в Жилищном кодексе возможность легализации самовольной постройки в том числе исполнительными органами муниципалитетов.

Заключение. По итогам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Понятие переустройства легальное (его определение содержится в ст. 25 ЖК РФ) и является синонимом термина «переоборудование», представляет собой установку, замену или перенос инженерных систем и оборудования, требующих внесения изменений в технический паспорт жилого помещения.

2. Законодательство и нормативные акты позволяют выделить несколько видов переустройства жилых помещений, различающихся по требованиям к согласованию и масштабу изменений: во-первых, не требующее согласования, которое касается модернизации и замены оборудования внутри помещения, не нарушающих его технические параметры; во-вторых, переустройство, предусматривающее внесение существенных изменений, требующее согласования с органами местного самоуправления; в-третьих, которое требует согласования и разрешения, включая участие специализированных организаций и собрания собственников общего имущества в многоквартирном доме; в-четвертых, самовольное переустройство.

3. Процедура согласования переустройства жилых помещений включает последовательные этапы: подготовку и подачу установленного законодательством пакета документов, получение решения муниципальных органов. Несоблюдение установленного порядка и требований законодательства ведёт к признанию переустройства самовольным, что предусматривает необходимость восстановления исходной планировки или, в некоторых случаях, допускается оформление в легальной форме при соблюдении всех условий.

---

¹⁴ Положение о порядке согласования переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, перевода жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения : Решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 11.09.2019 № 44/4 [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561541159> (дата обращения: 17.01.2026).

Список источников

1. Камышанский В.П. Переустройство и перепланировка квартиры по новому Жилищному кодексу / В.П. Камышанский // Жилищное право. – 2005. – № 6. – С. 21–26.
2. Балзанников М.И., Алексеенко А.А., Енин Е.В. Типология и особенности решений по перепланировке жилых помещений в многоквартирных домах / М.И. Балзанников, А.А. Алексеенко, Е.В. Енин // Human Progress. – 2024. – Том 10, Вып. 1. – С. 1. URL: http://progress-human.com/images/2024/Tom10_1/Balzannikov.pdf. DOI 10.34709/IM.1101.1. EDN MUFZUI.
3. Аминев Ф.Г. Проблемы использования специальных знаний в защите прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность / Ф.Г. Аминев // Вестник КГУ. – 2018. – № 1. – С. 230–233.
4. Аминев Ф.Г., Замятин С.А. О некоторых вопросах экспертного исследования готовности и стоимости проектной документации строительных объектов / Ф.Г.Аминев, С.А. Замятин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – 19(2). – С. 31–39. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-2-31-39.

References

1. Kamyshanskij V. P. Reconstruction and Replanning an Apartment according to the New Housing Code. *Housing Law*, 2005, no.6, pp. 21–26. (In Russian).
2. Balzannikov M.I., Alekseenko A.A., Enin E.V. Typology and Features of Technical Solutions for Re-planning Residential Premises in an Apartment Building. *Human Progress*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 1–16. URL: http://progress-human.com/images/2024/Tom10_1/Balzannikov.pdf. DOI: 10.34709/IM.1101.1. EDN MUFZUI (In Russian).
3. Aminev F.G. Problems of Use of Special Knowledge in Protection of the Rights and Legitimate Interests of Persons which Carry out an Entrepreneurial Activity. *Vestnik of Kostroma State University*, 2018, no. 1, pp. 230–233. (In Russian).
4. Aminev F.G., Zamyatin S.A. On Some Issues of an Expert Study of the Readiness and Cost of Design Documentation for Construction Projects. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2024, no. 19(2), pp. 31–39. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-2-31-39 (In Russian).

Информация об авторе

Аmineva Айгуль Юлаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Институт права

Information about the Author

Amineva Aigul Yulaevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 22.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 2.06.2026 г.; принята к публикации 03.06.2026 г.

The article was submitted 22.05.2026; approved after reviewing 2.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Научная статья

УДК 347.453

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.6

Максуров Алексей Анатольевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль,
Россия, maxurov78@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5781-6524

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ

Аннотация. Отсутствие понимания особенностей реализации в правомочиях публичного собственника государственного и общественного интереса не позволяет обеспечить эффективное управление имуществом, принадлежащим публично-правовым образованиям, при его предоставлении в аренду или иное пользование субъектам частного права. В статье анализируются проблемы использования федеральным собственником такой формы управления недвижимым имуществом как его аренда.

Цель: научное осмысление теоретико-исторических аспектов обретения правом публичного собственника на недвижимое имущество содержательных характеристик, существенно отличающих назначение данного права от права собственности на недвижимость у субъектов частного права.

Методы: в основе исследования положен историко-правовой подход, который дополнен методом системного анализа и методами формальной логики.

Результаты: сделан вывод о том, что передача в аренду федерального имущества преследует не только экономические, но и иные государственные и социальные цели. Определены недостатки правового регулирования в указанной сфере. Предложено авторское видение и способы решения возникших проблем.

Ключевые слова: аренда, федеральная собственность, недвижимое имущество, способ управления имуществом, объекты аренды, цели аренды

Для цитирования: Максуров А.А. Теоретико-исторические особенности права публичной собственности на недвижимость в контексте управления ею / А.А. Максуров. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 80–94.

Original article

Maksurov Alexey Anatolyevich

Yaroslavl State University Named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia,
maxurov78@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>

THEORETICAL AND HISTORICAL FEATURES OF PUBLIC PROPERTY LAW IN THE CONTEXT OF REAL ESTATE MANAGEMENT

Abstract. The lack of understanding the specifics of the implementation in the rights of a public owner of a state and public interest does not allow for effective management of property belonging to public-law entities, when it is rented or otherwise used by subjects of private law. The article analyzes the problems of using such a form of real estate management as lease by a federal owner. Purpose: scholarly understanding the theoretical and historical aspects acquiring, as a public owner right to real estate of substantive characteristics that significantly distinguish the purpose of this right from the right of ownership of real estate among private law entities. Methods: the research is based on a historical and legal approach, which is supplemented by the method of systems analysis and methods of formal logic. Results: it is concluded that the leasing of federal property pursues not only economic, but also other state and social goals. The shortcomings of legal regulation in this area are identified. The author's vision and methods for solving the problems that have arisen are proposed.

Keywords: lease, federal property, real estate, property management method, lease objects, lease purposes

For citation: Maksurov A.A. Theoretical and Historical Features of Public Property Law in the Context of Real Estate Management. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 80–94. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.6

Введение. Актуальность темы исследования состоит в возможности предложить пути улучшения механизма владения, пользования и распоряжения федеральным недвижимым имуществом, в том числе посредством его предоставления в аренду. Значимость данного вопроса заключается, по меньшей мере, в следующих аспектах.

Прежде всего, по подсчётам специалистов, несмотря на активно проходящий в России с начала 1990-х годов процесс приватизации, а также продолжающееся разделение объектов публичной собственности на собственность федеральную, собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную собственность, Российская Федерация как публичное образование остаётся основным собственником недвижимого имущества, расположенного на её территории, что связано, в числе прочего, с отнесением

в силу закона к федеральному недвижимому имуществу основной массы природных ресурсов [1, с. 8]. Одновременно, исследователями отмечается то обстоятельство, что до настоящего времени эффективная система управления федеральной собственностью и, в первую очередь, недвижимостью, пока ещё отсутствует [2, с. 15].

Одним из наиболее распространённых способов управления федеральным недвижимым имуществом является его сдача в аренду.

Исторически аренда чужого имущества представляет собой наиболее оптимальную форму извлечения обоюдной выгоды из недвижимого имущества, поскольку собственник получает прибыль в виде арендной платы от имущества, в использовании которого у него самой необходимости в настоящее время нет, тогда как арендатор удовлетворяет свой имущественный интерес посредством пользования чужим имуществом. При этом имущество поддерживается в нормальном состоянии, обеспечиваются его сохранность и утилитарные характеристики. Соответственно, именно аренда способна стать фактором капитализации федерального недвижимого имущества и, одновременно, позволить использовать это имущество в своих предпринимательских и иных целях субъектам частного права [3, с. 214].

В последние десятилетия в Российской Федерации были предприняты попытки оптимизации управления федеральной недвижимостью путём её сдачи в аренду, в том числе, в части повышения доступа к объектам недвижимости широкого круга субъектов частного права на конкурентной основе, увеличения степени «прозрачности» конкурсных процедур, снижения потенциальных коррупционных факторов в этой сфере [4, с. 316], что однако не исключает судебные споры в данной области, а также проблемы правоприменения [5, с. 4].

Несмотря на имеющуюся юридическую литературу по проблематике как арендных отношений, так и отношений в области управления и распоряжения федеральной собственностью теоретико-исторические особенности права публичной собственности на недвижимость в контексте её передачи в аренду исследованы не были, что негативно повлияло и на эффективность норм частного права об аренде недвижимого имущества, когда такая недвижимость находится в публичной собственности [6, с. 110]. Отдельные вопросы установления и реализации прав сторон договора аренды рассматривались в гражданском праве применительно к конкретным видам объектов недвижимости. Вместе с тем, до настоящего времени в отечественной юридической науке общей концепции аренды федерального недвижимого имущества, которая бы учитывала особенности публичной собственности, не сложилось.

В разрешении этого вопроса заключается актуальность избранной темы исследования.

Методы и материалы исследования. Достижение цели работы стало возможным путём применения метода системного анализа, методов и приёмов формальной логики, обобщения и анализа юридической практики и до-

стижений правовой доктрины, социологического метода исследования и иных общих и частных научных подходов, приёмов и методов.

Например, функциональный анализ позволил рассмотреть вопросы распоряжения федеральной недвижимостью в системе гражданско-правового регулирования. Среди юридических методов стал полезен метод сравнительного правоведения, благодаря которому была дана оценка достижениям юридической доктрины и законодателя в указанной сфере, историко-правовой подход, позволивший рассмотреть генезис законодательства о публичной собственности и аренде недвижимости.

Исторические тенденции изменения содержания права публичной собственности на недвижимость. Представляется, что для определения особенностей права публичной собственности на недвижимость будет полезным анализ значимых исторических тенденций понимания сути недвижимого имущества, его свойств, характеристик и состава, что в ряде случаев повлияло и на формирование современной концепции права публичной собственности на недвижимость. Одновременно, в исторической перспективе происходили значимые изменения в вопросах регистрации прав на недвижимое имущество (с одной стороны, наблюдалось обособление регистрационных институтов, а с другой стороны, происходило усложнение вопросов регистрации права публичной собственности на недвижимость – как движение по достижению «формального равенства» частной и публичной собственности) [7, с. 171], в вопросах «расщепления» права публичной собственности по иерархии его субъектов, в части появления ограниченных вещных прав, которые по объёму своих правомочий почти полностью «поглощали» само право публичной собственности [8, с. 61].

Прежде всего, на специфику права публичной собственности на недвижимое имущество, помимо уточнения подходов к объекту такого права, значительное влияние исторически оказали изменения в статусе публичного собственника.

Изначально формирование института публичной собственности строилось по двум различным моделям одновременно, что оказало влияние и на последующее понимание содержательных характеристик публичной собственности на недвижимость [9, с. 295].

В рамках первой модели некоторая обособленная часть человеческого общества (как правило, сельские сообщества, общины) отделяла тот или иной объект недвижимости в качестве некоторого «места общего пользования». Чаще всего, такими объектами были места захоронений (кладбища), территории, необходимые для отправления религиозного культа (скопища, позднее церкви), по мере развития общества и формировании соответствующих культурных запросов – памятные места, места для народных гуляний, места для сезонной торговли, дороги и тротуары и проч. [10, с. 78].

Спецификой интереса к такому объекту было его совместное использование жителями соответствующей местности для их некоторых общих целей. Возведение (обособление, если это касается земельного участка) и поддержа-

ние в нормальном состоянии таких объектов недвижимости было общественной задачей и выполнялось, в том числе, путём личного налогообложения, вначале даже в форме самообложения.

В дальнейшем указанное имущество, в зависимости от тех или иных конкретно-исторических путей развития государственности, переходило либо в государственную собственность, либо в собственность местных общин (муниципальную собственность, собственность коммуны и т.п.). Существовали и исключения, когда изначально «общественное» имущество становилось собственностью той или иной сформировавшейся религиозной группы, что исторически объяснялось не только объективными причинами, но и приёмами юридической тактики согласования частных и публичных интересов [11, с. 52], которые в результате выражались во внешнем правовом акте – акте согласования права [12, с. 56] – и не могли не учитывать психологические аспекты такого рода общественно-государственной координации [13, с. 92].

Вторая модель предполагала развитие института публичной собственности по аналогии с частной (личной) собственностью.

Её суть заключалась в том, что частная (личная) собственность была изначальной, соответствовала логике обособления имущества на начальном этапе развития человеческого общества. Собственность на недвижимость сосредотачивалась в руках правителя – крупного, среднего или мелкого феодала и оставалась его личной собственностью, передаваемой лишь в пользование по различным к тому основаниям.

Позднее у феодала-правителя в зависимости от способа приобретения того или иного недвижимого имущества появилось деление собственности на личную собственность («личная уния»), неразрывно связанную с именем феодала (была приобретена по наследству, в качестве приданого, в результате завоеваний территорий другого феодала, куплена по гражданско-правовому договору и проч.), и государственно-публичную собственность («государственная уния»), которой феодал управлял (владел, пользовался и ограниченно распоряжался) лишь вследствие того, что занимал то или иное место в феодальной иерархии. В литературе отмечают взаимосвязи фиксации за конкретным лицом – феодалом, сюзереном – прав на недвижимое имущество и порядка использования такой собственности [14, с. 35], хотя недостаток текстовых источников не позволяет привести примеры реализации указанного подхода на практике [15, с. 189], равно как не позволяет и утверждать обратное.

Ещё позднее в большинстве государств личная собственность правителя «слилась» с государственной собственностью и стала нераздельной публичной собственностью, хотя, разумеется, до настоящего времени существуют и исключения в этом вопросе [16, с. 82].

Между тем, основной интересующий исследователей аспект права публичной собственности на недвижимость – специфика такого права – с веками подвергся по своему содержанию лишь незначительным изменениям, хотя форма выражения этой специфики менялась постоянно.

В частности, представляется, что особенности публичной собственности понимались юристами ещё в древности. К числу таких особенностей в различные исторические периоды можно отнести упрощённый переход прав (длительное время – полное отсутствие регистрации прав), особенности приобретения и утраты права (длительное время – наследование правителем [17, с. 78], получение в качестве приданого, завоевание, позднее, как правило, завоевание или передача по мирному договору), особенности использования (например, «усечённая» собственность, фригольд и лизгольд в Британии, наличие целой «иерархии» пользователей), специфика объектного состава (чаще всего в публичной собственности находилась земля, а здания и строения на ней могли быть как в частной, так и в публичной собственности, в ряде случаев допускалась только публичная собственность на природные нерукотворные объекты вроде лесов, рек, объектов животного мира в естественной среде обитания), повышенная правовая охрана именно публичной собственности, нередко – неопределённость с лицами, уполномоченными осуществлять полномочия публичного собственника в отношении того или иного имущества, «концентрация» недвижимости в собственности публичного образования (основная часть недвижимого имущества традиционно относилась именно к публичной собственности), тесная связь публичной собственности с собственностью правителя (личной собственностью), а длительное время и неразделённость собственности государства и собственности правителя, «исключительность» публичной собственности (на отдельные объекты недвижимости может быть только публичная собственность), наибольшая «объектная широта» (на часть объектов недвижимости может быть только публичная собственность) и т.п.

Достаточно ярко это проявилось в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года [18, с. 561], причём историки полагают, что данные нормы активно применялись на практике [19, с. 189].

Та же тенденция сохранилась в Своде гражданских законов [20, с. 281]. Авторы указывают в этой связи на взаимосвязь эффективной защиты публичной собственности и эффективного управления ею [21, с. 344], полагая, что значимым фактором будет обязательная регистрация прав публичной собственности, что позволит разделить все объекты недвижимости на находящиеся в публичной и частной собственности [22, с. 43], а не относить недвижимость, права на которую не зарегистрированы, априори к публичной или частной собственности [23, с. 26].

Отдельные исторически выделяемые особые свойства публичной собственности на недвижимое имущество в том или ином виде сохранились и ныне, в том числе, и за рубежом.

Например, и сегодня объекты недвижимости, не отнесённые в силу закона или договора (сделки) к объектам, на которые установлено право частной собственности, по умолчанию считаются находящимися в собственности публичной, установление ограниченной оборотоспособности отдельных объектов недвижимости или выведение их из гражданского оборота в принципе обычно не распространяется на права публичного собственника, права публичной соб-

ственности на недвижимость могут приобретаться по основаниям, недоступным для физического или юридического лица – субъекта частного права (обмен территориями по мирному договору возможен только между публичными образованиями – субъектами международного права, хотя, разумеется, не запрещена мена одного земельного участка на другой частными лицами; конфискация или реквизиция имущества происходит исключительно в пользу субъекта публичного права) и т.п.

Специфика права публичной собственности на недвижимость как следствие генезиса его содержательных характеристик. Генезис понимания права публичной собственности на недвижимое имущество обусловил существование достаточно неизменных подходов к определению специфики этого права.

Например, только в отношении публичной собственности сегодня применяются меры международно-правовой защиты, характерные исключительно для субъектов международного права (оборона территории от военной агрессии посредством применения вооруженных сил). Одновременно, поскольку государственная собственность имеет именно публичный характер и является материальной основой для функционирования самого государства, то она и объекты недвижимости, находящиеся в федеральной собственности, выведены из-под налогообложения, поскольку в противном случае это был бы «платёж самому себе». Договорное регулирование также весьма своеобразно: в силу закона представитель публичного собственника как арендодателя недвижимого имущества, например, крайне ограничен в изменении в рамках разрешения юридического конфликта с арендатором начальных условий договора путём переговоров [24, с. 22]. Существует и значительная специфика обращения взыскания на имущество публичного собственника [25, с. 72].

Более того, даже в случаях, когда те или иные специальные характеристики права публичной собственности на недвижимость и не имеют исторических аналогов, всё равно сохраняется историческое единство подхода. Из указанной особенности следуют, например, требования об эффективности использования объектов недвижимости, находящихся в федеральной собственности, что, в свою очередь, подразумевает достаточно жёсткое регулирование вопросов использования федеральной недвижимости.

Рыночная эффективность требует вовлечения федерального недвижимого имущества в активный гражданско-правовой оборот, в том числе, в виде сдачи в аренду [26, с. 102]. Такой вид распоряжения федеральной недвижимостью подразумевает реализацию государством как экономических, так и социальных целей, что предполагает координацию публичных и частных интересов при использовании публичной собственности [27, с. 123]. Передача федеральной недвижимости в аренду и последующий контроль за её использованием являются важными разновидностями государственной деятельности по обеспечению согласования интересов государства и общества [28, с. 115], составной частью единого механизма координационного регулирования существующими процессами [29, с. 22], практикой применения

права в соответствии с принципами координации [30, с. 62]. Интересно, что ещё с начала 2000-х годов на курсах обучения (семинарских занятиях) сотрудников федеральных органов власти, работающих в имущественной сфере, сдача в аренду федерального недвижимого имущества рассматривалась в виде формы координационного взаимодействия власти и бизнеса [31, с. 16].

Указанные обстоятельства прямо связаны с тем, что федеральная недвижимость в своём обороте становится значимым фактором развития рыночных отношений, основой для социально-ориентированного предпринимательства и, одновременно, экономической безопасности Российской Федерации [32, с. 14]. В результате, основными вопросами практики распоряжения федеральной собственностью путём сдачи в аренду становятся, во-первых, достижение наибольшей эффективности использования федеральной собственности как проявление общей эффективности государственного аппарата, действующего в интересах общества [33, с. 92], и, во-вторых, обеспечение полноценного контроля за выполнением хозяйствующими субъектами – арендаторами федеральной недвижимости – условий договора аренды [34, с. 65].

Использование переданного в аренду федерального недвижимого имущества должно быть подконтрольным обществу, в связи с чем за исполнением условий арендного договора призваны следить контролирующие органы и органы прокурорского надзора, а сами права на недвижимость защищаются нормами уголовного права.

Особые цели использования находящейся в федеральной собственности недвижимости предполагают также некоторую трансформацию прав собственника федеральной недвижимости: с одной стороны, наличия у него необычайно широких возможностей использовать недвижимое имущество в государственных и общественных интересах, а с другой стороны, эти права следует рассматривать шире, так как они включают в себя и обязанности – обязанности по эффективному использованию государственной собственности. Таких прав-обязанностей, равно как и полномочий, нет у частного собственника недвижимого имущества.

На первый взгляд, права (правомочия, полномочия) публичного и частного собственников равны, как равны вообще права субъектов в рамках объективного гражданского права, однако в реализации этих полномочий на практике у публичного собственника есть как некоторые преимущества, так и ограничения, часто являющиеся существенными. Указанные различия не нарушают формального равенства собственников, установленного Конституцией России и гражданским законодательством, а, более, свидетельствуют об особом назначении публичной собственности.

Нельзя, тем не менее, не указать и на то обстоятельство, что повышенный интерес к защите не государственной, а частной собственности в конституционном праве и законе никак не свидетельствует о некоторой (пусть даже и теоретической, в виде правового идеала) «подчинённости» интересов публичного

собственника интересам собственника частного. Особенность конституционной терминологии в указанной части объясняется политико-правовой обстановкой времени принятия российской Конституции (1993 год), когда пришёл конец многолетнему примату государственной собственности, и создатели Конституции, ориентированные на идеи рыночной экономики, хотели в приоритетном порядке защитить именно частную собственность. При этом не следует забывать и о том, что необходимость охраны публичной (государственной) собственности сама по себе вытекает из целей обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации и в дополнительных нормах не нуждается.

Те различия, которые имеют место в реальной действительности между частной и публичной собственностью на недвижимое имущество наиболее отчётливо проявляются в возможных объектах недвижимости, на которые может быть установлена частная и публичная собственность. Прежде всего, для публичной собственности характерен более широкий круг возможных объектов по самым различным причинам, например, существует недвижимое имущество, выведенное из оборота или ограниченное в нём, не поставленное на учёт недвижимое имущество (земля, иные природные объекты, недра) и т.д. В виде сопутствующих причин такого объектного различия можно указать, например, на важность какого-либо имущества (объекты природы, культурные ценности), опасность (например, в случае ядерных вооружений) нахождения такого имущества в частных руках и проч.

Вместе с тем, такие лежащие на поверхности причины необязательно будут весомыми. Например, значимые художественные ценности вполне могут находиться и в частных коллекциях (частной собственности), равно как и объекты, потенциально представляющие особую опасность для широкого круга лиц (например, электростанции), вполне могут быть частными.

Представляется, что различие в объектном составе недвижимого имущества вследствие различия в его субъекте вызвано в той или иной степени обоснованным предположением о том, что в таком случае данный объект будет использоваться наиболее эффективно именно с государственных и общественных позиций, на что и направлена деятельность органов государственной власти. По сути, речь идёт о частичном отказе от рыночного постулата о том, что наиболее эффективным владельцем имущества будет любой его собственник по той лишь причине, что это имущество оказалось сосредоточенным в его руках.

Заключение. Несмотря на широкую распространённость в национальной экономике недвижимого имущества, находящегося в федеральной собственности, сегодня по-прежнему имеет место некоторая изначальная правовая неопределённость в отношении специфики прав публичного собственника на недвижимость. В частности, до настоящего времени в гражданско-правовой доктрине отсутствует единая концепция права публичной собственности на недвижимость, равно как нет и общепризнанного в науке и законодательстве подхода к определению предмета этого права – недвижимого имущества.

Применение историко-правового подхода к исследованию данной темы позволяет в комплексе рассмотреть генезис нескольких взаимосвязанных вопросов правового регулирования.

Именно исторические особенности формирования содержательных характеристик права публичной собственности на недвижимое имущество позволили установить важные аспекты данного права, отличающие его от права частной собственности, а именно: обязанность использовать данное имущество в публичных (общественных) интересах. Для наиболее полного выполнения такой обязанности публичному собственнику предоставляются и правомочия, не свойственные частному собственнику, и наиболее широкий круг объектов, которые могут быть в публичной собственности, но не составляют собственность частную.

Список источников

1. Максуров А.А. Право федеральной собственности на недвижимое имущество : монография / А.А. Максуров. – М.: Русайнс, 2023. – 142 с.
2. Короткова О.И. Анализ и его роль в управлении государственными предприятиями и учреждениями / О.И. Короткова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 5. – С. 14–17.
3. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. – М.: Республика, 1992. Т.2. – 400 с.
4. Максуров А.А. О понятии «противодействие коррупции» и субъектах данной деятельности / А.А. Максуров // Диалектика противодействия коррупции: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 18 ноября 2022 г. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 314–319.
5. Максуров А.А. Законодательство не скоординировано: юрист «бьет» тревогу / А.А. Максуров // Наше право. – 2007. – № 3 (22). – С. 5–6.
6. Таланова М.В. Эффективность норм частного права / М.В. Таланова // Частно-правовые отношения в условиях глобализации. – Saarbrüchen: Lambert academic publishing, 2012. – Часть 1. Глава 7. – С. 109–116.
7. История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под редакцией д.ю.н., проф. Лейста О.Э. – М.: Изд-во «Зерцало», 2000. – 677 с.
8. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 784 с.
9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 410 с.
10. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. / Б.А. Рыбаков - М.: Наука, 1982. – 590 с.
11. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В.Н. Карташов // Развитие молодёжной юридической науки в современном мире. Сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С. 50–55.

12. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т.В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.

13. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В.Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – М.: РГГУ, 2007. – С. 89–94.

14. Dagrón G. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington. – 1994. – P. 27–51.

15. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи / И.П. Медведев. – СПб: Алетейя, 2001. – 575 с.

16. История отечественного государства и права: курс лекций: учеб. пособие / И.В. Архипов [и др.]; под ред. Ю.М. Понихина. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Проспект, 2009. – 304 с.

17. Максуров А.А. Наследование в России и за рубежом: сравнительно-правовое исследование / А.А. Максуров. – М.: Вузовская книга, 2020. – 79 с.

18. Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. Отв. ред. тома А. Г. Маньков. – М.: юрид. лит-ра, 1985. – 511 с.

19. Латкин В.Н. Лекции по истории русского права, читанные в Императорском Училище Правоведения. – СПб.: Типография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. – 500 с.

20. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. – М.: Статут, 2005. – 514 с.

21. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. – СПб.: тип. Я.И. Либермана, 1890. – 342 с.

22. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. – М.: Статут, 2003. – 492 с.

23. Тараборин Р.С. Гражданское законодательство Российской Империи в дореволюционной правовой мысли: к историографии вопроса / Р.С. Тараборин // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 24–30.

24. Таланова М.В. Экономическая функция медиативной юридической практики / М.В. Таланова // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 32–39.

25. Гражданское исполнительное право. Учебник. Под ред. А.А. Власова. – М.: Экзамен, 2004. – 352 с.

26. Максуров А.А. Юридическое проектирование координационных процессов / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Право и бизнес : сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / сост.: И.В. Ершова, Р.Н. Аганина, Т.В. Таёкина. – Москва : Изд-во «Юрист», 2012. – С. 80–87.

27. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г.Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V Межвуз. научн.-практ. конф. / Отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 121–125.

28. Максуров А.А., Макаров И.И. Координация в праве / А.А. Максуров, И.И. Макаров. – Ярославль: ЯФ МФЮА. 2012. – 314 с.
29. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования / В.Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / Отв. ред. П.А.Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
30. Максуров А.А., Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности / А.А. Максуров, С.Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. – Владимир, 2002. – С. 59–64.
31. Мельников Ю.И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар / Ю.И. Мельников // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / Под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семёновой. – Ярославль, 2003. – Вып. 1. – С. 15–18.
32. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В.М. Баранов, В.Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.
33. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V Межвуз. научн.-практ. конф. / Отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 89–94.
34. Максуров А.А., Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А.С. Постнов // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых учёных-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). – Нижний Новгород, 2005. – Вып. 6: Ч. 1. – С. 64–67.

References

1. Maksurov A.A. Federal Property Rights to Real Estate, Monograph. Moscow, Ruscience, 2023, 142 p. (In Russian).
2. Korotkova O.I. Analysis and the Role in Management of State Enterprises and Institutions. *State Power and Local Self-Government*, 2013, no. 5, pp. 14–17. (In Russian).
3. McConnell K.R., Brew S.L. Economics. Moscow, Republic, 1992, vol.2, 400 p. (In Russian).
4. Maksurov A.A. On the Concept of “Corruption Combating” and the Subjects of this Activity. *Dialectics of Corruption Combating. Materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Kazan, Novem-*

---

ber 18, 2022. In 3 volumes. Volume 2. Kazan, Publ. House "Poznanie" Kazan Innovation University, 2023, pp. 314–319. (In Russian).

5. Maksurov A.A. Legislation Is not Coordinated: Lawyer "Sounds" the Alarm. *Our Law*, 2007, no. 3 (22), pp. 5–6. (In Russian).

6. Talanova M.V. The Effectiveness of Private Law Norms. Private Law Relations in the Context of Globalization. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2012, part 1, chapter 7, pp.109–116. (In Russian).

7. Leist O.E. (ed.). History of Political and Legal Doctrines: Textbook for Universities. Moscow, Publ. House "Zertsalo". 2000, 677 p. (In Russian).

8. Dozhdev D.V. Roman Private Law. Moscow, Norma: INFRA, 2023. 784 p. (In Russian).

9. Griбанov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights, Moscow, Statute, 2000, 410 p. (In Russian).

10. Rybakov B.A. Kievan Rus' and Rus' Principalities of the 12th–13th centuries. MoSCOW, Nauka, 1982. 590 p. (In Russian).

11. Kartashov V.N. On the Legal Tactics Coordination. *The Development of Youth Legal Science in Modern World. Collection of Scientific Papers on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference. Tambov, May 15, 2011.* Tambov, 2011, pp. 50–55. (In Russian).

12. Kivlenok T.V. Legal Act as an External Form of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of scientific papers.* Vladimir, VSPU, 2002, pp. 54–58. (In Russian).

13. Chernetsov V.Yu. Psychological Approach to the Study of Problems in Coordination Legal Practice. *Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation. Reports of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007.* Moscow, RSHU, 2007, pp.89–94. (In Russian).

14. Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power. Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994, pp. 27–51. (In English).

15. Medvedev I.P. Legal Culture of the Byzantine Empire. St. Petersburg, Alethea, 2001. 575 p. (In Russian).

16. Arkhipov I.V. et al. The History of the Domestic State and Law: Course of Lectures: Textbook. 2nd ed. Moscow, Prospect, 2009. 304 p. (In Russian).

17. Maksurov A.A. Inheritance in Russia and Abroad: a Comparative Legal Study. Moscow, University Book, 2020. 79 p. (In Russian).

18. Mankov A.G. (ed.). Russian Legislation of the 10th – 20th centuries. Acts of the Zemsky Sobors. Moscow, Legal Literature, 1985. 511 p. (In Russian).

19. Latkin V.N. Lectures on the History of Russian Law, Given at the Imperial Law School. St. Petersburg, Print. House of the St. Petersburg Solitary Prison, 1912. 500 p. (In Russian).

20. Shershenevich G.F. Course in Civil Law. Moscow, Statut, 2005. 514 p. (In Russian).

21. Latkin V.N. Lectures on the External History of Russian Law. St. Petersburg, Ya.I. Liberman Publ. House, 1890. 342 p. (In Russian).

-
22. Meyer D.I. Russian Civil Law. Part 2. Moscow, Statut, 2003. 492 p. (In Russian).
23. Taraborin R.S. Pre-Revolutionary Conception of Civil Legislation in the Russian Empire: Historiography of the Problem. *Business in Law*, 2013, no. 1, pp. 24–30. (In Russian).
24. Talanova M.V. Economic Function of Mediation Legal Practice. *Legislation and Economics*, 2011, no. 11, pp. 32–39. (In Russian).
25. Vlasov A.A. (ed.). Civil Executive Law. Moscow, Exam, 2004. 352 p. (In Russian).
26. Maksurov A.A., Talanova M.V. Legal Design of Coordination Processes. *Law and Business. Collection of Articles of the First Annual International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Professor V.S. Martemyanov, Moscow, 2012*. Moscow, Jurist, 2012, pp. 80–87. (In Russian).
27. Bril G.G. Little–Investigated General Social Functions of Coordination Legal Practice. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V–th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 121–125. (In Russian).
28. Maksurov A.A., Makarov I.I. Coordination in Law. Yaroslavl, Yaroslavl Branch of the Moscow University of Finance and Law, 2012. 314 p. (In Russian).
29. Kartashov V.N. Mechanism of Coordination Regulation. *Bulletin of Scientific Works of the Nizhnekamsk Branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Issue 3. Part 8. Questions of the Theory and History of State and Law*, Nizhnekamsk, 2001, pp. 21–25. (In Russian).
30. Maksurov A.A., Frolov S.E. Principles of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers*. Vladimir, VSPU, 2002, pp. 59–64. (In Russian).
31. Melnikov Yu.I. Forms of Coordination in Law: Coordination Seminar. *Bulletin of Scientific Works of the Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy. Jurisprudence*. Yaroslavl, 2003, pp.15–18. (In Russian).
32. Baranov V.M., Kartashov V.N. The Main Shortcomings of the Coordination Practice for Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage. *Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Provision. Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 6, pp. 11–15. (In Russian).
33. Kartashov V.N. The Legal Practice Coordination of State Bodies: a Look at the Problem of Efficiency. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V–th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 89–94. (In Russian).
34. Maksurov A.A., Postnov A.S. Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. *Russian Law in the Period of Social Reforms. Materials of the Conference of Students, Postgraduates, Applicants and Young Legal Scholars, Nizhny Novgorod, November 26-27, 2004*. Nizhny Novgorod, vol. 6, part 1, 2005. pp. 64–67. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Максуров Алексей Анатольевич - Maksurov Alexey Anatolievich –
кандидат юридических наук, **Candidate of Sciences (Law), Lecturer**
преподаватель

Статья поступила в редакцию 20.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.05.2026 г.; принята к публикации 13.05.2026 г.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 13.05.2026.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

LABOUR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Научная статья

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.7

Зарубин Дмитрий Викторович

Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Севастополь, Россия, dimaaa95.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

Каражан Бекмырза Серикович

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан, karazhan_bs_3@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4927-9634>

Ергалимова Акбопе Нурмуханбетовна

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан, akbope_80kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4143-9100>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ О НОРМАЛЬНОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В развитии проблематики международно-правового регулирования нормальной продолжительности рабочего времени, где уже была предпринята попытка построения целостного научного представления о таком регулировании на универсальном уровне и выдвинуты предложения о принятии нового международного акта, устанавливающего более сокращённую продолжительность рабочего времени, актуальным представляется сравнительный анализ правового регулирования, осуществляемого региональными международными организациями на постсоветском пространстве и европейском континенте. Предопределяется это более тесным региональным сотрудничеством, в рамках которого государства нередко вырабатывают более прогрессивные и конкретизированные трудовые стандарты, чем те, что установлены в универсальных международных актах. Цель: выработать целостное научное представление о действующих региональных стандартах о нормальной продолжительности рабочего времени в сравнительно-правовом контексте. Методы: для достижения поставленной цели использовались общенаучные и частно-научные методы исследования, к которым относятся методы формальной логики, теоре-

тического и эмпирического познания, сравнительно-правовой метод и др. Результаты: представлены особенности правового регулирования нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Содружества Независимых Государств, Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического союза, Совета Европы, Европейского союза. Сформулирован общий вывод о том, что региональные стандарты о нормальной продолжительности рабочего времени, в большей степени, корреспондируют универсальным, находясь с ними на одном и том же уровне. По этой причине региональные акты, положения которых регулируют рассматриваемые общественные отношения в сфере труда, пока не могут стать отправной точкой для совершенствования международных трудовых стандартов на универсальном уровне.

Ключевые слова: международное трудовое право, региональные международные организации, международно-правовое регулирование труда, рабочее время, рабочая неделя, рабочий день, Содружество Независимых Государств, Союзное государство, Евразийский экономический союз, Совет Европы, Европейский союз, международный договор, акты мягкого права.

Для цитирования: Зарубин Д.В., Каражан Б.С., Ергалимова А.Н. Региональные стандарты о нормальной продолжительности рабочего времени: сравнительно-правовой анализ / Д.В. Зарубин, Б.С. Каражан, А.Н. Ергалимова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 95–106.

Original article

Zarubin Dmitry Viktorovich

Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Sevastopol, Russia, dimaaa95.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

Karazhan Bekmyrza Serikovich

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, karazhan_bs_3@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4927-9634>

Yergalimova Akbope Nurmukhanbetovna

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, akbope_80kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4143-9100>

THE REGIONAL STANDARDS OF NORMAL WORKING TIME: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract. In the development of international legal regulation of normal working time, where an attempt has already been made to build a holistic scientific understanding of such regulation at the universal level and proposals for a new international act have been put forward, establishing a shorter working hours, a comparative analysis of the legal regulation carried out by regional international organizations in the post-Soviet space and the European continent seems relevant. This is

predicated by closer regional cooperation, in which states often develop more progressive and concrete labor standards than those established by universal international instruments. Purpose: to develop a comprehensive scientific understanding of current regional standards on normal working time in a comparative legal context. Methods: to achieve this goal, general and specific scientific research methods are used, including formal logic, theoretical and empirical research, comparative legal methods and others. Results: the research presents the specifics of normal working time legal regulation within the Commonwealth of Independent States, the Union State of Russia and Belarus, the Eurasian Economic Union, the Council of Europe and the European Union. A general conclusion has been reached that regional standards on normal working time largely correspond to universal standards. For this reason, regional acts, the provisions of which regulate the social relations in the sphere of labor under consideration, cannot yet become a starting point for improving international labor standards at the universal level.

Keywords: international labor law, regional international organizations, international legal regulation of labor, working time, working week, working day, Commonwealth of Independent States, Union State, Eurasian Economic Union, Council of Europe, European Union, international treaty, soft law acts

For citation: Zarubin D.V., Karazhan B. S., Yergalimova A. N. The Regional Standards of Normal Working Time: Comparative Legal Analysis. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 95–106. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.7

Введение. Продолжая разработку проблемы международно-правового регулирования нормальной продолжительности рабочего времени, в рамках которой уже была осуществлена попытка формирования целостного научного представления о таком регулировании на универсальном уровне и выработка предложений о принятии нового международного акта, устанавливающего более сокращённую продолжительность рабочего времени [1, с. 98–102], представляется целесообразным исследовать регулирование рассматриваемых общественных отношений в сфере труда посредством актов региональных международных организаций, действующих на постсоветском пространстве и европейском континенте.

Обоснованность этого объясняется тем, что благодаря более тесному региональному сотрудничеству государства нередко согласовывают между собой более прогрессивные и детализированные трудовые стандарты, чем те, которые установлены в актах универсальных международных организаций [2, с. 5]. Это, как представляется, может оказать позитивное воздействие в следующих направлениях. Во-первых, повышенные трудовые стандарты регионального уровня могут быть восприняты в процессе совершенствования универсальных международных актов в сфере труда. Во-вторых, положительный опыт одной региональной международной организации в регулировании нормальной продолжительности рабо-

чего времени может быть использован другой организацией такого же уровня. В-третьих, региональные трудовые стандарты могут послужить основой для модернизации внутреннего законодательства о труде разных государств.

Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Содружества Независимых Государств. Начать данное исследование представляется возможным с актов Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), в рамках которого «создана всеобъемлющая нормативно-правовая база, достигнуто единое понимание по самому широкому спектру областей взаимодействия» [3, с. 208]. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. (далее – Конвенция 1995), «более 30 лет являясь по своей правовой природе бесценным актом для становления и развития института защиты прав человека» [4, с. 103], не содержит положений, регламентирующих нормальную продолжительность рабочего времени. С учётом того, что в Преамбуле Конвенции 1995 отражено принятие во внимание договаривающимися государствами, в частности, Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, положения которых предусматривают право каждого на разумное ограничение рабочего времени (ст. 24 Декларации и ст. 7 (d) Пакта), представляется вполне уместным, чтобы аналогичная формулировка также нашла своё отражение и в тексте рассматриваемой конвенции.

По информации депозитария, размещённой в Едином реестре правовых актов и других документов СНГ¹, Конвенция 1995 вступила в силу для Беларуси, Кыргызстана, России и Таджикистана. Анализ трудовых кодексов² этих государств позволяет констатировать то, что все из них на своем национальном уровне придерживаются принципа 40-часовой рабочей недели, что коррелирует с положениями ратифицированной всеми ими Конвенции № 47 (ст. 1) и Рекомендации № 116 (п. 4) Международной организации труда.

Вместе с тем, остаётся открытым вопрос о максимальной продолжительности рабочего дня по общему правилу (для всех категорий работников). Трудовые кодексы Беларуси, Кыргызстана, России и Таджикистана позволяют сформулировать две модели правового регулирования данного вопроса. Первая модель, используемая белорусским³ и российским⁴ законодателями, состоит в регулировании продолжительности ежедневной работы на локальном уровне при условии соблюдения нормы продолжительности рабочей недели,

---

¹ Информация депозитария. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека. URL: <https://eccis.org/reestr2/print/depositary-info?ids=451> (дата обращения: 22.03.2026).

² См.: ст. 112 Трудового кодекса Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296> (дата обращения: 22.03.2026); ст. 51 Трудового кодекса Кыргызской Республики. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39188508#pos=6;-142 (дата обращения: 22.03.2026); ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 22.03.2026); ст. 67 Трудового кодекса Республики Таджикистан. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31960488#pos=6;-144 (дата обращения: 22.03.2026).

³ См.: ст. 115 Трудового кодекса Республики Беларусь.

⁴ См.: ст. 100 Трудового кодекса Российской Федерации.

установленной законом. Вторая модель, используемая кыргызским⁵ и таджикским⁶ законодателями, дополняет рассмотренную выше, поскольку предусматривает установление на уровне закона максимальной продолжительности ежедневной работы при 6-дневной рабочей неделе.

С учётом вышеизложенного представляется возможным предложить две формулировки для дополнения Конвенции 1995, одна из которых более абстрактна, а другая, в большей степени, конкретизирована. Говоря о первой, то её формулировку можно было бы свести к тому, что каждый человек имеет право на разумное ограничение рабочего времени в соответствии с национальным законодательством. Вторая и более детализированная формулировка могла бы быть представлена следующим образом – каждый человек имеет право на разумное ограничение рабочего времени. Нормальная продолжительность рабочей недели не может превышать 40 часов в неделю. Максимальная продолжительность рабочего дня определяется в соответствии с национальным законодательством.

В 1994 г. был утверждён по своей сути рекомендательный документ [5, с. 25] – Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств. В ней прямо указывается на то, что продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю (ст. 8), хотя и не обозначается максимальная продолжительность рабочего дня по общему правилу (для всех категорий работников).

Принятый в 2020 г. модельный Трудовой кодекс для государств-участников СНГ (далее – МТК) регулирует данный вопрос более подробно. Интересно заметить, что еще в середине 90-х гг. прошлого столетия Ю.А. Тихомиров обращал внимание на то, что модельные законодательные акты являются «новым и весьма эффективным каналом влияния международного права на национальные правовые системы» [6, с. 64], хотя и до настоящего времени их потенциал до конца не раскрыт [7, с. 639]. МТК прямо предусматривает, что нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю (ст. 85). Преимуществом данного акта является то, что в нём содержится положение, детально регламентирующее максимальную продолжительность рабочего дня при пятидневной и шестидневной рабочей неделе (ст. 88). Так, в первом случае продолжительность рабочего дня не должна превышать 8 часов. Во втором же случае – 7 часов при условии того, что накануне выходных дней продолжительность работы не может превышать 5 часов.

Подводя итог рассмотренному международно-правовому регулированию нормальной продолжительности рабочего времени в рамках СНГ, можно прийти к выводу о том, что оно отличается использованием юридически необязывающих актов, носящих для государств-участников СНГ рекомендательный характер. При этом, дополнение Конвенции 1995 предложенным выше положением видится весьма целесообразным для совершенствования международно-

⁵ См.: ст. 53 Трудового кодекса Кыргызской Республики.

⁶ См.: ст. 74 Трудового кодекса Республики Таджикистан.

правовой защиты прав работников на разумное ограничение рабочего времени в рамках данной региональной международной организации.

Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Союзного государства. Функционирование Союзного государства (далее – СГ), которое «является одной из "фундаментальных опор" формирующейся архитектуры евразийской интеграции» [8, с. 63], обуславливает повышенный интерес в проведении сравнительно-правового исследования в части регулирования трудовых отношений в России и Беларуси. Причиной этому служит содержащееся в Договоре о создании СГ положение о действии унифицированного трудового законодательства в рамках данного межгосударственного (интеграционного) объединения (ст. 31). Хотя и, как справедливо отмечает К.Л. Томашевский, «данная норма-цель в настоящее время в незначительной степени реализована и во многом не выполняется» [9, с. 152], тем не менее, как видно из вышеизложенного, в части установления нормальной продолжительности рабочей недели (принцип 40-часовой рабочей недели) и рабочего дня (регулирование на локальном уровне при условии соблюдения установленной законом нормы продолжительности рабочей недели) подходы российского и белорусского законодателя, в целом, идентичны.

Важно заметить, что в рамках СГ ведётся активная работа по согласованию политики Российской Федерации и Республики Беларусь в социально-трудовой сфере. 29 января 2024 г. был принят Декрет⁷, утверждающий Основные направления реализации положений Договора о создании СГ на 2024-2026 гг., которые предусматривают продолжение работы по проведению согласованной политики и обеспечению равных прав граждан СГ в социально-трудовой сфере и дальнейшее развитие социально-трудовой сферы по определённым направлениям (п. 9.1)⁸.

Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Евразийского экономического союза. В международно-правовых актах, принятых в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), не содержится положений о нормальной продолжительности рабочего времени. Вместе с тем, в трудовых кодексах всех его государств-членов такие нормы предусмотрены.

В дополнение к представленному в предыдущем разделе данного исследования национально-правовому регулированию рассматриваемой сферы общественных отношений в Беларуси, Кыргызстане и России отметим, что в тру-

---

⁷ Декрет от 29.01.2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024-2026 годы». URL: https://посткомср.пф/upload/iblock/b26/dgyk5hgq842g11l54yab5p2sr5v14p1z/%E2%84%962%20%D0%BE%D1%82%2029.01.24_%D0%94%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%82_%D0%9E%D1%81%D0%BD.%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%2024-26.docx (дата обращения: 25.03.2026).

⁸ Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024-2026 годы. URL: https://посткомср.пф/upload/iblock/abb/xddncm13gmh6yug16ofe1u78rpakogyu/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9E%D1%81%D0%BD.%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%2024-26.doc (дата обращения: 25.03.2026).

довых кодексах Армении⁹ и Казахстана¹⁰ также установлен принцип 40-часовой рабочей недели. Важно отметить, что в регулировании вопроса о максимальной продолжительности рабочего дня (по общему правилу) законодатели двух рассматриваемых государств используют модель, отличающуюся от ранее обозначенных, которая предусматривает прямое ограничение на продолжительность ежедневной работы более 8 часов¹¹.

Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Совета Европы. Действующая в рамках Совета Европы (далее – СЕ) Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г. (далее – ЕСХ) предусматривает обязательства государств-участников в рамках обеспечения права на справедливые условия труда по установлению нормальных/разумных пределов рабочего времени (недели и дня), а также по последовательному снижению продолжительности рабочей недели с учётом роста производительности труда и иных обстоятельств (п. 1 ст. 2). Цель данного положения, как на это обращает внимание Европейский комитет по социальным правам (далее – ЕКСП), состоит в защите безопасности и здоровья работников [10, с. 57]. Отметим, что Европейская социальная хартия 1961 г. (далее – Хартия 1961) также содержит подобное положение (п. 1 ст. 2). В англоязычных текстах двух этих документов используется слово «reasonable», что на русский язык может переводиться как «разумный, умеренный, приемлемый» [11, с. 682].

Как можно заметить, положение ЕСХ не содержит конкретизированного определения того, что следует считать нормальной (разумной) продолжительностью рабочей недели и рабочего дня. Исследователи отмечают, что согласно прецедентному праву ЕКСП, очень длительные рабочие часы, например, 16 часов в течение 24 часов или, при определённых условиях, более 60 часов в неделю, были признаны нарушением ЕСХ [12, с. 51]. Также ЕКСП отметил, что широкое введение рабочей недели продолжительностью менее 40 часов значительно снизило необходимость её последующего сокращения [10, с. 58].

Как известно, принятие международных обязательств по ЕСХ осуществляется посредством гибкой системы, основанной, с одной стороны, на различиях социально-экономического развития государств-членов СЕ, с другой стороны, на предположении постепенного расширения круга таких обязательств [13, с. 108]. На сегодняшний день (март 2026 г.) ЕСХ ратифицирована 36-ю государствами-членами СЕ (исключение составили: Британия, Дания, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Польша, Сан-Марино, Хорватия, Чехия, Швейцария)¹². Среди перечисленных государств четыре также не ратифицировали Хартию 1961

---

⁹ См.: ст. 139 Трудового кодекса Республики Армения. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173461> (дата обращения: 23.03.2026).

¹⁰ См.: ст. 68 Трудового кодекса Республики Казахстан. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 23.03.2026).

¹¹ См.: ст. 139 Трудового кодекса Республики Армения; ст. 71 Трудового кодекса Республики Казахстан.

¹² Chart of signatures and ratifications of Treaty 163. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatyenum=163> (дата обращения: 27.03.2026).

(Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Швейцария)¹³. Двумя государствами данный документ ратифицирован, однако п. 1 ст. 2 не признан в качестве обязательного (Британия, Дания). Соответственно, только четыре государства-члена СЕ (Люксембург, Польша, Хорватия, Чехия) несут международные обязательства согласно п. 1 ст. 2 Хартии 1961¹⁴. Возвращаясь к ЕСХ, отметим, что из 36 ратифицировавших её государств не признали для себя обязательным п. 1 ст. 2 четыре: Австрия, Азербайджан, Болгария, Швеция¹⁵.

Таким образом, международные обязательства по обеспечению нормальной (разумной) продолжительности рабочего дня/рабочей недели и постепенному сокращению продолжительности рабочей недели приняты 36-ю государствами-членами СЕ (32 в соответствии с ЕСХ и 4 согласно Хартии 1961), что составляет 78,3% от их общего числа.

Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках Европейского союза. В действующей в рамках Европейского союза (далее – ЕС) Директиве 2003/88/ЕС Европейского парламента и Совета от 04.11.2003 г. о некоторых аспектах организации рабочего времени (далее – Директива) термин «рабочее время» определяется как любой временной период, в течение которого работник, находясь на рабочем месте в распоряжении работодателя, выполняет свои обязанности и осуществляет свою деятельность, как этого требует национальное законодательство и/или практика (п. 1 ст. 2). Как известно, «директива обязательна в отношении целей и сроков мероприятий и реализуется через национальные законы, рекомендации» [14, с. 86]. Директива предусматривает обязательство государств-членов ЕС принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы, с одной стороны, период еженедельного рабочего времени ограничивался с помощью законов, административных норм/регламентов либо посредством коллективных договоров или соглашений между социальными партнерами, с другой стороны, среднее рабочее время за каждый семидневный период (включая сверхурочные) не превышало 48 часов. Как можно заметить, специального ограничения, устанавливающегося максимальную продолжительность рабочего дня, Директива не содержит.

Также можно отметить Хартию основных прав ЕС 2000 г., которая «отражает стремление повысить уровень и объём правовой защиты основных прав и свобод» [15, с. 93]. П. 2 ст. 31 данного документа предусматривает право каждого работника на ограничение максимальной продолжительности рабочего времени.

Заключение. Подводя итог данному исследованию, сформулируем основные выводы, полученные нами в ходе его проведения.

---

¹³ Chart of signatures and ratifications of Treaty 035. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatyNum=035> (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁴ Reservations and Declarations for Treaty No.035 - European Social Charter (ETS No. 035). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=035&codeNature=0> (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁵ Reservations and Declarations for Treaty No.163 - European Social Charter (revised) (ETS No. 163). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=163&codeNature=0> (дата обращения: 27.03.2026).

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на то, что международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени в рамках СНГ характеризуется использованием актов «мягкого» права, положения которых хотя и отличаются высокой степенью конкретизации, тем не менее, носят для государств-участников СНГ рекомендательный (юридически необязывающий) характер. Во-вторых, интересно отметить, что в части установления нормальной продолжительности рабочей недели (принцип 40-часовой рабочей недели) и рабочего дня (регулирование на локальном уровне при условии соблюдения установленной законом нормы продолжительности рабочей недели) подходы российского и белорусского законодателя, в целом, идентичны, что коррелирует со ст. 31 Договора о создании СГ. В-третьих, можно остановиться на том, что хотя и международно-правовые акты, принятые в рамках ЕАЭС, не содержат положений о нормальной продолжительности рабочего времени, тем не менее, трудовое законодательство всех государств-членов данной международной организации предусматривает такие нормы. Это, как представляется, свидетельствует об обеспечении Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией высокого уровня трудовых прав и гарантий работников в данной сфере. В-четвёртых, международно-правовое регулирование по установлению нормальных/разумных пределов рабочего времени (недели и дня) в рамках СЕ характеризуется функционированием положения, содержащегося в международном договоре, однако носящего абстрактный (неконкретизированный) характер. В-пятых, принятая в рамках ЕС Директива содержит ограничение среднего рабочего времени за каждый семидневный период, однако не предусматривает специального ограничения, устанавливающего максимальную продолжительность рабочего дня.

Таким образом, можно констатировать то, что региональные стандарты о нормальной продолжительности рабочего времени, в большей степени, коррелируют универсальным, находясь с ними на одном и том же уровне. Поэтому в продолжение отмеченной в начале данного исследования идеи о принятии нового международного акта, устанавливающего более сокращённую продолжительность рабочего времени, можно сказать, что региональные акты, положения которых регулируют рассматриваемые общественные отношения в сфере труда, пока не могут стать отправной точкой для совершенствования международных трудовых стандартов на универсальном уровне. Исходя из этого, думается, что значительную роль в этом вопросе может оказать практика отдельных государств по внедрению пилотных проектов, предусматривающих 4-недельную или сокращённую 5/6-недельную рабочие недели. Использование в последующем такой практики на региональном уровне при разработке международных актов видится весьма перспективным, так как «правотворчество как средство согласования частных и публичных интересов должно осуществляться не только на национальном, но и на наднациональном уровне» [16, с. 18]. Этот вопрос, как представляется, может стать предметом дальнейших сравнительно-правовых исследований.

Список источников

1. Зарубин Д.В., Ергалимова А.Н. Международно-правовое регулирование нормальной продолжительности рабочего времени на универсальном уровне: современность и перспективы развития / Д.В. Зарубин, А.Н. Ергалимова // Юридический вестник Самарского университета. – 2025. – Т. 11. № 4. – С. 97–104.
2. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Р.Ш. Давлетгильдеев. – Казань, 2016. – 605 с.
3. Рыпневская А.С. Перспективы взаимодействия государств-участников Содружества Независимых Государств / А.С. Рыпневская // Современная Европа. – 2024. – № 2. – С. 203–211.
4. Крючков В.В. Система защиты прав человека в рамках СНГ: современное состояние дел, проблемы и перспективы / В.В. Крючков // International Law Journal. – 2024. – Т. 7. № 6. – С. 101–107.
5. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств-участников Содружества Независимых Государств в области труда и социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Р.Ш. Давлетгильдеев. – Казань, 1998. – 28 с.
6. Тихомиров Ю.А. Международное и внутреннее право: динамика соотношения / Ю.А. Тихомиров // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 56–66.
7. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 656 с.
8. Курбанов Р.А., Беялова А.М. Правовые основы и пути развития Союзного государства / Р.А. Курбанов, А.М. Беялова // Федерализм. – 2017. – № 3. – С. 63–78.
9. Томашевский К.Л. Унификация трудового законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства / К.Л. Томашевский // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 151–158.
10. Digest of the Case Law of the European Committee of Social Rights, June 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/digest-ecsr-prems-106522-web-en/1680a95dbd> (дата обращения: 26.03.2026).
11. Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений / В.К. Мюллер. – М.: Эксмо, 2013. – 1326 с.
12. Lukas K. The Revised European Social Charter: An Article by Article Commentary. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2021. 398 p.
13. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека: учебное пособие / Р.Ш. Давлетгильдеев. – М.: РУДН, 2017. – 509 с.

14. Тихомиров Ю.А. Национальные законодательства и международное право: параллели и сближения / Ю.А. Тихомиров // Московский журнал международного права. – 1993. – № 3. – С. 80–88.
15. Казинян А.Г. Хартия основных прав Европейского Союза / А.Г. Казинян // Московский журнал международного права. – 2003. – № 1. – С. 70–93.
16. Правотворчество в условиях международной регионализации: монография / А.И. Абрамова, Л.В. Андриченко, Н.С. Бондарь [и др.]; редкол. Т.Я. Хабриева, А.С. Емельянов, М.В. Залоило. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2025. – 224 с.

References

1. Zarubin D.V., Yergalimova A.N. International Legal Regulation of Normal Working Hours at the Universal Level: Modernity and Development Prospects. *Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 4, pp. 97–104. (In Russian).
2. Davletgildeev R.Sh. International Legal Regulation of Labor at the Regional Level. *Doc. Diss.* Kazan, 2016. 605 p. (In Russian).
3. Rypnevskaya A.S. Prospects of Cooperation in the Commonwealth of Independent States. *Contemporary Europe*, 2024, no. 2, pp. 203–211. (In Russian).
4. Kryuchkov V.V. The System of Human Rights Protection within the CIS: Current State of Affairs, Problems and Prospects. *International Law Journal*, 2024, vol. 7, no. 6, pp. 101–107. (In Russian).
5. Davletgildeev R.Sh. International Legal Cooperation of the Member-States of the Commonwealth of Independent States in the Field of Labor and Social Security. *Cand. Diss. Thesis.* Kazan, 1998. 28 p. (In Russian).
6. Tikhomirov Yu.A. International and Domestic Law: Dynamics of the Relationship. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1995, no. 3, pp. 56–66. (In Russian).
7. Avkhadeev V.R., Azarova E.G., Andrichenko L.V. et al. Scientific Concepts of Development of the Russian Legislation: Monograph. *8th ed.* Moscow, Norma Publ., 2024. 656 p. (In Russian).
8. Kurbanov R.A., Belyalova A.M. Legal Basics and Development Directions of the Union State. *Federalism*, 2017, no. 3, pp. 63–78. (In Russian).
9. Tomashevskiy K.L. Harmonization of Employment Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the Framework of the Union State. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 1, pp. 151–158. (In Russian).
10. Digest of the Case Law of the European Committee of Social Rights, June 2022. URL: <https://rm.coe.int/digest-ecsr-prems-106522-web-en/1680a95dbd> (In English).
11. Muller V.K. Complete English-Russian Russian-English Dictionary. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 1326 p. (In Russian).

12. Lukas K. The Revised European Social Charter: An Article by Article Commentary. Cheltenham, Edward Elgar Publ. Limited, 2021. 398 p. (In English).

13. Davletgildeev R.Sh. International Legal Protection of Labor Rights. Moscow, RUDN Publ., 2017. 509 p. (In Russian).

14. Tikhomirov Yu.A. National Legislation and International Law: Parallels and Convergence. *Moscow Journal of International Law*, 1993, no. 3, pp. 80–88. (In Russian).

15. Kazinyan A.G. Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Moscow Journal of International Law*, 2003, no. 1, pp. 70–93. (In Russian).

16. Abramova A.I., Andrichenko L.V., Bondar N.S. et al. Law-Making in the Context of International Regionalization: Monograph. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M Publ., 2025. 224 p. (In Russian).

Информация об авторах

Information about the Authors

Зарубин Дмитрий Викторович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Zarubin Dmitry Viktorovich –Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher, Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Каражан Бекмырза Серикович – доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры международного права, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва

Karazhan Bekmyrza Serikovich – Doctor of Philosophy (PhD), Senior Lecturer of the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University;

Ергалимова Акбопе Нурмуханбетовна – магистр права, докторант кафедры международного права, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва

Yergalimova Akboppe Nurmukhanbetovna – Master of Law, Doctoral Student of the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Статья поступила в редакцию 1.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 11.05.2026 г.; принята к публикации 12.05.2026 г.

The article was submitted 1.04.2026 г.; approved after reviewing 11.05.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.8

Трапезникова Марина Михайловна

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, marina-tr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3405-634X>

Ильина Ирина Михайловна

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, ilina.igps@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0878-1377>

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию федерального и регионального трудового законодательства, регулирующего вопросы, связанные с трудоустройством такой категории граждан как инвалиды, а также анализу актуальной и своевременной в настоящее время проблемы необоснованного отказа работодателя в приёме на работу инвалида. Реализация гражданами конституционного права на труд, его правовая защита и охрана имеют важное теоретическое и практическое значение для укрепления законности и стабильности трудовых правоотношений.

Цель: выявить проблемы правового регулирования трудоустройства инвалидов, сформулировать пути их решения.

Методы: для достижения поставленной цели использовались всеобщие, общенаучные методы, а также специальные методы (системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты: сформулирован вывод о необходимости дополнения содержания Трудового кодекса РФ специальной главой «Особенности регулирования труда инвалидов», что позволит, во-первых, конкретизировать соответствующий правовой статус данной категории работников на федеральном уровне и, во-вторых, урегулировать такие сложные с правовой точки зрения вопросы как, например, установление квоты для приёма на работу инвалидов, определение оснований для отказа в приёме на работу инвалида и некоторые другие вопросы.

Ключевые слова: трудовое законодательство, трудоустройство инвалидов, установление квоты для приёма на работу инвалидов, административная ответственность, нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости.

Для цитирования: Трапезникова М.М., Ильина И.М. О некоторых аспектах правового регулирования трудоустройства инвалидов / М.М. Трапезникова, И.М. Ильина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 107–117.

Original article

Trapeznikova Marina Mikhailovna

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after a Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia, marina-tr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3405-634X>

Ilyna Irina Mikhailovna

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after a Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia, ilina.igps@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0878-1377>

ON THE LEGAL REGULATION OF DISABLED EMPLOYMENT

Abstract. The article is devoted to the study of federal and regional labor legislation regulating issues related to the employment of such category of citizens as disabled, as well as an analysis of such a current problem as unjustified refusal by the employer to hire a disabled person. The realization by citizens of the constitutional right to work, its legal protection is of great theoretical and practical importance for strengthening the legality and stability of labor relations. Purpose: to identify issues in the legal regulation of employment for individuals with disabilities and formulate solutions. Methods: to achieve this purpose, general scientific methods, as well as specialized methods (systemic-structural, formal-legal, and comparative-legal methods) are used. Results: a conclusion has been reached regarding the need to supplement the Russian Federation Labor Code with a special chapter “Specifics of regulating the labor of disabled persons” which will, firstly, clarify the corresponding legal status of this category of workers at the federal level and, secondly, regulate such legally complex issues as, for example, establishing a quota for hiring disabled persons, determining the grounds for refusing to hire a disabled person and some other issues.

Key words: labor law, disabled employment, fixing up quota for hiring disabled, administrative liability, violation of the disabled rights in the field of employment and occupation

For citation: Trapeznikova M.M., Ilyna I.M. On the Legal Regulation of Disabled Employment. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 107–117. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.8

Введение. Анализ статистических данных об общей ситуации на рынке труда позволяет сделать вывод о наметившейся тенденции к сокращению общего количества такой категории граждан как инвалиды. При этом численный состав трудоспособных лиц с ограниченными возможностями здоровья на территории России, напротив, ежегодно увеличивается. Например, в январе 2023 года было выявлено всего 4,15 миллиона трудоспособных инвалидов. При этом процентное соотношение работающих инвалидов в рассматриваемый период составило примерно 25–26 %¹. В свою очередь, в 2024 году наметилась тенденция к увеличению общего числа лиц с ограниченными возможностями здоровья, в том числе трудоспособного возраста. В 2024 году число россиян с инвалидностью в трудоспособном возрасте выросло до 4,212 млн, из них работающих граждан – 1,178 млн. Для сравнения заметим, что в 2023 году этот показатель составлял 1,127 млн человек. Между тем, как отмечает В.М. Сайфутдинова, статистика последних нескольких лет свидетельствует о том, что, например, в Республике Башкортостан «число инвалидов стабильно держится на уровне 250 тысяч человек» [1, с. 89–95].

Определение законодательного порядка установления квоты для приёма на работу инвалидов осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»² (далее – Закон о занятости). В российских регионах в настоящее время действует аналогичный порядок трудоустройства рассматриваемой категории граждан³.

В юридической литературе встречается мнение учёных, согласно которому предприятия в основном не учитывают в своей деятельности требования закона, относящиеся к квотированию рабочих мест для инвалидов [2, с. 121]. Относительно вопроса, касающегося предоставления соответствующих вакансий такой категории граждан мнения учёных неоднозначны. Ряд авторов справедливо, на наш взгляд, предлагают реализовывать специальные программы, основной целью которых будет являться увеличение рабочих мест для инвалидов [3, с. 379-381].

---

¹ Татьяна Голикова провела заседание межведомственной рабочей группы по восстановлению рынка труда [Электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/news/48991/> (дата обращения: 11.01.2026).

² Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 51. – Ст. 9138.

³ См.: например, Закон Санкт-Петербурга от 21.10.2024 № 522-116 «О квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 02.10.2024); Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30.09.2021 № 739 (ред. от 11.08.2025) «О региональном государственном контроле (надзоре) за приёмом на работу инвалидов в пределах установленной квоты»; Областной закон Ленинградской области от 10.06.2024 № 75-оз «О квотировании рабочих мест для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, в Ленинградской области и о внесении изменений в областной закон «Об административных правонарушениях» (принят ЗС ЛО 29.05.2024) и другие нормативно-правовые акты; Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приёма на работу инвалидов» (вместе с «Правилами выполнения работодателем квоты для приёма на работу инвалидов», «Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2026).

Проблемы трудоустройства инвалидов. Обращаясь к анализу правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья, Ф.Г. Аминев акцентирует внимание на том, что «2024 год является значимым и потому, что он прошел под знаком объявленного Президентом России В.В. Путиным Годом семьи» [4, с. 11–12]. Ряд российских регионов разработали специальное законодательство в указанной сфере общественных правоотношений. Например, 2024 год в Республике Башкортостан был объявлен Годом заботы о людях с ограниченными возможностями здоровья⁴. На основании вышеизложенного, можно однозначно констатировать тот факт, что политика российского государства направлена, прежде всего, как на поддержку института семьи в целом, так и на социальную защиту инвалидов в Российской Федерации, в том числе организацию их постоянной занятости и трудоустройства. Заметим, что 2025 год был объявлен Годом защитника Отечества и 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов⁵, а наступивший 2026 год провозглашён Годом единства народов России⁶.

Наиболее актуальными и важными правовыми проблемами, связанными с трудоустройством инвалидов, на наш взгляд, сегодня выступают вопросы, относящиеся, во-первых, к предоставлению специально установленных квот для приёма на работу инвалидов и, во-вторых, к необоснованному отказу работодателей в трудоустройстве такой категории граждан⁷. В этой связи, хотелось бы обратить особое внимание на то, что с 1 сентября 2024 года законодатель предпринял несколько попыток для изменения и дополнения порядка предоставления квот инвалидам при их трудоустройстве как на федеральном, так и на региональном уровне⁸. Так, порядок, предусматривающий квотирование рабочих мест в отношении инвалидов, установлен Постановлением Правительства от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приёма на работу инвалидов»⁹. Между тем, на наш взгляд, важным является то обстоятельство, что с момента вступления в юридическую силу новой редакции вышеуказанного нормативно-правового акта внесённые законодателем

---

⁴ Указ Главы Республики Башкортостан от 25.12.2023 № УГ-1173 «Об объявлении в Республике Башкортостан 2024 года Годом заботы о людях с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

⁵ Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8.02.2026).

⁶ Указ Президента РФ от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 52 (Часть I). – Ст. 8562.

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

⁸ Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приёма на работу инвалидов» (вместе с «Правилами выполнения работодателем квоты для приёма на работу инвалидов», «Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2026).

⁹ Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 (ред. от 08.11.2025) «О порядке выполнения работодателями квоты для приёма на работу инвалидов» (вместе с «Правилами выполнения работодателем квоты для приёма на работу инвалидов», «Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов») // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 23 (часть I). – Ст. 3187.

поправки в трудовое законодательство были направлены исключительно на смягчение соответствующих правовых норм. Согласно новым требованиям у работодателя появилась возможность предоставить два рабочих места по установленной квоте: 1) в случае трудоустройства одного инвалида I группы; 2) при трудоустройстве одного инвалида из числа ветеранов боевых действий, участвовавших в СВО, указанных в ст. 3 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»¹⁰. Аналогичные правила предусмотрены, например, в г. Санкт-Петербурге, где размер квоты для инвалидов согласно региональному законодательству составляет от 2 до 2,5 % от среднесписочной численности работников¹¹. В свою очередь, порядок квотирования рабочих мест в таком субъекте Российской Федерации как Ленинградская область регулируется одновременно как областным законодательством¹², так и иными нормативно-правовыми актами¹³. Так, например, в данном регионе конкретный размер соответствующей квоты варьируется от 1 до 3 %¹⁴ от среднесписочной численности работников.

Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ определяет размер квоты при трудоустройстве инвалидов для тех категорий работодателей, у которых численность работников составляет более 35 человек, в непосредственной зависимости от среднесписочной численности. Субъекты Российской Федерации имеют право устанавливать квоты в пределах 2-4%. Однако закон не определяет, какая именно учитывается численность работников для такого расчёта. Минтруд разъяснил, что при определении размера установленной квоты для приёма на работу инвалидов необходимо исходить из численности работников организации. Размер квоты целесообразно закрепить локальным нормативно-правовым актом исходя из списочной численности работников по состоянию на последний день месяца отчетного квартала (31 декабря, 31 марта, 30 июня, 30 сентября)¹⁵. Согласно

---

¹⁰ Федеральный закон от 12.01.1995 N 5-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168.

¹¹ Закон Санкт-Петербурга от 21.10.2024 № 522-116 «О квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов в Санкт-Петербурге» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2026).

¹² Областной закон Ленинградской области от 10.06.2024 № 75-оз «О квотировании рабочих мест для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, в Ленинградской области и о внесении изменений в областной закон «Об административных правонарушениях» (принят ЗС ЛО 29.05.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2026).

¹³ Постановление Правительства Ленинградской области от 05.02.2025 № 115 «О мерах по реализации областного закона от 10 июня 2024 года № 75-оз «О квотировании рабочих мест для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, в Ленинградской области и о внесении изменений в областной закон «Об административных правонарушениях» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁴ Областной закон Ленинградской области от 15.10.2003 № 74-оз (ред. от 02.11.2024) «О квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 30.09.2003) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁵ Письмо Минтруда России от 30.10.2024 № 16-6/В-1190 «О направлении ответов на поступающие обращения исполнительных органов субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в сфере занятости населения, организаций, граждан, касающиеся выполнения квоты для приёма на работу инвалидов» (вместе с «Ответами на поступившие вопросы о применении отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 709 «О порядке выполнения работодателем квоты для приема на работу инвалидов») // Официальные документы в образовании, № 33, ноябрь, 2024.

разъяснениям Минтруда РФ при установлении квоты работодатель вправе осуществлять учёт специалистов, трудоустроенных на условиях внешнего совместительства, неполного рабочего времени и удалённой работы¹⁶.

Заметим, что предоставление работодателем квот инвалидам носит, как правило, исключительно формальный характер. Существуют и другие причины, связанные с определёнными сложностями при трудоустройстве данной категории граждан, например: непривлекательность рабочих мест, создаваемых работодателями, несоответствие выделяемых рабочих мест квалификации инвалидов и некоторые другие обстоятельства [5, с. 69–76].

Обратим внимание на то, что в некоторых зарубежных странах размер соответствующей квоты может быть значительно выше, чем в нашей стране (например, в ряде зарубежных стран он достигает 5-6 %). Заметим, что в данном случае речь идёт об организациях с численностью работников свыше 20 человек. Кроме того, если обратиться к таким странам как Франция, Австрия, Польша, то здесь численность работников составляет уже 25 человек. Между тем, законодатель ряда стран (например, Испании) устанавливает более высокий размер квоты – 50 человек. Организация, не выполнившая квоту, оплачивает соответствующий взнос в специализированные фонды, целью которых является создание рабочих мест для инвалидов, а также адаптация уже существующего рабочего места [6, с. 152–155].

В юридической литературе также обращается внимание на то обстоятельство, что чаще всего работодатель несёт определённые финансовые затраты, которые были непосредственно направлены на создание безопасных условий труда для инвалидов [5, с. 69–76]. В отношении работодателей законом закреплено право на компенсацию расходов при создании специальных рабочих мест для инвалидов. Так, например, Социальный фонд России вправе предоставить российским юридическим лицам субсидии, которые будут направлены исключительно на возмещение расходов, связанных с созданием и оборудованием специальных рабочих мест для таких граждан. При этом, размер установленной законом выплаты варьируется в пределах до двухсот тысяч рублей на оснащение одного рабочего места для инвалидов I и II групп инвалидности соответственно, а также ветеранов боевых действий при наличии любой группы инвалидности. При этом, занятость инвалида на срок не менее девяти месяцев выступает в качестве базового условия получения соответствующей выплаты. В этой связи, хотелось бы отметить, что Федеральный проект «Активные меры содействия занятости», который является составной частью национального проекта «Кадры»¹⁷, предусматривает возможность выплаты компенсации на создание и оборудование рабочих мест для людей с инвалидностью. Все вышеуказанные нормы, касающиеся предоставления субсидий, были разработаны

¹⁶ КонсультантПлюс: Новости для специалиста по кадрам // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁷ Информация СФР «Работодатели могут компенсировать расходы на рабочие места для инвалидов» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

законодателем с целью повышения заинтересованности со стороны работодателей при трудоустройстве граждан, которые обладают правовым статусом лиц, имеющих нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма.

На практике достаточно часто встречаются споры, относящиеся к дискриминации инвалидов при реализации предусмотренных законодательными нормами их трудовых прав и законных интересов. В свою очередь, из разъяснения Минтруда РФ следует, что исключительно в порядке судебного судопроизводства должен рассматриваться вопрос о наличии дискриминации при трудоустройстве инвалидов¹⁸.

Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что исковые требования, предъявляемые исключительно к работодателю, преимущественно связаны с незаконным отказом в трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями здоровья¹⁹. В такой ситуации, как правило, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в бесспорном порядке отменяет ранее вынесенные решения суда первой инстанции, связанные с отказом в удовлетворении исковых требований. В юридической литературе высказываются различные мнения по данному вопросу. Например, по мнению В.В. Андриановой, базовым основанием для отказа или ограничения в трудоустройстве такой особой категории граждан как инвалиды следует однозначно признать ненадлежащий уровень профессиональной подготовки работника [7, с. 40–44].

Анализ судебных решений, которые направлены на урегулирование споров, связанных с порядком квотирования рабочих мест для инвалидов, свидетельствует о том, что суды достаточно часто рассматривают соответствующие категории споров. Верховный Суд РФ²⁰ акцентирует внимание на том, что в качестве невыполнения квоты необходимо рассматривать ситуацию, когда работодатель отказывает инвалиду в трудоустройстве без достаточных на то оснований либо уклоняется от заключения трудового договора, а выполнение установленной квоты зависит не только от работодателя, но и от волеизъявления граждан на заключение трудового договора.

Проиллюстрируем вышеуказанные обстоятельства примерами из судебной практики. Так, при рассмотрении трудового спора судом не было обнаружено доказательств, подтверждающих отказ или уклонение организации от трудоустройства инвалидов. Напротив, организацией предпринимались все необходимые меры для выполнения установленной квоты: направлялись сведения о создании квотируемых рабочих мест для инвалидов в службу занятости населения, проводились собеседования с гражданами. Однако к положительному решению вышеуказанные действия не привели. Приведём ещё один

---

¹⁸ Приказ Минтруда России от 09.11.2017 № 777 «Об утверждении методических рекомендаций по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2026).

¹⁹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6, июнь, 2022.

²⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

пример из судебной практики. Так, истец предъявил в суд несколько требований: 1) о признании незаконным отказа в приёме на работу и обязанности принять его на работу; 2) об обязанности выплатить ему заработную плату; 3) о взыскании компенсации морального вреда. Истец указал, что он обратился к ответчику с письменным заявлением, в котором просил принять его на работу по установленной квоте для приёма на работу инвалидов, однако ответа от работодателя на заявление не последовало. Суд отказал в удовлетворении всех заявленных истцом требований²¹. В отдельных случаях суды удовлетворяют аналогичные требования истцов. Например, работник предъявил в суд несколько требований: 1) об оспаривании отказа при заключении трудового договора; 2) о взыскании компенсации морального вреда; 3) о взыскании компенсации материального ущерба. Между тем, из обстоятельств дела следует, что истец, являясь инвалидом II группы по общему заболеванию бессрочно, согласно направлению на работу по квоте для инвалидов был направлен для замещения свободного рабочего места в федеральное государственное бюджетное учреждение. При проведении собеседования представитель ответчика потребовал у истца предъявить справку о наличии (отсутствии) судимости. Истец отказался представлять справку, в связи с чем в трудоустройстве ему было отказано. Суд требование об оспаривании отказа при заключении трудового договора удовлетворил полностью, требование о взыскании компенсации морального вреда удовлетворено в части, и, наконец, в удовлетворении требования о взыскании компенсации материального ущерба было полностью отказано²².

Обоснованный вывод о распространении споров, относящихся к порядку предоставления квот инвалидам, формулируют некоторые учёные, исследующие проблемные вопросы трудовых правоотношений. Как полагает Т.С. Масловская, чаще всего основные проблемы при трудоустройстве такой категории граждан как инвалиды возникают из-за того, что работодатели довольно часто в полном объёме не соблюдают требования, установленные ст. 24 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», в части установления квот для лиц с ограниченными возможностями здоровья [2, с. 121].

В целях уменьшения количества трудовых споров по вопросу трудоустройства инвалидов был разработан Проект Федерального закона № 537160-8, который внёс существенные изменения и дополнения в статью 5.42 КоАП РФ. Согласно вышеуказанному законопроекту административную ответственность теперь будут нести исключительно индивидуальные предприниматели и юри-

---

²¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.08.2025 № 88-13532/2025 (УИД 04RS0021-01-2024-008039-20) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.01.2026).

²² Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2023 № 88-37553/2022 (УИД 91RS0024-01-2020-001109-79) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

дические лица²³. Аналогичные правовые нормы были также предусмотрены в действующем региональном законодательстве²⁴. Как справедливо, на наш взгляд, считает В.В. Андрианова, в трудовое законодательство следует внести дополнения, направленные на изменение размера установленного законом штрафа по статье 5.42 КоАП РФ. При этом автор полагает, что размер соответствующих штрафных санкций должен быть увеличен в отношении должностных лиц, а для юридических лиц необходимо установить административную ответственность. Основной целью вышеуказанных законодательных мер выступает поддержка рынка труда и предоставление инвалидам возможности осуществлять трудовую деятельность дистанционно, не выезжая из региона, в котором они проживают [7, с. 40–44]. Заметим, что в судебной практике встречаются дела о привлечении к ответственности работодателей по ч. 1 ст. 5.42 КоАП РФ за нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости. Как, например, следует из материалов дела об административном правонарушении, судом были сформулированы выводы о неправомерности действий работодателя. Суд пришёл к обоснованному выводу о том, что в соответствии с нормативными положениями работодатель обязан не только создать и выделить рабочие места для трудоустройства инвалидов в пределах установленной квоты, но также сохранить данные места вакантными, при этом трудоустройство на квотируемые рабочие места иных граждан, не являющихся инвалидами, противоречит сущности порядка предоставления рабочих мест, целью которого является защита прав и законных интересов инвалидов. Исковое требование по данному делу удовлетворено в полном объёме²⁵.

Заключение. Многочисленные иски, предъявляемые инвалидами в судебные инстанции, являются, на наш взгляд, достаточным основанием для совершенствования правового механизма трудоустройства данной категории граждан. В этой связи, считаем целесообразным дополнить содержание Трудового кодекса Российской Федерации специальной главой «Особенности регулирования труда инвалидов», что позволит, во-первых, конкретизировать соответствующий правовой статус данной категории работников на федеральном уровне и, во-вторых, урегулировать такие сложные с правовой точки зрения вопросы как, например, установление квоты для приёма на работу инвалидов, закрепление в законе оснований для необоснованного отказа работодателя в приёме на работу инвалидов и некоторые другие неурегулированные вопросы, касающиеся трудоустройства инвалидов.

---

²³ Паспорт проекта Федерального закона № 537160-8 «О внесении изменения в статью 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части усиления административной ответственности для работодателей за неисполнение обязанности по выделению рабочих мест для трудоустройства инвалидов)» (внесён депутатами Государственной Думы ФС РФ О.Н. Смолиным, И.И. Мельниковым, А.А. Алехиным, Н.В. Коломейцевым) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2026).

²⁴ КонсультантПлюс: Новое в законодательстве Санкт-Петербурга «Обзор документов, введённых в информационный банк с 3 августа по 25 октября 2024 года» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.01.2026).

²⁵ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2023 № 16-319/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

Список источников

1. Сайфутдинова В.М. Особенности предоставления социальной услуги / В.М. Сайфутдинова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – Т. 7. – № 4 (24). – С. 89–98.
2. Масловская Т.С. Трудоустройство и трудовая деятельность инвалидов (по законодательству Российской Федерации): Монография / Т.С. Масловская. – М.: Издательство «Спутник+», 2017. – 121 с.
3. Хафизова Г.Р., Бармина Н.А. Современные проблемы трудоустройства инвалидов по зрению в Республике Башкортостан / Г.Р. Хафизова, Н.А. Бармина // Финансовые рынки и банковская система в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Воронеж 02 декабря 2018 г. – Воронеж : Воронежский экономико-правовой институт, 2018. – С. 379–381.
4. Аминев Ф.Г. Уважаемые читатели! / Ф.Г. Аминев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – Т. 7. – № 4 (24). – С. 11–12.
5. Дубинкин Р.Р., Черкашина Н.В. Квотирование рабочих мест и иные проблемы трудоустройства инвалидов / Р.Р. Дубинкин, Н.В. Черкашина // Журнал *Via scientiarum – Дорога знаний*. – 2021. – № 4. – С. 68–75.
6. Шипунова О.А. Трудоустройство инвалидов: российский и зарубежный опыт / О.А. Шипунова // Управление развитием социально-экономических систем: сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Лазарев. – Ульяновский государственный технический университет. – Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2018. – С. 152–155.
7. Андрианова В.В. Привлечение к административной ответственности за нарушение прав инвалидов в области трудоустройства / В.В. Андрианова // Диалог мнений. – 2020. – № 2 (16). – С. 40–44.

References

1. Saifutdinova V.M. Social Service Provision Characteristics. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4(24), pp. 89–98. (In Russian).
2. Maslovskaya T.S. Employment and Work Activities of Persons with Disabilities (According to the Legislation of the Russian Federation): Monograph. Mocsow, Publ. House “Sputnik +”, 2017. 121 p. (In Russian).
- 3.. Khafizova G.R., Barmina N.A. Current Problems of Visually Impaired People Employment in the Republic of Bashkortostan. *Financial Markets and Banking System in the Digital Economy: Problems and Prospects. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Voronezh, December 2, 2018*. Voronezh, Voronezh Economic and Law Institute, 2018, pp. 379–381. (In Russian).
4. Aminev F.G. Dear Readers! *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4 (24), pp. 11–12. (In Russian).

5. Dubinkin R.R., Cherkashina N.V. Job Quotas and Other Problems of Employment of Disabled People. *Via Scientiarum – The Road of Knowledge*, 2021, no. 4, pp. 68–75. (In Russian).

6. Shipunova O.A. The Disabled People Employment: Russian and Foreign Experience. *Management of the Socio-Economic Systems Development. Collection of Scientific Papers of the Ulyanovsk State Technical University*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University, 2018, pp. 152–155. (In Russian).

7. Andrianova V.V. Bringing to Administrative Responsibility for Violation of the Employment Rights of Persons with Disabilities. *Dialog*, 2020, no. 2 (16), pp. 40–44. (In Russian).

Информация об авторах

Information about the Authors

Трапезникова Марина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

Trapeznikova Marina Mikhailovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure;

Ильина Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

Ilyna Irina Mikhailovna – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

Статья поступила в редакцию 15.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 01.06.2026 г.; принята к публикации 02.06.2026 г.

The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 01.06.2026; accepted for publication 02.06.2026.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.9

Иванова Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия, ivas-1977@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2654-946X

Желенкова Марина Романовна

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия, zhelenkova2003@mail.ru

СУДЕБНАЯ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена ростом количества объектов самовольного строительства и необходимостью совершенствования механизмов доказывания по уголовным делам о нарушениях правил безопасности при ведении строительных работ. Цель исследования – определить теоретические и практические аспекты применения заключений судебной строительно-технической экспертизы при уголовно-правовой оценке самовольных построек, выявить существующие проблемы доказывания и предложить пути их решения. Методы исследования: эмпирические методы, сравнение, описание; теоретические методы формальной и диалитической логики; частнонаучные методы юридико-догматического толкования и моделирования. Результаты: в научной статье проанализированы нормативные критерии отнесения построек к категории самовольных, выявлены особенности установления причинно-следственной связи между нарушениями строительных норм и наступившими последствиями, обоснована необходимость применения современных методик неразрушающего контроля и компьютерного моделирования. Обосновывается, что соблюдение принципа единства формы и содержания экспертного исследования является необходимым условием допустимости заключения эксперта в качестве доказательства. Выводы: судебная строительно-техническая экспертиза выступает одним из основных инструментов доказывания по уго-

ловным делам, связанных с самовольным строительством; её дальнейшее совершенствование данного направления требует разработки унифицированных методических рекомендаций и внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: судебная строительно-техническая экспертиза, самовольное строительство, уголовно-правовая оценка, доказывание, причинно-следственная связь, объект незавершенного строительства.

Для цитирования: Иванова Е.С., Желенкова М.Р. Судебная строительно-техническая экспертиза в механизме уголовно-правовой оценки самовольного строительства: вопросы теории и практики доказывания / Е.С. Иванова, М.Р. Желенкова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 118–132.

Original article

Ivanova Elena Sergeevna

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia, ivas-1977@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2654-946X

Zhelenkova Marina Romanovna

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia, zhelenkova2003@mail.ru

FORENSIC STRUCTURAL ENGINEERING IN THE MECHANISM OF CRIMINAL LAW EVALUATION OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTIONS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE OF PROOF

Abstract: The relevance of this research is determined by the growing number of unauthorized construction and the need to improve the proof mechanisms in criminal cases for violations of safety regulations during construction work. The purpose of the study is to determine the theoretical and practical aspects of forensic structural engineering application in the criminal law assessments of unauthorized construction, to identify existing problems of proof and to propose solutions. Research methods: empirical methods (comparison and description); theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods of legal-dogmatic interpretation and modeling. Results: the scientific article analyzes the regulatory criteria for classifying buildings as unauthorized, identifies the specifics of establishing a causal link between violations of building regulations and the ensuing consequences and substantiates the need to apply modern non-destructive control and computer modeling. It is substantiated that compliance with the principle of unity of form and content of an expert examination is a prerequisite for the admissibility of an expert's opinion as evidence. Conclusions: forensic structural engineering is one of the primary tools of proof in criminal cases involving unauthorized construction; further improvement in this area requires the development of standardized methodological recommendations and the implementation of digital technologies.

Keywords: forensic structural engineering, unauthorized construction, criminal law assessment, evidence, causality, object under construction

For citation: Ivanova E.S., Zhelenkova M.R. Forensic Structural Engineering in the Mechanism of Criminal Law Evaluation of Unauthorized Constructions: Issues of Theory and Practice of Proof. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 118–132. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.9

Введение. Необходимость в судебной строительно-технической экспертизе в Российской Федерации возрастает с увеличением уровня урбанизации и одновременным увеличением количества объектов, возведённых с нарушением градостроительных и строительных норм¹, нарушающих права граждан и организаций, что обуславливает потребность их уголовно-правовой оценки. В механизме доказывания по уголовным делам, где самовольное строительство совершено вопреки установленному законом порядку (ст. 330 УК РФ), где при строительстве были незаконно присвоены материалы или средства (ст. 160 УК РФ), где при ведении строительных или иных работ были нарушены правила безопасности, в результате чего причинён по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть (ст. 216 УК РФ), а также для квалификации деяний по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» ключевая роль принадлежит судебной строительно-технической экспертизе как основному источнику получения доказательств наличия либо отсутствия состава преступления.

1. Понятие и признаки самовольной постройки в контексте уголовно-правой оценки. Уголовное законодательство не содержит понятия самовольного строительства, которое, как правило, регулируется гражданским законодательством. Однако незаконные действия при возведении объектов могут подпадать под действие Уголовного кодекса РФ, поэтому обратимся к положениям Гражданского кодекса РФ, согласно п. 1 ст. 222 которого самовольной постройкой признаются здание, сооружение или другое строение, возведённые или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешённое использование которого не допускает строительства на нём данного объекта, либо возведённые или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил².

---

¹ Самовольные постройки: что изменилось в 2025 году и к чему готовиться в 2026-м [Электронный ресурс] // URL: https://dzen.ru/a/aYoFtB5z_Qdr7XHb; Самовольное строительство в России: от локальной проблемы до системного кризиса [Электронный ресурс] // URL: <https://moskva.ru/2025/09/10/406522.html?amp>; На северо-востоке Москвы за год снесли 108 самостроев [Электронный ресурс] // URL: <https://www.arendator.ru/news/190182> (дата обращения: 21.03.2026).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2026).

В юридической научной литературе выделяют три группы признаков, позволяющие отнести объект к категории самовольных построек: «нарушение установленного законом порядка предоставления земельного участка под строительство; осуществление строительства без установленных законодательством разрешений; нарушение строительных и градостроительных норм» [1, с. 4].

Для уголовно-правовой оценки, в частности при квалификации деяний по ст. 216 УК РФ (Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ), определяющее значение имеет установление факта нарушения строительных норм и правил, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. В этом контексте судебная строительно-техническая экспертиза выступает единственным процессуальным средством, позволяющим установить наличие указанных нарушений и их причинно-следственную связь с наступившими последствиями.

Дискуссионным остается вопрос о возможности признания объектом самовольного постройки незавершенного строительства. Обоснованной представляется позиция, согласно которой «объект незавершенного строительства может быть признан недвижимой вещью на стадии котлована с залитым фундаментом, поскольку характеристики залитого фундамента уже определяют характеристики будущей постройки [1, с. 5].

Указанный подход имеет значение для уголовно-правовой оценки, поскольку возведение строительных конструкций с нарушениями на ранних стадиях может создавать угрозу жизни и здоровью граждан в равной степени, как и завершенный объект.

В качестве иллюстрации механизма использования судебной строительно-технической экспертизы для уголовно-правовой квалификации рассмотрим заключение экспертов по результатам визуального осмотра и инструментального обследования объекта.

Илл. 1. Фотофиксация осмотра на признаки аварийного состояния исследуемого объекта

Экспертами было установлено, что дом является объектом незавершённого строительства. Перед экспертами был поставлен вопрос, в том числе, о соответствии объекта градостроительным, строительным, санитарным и противопожарным нормам, а также о наличии угрозы жизни и здоровью граждан. С точки зрения уголовного права, именно эти обстоятельства составляют содержание объективной стороны ст. 238 УК РФ.

В ходе исследования эксперты провели откопку двух шурфов, выявили старую фундаментную плиту и установили, что новый дом возведён в границах прежнего фундамента, то есть является результатом реконструкции, а не нового строительства. Инструментальные измерения (лазерный дальномер) показали, что высота здания (9,83 м), высота этажей (более 2,8 м) и расстояние до соседних строений соответствует нормам СП 53.13330.2019 и требованиям пожарной безопасности (ст. 69 Федерального закона № 123-ФЗ)³. При осмотре несущих конструкций не было выявлено трещин, деформаций или отклонений от вертикали, угрожающих обрушением.

Вывод экспертов: «Не создаёт угрозу жизни и здоровью граждан, не нарушает права иных лиц»⁴.

Уголовно-правовой анализ примера. Данное заключение демонстрирует, как судебная строительно-техническая экспертиза может работать «в обе стороны» механизма уголовно-правовой оценки:

Оправдательная функция – если экспертиза устанавливает отсутствие угрозы и соответствие нормам, то состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ, отсутствует. В рассматриваемом случае даже при наличии формальных признаков самовольного строительства (отсутствие разрешения) уголовное преследование невозможно, поскольку нет главного элемента – угрозы жизни и здоровью. Это соответствует разъяснению Пленума Верховного Суда РФ о том, что для привлечения к ответственности по ст. 238 УК РФ требуется установить, что нарушения требований безопасности реально создавало угрозу причинения вреда⁵.

Обвинительная функция – если бы при откопке шурфов эксперты обнаружили, что новый фундамент залит с грубыми нарушениями, например, несоответствие проекту, низкую марку бетона, отсутствие гидроизоляции, различные деформации, а надземные конструкции возведены без учёта несущей способности старой плиты, то даже на стадии незавершённого строительства (котлован и фундамент) можно было бы сделать вывод о наличии угрозы обрушения. Такой вывод стал бы прямым доказательством по уголовному делу о преступ-

³ Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2026).

⁴ Экспертная практика ООО «Экспертный центр проектирования и строительства» г. Санкт-Петербург.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2026).

лении, предусмотренном ч. 1 ст. 238 УК РФ (в части выполнения работ, не отвечающих требованиям безопасности), а при наступлении тяжких последствий (например, обрушение при строительстве) – по ч. 2 или ч. 3 ст. 238 УК РФ⁶.

Таким образом, именно экспертное установление факта реконструкции в границах старого фундамента в сочетании с инструментальным подтверждением отсутствия деформации и соблюдения нормативных отступов позволяет отграничить гражданско-правовой спор от уголовного преследования. Обратная ситуация (новый фундамент, деформации, нарушение отступов) формировала бы доказательственную базу для обвинения по ст. 238 УК РФ.

Приведённый пример подтверждает, что судебная строительно-техническая экспертиза является важным источником доказательств для установления таких признаков объективной стороны преступлений, связанных с самовольным строительством, как:

- угроза жизни и здоровью (ст. 238 УК РФ);
- уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ);
- нарушение правил безопасности при ведении строительных работ (ст. 216 УК РФ).

2. Процессуальные особенности назначения и производства строительно-технической экспертизы по уголовным делам. В уголовном судопроизводстве назначение и производство судебной строительно-технической экспертизы осуществляется в порядке, установленном ст.ст. 195–207 УК РФ. Паринова Д.В. утверждает, что «назначение и производство строительно-технической экспертизы в уголовном процессе, с одной стороны, подчиняется общим правилам осуществления экспертной деятельности, а с другой – данный вид экспертизы имеет ряд особенностей, обуславливающих практику экспертных исследований в процессе установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [2, с. 1].

Предметом экспертного исследования по уголовным делам, связанным с самовольным строительством, выступают обстоятельства, свидетельствующие о нарушении правил безопасности при ведении строительных работ, в том числе:

- нарушение санитарных норм при организации и проведении строительных работ, пренебрежение правилам безопасности;
- «наличие причинно-следственных связей между отступлением от правил техники безопасности и наступившими неблагоприятными последствиями» [2, с. 2];
- соответствие применяемых строительных материалов и оборудования требованиям безопасности.

Для полноценного производства судебной экспертизы данного вида необходимо обеспечение эксперта полным комплексом исходных материалов, включающим проектную документацию в стадии «проект» и «рабочий проект»; договорную документацию: непосредственно договор подряда, техническое задание, графики производства работ, сметная документация; исполнительную

---

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

документацию: чертежи, акты освидетельствования скрытых работ, акты испытания инженерных сетей, акты сдачи-приёмки работ по форме «КС-3» (при индивидуальном малоэтажном строительстве – их упрощённые аналоги, предусмотренные договором подряда, сертификаты на используемые материалы и оборудование; документы делового оборота (переписка сторон, заявления, письма с замечаниями и т.д.), имеющие отношение к предмету экспертизы.

3. Проблемы установления причинно-следственной связи при производстве строительно-технической экспертизы. Одной из наиболее сложных задач судебной строительно-технической экспертизы является установление причинно-следственной связи между допущенными нарушениями строительных норм и правил, а также наступившими последствиями. В процессе производства экспертизы, по мнению Бутырина А.Ю. и Тереховой Е.А., «в качестве возможных рассматриваются все стадии жизненного цикла здания или сооружения, которые уже прошёл претерпевший аварию объект» [3, с. 6].

При этом, как обоснованно отмечается, «при обрушении зданий и сооружений их проекты остаются в неизменном виде при том, что в результате аварий строительные объекты претерпевают изменения, зачастую скрывающие все ошибки и недостатки, допущенные при их возведении и эксплуатации» [3, с. 12]. Данное обстоятельство создаёт риск смещения экспертных версий в сторону ошибок проектировщиков. В этой связи авторами предлагается «в качестве основных, с нашей точки зрения, причин аварий в строительстве в условиях неочевидности рассматривать ошибки строителей и сотрудников эксплуатирующих организаций, выдвигая соответствующие экспертные версии в качестве приоритетных» [3, с. 13].

Проблема установления причинно-следственной связи усугубляется недостаточным уровнем квалификации судебных экспертов в процессуальных вопросах. Как указывают Шеина С.Г. и Аль-Згуль И.Х., «судебные строительные эксперты, обладая высоким уровнем специальных знаний в строительной области, одновременно с этим бывают слабо подготовлены в процессуальных вопросах, не владеют навыком логически безупречного написания экспертного заключения, а также опытом ведения споров и полемическими приёмами» [4, с. 7].

4. Современные методы исследования объектов самовольного строительства. Внедрение цифровых технологий в строительную отрасль предъявляет повышенные требования к специальным познаниям судебного эксперта в сфере строительства и открывает новые возможности для экспертных исследований. К числу перспективных направлений относится применение метода неразрушающего контроля. Как отмечается в работе Гуляка И.Ю., «в числе новейших методов производства экспертизы можно назвать метод неразрушающего контроля самовольной постройки, конкретно метод теплового контроля» [5, С. 239].

Метод основан на дистанционной регистрации тепловизором температурного поля на поверхности конструкции, между внутренней и наружной сторонами которых существует устойчивый перепад температур. Любые локальные изменения теплофизических свойств (нарушение сплошности теплоизоля-

ции, увлажнение материала, конструктивные мостики холода, участки инфильтрации воздуха) приводят к появлению температурных аномалий, фиксируемых в виде термограмм.

С практической точки зрения тепловизионный контроль обладает рядом преимуществ, важных для экспертной деятельности: безопасность (дистанционное измерение исключает риск повреждения объекта и не требует контакта с потенциально опасными зонами), высокая производительность (обследование больших площадей выполняется за короткое время), экономическая эффективность (раннее выявление дефектов позволяет минимизировать затраты на последующее восстановление) и универсальность (метод применим к различным материалам и типам конструкций).

В зависимости от поставленных задач эксперты реализуют две основные разновидности тепловизионного контроля: термографический осмотр (предварительное сканирование для формирования общей характеристики объекта и выявления участков с нарушенными теплозащитными свойствами) и термографическое обследование (детальное исследование с сохранением термограмм в памяти прибора или на внешних носителях, позволяющие провести количественную оценку параметров теплопередачи).

К числу задач, решаемых с помощью теплового контроля в рамках судебной строительно-технической экспертизы, относятся: выявление скрытых нарушений теплозащиты, оценка фактического сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций, определение участков неконтролируемой инфильтрации воздуха, проверка работы вентиляционных систем в части теплового режима, а также промерзания или деградации материалов, что может свидетельствовать о нарушении строительных норм или аварийном состоянии.

Проведение теплового контроля в экспертной практике регламентируется, в частности, национальным стандартом ГОСТ Р 54852–2024 «Здания и сооружения. Методы определения показателей теплозащитной оболочки на базе тепловизионного обследования и натурных измерений».

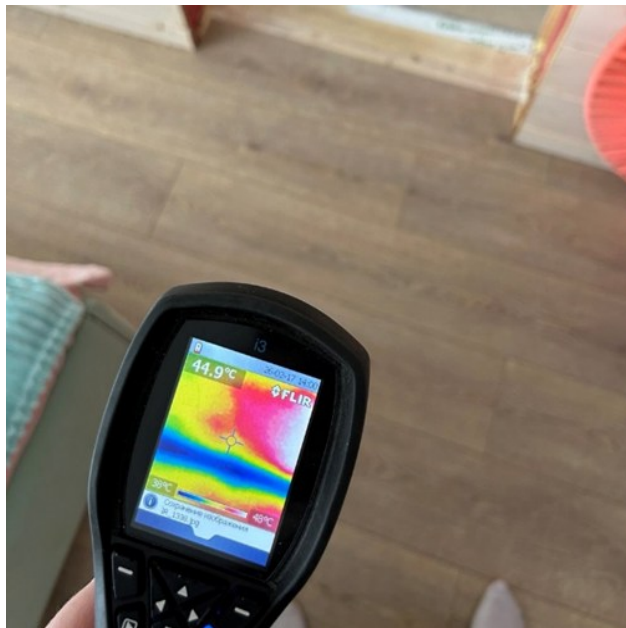
Следует отметить, что тепловизионный контроль применяется не только при исследовании объектов самовольного строительства, но и в рамках экспертиз по уголовным делам, связанным с нарушением правил безопасности при эксплуатации жилых и общественных зданий.

В качестве иллюстрации рассмотрим случай, не относящийся к самовольной постройке, но показательный с точки зрения доказательственного значения метода. При обследовании жилого помещения тепловизором была зафиксирована аномалия температурного поля системы «тёплый пол».

Зафиксирована температура 44,9°C. Данное значение более чем в 1,7 раза превышает предельно допустимую температуру поверхности для помещений с постоянным пребыванием людей (26°C согласно СП 60.13330.2020). Такой локальный перегрев создаёт:

– риск повреждения отделочных материалов (плитки, напольного покрытия);

– свидетельствует о грубом дефекте монтажа (например, пересечение греющих кабелей, близость трубы горячего водоснабжения).

Илл.2 Фотофиксация аномального перегрева системы «тёплого пола»

С позиции уголовно-правовой оценки выявленный дефект имеет принципиальное значение, поскольку он зафиксирован в спальне – помещении с длительным пребыванием людей. Температура поверхности в определённом участке составляет 44,9°C. При длительном контакте с данным участком высокий риск получить термический ожог. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, для квалификации деяния по ст. 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) необходимо установить, что нарушение требований безопасности реально создавало угрозу причинения вреда жизни и здоровью⁷. В рассматриваемом случае наличие скрытого дефекта системы «тёплый пол», выявленного благодаря тепловому контролю, подтверждает существование угрозы здоровью, причём угроза носит длящийся характер – она сохраняется на протяжении всего периода эксплуатации объекта.

Таким образом, тепловой контроль выступает не только эффективным инструментом выявления скрытых дефектов, но и важным источником доказательственной информации при установлении соответствия или несоответствия объекта обязательным требованиям безопасности, что имеет прямое значение для уголовно-правовой оценки деяний, связанных с самовольным строительством и нарушением правил безопасности при производстве работ (ст. 216, 238 УК РФ).

В ряду инновационных инструментов, применяемых в судебной строительной-технической экспертизе, особое место занимает компьютерное моде-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2026).

лирование, что выступает особенностью методического обеспечения данных экспертиз [6, с. 154–155]. Его ценность для уголовного судопроизводства выражается в способности воссоздавать механизм разрушения строительных объектов, в том числе и самовольных построек, а также устанавливать причинно-следственную связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями. «Потребность в моделировании при производстве судебных строительно-технических экспертиз по уголовным делам возникает при решении каузальных задач. Задачи данного вида предусматривают установление наличия причинной связи между отступлениями от требований специальных правил и произошедшим событием (аварией, несчастным случаем, крупным ущербом) [7, с. 15]. Использование численных методов позволяет эксперту выйти за рамки визуального осмотра и традиционных расчётов, предоставляя суду доказательства, основанные на математически обоснованных сценариях развития происшествия.

Основным результатом моделирования выступает метод конечных элементов (МКЭ), реализованный в специализированных программных комплексах (SCAD, «Ли́ра», Ansys и др.). Эксперт создает расчётную модель здания или его фрагмента, вводя фактические геометрические параметры, физико-механические характеристики материалов, реально действующие нагрузки (постоянные, временные, особые). Преимуществом такого подхода является возможность варьировать параметры – например, моделировать ослабление узлового соединения, изменение прочности бетона вследствие заводского брака, увеличение снеговой нагрузки с учётом ветрового переноса. Сравнивая результаты моделирования с реальной картиной обрушения (характером разрушения, положением обломков, деформациями уцелевших конструкций), эксперт получает объективную основу для подтверждения или опровержения выдвинутых версий о причинах аварии. Моделирование даёт возможность не только идентифицировать техническую причину, но и определить, на каком этапе жизненного цикла объекта – проектирование, строительство или эксплуатация – были допущены критические нарушения.

Порядок применения компьютерного моделирования при производстве регламентируется СП 333.1325800.2020 «Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов на различных стадиях жизненного цикла». Соблюдение требований данного свода правил обеспечивает воспроизводимость расчётов и придаёт заключению эксперта статус научно-обоснованного и объективного доказательства.

Для уголовно-правовой квалификации заключение судебной строительно-технической экспертизы, содержащей результаты такого компьютерного моделирования, имеют прямое доказательственное значение для установления объективной стороны преступления, предусмотренного ст.ст. 216, 238 УК РФ. Применительно к самовольным постройкам, возведённым без проектной документации или с грубыми отступлениями от норм, моделирование позволяет

подтвердить и продемонстрировать, что объект изначально создавал угрозу жизни и здоровью граждан.

5. Соблюдение принципа единства формы и содержания при производстве судебной строительно-технической экспертизы. Результативность судебной строительно-технической экспертизы в уголовном процессе во многом определяется соблюдением принципа единства формы и содержания. Как справедливо подчёркивается, «успех проведения экспертизы зависит от единства и гармоничного сочетания профессионально выполненной содержательной части экспертного исследования, соблюдения всех процессуальных формальностей на всех этапах жизненного цикла судебно-строительной экспертизы и убедительности эксперта при защите своей работы в судебном процессе» [4, с. 3].

Судебная строительно-техническая экспертиза самовольных построек в силу своей многопрофильности и прямой зависимости для результатов доказывания по ст.ст. 216, 238 УК РФ предъявляет повышенные требования к соблюдению данного принципа. Нарушение хотя бы одного из его элементов влечет утрату доказательственной силы заключения, что может повлечь оправдание лица, виновного в создании угрозы жизни и здоровья граждан.

В соответствие со ст. 204 УПК РФ заключение эксперта должно иметь строго определённую структуру: вводная часть, исследовательская часть, выводы. Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы: в практике производства экспертиз самовольных построек наиболее частыми формальными нарушениями являются:

– отсутствие подписки об ответственности по ст. 307 УК РФ либо её неверное оформление, например подписка датирована днём составления заключения, а не днём начала производства экспертизы и получения в распоряжение материалов дела эксперту, как того требует ст. 199 УПК РФ⁸;

– неполное указание сведений об эксперте (отсутствие данных о стаже работы по конкретной экспертной специализации, о документах, подтверждающих квалификацию;

– недословное изложение вопросов, поставленных судом или следователем, либо их произвольное толкование;

– отсутствие перечня объектов и материалов, представленных для исследования, либо его неполнота, что исключает возможность проверки исходных данных.

Для самовольных построек, где объект часто не введён в эксплуатацию и не имеет технического паспорта, особое значение приобретает идентификация объекта во вводной части. Эксперт обязан указать точный адрес, кадастровый номер земельного участка, а при наличии – кадастровый номер объекта капитального строительства, который, по мнению следствия, является самовольным. Недопустимо использовать описательные конструкции «дом, расположенный на участке» без привязки к официальным реквизитам.

---

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2026).

Содержательная часть экспертного заключения должна отвечать критериям научной обоснованности, полноты исследования и объективности выводов. Для экспертизы самовольных построек это означает, что эксперт обязан:

1. Подробно описать объект исследования;
2. Провести анализ проектной документации (если таковая имеется);
3. Применить надлежащие методы исследования:
  - визуально-инструментальное обследование;
  - геодезические измерения (для определения отступов от границ участка, высотности);
  - методы неразрушающего контроля;
  - расчётное моделирование.

Каждый применённый метод должен быть описан с указанием используемого оборудования (тип, серийный номер, сведение о проверке/калибровке), что подтверждает достоверность полученных результатов.

4. Обосновать каждый промежуточный вывод ссылками на конкретные пункты нормативных документов и результаты инструментального обследования;
5. Чётко сформулировать выводы по поставленным вопросам.

Самовольные постройки характеризуются, как правило, отсутствием полной проектной и рабочей документации. В таких условиях эксперт вынужден восполнять пробелы с помощью натуральных методов и компьютерного моделирования. При этом принцип единства формы и содержания требует особой тщательности в описании методов, которые восполняются отсутствием документации.

В уголовном судопроизводстве, в отличие от гражданского, заключение эксперта, не отвечающее требованиям допустимости, не может быть восполнено допросом⁹. Поэтому нарушение единства формы и содержания влечёт невозможность использования экспертных выводов для установления объективной стороны преступления.

Анализ практики показывает, что основными причинами нарушения принципа единства формы и содержания являются:

- Недостаточная процессуальная подготовка экспертов по строительно-технической специализации, имеющих, как правило, техническое, а не юридическое образование;
- Отсутствие унифицированных методических рекомендаций по составлению заключений для уголовного судопроизводства, ориентированных на специфику строительства, в том числе самовольных построек;
- Стремление эксперта «к сокращению» заключения в ущерб полноте описания, что часто объясняется большим объёмом работы с ограниченными сроками.

В целях устранения указанных недостатков представляется целесообразным:

1. Ввести в программы повышения квалификации судебных экспертов модули, посвящённые требованиям уголовно-процессуального законодатель-

---

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2026).

ства к форме и содержанию заключения, с разбором типичных ошибок, влекущих признание доказательства недопустимым;

2. Разработать ведомственные методические пособия по производству строительно-технических экспертиз по уголовным делам, содержащие типовые структуры заключения для различных категорий объектов исследования;

3. Внедрить систему внутреннего рецензирования заключений, позволяющую выявлять формальные и содержательные недостатки до направления заключения в суд. Рецензент должен проверять не только техническую обоснованность, но и соответствие процессуальным требованиям.

Принцип единства формы и содержания при производстве судебной строительно-технической экспертизы самовольных построек является не формальным требованием, а необходимой гарантией реализации конституционного принципа состязательности и права на защиту. Заключение, не соответствующее данному принципу, не может быть использовано для уголовно-правовой оценки деяния независимо от того, насколько квалифицированно и объективно было проведено само экспертное исследование. Только строгое соблюдение процессуальной формы в сочетании с полным, обоснованным, достоверным и методологически корректным содержанием позволяет превратить специальное знание эксперта в полноценное судебное доказательство.

Заключение. Проведённый анализ позволяет подвести следующие итоги. Судебная строительно-техническая экспертиза является важным средством доказывания по уголовным делам, связанным с самовольным строительством, поскольку только на основе специальных знаний возможно установить наличие нарушения строительных норм и правил, а также причинно-следственные связи между этими нарушениями и наступившими общественно опасными последствиями.

К числу основных проблем, снижающих качество экспертной деятельности по данной категории дел, относятся: недостаточная квалификация экспертов-строителей в процессуальных вопросах; нарушение принципа единства формы и содержания; недостаточное применение современных методов неразрушающего контроля и компьютерного моделирования.

Перспективными направлениями совершенствования судебной строительно-технической экспертизы в механизме уголовно-правовой оценки самовольного строительства являются: разработка унифицированных методических рекомендаций; внедрение систем повышения квалификации экспертов в области процессуального права; расширение применения цифровых технологий.

Список источников

1. Горшкова О.В. Виды и признаки самовольных построек / О.В. Горшкова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 21.03.2026).

2. Паринова Д.В. Особенности производства строительно-технической экспертизы / Д.В. Паринова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11–3 (50). – С. 20–23.

3. Бутырин А.Ю., Терехова Е.А. Ошибки проектирования в системе возможных причин обрушения строительного объекта / А.Ю. Бутырин, Е.А. Терехова // Актуальные проблемы назначения и производства судебной строительно-технической и стоимостной экспертиз: сборник материалов Национальной научно-практической конференции. – М.: Издательство МИСИ – МГСУ, 2021. – С. 6–13.
4. Шеина С.Г., Аль-Згуль И.Х. Особенности проведения судебной строительно-технической экспертизы в соответствии с принципом единства формы и содержания / С.Г. Шеина, И.Х. Аль-Згуль // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». – 2023. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n6y2023/8461> (дата обращения: 21.03.2026).
5. Гуляк И.Ю. Подходы к совершенствованию методов судебной строительно-технической экспертизы в рамках легализации самовольных построек / И.Ю. Гуляк // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2020. – № 2. – С. 234–241.
6. Замятин С.А. Организационно-правовые и научно-методические основы судебной строительно-технической экспертизы проектной документации объектов строительства: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / С.А. Замятин. – Уфа, 2026. – 284 с.
7. Балабин Ю.А. Опыт проведения исследований причин и механизма обрушения зданий и сооружений на компьютерных моделях конструкций при производстве ССТЭ / Ю.А. Балабин // Актуальные проблемы назначения и производства судебной строительно-технической и стоимостной экспертиз: сборник материалов Национальной научно-практической конференции. – М.: Издательство МИСИ – МГСУ, 2021. – С. 14–25.

References

1. Gorshkova O. V. Types and Characteristics of Unauthorized Constructions. *Science. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 3. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).
2. Parinova D. V. Features of Production of Construction and Technical Expertise. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no.11–3 (50), pp. 20–23. (In Russian).
3. Butyrin A. Yu., Terekhova E. A. Design Errors in the System of Possible Causes of Collapse of a Construction Object. *Actual Problems of Appointment and Production of Forensic Construction, Technical and Cost Expertise. Collection of Materials of the National Scientific and Practical Conference*. Moscow, Publ. House MISI – MGSU, 2021, pp. 6–13. (In Russian).
4. Sheina S. G., Al-Zul I.Kh. Features of Conducting a Forensic Construction and Technical Expertise in Accordance with the Principle of Unity of Form and Content. *Engineering Journal of Don*, 2023, no. 6. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n6y2023/8461> (In Russian).

5. Gulyak I. Yu. Approaches to Improving the Methods of Forensic Construction–Technical Expertise in the Framework of Legalization of Unauthorized Constructions. *International Journal of Applied Sciences and Technologies “Integral”*, 2020, no. 2, pp. 234–241. (In Russian).

6. Zamyatin S. A. Organizational, Legal and Scientific-Methodological Foundations of Forensic Structural Engineering of Design Documentation of Construction Facilities. *Cand. Diss.* Ufa, 2026. 284 p. (In Russian).

7. Balabin Yu. A. Experience in Conducting Research into the Causes and Mechanism of Collapse of Buildings and Structures on Computer Models of Structures in the Production of Forensic Structural Engineering. *Actual Problems of Assigning and Conducting Forensic Construction-Technical and Cost Expertise: Collection of Materials of the National Scientific and Practical Conference*. Moscow, Publ. House MISI – MGSU, 2021, pp. 14–25. (In Russian).

Информация об авторе

Иванова Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, заместитель декана по учебной работе, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Желенкова Марина Романовна – студентка факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Information about the Author

Ivanova Elena Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Deputy Dean for Educational Work, Senior Lecturer of the Forensic Expertise Department, Faculty of Forensic Expertise and Law in Construction and Transportation, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Zhelenkova Marina Romanovna – Student of the Faculty of Forensic Expertise and Law in Construction and Transport, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Статья поступила в редакцию 13.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 23.05.2026 г.; принята к публикации 23.05.2026 г.

The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 23.05.2026; accepted for publication 23.05.2026.

Научная статья

УДК 343.33

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.10

Поляков Семён Алексеевич

Луганская академия Следственного комитета, Луганск, Россия,

skr-rock@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЯДЕРНОМУ ТЕРРОРИЗМУ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЮ ПРОТИВ МИРА

Аннотация. Статья посвящена вопросам уголовно-правового противодействия организованным террористическим группам, осуществляющим попытки совершения ядерного терроризма в условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО). Кроме того, в статье раскрываются возможные экстремистские проявления молодёжи, которые могут повлечь совершение различных террористических преступлений, в том числе ядерного терроризма. Автор также раскрывает актуальные проблемы международного уголовного правосудия, недостаточного взаимодействия и сотрудничества государств в вопросах борьбы с международной преступностью, неактуальностью ряда международных правоохранительных организаций по борьбе с терроризмом. Отмечается роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) в криминалистической тактике и технике, в борьбе с терроризмом, а также предлагается интеграция положений об ИИ в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Цель: внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в условиях развития технологий ИИ и проведения СВО, разработка программного обеспечения для следователей, прокуроров и судей.

Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; юридико-догматический и толкования правовых норм.

Результаты: исследование указанной проблемы позволило прийти к выводу о необходимости трансформации уголовного процесса, внесения новых составов преступлений УК РФ, а также о незамедлительной разработке специализированных машин ИИ для правоохранительных органов и международного сотрудничества по вопросам борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международное сотрудничество, мигранты, преступления против мира, терроризм, экстремизм, ядерная энергетика.

Для цитирования: Поляков С.А. Уголовно-правовое противодействие ядерному терроризму как преступлению против мира / С.А. Поляков. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 133–143.

Original article

Polyakov Semyon Alekseevich

Luhansk Academy of the Investigative Committee, Luhansk, Russia,
skr-rock@yandex.ru

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO NUCLEAR TERRORISM AS A CRIME AGAINST PEACE

Abstract. This article examines criminal law measures against organized terrorist groups' attempts to commit nuclear terrorism in the context of a special military operation (SMO). Furthermore, the article examines potential extremist manifestations among young people that could lead to the commission of various terrorist crimes, including nuclear terrorism. The author also explores current issues in international criminal justice, the lack of cooperation and collaboration between states in combating international crime and the irrelevance of several international law enforcement organizations in counterterrorism. The role of artificial intelligence (AI) in forensic tactics and technology, as well as in the fight against terrorism is highlighted and the AI provisions integration into criminal procedural legislation is proposed. Purpose: to amend criminal procedural legislation in the context of the AI technologies development and the implementation of the International Criminal Court, to develop software for investigators, prosecutors and judges. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; legal dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study of this problem allows us to conclude that it is necessary to transform criminal procedure, introduce new offenses into the Criminal Code of the Russian Federation and develop special AI machines for law enforcement agencies and international cooperation in the fight against terrorism.

Keywords: artificial intelligence, international cooperation, migrants, crimes against peace, terrorism, extremism, nuclear energy

For citation: Polyakov S.A. Criminal Law Counteraction to Nuclear Terrorism as a Crime against Peace. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 133–143. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.10

Введение. Акты ядерного терроризма могут приводить к самым серьёзным последствиям и могут создавать угрозу международному миру и безопасности¹, особенно в условиях проведения специальной военной операции на территории

---

¹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма / Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml. (дата обращения 01.03.2026).

исторических регионов России, при которых Вооружённые Силы Украины систематически наносят ракетные удары по жилым массивам и объектам энергетики².

Такие угрозы в области ядерной энергетики всё больше приобретают транснациональный характер. Эффективное противодействие новейшим вызовам общемировой безопасности (ядерный терроризм, кибератаки, нелегальная миграция, гибридная война, экологические проблемы и др.) предопределяет не только необходимость консолидации усилий государств, но и требует взаимодействия и международного сотрудничества по вопросам противодействия терроризму, которое в настоящее время осуществляется лишь точно со странами, не входящими в список «недружественных стран»³.

Уголовная политика Российской Федерации по вопросам противодействия ядерному терроризму. Уголовная политика в указанной сфере тесно взаимосвязана с признанием и соблюдением международно-правовых норм. К сожалению, страны коллективного Запада умышленно отказываются признавать даже ратифицированные ими положения Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН), похищаются и уничтожаются лидеры неугодных им стран, совершаются акты международного терроризма в отношении комбатантов и мирного населения на Ближнем Востоке и Донбассе при молчаливом согласии ещё действующих органов международного правосудия прозападных ориентаций.

В частности, современные межгосударственные конфликты претерпевают значительную трансформацию, которая обусловлена изменением баланса между силовыми и несиловыми средствами противоборства. Данная трансформация включает в себя разработку и применение стратегий гибридных войн, а также широкий арсенал их инструментов, что отражает смещение акцентов в сторону комплексного использования различных способов воздействия.

Произошли кардинальные изменения оборонно-промышленного комплекса, такие как появление новых разрушительных высокоточных дальнобойных систем оружия, массовое внедрение беспилотных летательных аппаратов, перенос противостояний в киберпространство и космическое пространство, а также развитие искусственного интеллекта [1, с. 17].

Исходя из сегодняшнего вооружённого конфликта США совместно с НАТО на Ближнем Востоке против Ирана, следует констатировать, что международное право по вопросам обеспечения международной безопасности, соблюдения гуманитарного права не действует либо действует в интересах стран коллективного Запада⁴.

---

² ВСУ вновь обстреляли Запорожскую АЭС [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РИА Новости» : сайт. URL: <https://ria.ru/20251006/obstrel-2046712185.html?ysclid=mmuglr7s152718488> (дата обращения: 02.03.2026).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ Целились в базу, попали в школу. Что известно о гибели иранских школьниц [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российская газета» : сайт. URL: https://rg.ru/2026/03/01/posle-popadaniia-rakety-v-zhenskuiu-shkolu-v-minabe-pogibli-148-chelovek.html?ysclid=mmugggxwh6971898247&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 02.03.2026).

Указанные факты требуют от России постоянного мониторинга и нейтрализации потенциально деструктивных действий. В этих условиях финансово-экономическая устойчивость страны становится одним из ключевых элементов национального суверенитета, обеспечивая основу для поддержания и укрепления всех других его аспектов, включая культурный, образовательный, политический и военный. Сохранение финансовой стабильности и экономической независимости позволяет России эффективно противостоять внешнему давлению и поддерживать свою государственную целостность в условиях мировой геополитической напряжённости.

Скрытые (латентные) угрозы совершения актов ядерного терроризма.

Следует отметить влияние скрытых, граничащих с экстремизмом, террористических угроз национальной безопасности и объектам энергетики нашей страны и соседних стран. Так, в условиях развития современных технологий, ИИ и социальной инженерии, зачатки террористических проявлений могут зародиться в различных сферах жизнедеятельности наших граждан.

1. В России функционируют международные программы и школы, напрямую связанные с культурой коллективного Запада. В указанных образовательных учреждениях, несмотря на запрет International Baccalaureate (Швейцария) Генеральной прокуратуры России⁵, продолжают преподавать (руководить) все те же иностранные преподаватели, возможно, по прежним методикам обучения, завуалировав образовательные программы под ещё не запрещённую в России международную программу образования A-Level (GCE Advanced Level Великобритании). Диплом по указанной программе признаётся в США, Канаде, странах Европы, что может способствовать не только неформальным связям с иностранными агентами, но и оттоку специалистов из страны.

Совместно с учителями из Европы и Америки наши дети празднуют национальные американские и европейские праздники и обучаются по европейским программам иностранными учителями из США, Великобритании, Франции и прочих проамериканских стран. При этом, гражданство всегда порождает гражданские обязанности, которые являются достаточным доказательством принадлежности лица к идеологии того или иного государства.

В данном случае следует предполагать о некой неформальной работе иностранцев-учителей из стран коллективного Запада с российскими детьми, которые при взрослении могут быть завербованы для совершения особо опасных террористических преступлений. К примеру, Work and Travel USA, Access, FLEX, Advance, Global UGRAD, Fulbright [2, с. 169] успешно работают (работали) с десятками тысяч российских студентов России на протяжении нескольких поколений.

В связи с этим, при осуществлении уголовной политики государству следует учитывать иностранное присутствие проамериканских идеологий в меж-

---

⁵ Неправительственная организация International Baccalaureate объявлена нежелательной [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-edia/news/main/e5995462/?ysclid=mmurogkx67231294698> (дата обращения: 01.03.2026).

дународных школах нашей страны в целях исключения факторов риска, в том числе риска совершения теракта детьми на объектах ядерной энергетики.

2. Заслуживает внимание позиция об отсутствии международного сотрудничества при проведении следственных действий межгосударственного характера и о создании международных следственных групп [3, с. 227], так как при расследовании преступлений, связанных с ядерным терроризмом, территория преступных последствий может быть на территории нескольких государств, однако механизм реализации указанного положения не разработан.

3. Следует признать факт того, что существующая антитеррористическая международно-правовая база не приспособлена для эффективного противодействия всем возможным современным вариантам проявления террористического поведения [4, с. 165].

Так, в условиях проведения специальной военной операции перспективы обеспечения национальной безопасности на объектах ядерной энергетики представляются весьма тревожными. Анализ последних международных событий указывает на заметное ухудшение обстановки в области глобальной стабильности. При этом, применение уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления террористического характера, невозможно без судебного определения статуса сообществ и организаций и, соответственно, запретов их деятельности [5, с. 99].

В частности, известнейшие международные организации, осуществляющие деятельность в сфере международного сотрудничества, прекратили свою юрисдикцию на территории Российской Федерации (Европейский суд по правам человека⁶, Международный уголовный суд⁷). В условиях кризиса международного уголовного правосудия необходимо внести изменения в национальное законодательство в части уголовно-правовой защиты от угроз ядерного терроризма.

Современная криминалистическая тактика и техника при расследовании преступлений об актах ядерного терроризма. Уголовная политика по борьбе с ядерным терроризмом должна заключаться не только в модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и с использованием технологий ИИ, которые активно реализуются в других странах мира [6, с. 8].

Современная криминалистическая характеристика этой категории преступлений существенно изменилась. Субъектами наряду с кадровыми сотрудниками спецслужб всё чаще выступают технические специалисты – программисты, криптографы, специалисты по кибербезопасности, действующие по контракту, а также идеологические координаторы и администраторы интернет-ресурсов, формирующие информационную повестку.

Сегодня при расследовании любых преступлений экстремистской и террористической направленности механизм проведения следственных и иных

---

⁶ О выходе России из Совета Европы [Электронный ресурс] // МИД России : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 02.03.2026).

⁷ Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) [Электронный ресурс] // МИД России : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 02.03.2026).

процессуальных действий смещён в цифровую плоскость, где ключевое значение имеют метаданные, цифровые отпечатки устройств и семантический анализ материалов. Это определяет приоритетность таких экспертиз как компьютерно-техническая, финансово-экономическая, лингвистическая и иная ситуационная, моделирующая потенциальный ущерб от актов ядерного терроризма.

Тактика первоначального этапа расследования по таким преступлениям сегодня немыслима без создания межведомственной следственно-оперативной группы с обязательным включением специалистов по кибербезопасности и финансовой разведке (Росфинмониторинг).

Первым следственным действием зачастую становится не выезд на место, а обеспечение сохранности данных: изъятие и создание криминалистических копий серверов, рабочих станций, облачных хранилищ с фиксацией данных оперативной памяти. Извлечение таких сведений следует проводить совместно со следователем, так как ему известны основные сведения о преступлении (место, время, способ совершения) и пр. [7, с. 86].

Изменилась и структура проведения осмотра места происшествия. В настоящее время в ходе такого осмотра изымаются не только простые, однородные предметы, орудия преступления, но и носители информации в виде электронных устройств (маршрутизаторы, модемы, накопители данных и пр.). При осмотре следует соблюдать ряд правил, связанных с обеспечением сохранности данных, так как утечка или удаление информации с носителей может повлечь за собой укрытие преступления, в том числе террористического и экстремистского характера.

При этом, проведение указанных неотложных следственных действий необходимо поручить криминалистам Следственного комитета России, которые и должны определить способ извлечения данных из электронного устройства в порядке статей 168 либо 195 УПК РФ [8, с. 148].

Особое значение приобретает тактика работы с цифровыми следами на территориях со специальным правовым режимом, например, в зоне проведения СВО, так как в условиях постоянных боевых действий провести реальный и безопасный осмотр места происшествия не всегда возможно. Обеспечение безопасности следователя при проведении следственных действий – крайне актуальная проблема сегодня в условиях отсутствия прямого указания на такое обеспечение в уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, осмотр мест актов терроризма, диверсий или обстрелов должен дополняться оборудованием 3D-сканирования и аэрофотосъемки с использованием беспилотных летательных аппаратов для создания детальной цифровой модели, что критически важно для последующей реконструкции событий и поддержания государственного обвинения в суде в ходе уголовного преследования.

Взаимодействие с военными следственно-криминалистическими подразделениями и органами безопасности становится важной процедурой, обеспечивающей как безопасность, допустимость, так и оперативность получения доказательств по уголовному делу о преступлении террористической направленности.

Таким образом, при пресечении преступлений, связанных с терроризмом, а в особенности с ядерным терроризмом, необходимо принимать превентивные меры для неисполнения преступного умысла по совершению акта ядерного терроризма, так как последствия такого акта может повлечь невосполнимый урон населению страны, природным ресурсам и миру.

Необходимые законодательные инициативы в сфере уголовно-правового регулирования противодействия ядерному терроризму. По нашему мнению, термин «ядерный терроризм» также требует закрепления не только в Концепции о противодействии терроризму в РФ 2009 г.⁸ и Концепции внешней политики РФ 2023 г.⁹, но и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Также следует усилить работу по нормативному регулированию вопросов радиационного контроля на таможенных границах Российской Федерации и Евразийского экономического союза в условиях новых угроз при проведении специальной военной операции на исторических регионах. В настоящее время существующая нормативно-правовая база устарела, также как устарело оборудование для проверок, целесообразно внедрение программ и технологий анализа больших данных с использованием ИИ [9, с. 55].

Бесспорно, что завершающей статьёй Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁰ является положение об акте международного терроризма (ст. 361 УК РФ), являющемся наихудшим террористическим преступлением, под которое могут подпадать акты ядерного терроризма, совершённые вне страны. Кроме того, квалифицировать ядерный терроризм возможно и по части 3 статьи 205 УК РФ, так как квалифицирующим признаком указанной части является посягательство на объекты использования атомной энергии и иные потенциально опасные объекты энергетики.

Однако территория проведения СВО и территория Российской Федерации может не совпадать, при этом вред от совершения данного преступления может быть причинён значительному количеству лиц разной принадлежности, окружающей среде и пр. Кроме того, установленная уголовная ответственность за совершение актов ядерного терроризма не соответствует возможным угрозам совершения такого преступления, нарушается принцип соразмерности наказания за преступное деяние.

---

⁸ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утверждённая Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.03.2026).

⁹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.03.2026).

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.03.2026).

Определённые изменения следует также внести в действующую редакцию Раздела XVIII УПК РФ¹¹ в части упрощения процедуры уведомления о производстве следственных и иных процессуальных действий по преступлениям массового характера (геноцид, экоцид, террористический акт и пр.). Необходимо исключить ожидание ответа на запрос согласно статьям 453-454 УПК РФ, а осуществлять, для экономии времени, незамедлительное расследование в защиту Отечества.

Указанные изменения позволят оперативно производить оперативно-розыскные мероприятия и процессуальные действия «по горячим следам» на территории государств-участников межгосударственного соглашения о сотрудничестве, так как есть вероятность факторов, которые невозможно исключить: уничтожение объектов связи, гибель ответственных должностных лиц иностранного государства, революционные и экстремистские волнения в обществе иностранного государства и пр.

Заключение. Таким образом, для правового обеспечения эффективной борьбы с террористическими преступлениями, направленными на ядерную энергетику, следует внести следующие изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также принять следующие меры:

I. С учётом статьи 2 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма дополнить Особенную часть УК РФ статьей 362 «Акт ядерного терроризма».

Сформулировать указанную статью следующим образом:

«1. Совершение на территории Российской Федерации, территории проведения специальной военной операции и вне пределов страны взрыва или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу граждан Российской Федерации и лиц, находящихся на указанной территории, в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов наказываются пожизненным лишением свободы либо смертной казнью.

2. Угроза указанных действий наказывается пожизненным лишением свободы».

II. Внести изменения в статью 453 УПК РФ, дополнив частью 5 со следующим содержанием: «При совершении террористических актов, связанных с объектами ядерной энергетики и иных особо опасных объектов и угрожающие Российской Федерации и её гражданам, ответственные правоохранительные органы вправе производить следственные и иные процессуальные действия без получения ответа на запрос стороннего государства, с которым имеется соответствующее межгосударственный договор о сотрудничестве».

III. Разработать ведомственное программное обеспечение с использованием ИИ для выявления преступлений экстремистской и террористической направленности. ИИ необходимо использовать для обработки объёмной информации, цифровых следов преступления, изучения видеозаписей с камер

---

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 02.03.2026).

для поиска лиц, установленных в населённых пунктах, поиска финансовых активов, полученных преступным путём и для террористических целей, подготовки процессуальных документов сотрудниками правоохранительных органов, указанных в статье 453 УПК РФ.

Список источников

1. Бартош А.А. Гибридная война как актуальная составляющая инновационных процессов в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении / А.А. Бартош // Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении : Сборник научных трудов. – М. : ООО Издательство «Экон-Информ», 2024. – С. 15–23.

2. Меркурьев В.В., Амелина И.С. Криминолого-политические аспекты участия прокуратуры в обеспечении безопасности Российской Федерации / В.В. Меркурьев, И.С. Амелина // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Кострома, 25–26 апреля 2024 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – С. 166–173.

3. Муратов К.Д. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом / К.Д. Муратов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 4(28). – С. 218–227.

4. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия : монография / Н.А. Чернядьева. – М. : «Проспект», 2022. – 336 с.

5. Криштопов С.В., Кашкаров А.А. Вопросы квалификации и проблемы разрешения конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 275, 282.3 УК РФ / С.В. Криштопов, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11. – С. 97–100.

6. Бродовски Д., Ян М. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии / Д. Бродовски, М. Ян // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 4–18.

7. Цифровые следы преступлений / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин. – М. : «Проспект», 2021. – 168 с.

8. Шавловский А.Б. Особенности криминалистического исследования мобильных устройств и их компонентов / А.Б. Шавловский // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2025. – № 1(47). – С. 144–151.

9. Борисенко А.В. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на границе: функции и полномочия таможенных органов Российской Федерации / А.В. Борисенко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2025. – № 2(111). – С. 41–56.

References

1. Bartosh A. A. Hybrid Warfare as an Actual Component of Innovative Processes in Higher and Secondary Vocational Education and Professional Self-Determination. *Innovative Processes in Higher and Secondary Vocational Education and Professional Self-Determination. Collection of Scientific Papers*. Moscow, Econ-Inform Publ. House, 2024, pp. 15–23. (In Russian).
2. Merkuriev V.V., Amelin I.S. Criminological and Political Aspects of the Participation of the Prosecutor's Office in Ensuring the Security of the Russian Federation. *Problems of Law Enforcement at the Present Stage. Collection of Papers of the III All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference, Kostroma, April 25–26, 2024*. Kostroma, Kostroma State University, 2024, pp. 166–173. (In Russian).
3. Muratov K.D. The States Cooperation in Combating International Terrorism. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 4 (28), pp. 218–227. (In Russian).
4. Chernyadyeva N.A. International Terrorism: Origin, Evolution, Current Issues of Legal Counteraction. Moscow, Prospect, 2025. 336 p. (In Russian).
5. Krishtopov S.V., Kashkarov A.A. Issues of Qualification and Problems of Resolving the Competition of the Offenses Provided for by Articles 205.1, 275, 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Humanities, Social Economic and Social Sciences*, 2022, no. 11, pp. 97–100. (In Russian).
6. Brodovskii, D., Yan M. Digital Evidence in German Criminal Proceedings at the Stages of Preliminary Investigations, Substantive Review and Revision. *Russian Law: Education, Practice, Research*, 2020. no. 3, pp. 4–18. (In Russian).
7. Bagmet A. M., Bychkov V. V., Skobelin S. Yu., Ilyin N. N. Digital Traces of Crimes. Moscow, Prospect, 2023. 168 p. (In Russian).
8. Shavlovsky A. B. Forensic Features of Forensic Investigation of Mobile Devices and Their Components. *Investigation of Crimes: Problems and Solutions*, 2025, no. 1 (47), pp. 144–151. (In Russian).
9. Borisenko A. V. Ensuring Nuclear and Radiation Safety at the Border: Functions and Powers of the Customs Authorities of the Russian Federation. *Customs Policy of Russia in the Far East*, 2025, no. 2 (111), pp. 41–56. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Поляков Семён Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса

Polyakov Semyon Alekseevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure

Статья поступила в редакцию 18.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 22.05.2026 г.; принята к публикации 25.05.2026 г.

The article was submitted 18.03.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья

УДК 343.2/.7

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11

Садвакасов Артур Русланович

Прокуратура Астраханской области, Астрахань, Россия,

Sadvakasov30@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1338-5508>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ

Аннотация: В статье автором представлен анализ уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу. Обращено внимание на проблемные вопросы, требующие научной проработки и затрудняющие эффективную реализацию статей 201.2 и 285.5 УК РФ в правоприменительной деятельности. Сделаны выводы об особенностях конструирования объективной и субъективной сторон отмеченных преступлений, а также об аспектах, препятствующих применению норм, одновременно дополненных институтом административной преюдиции и характеристиками субъекта, связанными с его служебным положением.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственный оборонный заказ, нарушение условий контракта (договора), административная преюдиция.

Для цитирования: Садвакасов А.Р. Уголовная ответственность за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу / А.Р. Садвакасов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 144–155.

Original article

Sadvakasov Artur Ruslanovich

Astrakhan Regional Prosecutor's Office, Astrakhan, Russia,

Sadvakasov30@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1338-5508>

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE TERMS OF A GOVERNMENT CONTRACT ON STATE DEFENSE ORDER

Abstract. In the article the author presents an analysis of criminal law provisions on liability for violation of the terms of a government contract on State Defense Order. The attention is draw to problematic issues that require scientific study and hinder the effective application of Articles 201.2 and 285.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in practical activities. Conclusions are made about the pe-

cularities of the objective and subjective aspects of offenses, as well as about aspects that impede the application of norms simultaneously supplemented by administrative prejudice and characteristics of the subject related to his official position.

Keywords: criminal liability, State Defense Order, breach of contract (agreement), administrative prejudice.

For citation: Sadvakasov A.R. Criminal Liability for Violation of the Terms of a Government Contract on State Defense Order. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 144–155. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11

Введение. Российская Федерация с начала XXI века постоянно сталкивалась с проявлениями недружественной, а зачастую и агрессивной политики зарубежных стран, проводимой вопреки национальным интересам нашего государства. Вопросы обеспечения обороны страны и поддержания боеготовности Вооруженных сил с каждым годом приобретали всё большую актуальность, а с началом специальной военной операции и вовсе стали одними из наиболее приоритетных. Очевидно, что способность действующих армии и флота эффективно выполнять поставленные перед ними задачи и, тем самым, гарантировать достижение стратегических приоритетов, напрямую зависит от своевременности и качества их материально-технического обеспечения, а значит, от надлежащего и неукоснительного соблюдения всех предусмотренных условий контрактов и договоров, заключаемых в рамках государственных оборонных заказов. Одним из инструментов по предупреждению потенциально возможных негативных последствий нарушения подобных условий выступило уголовное право. Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ отечественный уголовный закон дополнен статьями 201.2 и 285.5 УК РФ.

Несмотря на сравнительно непродолжительный период действия, данные нормы уже стали предметом оживлённой научной дискуссии, выявившей комплекс теоретических и правоприменительных проблем.

Цель настоящей научной статьи – провести комплексный уголовно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, выявить доктринальные противоречия в понимании их юридической природы и предложить научно обоснованные подходы к разрешению спорных вопросов квалификации.

Так, частью 1 статьи 201.2 УК РФ была введена уголовная ответственность за несоблюдение условий государственного контракта по оборонному заказу или договора, заключённого для его реализации, лицом, уже привлекавшимся

---

¹ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

к административной ответственности по части 6 или 7 статьи 7.30.3 КоАП РФ. Одновременно часть 1 статьи 285.5 УК РФ закрепила уголовно-правовой запрет на тождественное деяние, совершённое должностным лицом, имеющим административную преюдицию по части 5, 6 или 7 той же статьи КоАП РФ. Очевидно, что законодатель, внося указанные изменения в административное и уголовное законодательство, стремился усилить охрану возникающих в этой сфере общественных отношений. Однако с позиций юридической техники, общей теории права и правоприменительной практики данные нововведения спровоцировали ряд дискуссионных проблем, настоятельно требующих доктринального осмысления и преопределяющих актуальность предпринятого исследования.

Проблемы законодательной регламентации и применения статей 201.2 и 285.5 УК РФ в практической деятельности. Обращаясь к вопросам законодательной регламентации и практики применения статей 201.2 и 285.5 УК РФ, полагаем необходимым обратить внимание на их административно-преюдициальный характер, отметив, что практика возведения административных правонарушений в разряд преступных при их повторном совершении вызывает вполне обоснованную научную дискуссию.

Ряд исследователей усматривают в этом внутреннее противоречие, считая, что административное правонарушение и преступление имеют различную юридическую природу, а «превращение» административного деликта в преступление исключительно на основании факта повторности ставит под сомнение принцип справедливости уголовной ответственности.

Так, Н.А. Лопашенко последовательно и ярко критикует институт административной преюдиции. Автор называет возвращение административной преюдиции «законодательными уродствами», нарушающими системность УК РФ², и настаивает на том, что административное правонарушение не может обладать признаком общественной опасности даже в случае его повторного совершения, а преюдиция размывает границы преступного, разрушая тем самым уголовный закон [1, с. 70].

Сторонники противоположной позиции, например, С.А. Лебедева, аргументируют, что административная преюдиция в данном случае выполняет функцию «предупредительного фильтра», позволяющего отграничить малозначительные нарушения от деяний, представляющих реальную общественную опасность [2, с. 99]. При этом сам факт продолжения противоправной деятельности после применения мер административного воздействия свидетельствует об устойчивой антисоциальной установке субъекта.

В свою очередь, Е.Н. Карабанова и К.В. Цепелев [3, с. 58], выступая сторонниками уголовно-правовых норм с административной преюдицией, отмечают их значительную превентивную роль и существенное влияние на экономию мер уголовной репрессии.

---

² В Верховном Суде РФ обсудили недостатки современной уголовной политики [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/administrativnoy-preyuditsii-ne-mesto-v-uk/> (дата обращения: 11.05.2026).

Оставляя за рамками настоящего исследования обозначенную научную дискуссию, которая сама по себе заслуживает самостоятельной фундаментальной проработки, считаем важным обратить внимание на принципиальный аспект: включение административной преюдиции в конструкции уголовно-правовых запретов, адресованных лицам, обладающим специальным статусом (обусловленным замещением определённой должности или выполнением управленческих функций), с неизбежностью повлечёт практические затруднения.

Субъектами составов преступлений, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, выступают должностные лица в понимании главы 30 УК РФ либо лица, выполняющие управленческие функции в головной организации-исполнителе или организации-исполнителе по гособоронзаказу, – именно на них возлагается ответственность за соблюдение условий контракта (договора). Между тем, в процессе текущей деятельности указанные лица могут быть заменены посредством переназначения на должность, переизбрания, перераспределения функциональных обязанностей или иных кадровых решений.

В подобной ситуации складывается юридически парадоксальная картина: конкретное физическое лицо подвергается административному наказанию по соответствующим частям статьи 7.30.3 КоАП РФ, после чего освобождает занимаемую должность, а его место занимает другое лицо, в отношении которого меры административной ответственности не применялись. При повторном нарушении условий того же контракта (договора) по государственному оборонному заказу, допущенном уже при новом руководителе, уголовное преследование последнего по статьям 201.2 и 285.5 УК РФ оказывается невозможным – обязательный признак состава преступления в виде административного наказания у данного гражданина отсутствует.

Таким образом, мы приходим к выводу, что законодательная модель, опирающаяся на административную преюдицию, демонстрирует наибольшую состоятельность в тех случаях, когда личность потенциального правонарушителя остаётся неизменной в силу самой своей физической природы и не может быть замещена иным субъектом. Наиболее показательными примерами здесь служат статьи 116.1 и 264.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за повторное противоправное поведение, которое всегда совершается одним и тем же физическим лицом; возможность его замены другим лицом полностью исключена. Именно в таких составах административная преюдиция выполняет возложенную на неё функцию, не создавая искусственных барьеров для правоприменителя.

Указанное позволяет констатировать, что одновременное установление в законе для субъекта преступления обязательных признаков, обусловленных предшествующим фактом его привлечения к административной ответственности и характеристиками служебного положения, не связанными неразрывно с личностью конкретного человека, на наш взгляд, обуславливает появление дополнительных способов ухода от предусмотренной ответственности, а, следовательно, препятствует эффективному правоприменению и реализации задач уголовного судопроизводства, ставя под угрозу охраняемые законом блага и ценности.

Следует также принять во внимание положения Указа Президента РФ от 03 марта 2023 года № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа»³. Согласно данному акту, при неисполнении головными исполнителями и исполнителями гособоронзаказа принятых обязательств права акционеров и властные полномочия органов управления таких обществ приостанавливаются, а по представлению Министерства промышленности и торговли Российской Федерации запускается механизм внешнего управления. Приведённое регулирование, на наш взгляд, фактически лишает смысла уголовно-правовые конструкции с административной преюдицией, направленные на противодействие нарушениям контрактных (договорных) условий в сфере гособоронзаказа. Объясняется это следующим образом. После введения внешней администрации, прежнее руководство утрачивает свои должностные позиции, а дальнейшее исполнение контракта переходит к иному лицу, которое ранее административному наказанию не подвергалось. Тем самым сама возможность повторного несоблюдения договорных условий одним и тем же специальным субъектом исчезает, а административная преюдиция становится неработоспособной.

Составы, построенные с использованием административной преюдиции, как правило, конструируются в качестве преступлений небольшой тяжести, так как нормативной основой для них служит административное правонарушение, не достигающее уровня повышенной общественной опасности. Лишь в отдельных ситуациях, когда повторное административно наказуемое деяние приводит к тяжким последствиям, законодатель отступает от данного подхода. Например, часть 3 статьи 217.3 УК РФ предусматривает наказание до семи лет лишения свободы за нарушение требований к антитеррористической защищённости объектов, допущенное лицом, ранее неоднократно привлекавшимся к административной ответственности за сходные действия, если это повлекло по неосторожности гибель двух или более лиц. На этом фоне обращает на себя внимание санкционный разрыв, характерный для рассматриваемых нами формальных составов. Часть 1 статьи 201.2 и часть 1 статьи 285.5 УК РФ устанавливают наказание в виде лишения свободы на срок от четырёх до восьми лет с дополнительными обременениями (штраф, запрет занимать определенные должности или осуществлять определённую деятельность). Между тем первичное нарушение, зафиксированное в частях 5 и 6 статьи 7.30.3 КоАП РФ, карается административным штрафом в пределах от 30 до 50 тысяч рублей.

Столь резкий разрыв от пятидесятитысячного штрафа к восьми годам лишения свободы, обусловленный исключительно признаком повторности и не сопряжённый с наступлением каких-либо тяжких последствий, по нашему убеждению, нуждается в корректировке и едва ли может быть признан соответствующим с принципом справедливости.

---

³ Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

Острую научную полемику вызывает и проблема отграничения нарушения условий государственного контракта (ст.ст. 201.2, 285.5 УК РФ) от злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст.ст. 201.1, 285.4 УК РФ). Судебная практика свидетельствует об отсутствии единых подходов к квалификации преступлений, совершаемых в сфере исполнения государственного и муниципального контракта.

Принципиальная разница между этими составами, по нашему мнению, коренится в механизме причинения вреда. Статья 201.1 УК РФ предполагает активное использование виновным своих управленческих полномочий вопреки законным интересам организации. Это всегда волевой акт, направленный на извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц. Обязательным признаком указанного состава преступления выступает наступление последствий в виде существенного вреда.

Статья 201.2 К РФ охватывает более широкий спектр деяний, включая пассивное неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств, которое может и не сопровождаться использованием служебного положения в узком смысле. Ключевое отличие – наличие административной преюдиции.

Ещё один серьёзный пласт проблем связан с разграничением ст. ст. 201.2 и 285.5 УК РФ между собой. Формально критерий их разграничения понятен. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 201.2, выступает лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 285.5, выступает должностное лицо. Однако на практике статус руководителя многих предприятий оборонно-промышленного комплекса может быть двойственным. Значительная часть оборонных предприятий функционирует в форме акционерных обществ с государственным участием либо унитарных предприятий. Их руководители выполняют управленческие функции, но одновременно могут признаваться должностными лицами (примечание к ст. 285 УК РФ). В этих случаях выбор между ст. 201.2 и 285.5 УК РФ становится нетривиальной задачей. Данная проблема требует либо законодательного уточнения, либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Следующий проблемный вопрос, заслуживающий отдельного внимания, связан с определением формы вины преступлений, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ. Законодательная конструкция обеих норм такова, что диспозиции указанных статей не содержат прямых указаний на форму вины, что закономерно породило в научном сообществе оживлённую дискуссию, полярные позиции в которой имеют не только доктринальное, но и колоссальное практическое значение, определяя саму возможность привлечения к уголовной ответственности за неосторожное нарушение договорных обязательств.

Первая позиция, которую условно можно обозначить как «теория исключительно умышленной вины», основана на систематическом и телеологическом толковании уголовного закона. Её приверженцы (Н.А. Егорова, Л.А. Можайская, В.Н. Борков и др.) исходят из того, что рассматриваемые составы сконструированы по типу формальных, где момент окончания преступления

связывается не с наступлением общественно опасных последствий, а с самим фактом нарушения условий контракта лицом, ранее подвергнутым административному наказанию.

Ключевой аргумент сторонников данной позиции состоит в том, что институт административной преюдиции, являющийся неотъемлемым признаком объективной стороны данных составов преступлений, имманентно предполагает осознанный характер действий виновного. Лицо, уже единожды подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, не может не осознавать противоправный характер своих действий, что полностью исключает возможность совершения преступления по неосторожности. Как разъясняется в учебной литературе, субъективная сторона здесь «характеризуется прямым или косвенным умыслом, а также специальными мотивами преступления»; при совершении деяния «виновный осознаёт, что им нарушаются условия контракта, и желает этого либо безразлично относится к этому обстоятельству. Данный подход был концептуально разработан ещё применительно к смежным составам злоупотреблений (ст. 201.1, 285.4 УК РФ) и закономерно экстраполирован на статьи 201.2 и 285.5 УК РФ как на логическое продолжение законодательной линии по усилению охраны оборонного заказа.

Однако именно это утверждение является центральной точкой напряжения в научной дискуссии, поскольку детальный юридический анализ обнаруживает ряд существенных противоречий.

Представители иного доктринального направления, условно обозначаемого как «критическая школа» (И.О. Ткачев, Н.С. Попов, А.Я. Аснис и др.), обращают внимание на принципиальное упущение законодателя – в диспозициях статей 201.2 и 285.5 УК РФ форма вины действительно не конкретизирована, что, по их мнению, порождает правовую неопределённость. Данный пробел имеет далеко идущие последствия, позволяя правоприменителю расширительно толковать границы уголовной ответственности. Так, П.С. Яни утверждает, что нарушение условий контракта или договора, заключённого в рамках государственного оборонного заказа, следует рассматривать как «неисполнение обязанностей, непринятие мер по обеспечению их исполнения», что позволяет отнести указанные деяния к «разновидности коммерческой халатности, определив вину как неосторожную» [4, с. 14].

Представляется, что подлинное разрешение дискуссии лежит не в плоскости однозначного выбора одной из концепций, а в выработке дифференцированного подхода, основанного на принципах вины и справедливости.

Вместе с тем, следует признать, что сама конструкция составов этих преступлений, требующая административной преюдиции как обязательного условия уголовной ответственности, действительно с высокой степенью вероятности предполагает осознанный характер повторного нарушения. В этом смысле презюмировать неосторожность в действиях такого субъекта было бы, по меньшей мере, непоследовательно. Вместе с тем было бы ошибочным полностью исключать возможность совершения рассматриваемых преступлений с косвенным

умыслом: практическая ситуация, когда руководитель, формально ознакомленный с требованиями законодательства о целевом расходовании средств, сознательно допускает их нецелевое использование, не желая срывать оборонного заказа, но безразлично относясь к такой возможности, полностью укладывается в законодательное определение косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

Более того, именно эта модель поведения зачастую и усматривается правоприменителем в действиях виновных.

В качестве итога проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы. Несмотря на то, что законодательная дефиниция формы вины в составах, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, действительно отсутствует, совокупное толкование объективных признаков этих преступлений – и прежде всего института административной преюдиции, даёт убедительные основания рассматривать их как умышленные. И прямой, и косвенный умысел юридически возможны, тогда как неосторожное совершение данных деяний обоснованно исключается из сферы уголовно-правового регулирования, оставаясь в плоскости административной ответственности.

Вместе с тем для окончательного устранения правовой неопределённости целесообразно рассмотреть вопрос о дополнении диспозиций анализируемых статей прямым указанием на умышленную форму вины, что позволило бы снять существующие доктринальные противоречия и гарантировать реализацию принципа субъективного вменения в правоприменительной практике.

Формирование судебной практики по статьям 201.2 и 285.5 УК РФ объективно находится на начальном этапе, что обусловлено непродолжительным периодом действия данных уголовно-правовых запретов. Кроме того, значительная часть уголовных дел, связанных с исполнением гособоронзаказа, так или иначе содержит сведения, составляющие государственную тайну. В связи с этим судебные заседания проходят в закрытом режиме, а сами тексты приговоров не публикуются в открытых источниках, таких как ГАС «Правосудие». Вместе с тем к настоящему времени уже имеются первые обвинительные приговоры, свидетельствующие о начале реализации указанных норм.

В частности, в 2025 году судом вынесен приговор по ч. 2 ст. 201.2 УК РФ в отношении бывшего генерального директора ООО «Ваккор», который, получив в качестве аванса по государственному оборонному контракту более 123 млн рублей, не направил их на строительство объекта для нужд Министерства обороны, а растратил средства, что повлекло срыв исполнения задания и причинение ущерба в особо крупном размере; виновному назначено наказание в виде четырёх лет лишения свободы⁴.

Кроме того, согласно данным анализа правоприменительной деятельности, за первые восемь месяцев 2025 года в суды направлено 43 уголовных дела, связанных со сферой государственного оборонного заказа, из которых

---

⁴ Пресс-релиз Главного военного следственного управления СК России [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://www.gvsu.gov.ru/news/k-lisheniyu-svobody-prigovoren-byvshiy-direktor-ooo-vakkor-aleksandr-bozhok/> (дата обращения: 11.05.2026).

28 непосредственно касаются срыва установленных заданий. Для сравнения, за весь 2024 год в суд передали 34 дела, в 2023 году – 36, в 2022 году – 32⁵.

Приведённые показатели, с одной стороны, подтверждают высокую интенсивность надзорно-следственной активности в сфере уголовно-правовой охраны государственного оборонного заказа, а с другой – демонстрируют постепенное накопление эмпирического материала, необходимого для выработки единообразных подходов к квалификации деяний, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, и разграничению их со смежными составами.

Приведённые эмпирические данные, свидетельствующие о начавшемся процессе накопления правоприменительного опыта, с неизбежностью актуализируют потребность в углубленном доктринальном осмыслении законодательных конструкций, закреплённых в статьях 201.2 и 285.5 УК РФ.

Наличие первых обвинительных приговоров не снимает, а, напротив, обостряет теоретико-правовые вопросы, связанные с толкованием бланкетных признаков, установлением содержания объективной стороны и разграничением смежных составов.

Помимо этого, автором проанализированы судебные решения на жалобы участников административного производства о несогласии с привлечением к ответственности по корреспондирующим статьям 14.55 и 7.30.3 КоАП РФ.

К примеру, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2025 года отмечено, что доводы жалобы об отсутствии в деянии должностного лица состава правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.55 КоАП РФ, с указанием на то, что обязательства по заключённому в целях исполнения государственного оборонного заказа договору не были выполнены в полном объёме в установленный в нём срок по вине поставщика, который не мог произвести поставку комплектующих изделий в срок ввиду санкций недружественных государств, были предметом проверки на предыдущих стадиях производства по делу и отклонены как не исключающие виновность указанного лица в совершении вменённого противоправного деяния⁶.

Установлено, что доводы привлекаемых к ответственности лиц о невозможности исполнения условий контракта либо договора ввиду допущенной волокиты со стороны контрагентов, проблем с логистикой или трудовыми ресурсами, отсутствия на рынке нужных для исполнения товаров либо денежных средств у должника, а также по причине иных обстоятельств, не относящихся к обстоятельствам непреодолимой силы, обоснованно отклоняются судами со ссылками на статью 309 и пункт 3 статьи 401 ГК РФ, которыми определено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом за исключением случаев, когда нарушение условий договора либо контракта было допущено вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

⁵ В суды РФ поступило рекордное количество уголовных дел, связанных с оборонзаказом [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://kursktv.ru/66057> (дата обращения: 11.05.2026).

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 19.06.2025 по делу № 41-АД25-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

С учётом этого, полагаем необходимым дополнить диспозиции статей 201.2 и 285.5 УК РФ либо примечания к ним указанием на недопустимость привлечения к ответственности лица при установлении факта нарушения условий по государственному контракту (договору) по гособоронзаказу вследствие обстоятельств непреодолимой силы, поскольку глава 8 УК РФ не предусматривает подобных оснований в числе исключаящих преступность деяния.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых положений, обладающих как теоретической значимостью, так и практической направленностью.

1. Неустраняемая коллизия административной преюдиции со специальным субъектом. Использование административной преюдиции в конструкциях статей 201.2 и 285.5 УК РФ входит в фундаментальное противоречие с правовой природой субъектов, ответственных за соблюдение условий государственного оборонного заказа. Должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в головных организациях-исполнителях, в процессе текущей деятельности заменяются путём переназначения, переизбрания, кадровой ротации либо введения внешнего управления на основании Указа Президента РФ от 03 марта 2023 г. № 139 и полностью обнуляют административную наказанность, делая уголовное преследование нового руководителя юридически невозможным. Преюдициальная модель, рассчитанная на неотделимость личности правонарушителя от его физического статуса (как, например, в статьях 116.1 и 264.1 УК РФ), оказывается юридически несостоятельной в корпоративной и административной среде оборонно-промышленного комплекса, где смена руководящего состава – ординарное явление. Тем самым потенциал уголовно-правовых запретов, призванных защищать сферу государственного оборонного заказа, блокируется не недостатками правоприменения, а внутренними дефектами самой законодательной конструкции.

2. Санкционный дисбаланс и отступление от принципа справедливости. Действующая модель порождает резкий, ничем не оправданный перепад в мерах государственного принуждения: административное наказание за первое нарушение ограничивается штрафом в размере от 30 до 50 тысяч рублей (ч. 5, 6 ст. 7.30.3 КоАП РФ), тогда как повторное деяние, не сопряжённое с тяжкими последствиями, влечёт лишение свободы на срок от четырёх до восьми лет. Подобный разрыв между административной и уголовной санкциями, мотивированный исключительно признаком повторности при формальном составе, не может быть признан соответствующим принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

3. Фактическое «отмирание» специальных норм на практике. Опыт работы автора в органах прокуратуры, в том числе изучение уголовных дел, свидетельствует о том, что в 70% случаев органы расследования предпочитают квалифицировать деяния в сфере государственного оборонного заказа как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Составы с административной преюдицией остаются периферийными, что объясняется не только сложностью доказывания преюдициального элемента, но и объективной невозможностью его накопления

для постоянно сменяющихся субъектов. Указ Президента № 139, вводящий внешнее управление, дополнительно сокращает и без того узкое «окно» для применения ст. 201.2 и 285.5 УК РФ, так как приостановление полномочий органов управления юридического лица фактически аннулирует фигуру ранее наказанного субъекта.

4. Для восстановления баланса между охранительной функцией уголовного закона и принципом справедливости предлагается:

- дополнить диспозиции ст. 201.2 и 285.5 УК РФ материальным критерием (причинение крупного ущерба или невыполнение задания государственного оборонного заказа), исключив тем самым формальный характер составов;

- рассмотреть возможность перехода к трёхэлементной модели: первое нарушение – административная ответственность; второе – повышенный административный штраф или дисквалификация; третье, сопряжённое с тяжкими последствиями или крупным ущербом, – уголовная ответственность. Это позволило бы сохранить предупредительный потенциал преюдиции, устранив существующий санкционный перекос;

- выработать на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ единообразные критерии разграничения ст. 201.2, 285.5 УК РФ со смежными составами, а также определить минимальный размер ущерба, необходимый для констатации существенности нарушения.

Список источников

1. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.

2. Лебедева С.А. Некоторые проблемы выявления и предупреждения уголовно-правовых нарушений при выполнении государственных заказов (на примере статей 201.1 и 201.2 Уголовного кодекса РФ) / С.А. Лебедева // Современное право. – 2025. – № 12. – С. 98–102.

3. Карбанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России / Е.Н. Карбанова, К.В. Цепелев // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 57–60.

4. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа / П.С. Яни // Законность. – 2023. – № 9. – С. 44–49. – № 10. – С. 11–15.

References

1. Lopashenko N.A. There Is No Administrative Prejudice in Criminal Law! *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2011, no.3 (23), pp. 64–71. (In Russian).

2. Lebedeva S.A. Some Problems of Identifying and Preventing Criminal Violations in the Execution of Government Contracts (Using Articles 201.1 and 201.2 of the Criminal Code of Russian Federation as an Example). *Modern Law*, 2025, no. 12, pp. 98–102. (In Russian).

3. Karabanova E.N., Tsepelev K.V. On the Issue of the Prospects of Using Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. *Russian Justice*, 2020, no. 11, pp. 57–60. (In Russian).

4. Yani P.S. Problems of Crimes Qualification in the Sphere of State Defense Order. *Legality*, 2023, no. 9, pp. 44–49. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Садвакасов Артур Русланович – ***Sadvakasov Artur Ruslanovich*** – *Prosecutor's Office of the Astrakhan Region, Deputy Prosecutor of the Trusovsky District of the Astrakhan Region*

Статья поступила в редакцию 17.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 19.05.2026 г.; принята к публикации 20.05.2026 г.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 20.05.2026.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12

Шарипова Алия Рашитовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-55770>

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРАХ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Нормативное закрепление традиционных ценностей послужило поводом для оценки их влияния на различные отрасли права. Помимо ориентирующего для отраслевого законодательства значения, у традиционных ценностей есть конкретное воплощение в нормативных положениях. Статья посвящена поиску конкретных процессуальных норм в законодательстве, регулирующем уголовное, арбитражное, гражданское и административное судопроизводства, которые бы реализовывали ценности гражданственности, патриотизма, достоинства, коллективизма, справедливости, крепкой семьи, единства народов России. Процедурным проявлением гражданственности является участие общества в отправлении правосудия, коллективизма – коллегиальные начала и групповые формы участия в деле, патриотизма – новые основания приостановления и прекращения уголовного дела, крепкой семьи – свидетельский иммунитет, единства народов России – правило о судопроизводстве не только на русском языке и др. Сравнительный анализ показывает, что одни и те же ценности в универсальных процессуальных институтах, в аналогичных процедурах иногда находят различную нормативную реализацию. В некоторых случаях традиционные ценности являются «конкурирующими», в других случаях требуется ограничение их абсолютизации в судебных процедурах.

Ключевые слова: уголовное процесс, традиционные ценности, национальная идентичность, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, справедливость, гражданственность, коллективизм.

Для цитирования: Шарипова А.Р. Традиционные ценности в процедурах российского судопроизводства/ А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 156–164.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN JUDICIAL PROCEDURE

Abstract. The normative consolidation of traditional values has provided an opportunity to assess their impact on various branches of law. In addition to the guiding meaning for sectoral legislation, traditional values have a concrete embodiment in regulatory provisions. The article is devoted to the search for specific procedural norms in the legislation governing criminal, arbitration, civil and administrative proceedings that would realize the values of citizenship, patriotism, dignity, collectivity, justice, a strong family, the unity of peoples of Russia. A procedural manifestation of citizenship is the participation of society in the administration of justice, collectivism – collegial principles and group forms of participation in a case, patriotism – new grounds for suspending and terminating a criminal case, a strong family – witness immunity, the peoples of Russia unity – the rule on judicial proceedings not only in Russian, etc. A comparative analysis shows that the same values in universal procedural institutions and in similar procedures sometimes find different normative implementation. In some cases, traditional values are “competing”, in other cases, it is necessary to limit their absolutization in judicial procedures.

Keywords: criminal procedure, traditional values, national identity, civil procedure, arbitration process, administrative process, justice, citizenship, collectivism.

For citation: Sharipova A.R. Traditional Values in Russian Judicial Procedure. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 156–164. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12

Введение. В последние годы научный интерес к нормативному закреплению традиционных духовных ценностей закономерно возрос следом за соответствующими шагами государственной власти¹. Поиск соответствия между конкретными нормами того или иного отраслевого закона и духовными ценностями [1] набирает обороты наравне с весьма идеологизированными оценками [2]. Достаточно ясно и предсказуемо, что характер научной дискуссии вокруг духовных ценностей носит абстрактно-теоретический, подчас философский характер, порой с переходом в социологические, психологические или даже религиозные материалы. Свою задачу мы видим, напротив, в отыскании конкретных норм, демонстрирующих традиционные ценности либо противоречащие каким-то из них. Оставаясь на позициях универсального характера судопроизвод-

---

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2026).

ства, независимо от его отраслевого деления на уголовное, гражданское, арбитражное и административное, полагаем возможным сопоставить «степень» воплощения традиционных духовных ценностей в процедурах, предусмотренных в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ.

Гражданственность. Институты гражданского общества не всегда имеют воплощение в законе, и в этом, возможно, проявляется их роль. Однако некоторые проявления ответственности граждан за правосудие в процессуальных кодексах мы всё же можем обнаружить. В первую очередь, это суд с участием присяжных заседателей (т.е. граждан – не юристов, понимающих свой гражданский долг и ответственно его исполняющих), который может рассматривать некоторую часть уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. Ни в одном другом судопроизводстве России участие присяжных не предусмотрено. Единственное «подобное» участие представителей гражданского общества предусматривает ст. 19 АПК, допуская возможность привлечения в судебную коллегию в суде первой инстанции арбитражных заседателей. В рамках настоящей статьи воздержимся от анализа достоинств и недостатков профессионального и «народного» суда, ограничимся лишь констатацией довольно выраженной «гражданственности» суда присяжных, номинальной (с учетом фактического неприменения) «гражданственности» процедуры рассмотрения с участием арбитражных заседателей и отсутствия их аналогов в гражданском и административном процессах.

Коллективизм. Понятно, что, ведя речь о судебных процедурах, мы можем отыскать коллективизм не во всех его смыслах. Категорически недопустимо было бы считать коллективизм (как приоритет интересов коллектива над личным) аргументом при решении спора между «групповой» и «единоличной» сторонами в пользу первой.

Коллективизм в судопроизводстве проявляется, в первую очередь, в коллегиальности. Что касается тенденций формирования состава суда, то в последние годы мы наблюдаем явный отход от коллегиальности на уровне проверочных инстанций. Если фактический отказ от коллегиальности в суде первой инстанции произошёл уже относительно давно, с переходом к современной модели судостройства и судопроизводства [3, с. 64–67], то до 2013 г. основным способом пересмотра судебных актов был коллегиальный. Начиная с Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства», произошло последовательное ограничение коллегиальности в апелляции по уголовным делам, кассации по уголовным делам, апелляции и кассации по гражданским делам. Если сопоставлять сохранившиеся доли рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб в коллегиальном составе судей, то на

первом месте окажется арбитражный процесс, затем – административный и гражданский процесс. Уголовный процесс по этому показателю будет на последнем месте: более половины жалоб на окончательные судебные акты в нём рассматриваются единолично.

Есть и более частные случаи, которые не вполне укладываются в «интеллектуальную формулу» коллективизма «одна голова хорошо, а две – лучше»: в некоторых случаях промежуточные судебные акты, вынесенные коллегиально, могут быть пересмотрены единолично. В этом плане более логичен административный процесс, закрепивший правило о коллегиальном пересмотре всех актов, вынесенных в коллегиальном составе: «Частные жалобы, представления прокурора на определения суда рассматриваются в апелляционном порядке судьями соответствующих судов единолично, за исключением случаев, когда обжалуемое определение вынесено коллегиальным составом суда» (ч. 2.1. ст. 315 КАС).

В цивилистическом процессе понимание важности коллективных интересов находит отражение в главах 22.3 ГПК, 28.2 АПК, 42 КС, регулирующих особенности рассмотрения дел о защите прав и законных интересов групп лиц.

Коллективизм как легализация интересов либо правомочий группы лиц реализуется в уголовном процессе в бесспорной форме следственной группы (ст. 165) и небесспорной форме группы дознавателей (ст. 223.2). Некоторые сомнения относительно целесообразности объединения дознавателей в группы для производства предварительного расследования по сложным или объёмным делам у нас есть. Они связаны с тем, что логика нашего уголовного процесса (подтверждённая и действующей ст. 163 УПК РФ, и прежней ст. 129 УПК РСФСР) диктует необходимость производства *предварительного следствия* по сложным или объёмным делам, а не поручение их группе дознавателей. Высказать несогласие с оптимальностью данного положения УПК в этом контексте нас заставляет желание подчеркнуть, что следование традиционным ценностям не предполагает их абсолютизации или реализации любой ценой.

Справедливость. Справедливость является центральным понятием, целью, смыслом и содержанием правосудия, поэтому рассматривать соответствие судебных процедур этой ценности по аналогии с другими основными традиционными ценностями не вполне продуктивно. Скорее, имеет смысл обратить внимание на те процедуры, которые в наименьшей степени ориентированы на поиск справедливости, и определить, на защиту какой другой ценности они направлены. Чтобы не погружаться в общефилософские и отраслевые дискуссии о содержании этого понятия, остановимся на простом варианте: справедливость – это вынесение решения в соответствии с истинным положением вещей.

На первом месте среди «несправедливых» процедур обычно называют все компромиссные, упрощённые, «поощрительные» процедуры. В уголовном процессе это особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в связи с прими-

рением сторон; с назначением судебного штрафа; в связи с деятельным раскаянием; в связи с возмещением ущерба по некоторым экономическим преступлениям; в связи с призывом или заключением контракта в период мобилизации или в военное время)). Основной «внутриотраслевой» аргумент в пользу закрепления всех этих процедур сводится к процессуальной экономии, или отказу от части процессуальных действий/стадий, или нецелесообразности продолжения процессуальной деятельности.

Однако большинство целей, ради которых уголовное судопроизводство допускает возможность снижения стандартов справедливой судебной процедуры, лежит в пространстве человеческих ценностей, а не самого уголовного процесса. Это гуманность (особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением), милосердие (прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием), коллективизм (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), патриотизм (прекращение уголовного дела в связи с призывом на военную службу). Ради справедливости отметим, что не только духовные ценности служат ориентиром для установления компромиссных процедур: думается, что материальные ценности государство тоже не должно упускать из виду. И возмещение ущерба по экономическим преступлениям, по которым потерпевшим является государство (например, налоговые преступления), – это возможность пополнения бюджета и сохранение перспективы платёжеспособности налогоплательщиков. Следование духовным ценностям в правовой политике государства исключает всякую наивность: прекращение уголовного преследования для обвиняемых «патриотов» (как и освобождение от наказания для осуждённых) предполагается только в условиях мобилизации и военного времени, когда стране нужны солдаты, готовые рисковать жизнью. Цивилистический процесс исторически «проще» относится к справедливости, как правило, не предполагая гибели мира для свершения правосудия, не противопоставляя разумную процессуальную целесообразность справедливости. Нам в целом близка идея сохранения общественного мира как условия продолжения человеческой деятельности, в том числе, в ракурсе созидательной трудовой деятельности, представляющую собой еще одну традиционную ценность. Какой бы ни был материально-правовой спор, нужно учитывать, что жизнь идёт дальше, и в некоторых случаях настойчивые, продолжительные, трудоёмкие попытки решить этот спор идут во вред его участникам. Широко распространённая практика окончания арбитражных и гражданских споров утверждением мирового соглашения как нельзя лучше демонстрирует эту мысль. Конечно, напрямую и в полном объёме экстраполировать этот опыт в уголовный процесс невозможно, но иметь в виду всё-таки следует.

Достоинство. Уважение к человеку как к субъекту процессуальной деятельности, участнику процессуальных правоотношений кажется абсолютно необходимым минимумом современного судопроизводства. Несмотря на все достижения последних десятилетий, которые существенно укрепили правовой

статус подозреваемого и обвиняемого, изжить полностью отношение к ним как к преступникам, с которыми не стоит церемониться, не получилось. И если цивилистическим процедурам, в целом, не требуется проверка на предмет возможного ущемления достоинства их участников, то уголовному процессу это нужно до сих пор. Причём нужно это не только ради идеи равного уважения достоинства всех людей (ведь в действительности уважения люди заслуживают в разной степени), уважать достоинство обвиняемого нужно не только ради его интересов, но и ради сохранения профессионального достоинства всех остальных участников судопроизводства.

Одной из несколько сомнительных уголовно-процессуальных норм представляется содержащаяся в ст. 389.12 УПК возможность определения формы участия (очной или посредством видеоконференцсвязи) осуждённого в рассмотрении апелляционных жалоб по его делу не им самим. Разумеется, у такого решения есть какие-то организационно-экономического свойства. Однако пока ещё очное участие в судебном заседании является преимущественной формой по уголовным делам, лишать её того, чья судьба решается в этом судебном заседании, не верно. Вполне возможно, что осуждённый желает участвовать в заседании лично не ради качественного донесения своей позиции, участия в исследовании доказательств и т.п., а ради каких-то иных целей; вполне возможно, что обеспечение очного участия менее удобно для суда и органов уголовно-исполнительной системы, но уважение его достоинства требует обеспечения исполнения его желания. Подчеркнём, что речь именно в достоинстве: мы сейчас даже не касаемся аргументов против видеоконференцсвязи, основанных на предположении о неполноценном в когнитивном и эмоциональном плане восприятии информации в дистанционном формате в сравнении с очным.

Крепкая семья. Ярким проявлением процессуального института, функционирующего именно в поддержку интересов семьи, является семейный и родственник свидетельский иммунитет. Это право родственника или супруга отказаться от дачи показаний против своего близкого, который в том или ином виде закреплён во всех процессуальных кодексах. Конкретные перечни носителей этого иммунитета отличаются.

Так, в уголовном процессе круг лиц, имеющих иммунитет, основанный на семейных отношениях, включает супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновлённых, родных братьев и родных сестёр, дедушку, бабушку, внуков (ст.5, 56 УПК). Примерно так же (за исключением редакции) этот круг определён в ст. 69 ГПК. КАС в ст. 51 предполагает более широкий список: полнородных и неполнородных (имеющих общих отца и (или) мать) братьев, сестёр, опекуна и попечителя. Статья 56 АПК прямо указывает только на супруга, а перечень близких родственников определяется отсылкой к федеральному закону. Семейный кодекс РФ в ст. 14 при этом признаёт близкими родственниками родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей и де-

тей, дедушку, бабушку и внуков), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестёр.

Оснований для различий носителей такого иммунитета в разных видах судопроизводства нет, исходя из универсальности смысла свидетельствования и общности ценности семьи. Способом предотвращения появления разнородных отраслевых регламентаций может быть дача отсылки (подобно АПК) во всех соответствующих нормах к единому перечню близких родственников, который должен быть предусмотрен в Семейном кодексе РФ.

Более спорным вопросом свидетельского иммунитета является ограничение круга его носителей, исходя только из родственных и супружеских связей. Иные близкие отношения не поддерживаются таким иммунитетом: фактическое сожительство, бывшее, расторгнутое супружество, опекуновство и попечительство, отношения «сводных» братьев и сестёр (детей разных родителей, в какой-то период состоящих в браке), отношения детей одного из супругов со вторым супругом, не являющимся его родителем или усыновителем («отчимом» и «мачехой»), отношения усыновленных детей между собой, если они не являются родными братьями, сёстрами.

Из всех перечисленных вариантов неродственных ролей в близких отношениях только опекун и попечитель восприняты процессуальным законом в качестве требующих свидетельского иммунитета – они включены в соответствующий перечень Кодексом административного судопроизводства. При этом подопечный по какой-то причине в этом перечне не назван, привилегия несвидетельствования установлена односторонне.

Полагаем, что ограничение носителей «супружеско-родственного» свидетельского иммунитета (имеем в виду не только собственно супружеский и родственный, но и любой, связанный с личными близкими отношениями) хоть и необходимо, но не так непримиримо, как принято в действующем УПК. С одной стороны, государству проще иметь дело с классическим представлением о семье, в которой супруги регистрируют брак, воспитывают общих детей и умирают в один день. Но, с другой стороны, отрицать многообразие семей неправильно, поскольку главный их смысл – любовь, воспитание детей, передача опыта, поддержка близких – сохраняется, и именно на них должны быть ориентированы правовые нормы.

Как один из возможных вариантов расширения круга обладателей «семейного» свидетельского иммунитета можно рассматривать предложения, высказанные в тематических кандидатских диссертациях С.Ю. Никитина и С.П. Федякина – предоставить суду, прокурору, следователю, дознавателю право признать близким родственником иное лицо, не указанное в п.4 ст. 5 УПК [4, с. 8], либо дополнительно закрепить понятие «близких лиц» [5, с. 10].

Единство народов России. Русский язык является языком государствообразующего народа (ст. 68 Конституции), языком межнационального общения за

пределами страны², а ранее – и в её пределах³, и до относительно недавнего времени владение гражданами русским языком было всеобщим. Тем не менее, сохранение многообразия культуры национальностей народов России – это грань рассматриваемой ценности. Два из четырех процессуальных кодексов – УПК и ГПК – предусматривают нормы о возможности ведения судопроизводства в суде первой инстанции на государственном языке республик, входящих в состав Российской Федерации. Можно предположить, что в последнее время средний уровень владения русским языком среди граждан России снизился как за счёт более частого приобретения российского гражданства иностранными гражданами, так и за счёт вхождения в состав страны новых территорий.

Заключение. По итогам изложенного можно резюмировать, что традиционные ценности, служащие ориентиром для законодателя и правоприменителя, касательно всех правовых норм имеют и более выраженное концентрированное воплощение в конкретных процедурах современного судопроизводства. Межотраслевое сопоставление этой процессуальной конкретики показывает более отчётливую их реализацию в нормах и процедурах УПК РФ.

Список источников:

1. Алексеенко А.П., Архипов В.В., Белов С.А., Кондуров В.Е. Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе / А.П. Алексеенко, В.В. Архипов, С.А. Белов, В.Е. Кондуров // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 332–359.
2. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 14–25.
3. Шарипова А.Р. Тенденции сочетания единоличного и коллегиального в отечественном уголовном и гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве / А.Р. Шарипова // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 64–73.
4. Никитин С.Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Ю. Никитин. – Челябинск, 2005. – 184 с.
5. Федякин К.П. Теоретические и практические проблемы свидетельского иммунитета в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.П. Федякин. – Саратов, 2007. – 170 с.

---

² Ст. 38 Указа Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

³ Закон от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР».

References

1. Alekseenko A.P., Arkhipov V.V., Belov S.A., Kondurov V.E. Implementation of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Legal System. *Jurisprudence*, 2024, vol. 68, no. 3, pp. 332–359. (In Russian).
2. Doroshkov V.V. Modern Criminal Procedure through the Perspective of Spiritual and Moral Grounds of Russian Society. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 12, pp. 14–25. (In Russian).
3. Sharipova A.R. Trends in the Combination of Individual and Collegial in Domestic Criminal and Civil, Arbitration, Administrative Proceedings. *State and Law*, 2024, no. 2, pp. 64–73. (In Russian).
4. Nikitin S.Yu. Witness Immunity in Russian Criminal Procedure. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2005. 184 p. (In Russian).
5. Fedyakin K.P. Theoretical and Practical Problems of Witness Immunity in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Saratov, 2007. 170 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 10.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**INTERNATIONAL LAW**

Научная статья

УДК 347.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.13

Батраханов Арман Аблайханович

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
Астана, Казахстан, abatrykhanov@bk.ru

**О РОЛИ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Аннотация. Институт кассации как экстраординарный способ проверки судебных актов, вступивших в законную силу, традиционен для казахстанского правопорядка и имеет генетические корни в советском правовом регулировании. Выйдя из Советского Союза, служившего единой базой и мерилom правовых систем республик, в него входивших, многие государства за тридцать лет политической независимости сформировали свои системы права. Тем не менее, основные институты защиты гражданских прав, формирующих общее наследие, несмотря на самостоятельный политико-правовой путь, сохраняются. Цель: поиск наиболее адекватного подхода к пересмотру судебных актов в кассационной инстанции. Методологическую основу составляют методы анализа, синтеза информации по теме исследования, а также логический метод, обусловленный ретроспективным изучением изменений в подходах к механизму правового регулирования пересмотра судебных актов в кассационной инстанции. Аргументируются вопросы организации и функционирования кассационного суда в гражданском судопроизводстве Республики Казахстан. Оцениваются вопросы наделения компетенцией данных судов в рамках цивилистического процесса. Рассматривается вопрос организации кассационных судов с учётом специализации судебных коллегий или составов. Выводы: предложенные в настоящей работе подходы к организации кассационных судов могут стать более эффективным с учётом целей и задач, возложенных на них законодателем.

Ключевые слова: кассационные суды, реформа, судоустройство, судопроизводство, Казахстан

Для цитирования: Батраханов А.А. О роли кассационных судов в цивилистическом процессе Республики Казахстан / А.А. Батраханов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.13 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 165–175.

Batrakhanov Arman Ablaikhanovich

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan abatrykhanov@bk.ru

**THE CASSATION COURTS ROLE IN THE CIVIL PROCESS
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Abstract. The institution of cassation as an extraordinary way of checking the judicial acts that have entered into legal force is traditional for the Kazakhstani legal system and has its roots in Soviet legal regulation. After having emerged from the Soviet Union, which was a single basis measure for the republics' legal systems that were part of it, many states have formed their own systems of law in thirty years of political independence. However, the core institutions of civil rights protection that form a common legacy, despite an independent political and legal path, remain in force. The purpose of the study is to find the most appropriate approach to reviewing judicial acts in the cassation court. The methodological basis consists of methods of analysis, synthesis of information on the topic of study, as well as a logical method based on the retrospective study of changes in approaches to the legal framework for the review of judicial acts in the cassation court. The results are substantiated by issues related to the organization and functioning of the cassation court in civil proceedings in the Republic of Kazakhstan. Issues related to the competence of these courts within the framework of civil proceedings are assessed. The question of organizing courts of cassation with regard to the specialization of judicial colleges or constituencies is under consideration. Conclusions: the approaches proposed in this paper for organizing cassation courts can become more effective, taking into account the goals and tasks assigned to them by the legislator.

Keywords: cassation courts, reform, judicial system, court procedure, Kazakhstan

For citation: *Batrakhanov A. A. The Cassation Courts Role in the Civil Process of the Republic of Kazakhstan. Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University, 2026, no. 2, pp. 165–175. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.13*

Введение. Институт судебной власти в общем и её отдельные элементы в частности являются одними из базовых фундаментальных признаков правового государства. В механизме реализации судебной власти огромное значение имеют вопросы построения и функционирования судебных систем. Профессор Жуйков В.М. считает, что организация суда (судоустройство) и его деятельность (судопроизводство) должны выступать в единстве, взаимодействуя между собой и обуславливая друг друга [1, с. 135]. Только такой баланс позволит

достичь целей и задач, стоящих перед правосудием как элементом правового государства. Каждый элемент судебной системы играет свою определённую им механизмом правового регулирования роль по защите субъективных прав и свобод индивида. Данное положение безусловно распространяется и на экстраординарные способы пересмотра судебных актов. Тем интереснее изучить организацию и функционирование отдельных элементов судебной системы. В настоящей работе следует установить роль, место и потенциал кассационных судов при осуществлении правосудия по гражданским делам в Республике Казахстан.

В соответствии со ст. 13 Конституции Республики Казахстан каждому гарантировано право на судебную защиту своих прав и свобод¹. В связи с этим, динамичное реформирование вопросов судопроизводства и судоустройства во всех процессуальных отраслях права должно носить системный характер. Именно такой подход позволит качественно и своевременно восстанавливать нарушенные субъективные права лиц, участвующих в деле. В связи с созданием кассационных судов² крайне актуальным является ответ на вопрос, как будут функционировать данные судебные органы в рамках рассмотрения гражданских споров, включая экономические споры. Оправдает ли данный институт судебной власти возлагаемые на него надежды практиками и доктриной, приведя к более полной реализации идей эффективного исправления судебных ошибок и повышению качества правосудия по гражданским делам. Кассационные суды в Республике Казахстан функционируют с июля 2025 года. Как было отмечено ранее, судебная защита прав и законных интересов субъектов является важным элементом любого государства. Следовательно, процессуальные институты, направленные на реализацию данного права, должны отвечать социальным интересам. Ведь только при соответствии процессуальных институтов интересам общества и личности они смогут достичь краеугольной цели правосудия, обеспечения верховенства права. Что в свою очередь обеспечивает стабильный рост экономического состояния государства и улучшает инвестиционный климат.

Судебные составы. Как представляется, отдельного внимания заслуживает наличие в законе положений о специализированных составах кассационных судов. Ранее процессуальное законодательство Казахстана не содержало положений, регулирующих функционирование специализированных составов, ввиду отсутствия последних. В части 2 статьи 16-3 Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»³ указано, что в

---

¹ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022) [Электронный ресурс] // URL: Конституция РК 2024 | Параграф Онлайн (дата обращения: 11.10.2025).

² Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000 № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // URL: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025 г.) (дата обращения: 11.10.2025).

³ Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000 № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // URL: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025 г.) (дата обращения: 21.10.2025).

кассационном суде могут создаваться специализированные составы, которые формируются председателем кассационного суда. В данном контексте, следует предложить альтернативный подход к формированию специализированных составов. Виды и количество специализированных составов следует устанавливать непосредственно законодателем, и их перечень должен носить закрытый характер. В свою очередь, данное нововведение позволит на практике повысить уровень профессиональных навыков судебных составов в рамках разрешения отдельных категорий дел. Например, было бы целесообразно создать судебные составы по проверке судебных актов экономических судов, по проверке судебных актов ювенальных судов, а также создать состав по делам военнослужащих на уровне суда кассационной инстанции. Стоит заметить, что действующее положение ст. 27 ГПК РК⁴ разграничивает подсудность между специализированными судами по первой инстанции. Такими судами по смыслу закона являются специализированные суды по делам несовершеннолетних, экономические и военные суды. В связи с этим, отталкиваясь от идей повышения уровня правосудия, следует более детально изучить вопросы специализации судебных составов, их формирования на уровне проверочной инстанции для пересмотра судебных актов специализированных судов. Данные факторы могут найти своё отражение непосредственно в процессе рассмотрение спора. А именно в вопросах правильности применения норм законодательства Республики Казахстан нижестоящими судами при изучении и уточнении исковых требований, исследовании доказательств, предъявленных сторонами, определении круга обстоятельств, имеющих значение по делу, выявлении причинно-следственных связей между обстоятельствами, имеющими важное значение по конкретному делу. Как представляется, в основе специализации лежит дифференциация по категориям дел, которая обусловлена материально-правовой спецификой правоотношений. В доктрине высказывается мнение, что создание специализированных судов способствовало, во-первых, решению наиболее благоприятным образом вопросов специализации судов, во-вторых, повышению квалификации судей, в-третьих, уменьшению судебной нагрузки [2, с. 123; 3, с. 122]. Следует отметить, что, по замечанию профессора Ю.А. Тихомирова, образование специализированных судов отражает общие тенденции развития судов и судопроизводства в зарубежных странах [4, с. 187]. Глубокая специализация судебных составов также позволит выявить ошибки нижестоящих судов при применении норм права и, как следствие, устранить их точно, применительно к практике по разрешению конкретных споров.

В данном контексте осмелимся предложить другой принцип формирования специализированных составов. Так, на сегодняшний день ГПК РК содержит ряд положений, регулирующих рассмотрение отдельных категорий дел.

---

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V [Электронный ресурс] // URL: ГПК РК 2024 - Гражданский процессуальный кодекс | Параграф Online (zakon.kz) (дата обращения: 21.10.2025).

Нет значимых препятствий, чтобы такое обособление продолжилось и на уровне кассационной проверочной инстанции, не переходя, тем не менее, границ универсальной процессуальной формы и единого судоустройства, характерных для национального правопорядка. Ведь речь будет идти не о создании «особых процессуальных правил» для каждой категории экономических споров, а лишь о создании специализированных составов исходя из специфических материально-правовых аспектов. Как можно заметить, общие идеи данной концепции можно найти в разных странах, однако в каждой стране будут существенные различия именно в деталях. Резюмируя, осмелимся высказать предложение о нормативном закреплении закрытого перечня специализированных судебных составов в каждом конкретном кассационном суде. Виды специализированных составов должны создаваться по тем категориям дел, по которым функционируют специализированные суды по первой инстанции.

Независимость судебной власти. В свою очередь, концепция создания кассационных судов в Казахстане была обусловлена идеей повышения уровня отправления правосудия. В доктринальном сообществе, а также в органах государственной власти отмечалось противоречие ряда норм ГПК РК (ст. 438 ГПК РК⁵ (в предыдущей редакции высшие должностные лица судебной системы имели возможность влияния на судьбу дела)), регулирующих рассмотрение дела в кассационной инстанции, базовым принципам гражданского судопроизводства. Осмелимся предположить, что положение действующего гражданско-процессуального законодательства в части вмешательства (а также потенциального вмешательства в рассмотрение дела в кассационной инстанции) Председателя Верховного Суда Казахстана в рассмотрение дела в коллегии по гражданским делам Верховного Суда «девальвирует» принцип независимости суда. Поскольку в случае наличия прямой или косвенной заинтересованности у должностных лиц Верховного Суда не исключается вероятность вынесения судебного акта, противоречащего нормам законодательства, а также базовым идеям правового регулирования общественных отношений. С другой стороны, данные положения процессуального законодательства вступают в смысловое противоречие с принципом независимости суда, в том числе, от высших должностных лиц судебной системы. Применительно аналогичной проблематики в российском праве профессор И.В. Рехтина считает, что дискреционные полномочия Председателя (заместителя Председателя) Верховного Суда РФ по отмене определения судьбы Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции противоречат принципам правовой определённости [5, с. 125]. В данном аспекте также стоит согласиться с мнением профессора Г.Ж. Сулейменовой, которая считает, что «Конституционные положения о

---

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V [Электронный ресурс] // URL: ГПК РК 2024 - Гражданский процессуальный кодекс | Параграф Online (zakon.kz) (дата обращения: 21.10.2025).

независимости и самостоятельности суда должны выполняться в реальной действительности, а не оставаться декларацией, украшающей закон. Поэтому без реальных механизмов их обеспечения судебская независимость и самостоятельность останутся понятиями весьма относительными»⁶. В связи с этим отметим, что преобразование процессуального механизма по защите нарушенных субъективных прав на стадии пересмотра судебного акта в кассационной инстанции окажет положительное влияние на реальное укрепление заявленного выше принципа.

В новой модели кассационного судопроизводства у судей Верховного Суда, в том числе Председателя ВС РК, будет отсутствовать возможность влиять на судьбу гражданского дела⁷. Данное положение можно считать действительно позитивным изменением процессуального законодательства. Указанные субъекты будут лишены права истребовать дела из нижестоящих судов, а также продления процессуальных сроков по делу, которое рассматривается в суде кассационной инстанции. Повышение уровня независимости судей при отправлении правосудия также повышает качество уровня отправления правосудия в рамках цивилистического процесса. Данный вывод следует из того, что судья при рассмотрении дела не будет связан с потенциальным влиянием высших должностных лиц судебной системы. Профессор Е.А. Борисова называет данную модель «непосредственной кассацией» [6, с. 73]. Такое концептуальное видоизменение динамики пересмотра судебных актов в кассационной инстанции повышает общий уровень отправления правосудия как категории высшего порядка. Закон, а также и изменения в Гражданский процессуальный кодекс РК предусматривают лишение Верховного Суда РК процессуальной функции рассмотрения дел. Законодатель обозначил, что на Верховный Суд Республики Казахстан возлагается новая обязанность: изучать и обобщать судебную практику и вопросы соблюдения законности при отправлении правосудия. Тогда как непосредственно отправлением правосудия будут заниматься только местные и кассационные суды.

Другим существенным вопросом в кассационном судопроизводстве является нормативное определение пределов рассмотрения дела на основании кассационной жалобы заинтересованного лица. Доктрина традиционно выделяет два вида кассации: «сплошную» и «выборочную». В проекте закона отдаётся предпочтение модели «сплошной» кассации. Профессор Е.А. Борисова отмечает, что кассация не может быть выборочной, поскольку судьёй изучается весь массив жалоб, и отбор не должен быть случайным или произвольным, а должен основываться на требованиях закона [6, с. 71]. Модель «выборочной» кассации предполагает разнообразные формы обязательной предварительной

---

⁶ Независимость судов и судей должна быть реальной / Г.Ж. Сулейменова [Электронный ресурс] // URL: Независимость судов и судей должна быть реальной (Гульнара Сулейменова, канд. юрид. наук доцент кафедры уголовного процесса КазГЮУ) (дата обращения: 24.10.2025).

⁷ Сенат одобрил закон по реформированию судебной системы [Электронный ресурс] // URL: Сенат одобрил закон по реформированию судебной системы | Верховный Суд Республики Казахстан (sud.gov.kz) (дата обращения: 01.11.2024).

проверки «приемлемости» жалобы и наличия оснований для пересмотра судебных актов единолично судьёй суда кассационной инстанции либо коллегией судей этого суда. «Сплошная» кассация предусматривает, что принесение жалобы лицами, участвующими в деле, влечёт возбуждение кассационного производства и рассмотрение дела судом кассационной инстанции с вызовом сторон и проведением судебного заседания⁸. По новому процессуальному порядку стадия предварительного рассмотрения жалобы в кассационной инстанции будет исключена. Полагаю, что такое изменение процессуального законодательства позитивно повлияет на повышение доверия сторон дела по отношению к суду, поскольку в соответствии с данной процессуальной новеллой поступившая кассационная жалоба должна быть изучена непосредственно соответствующим судебным составом кассационной инстанции в коллегиальном порядке. Как представляется, коллегиальность предварительного рассмотрения снизит негативные коррупционные риски. А в идеальной модели судопроизводства сведёт влияние коррупционных факторов к нулю. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что судебные акты кассационной инстанции носят не только праввосстановительный, но и охранительный характер.

«Образцовое решение». Казахстанскому правопорядку присущ такой процессуальный институт как «образцовое решение». Суть данного понятия сводится к тому, что областной (или приравненный к нему) суд в соответствии с ч. 5-1 ст. 226 ГПК РК при вынесении решения ссылается на правовые позиции вышестоящего суда. В действующем гражданско-процессуальном законодательстве таким судом является областной (или соответствующий суд). Действующая модель института «образцового решения» нарушает инстанционный порядок рассмотрения дел в судах и иерархичность системы обжалования судебных актов. Это выражено в следующем. Как было указано выше, при вынесении образцового решения дело рассматривается в апелляционной инстанции по существу (т.е. по правилам первой инстанции). В случае рассмотрения областным (или приравненным к нему) судом дела по существу, суд какого звена будет выступать судом апелляционной инстанции? К сожалению, в Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан и в Нормативных постановлениях Верховного Суда Республики Казахстан не содержится точного ответа на данный вопрос. В данной модели нарушается инстанционный (последовательный) порядок рассмотрения дела.

В системной взаимосвязи с новшествами кассационного производства данный институт может быть изменён. С учётом особенности функционирования кассационной инстанции в судебной системе Республики Казахстан представляется уместным возложить данную функцию на кассационные суды. Тем самым суды первой инстанции при рассмотрении дела

---

⁸ Самостоятельная кассационная инстанция: требование времени [Электронный ресурс] // URL: Самостоятельная кассационная инстанция: требование времени (Сакен Абдолла, Председатель союза судей РК, судья Верховного Суда РК, к. ю. н.) (дата обращения: 21.10.2025).

по существу будут ориентироваться на правовые позиции кассационной инстанции, а именно: на правильность применения материального и процессуального законодательства, которое нашло своё отражение в правовых позициях кассационного суда, изложенных им в своих актах. Такое положение дел не будет нарушать правила инстанционности при обжаловании судебных актов. В отличие от процессуального института «образцового решения», при реализации которого дела сразу рассматривались судом апелляционной инстанции, минуя производство в первой инстанции. Профессор И.В. Решетникова называет это «концепцией последовательного обжалования» [7, с. 116]. Профессор Е.А. Борисова отмечает, что кассационный суд был создан для единого применения закона судьями. [6, с. 20]. Это сводится к тому, что дело, рассмотренное по правилам «образцового решения», не рассматривается в апелляции, что нарушает инстанционность обжалования. Толкунов В.М. и Курова И.Н. отмечают, что риск намеренного преодоления апелляционного разбирательства обернётся утратой возможности ещё допускаемых на этой стадии (в отличие от кассационного производства) приобщения, оценки дополнительных доказательств, назначения судебных экспертиз, то есть утратой шанса восполнения, опровержения доказательств, отстаивания своей позиции перед другими судьями [4, с. 75]. Как представляется, в связи с созданием кассационных судов, следует нормативно наделить последних правом вынесения «образцовых решений». В этой связи, профессор З.Х. Баймолдина отмечает, что речь идёт об обеспечении единообразного толкования норм права нижестоящими судами в целях исключения вынесения разных судебных актов по схожим делам. Таким образом, цель введения нового института – обеспечение единообразия в применении норм права [8, с. 151]. Закон также говорит об этом. Например, изучает судебную практику и по итогам её обобщения рассматривает вопросы соблюдения законности при отправлении правосудия нижестоящими судебными инстанциями. Идея последовательного обжалования заключается в том, что соответствующий суд проверяет соответствующий судебный акт, не допуская дублирования судебных полномочий [9, с. 29]. Другим обстоятельством в данном контексте является положение закона, которое прямо говорит, что кассационный суд организует изучение судебной практики⁹. В соответствии с положениями ст. 226 ГПК РК¹⁰ суд вправе ссылаться на правовые позиции суда вышестоящей инстанции, изложенные в решении при рассмотрении однородных дел в соответствии с подсудностью, предусмотренной ст. 27-1 и 28-1 ГПК РК (п. 5-1); суд в случае невозможности выполнения положений, изложенных в постановлении суда

⁹ Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000 № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // URL: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025 г.) (дата обращения: 21.10.2025).

¹⁰ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V [Электронный ресурс] // URL: ГПК РК 2024 - Гражданский процессуальный кодекс | Параграф Online (zakon.kz) (дата обращения: 01.11.2024).

апелляционной или кассационной инстанции, при новом рассмотрении дела должен привести мотивы их невыполнения (п. 5-2).

Стоит заметить, что при наделении решений кассационного суда статусом «образцового решения» единообразность применения норм материального и процессуального права будет распространяться на все суды Республики. Стоит согласиться с позицией профессора Э.Б. Аблаевой, которая отмечает, что единообразии в судебной практике влияет на эффективность механизма защиты прав граждан и их объединений, на укрепление доверия к системе правосудия, на обеспечение законности в управленческой сфере деятельности [2, с. 122].

Заключение. Описанная в настоящей работе проблематика является актуальной для казахстанского правоприменителя и доктрины. Это обусловлено существенным преобразованием кассационного судопроизводства в результате реформ. На наш взгляд, несмотря на позитивные изменения в законодательстве, в перспективе следует усовершенствовать ряд процессуальных элементов. Изменение порядка формирования специализированных составов, усовершенствование роли образцовых решений в гражданском процессе обеспечат согласованность и гармоничность системы гражданской юрисдикции. Дальнейшие изменения кассационного судопроизводства, приведённые в настоящей работе с целью усовершенствования механизмов отправления правосудия, окажут позитивное влияние на укрепление законности и будут отвечать запросам и ожиданиям общества.

Список источников

1. Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве / В.М. Жуйков // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 135.

2. Аблаева Э.Б. Специализированные экономические, финансовые и административные суды Казахстана: история возникновения, современное состояние, перспективы развития / Э.Б. Аблаева // Lex Russia. – 2020. – 73(3). С. 121–134. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.121-134>

3. Сулейменова Г.Ж. Специализированные суды, их организация и место в судебной системе Республики Казахстан / Г.Ж. Сулейменова // Вестник Карагандинского университета. Серия: История, философия, право. – 2007. – № 2 (46). – С. 123–128.

4. Толкунов В.М., Курова И.Н. К вопросу о соблюдении правила последовательного обжалования судебных актов в арбитражной системе / В.М. Толкунов, И.Н. Курова // Арбитражные споры. – 2021. – № 1 – С. 75–82.

5. Рехтина И.В. Изменения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в области обжалования судебных постановлений / И.В. Рехтина // Юрист. – 2011. – № 9. – С. 125–128.

6. Борисова Е.А. Кассация по гражданским делам / Е.А. Борисова // М. : „Городец“. – 2020. – 208 с.

7. Решетникова И.В. Концепции последовательного обжалования и концентрации исполнения судебных актов в арбитражном процессе России / И.В. Решетникова // Закон. – 2012. – № 4. – С. 116–122.

8. Баймолдина З.Х. Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции / З.Х. Баймолдина // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3(73). – С. 149–155.

9. Борисова Е.А. Последовательность обжалования судебных актов в арбитражном и гражданском процессах / Е.А. Борисова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 8. – С. 29–34.

References

1. Zhuykov V.M. On Some Issues of Development of Procedural Legislation and Judicial System Legislation. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 8, pp. 135–150. (In Russian).

2. Ablaeva E.B. Specialized Economic, Financial and Administrative Courts of Kazakhstan: History, Current Status, Development Prospects. *Lex Russica*, 2020, no. 73(3), pp. 121–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.121-134 (In Russian).

3. Suleimenova G. Zh. Specialised Courts, Their Organization and Place in the Judicial System of the Republic of Kazakhstan. *Karaganda University Bulletin. Series: History, Philosophy, Law*, 2007, no. 2 (46), pp. 123–128. (In Russian).

4. Tolkunov V. M., Kurova I. N. On the Issue of Compliance with the Rule of Sequential Appeal of Judicial Acts in the Arbitration System. *Arbitration Disputes*, 2021, no. 1(93), pp.75–82. (In Russian).

5. Rekhtina I.V. Changes to the Civil Procedural Code of the Russian Federation in the Area of Appealing Court Decisions. *Lawyer*, 2011, no. 9, pp. 8–12. (In Russian).

6. Borisova E.A. Cassation in Civil Cases. Moscow, Gorodets Publ. House, 2020. 208 p. (In Russian).

7. Reshetnikova I.V. The Concept of Successive Appeals and Concentration of Judicial Acts Execution in the Arbitration Process of Russia. *Statute*, 2012, no. 4, pp.116–122. (In Russian).

8. Baimoldina Z.Kh. Civil Proceedings in the Republic of Kazakhstan: Innovations and Trends. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3(73), pp.149–155. DOI: 10.33184/pravgos-2023.3.16 (In Russian).

9. Borisova E.A. The Sequence of Appeal the Judicial Acts in Arbitration and Civil Proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2012, no. 8, pp. 29–34. (In Russian).

Информация об авторе

Батраханов Арман Аблайханович – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан

Information about the Author

Batrakhanov Arman Ablaikhanovivch – Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; Scientific Researcher of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan

Статья поступила в редакцию 27.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 3.06.2026 г.; принята к публикации 5.06.2026 г.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 3.06.2026; accepted for publication 5.06.2026.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья

УДК 343.132

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.14

Беженцев Александр Анатольевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

ДОСУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем теории и практики *досудебного расследования*, его генезису и перспективам реформирования, анализу правовых норм, обеспечивающих гарантии и защиту прав и свобод человека и гражданина, необходимости их теоретического осмысления вследствие недостаточности научных разработок указанной проблемы. Главной целью исследования являлась комплексная разработка научно-методических основ: а) правового регулирования уголовного процесса на стадии досудебного расследования; б) обеспечения и усовершенствования правового статуса субъектов уголовного процесса; в) реализации гарантий прав и свобод человека и гражданина. Для достижения этой цели в труде решены следующие *научные задачи*: а) раскрыто современное состояние теории и практики досудебного расследования по обеспечению прав и свобод человека и гражданина; б) изучаются основные функции уголовного процесса, классифицируются его субъекты; в) ознаменован правовой статус дознания, процессуальные особенности его функционирования при проведении оперативно-розыскных, поисковых действий в правовом регулировании уголовного процесса, теоретически и практически обозначен правовой статус следователя; г) осознана конструкция досудебного следствия; д) выделена сущность процессуальной формы, её критерии в ходе правового регулирования уголовного процесса; е) рассмотрены концептуальные положения стадии возбуждения уголовного дела; ж) выделены процессуальные полномочия прокурора, судьи по осуществлению надзора

и контроля по соблюдению законности в уголовном процессе на стадии досудебного расследования.

Ключевые слова: уголовная юстиция, уголовный процесс, уголовное дело, предварительное следствие, досудебное расследование, досудебные стадии производства, уголовно-процессуальные принципы, уголовно-процессуальные гарантии, субъекты уголовного процесса, судебный контроль, прокурорский надзор, следственные действия, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Беженцев А.А. Досудебное расследование: общие положения и перспективы реформирования / А.А. Беженцев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.14 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 176–187.

Original article

Bezhentsev Alexander Anatolevich

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPА), St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

PRE-TRIAL INVESTIGATION: GENERAL PROVISIONS AND PROSPECTS FOR REFORM

Abstract. The article is devoted to the problems of pre-trial investigation theory and practice, its genesis and prospects for reform, analysis of legal norms that ensure guarantees and protection of human and civil rights and freedoms, the need for their theoretical understanding due to the insufficiency of scientific research on this problem. The main purpose of the study is a comprehensive development of scientific and methodological foundations: *a)* legal regulation of criminal procedure at the stage of pre-trial investigation; *b)* ensuring and improving the legal status of criminal procedure subjects; *c)* implementation of human and civil rights and freedoms guarantees. To achieve this purpose, the following scientific tasks were solved in the work: *a)* the current state of pre-trial investigation theory and practice concerning the securing human and civil rights and freedoms is revealed; *b)* the main functions of criminal procedure are studied, its subjects are classified; *c)* the legal status of inquiry, procedural features of its functioning during operational-search, search actions in the legal regulation of criminal procedure are marked, the legal status of the investigator is theoretically and practically designated; *d)* the design of pre-trial investigation is understood; *e)* the essence of the procedural form and its criteria in the course of legal regulation of criminal procedure are highlighted; *f)* the conceptual provisions of the initiation stage of a criminal case are considered; *g)* the procedural powers of the prosecutor and judge in exercising supervision and control over compliance with the law in criminal proceedings at the stage of pre-trial investigation are highlighted.

Keywords: criminal justice, criminal procedure, criminal case, preliminary investigation, pre-trial investigation, pre-trial stages of proceedings, criminal procedural principles, criminal procedural guarantees, subjects of criminal proceedings, judicial control, prosecutorial supervision, investigative actions, law enforcement intelligence operations

For citation: Bezhentsev A.A. Pre-Trial Investigation: General Provisions and Prospects for Reform. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 176–187. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.14

Введение. Конституция Российской Федерации провозгласила курс на построение демократического правового государства, предусматривающего прогрессивные изменения в политических, социально-экономических условиях жизни государства и общества, реформирование системы уголовной юстиции в направлении дальнейшей демократизации, гуманизации, усиления защиты прав и свобод человека в соответствии с требованиями международно-правовых стандартов мирового сообщества.

Уголовно-процессуальное законодательство постоянно претерпевает изменения, направленные на реализацию требований обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, расширение состязательности сторон, судебного контроля за ограничением конституционных прав и свобод человека на этапе *досудебного расследования*.

Вместе с тем необходимо определить, что существующая система уголовной юстиции не всегда отвечала сложившимся общественным отношениям. В первые годы существования Российской Федерации система уголовной юстиции была несколько громоздкой, внутренне противоречивой, не всегда научно обоснованной, иногда чрезмерно запутанной. Деятельность субъектов уголовного процесса в некоторые периоды характеризовалась дублированием полномочий, несколько нечётким определением и разграничением компетенций субъектов, иногда применением неоправданно усложненных процедур.

Актуальность, сложность и многоплановость проблемы продолжения реформирования досудебного расследования, судебного контроля и прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела, досудебного следствия по защите прав и свобод человека и гражданина, методологическая и практическая значимость возникающих вопросов постоянно привлекают внимание учёных в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, теории государства и права.

Научные исследования теории и практики досудебного расследования осуществлялись в направлении повышения процессуальных гарантий прав подозреваемого, обвиняемого, защиты прав потерпевшего, обеспечения гарантий прав лица в ходе проведения следственной и оперативно-розыскной деятельности, в частности такими учёными советского государства как А.Н. Васильев, А.И. Винберг, А.Я. Вышинский, В.У. Громов, В.П. Колмаков, И.М. Лузгин,

П.И. Тарасов-Родионов, И.Н. Якимов, современными исследователями: Г.А. Абдумажидов, Т.В. Аверьянова, О.И. Андреева, О.Я. Баев, А.И. Бастрыкин, А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, Л.В. Бертовский, В.С. Бурданова, О.Л. Васильев, В.Ф. Васюков, И.А. Возгрин, Т.С. Волчецкая, А.Ф. Волынский, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Г.И. Грамович, А.В. Гриненко, Ю.В. Деришев, Р.Г. Домбровский, Л.Я. Драпкин, А.В. Дулов, Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко, О.Г. Каратаев, И.М. Комаров, В.Д. Корма, С.Ю. Косарев, И.Ф. Крылов, И.В. Латышов, А.Ф. Лубин, П.А. Лупинская, Н.С. Манова, А.Д. Назаров, В.А. Образцов, Ю.К. Орлов, Н.С. Полевой, В.Л. Попов, П.К. Пошюнас, Е.Р. Россинская, С.Б. Россинский, Н.А. Селиванов, В.А. Семенцов, А.В. Смирнов, Н.Г. Стойко, О.В. Чельшева, Л.Г. Шапиро, В.И. Шиканов, А.А. Эксархопуло.

Однако комплексного современного концептуального исследования теории и практики досудебного расследования, определения правового статуса субъектов процесса, реализации их основных функций, гарантий защиты прав и свобод человека, судебного контроля и прокурорского надзора за соблюдением законов с учётом принципа верховенства права через призму уголовно-процессуальных институтов, мирового опыта и действующих международно-правовых актов в условиях нового миропорядка, характеризующегося формированием многополярного мира с нацеленностью России на евразийский регион и восточные территории пока не проведено.

На современном этапе завершающейся реформы уголовной юстиции во всестороннем дополнительном исследовании нуждаются следующие вопросы: а) уточнение концептуальной модели досудебного расследования, функций и принципов уголовного процесса; б) обеспечение процессуальной самостоятельности следователя, уточнение статуса органа дознания; в) усовершенствование уголовно-процессуальной формы с учётом гармоничного сочетания принципов состязательности и диспозитивности на основании принципа верховенства права; г) укрепление гарантий защиты прав потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого [1, 506 с.; 2, 399 с.; 3, с. 107–113; 4, с. 244–249; 5, с. 213–218].

Всё это определяет необходимость общетеоретического анализа широкого круга вопросов, обуславливающих концептуально новый подход к изучению проблемы рассмотрения теории и практики досудебного расследования, его генезиса и реформирования.

Комплексное сочетание общенаучных и специальных методов, используемых в юридической науке, явилось теоретико-методологической основой исследования. С помощью *диалектического метода* изучены: а) теория и практика досудебного расследования; б) правовой статус субъектов уголовного процесса. *Метод правового регулирования* применён для исследования с достаточной точностью содержания правовых институтов, освещения проблем реализации правовых норм на практике. *Метод системно-структурного анализа* позволил определить недостатки действующего законодательства, внести предложения по усовершенствованию процессуальных норм, регулирующих порядок проведения следственных действий. *Сравнительно-правовой метод*

предоставил возможность сравнения: а) конституционных; б) уголовно-правовых; в) уголовно-процессуальных норм, в том числе законодательства зарубежных стран. *Историко-правовой метод* применён для ретроспективного анализа закономерностей становления и развития института судебного контроля и прокурорского надзора, правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, процессуального статуса следователя, осуществления защиты субъектов уголовного процесса. *Статистический и социологический методы* определили уровень негативных последствий в ходе обеспечения процессуальных прав субъектов досудебного расследования и предоставили возможность для обоснования теоретических положений судебной статистики, статистической информации, анализа и интерпретации эмпирических данных.

1) Общие положения досудебного расследования.

Ознакамливаясь с современным состоянием науки и практики проблем реформирования досудебного расследования, защиты прав и свобод человека и гражданина, судебного контроля и прокурорского надзора и раскрывая теоретические и практические проблемы стадий системы уголовного процесса Российской Федерации, отметим, что основы уголовного процесса были кодифицированы в 529 г. Юстинианом в Римской Империи (Codex Justinianus). По Уголовному ордонансу Людовика XIV 1670 г. (Grande Ordonnance Criminelle) был упразднён состязательный (обвинительный) процесс, а вместо него финально утвердился следственный (инквизиционный) процесс. В 1808 г. был сформирован французский уголовный процесс на соревновательных началах после принятия Кодекса уголовного следствия (Code d'instruction criminelle).

С момента образования Российской Федерации в соответствии с международными демократическими стандартами, исходя из основных положений концепции усовершенствования судопроизводства, началось реформирование уголовного процесса. Законодательство реформировало стадии судебного уголовного процесса, но досудебные стадии процесса были видоизменены недостаточно. Существовавшая процедура досудебного следствия в первое время сохраняла свойственные тоталитарному режиму черты ведомственного и прокурорского расследования и не позволяла эффективно защищать права участников судопроизводства, обеспечивать судебный контроль, принимать надлежащие меры привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступления и избегать безосновательного привлечения невиновных. В действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве прослеживался дисбаланс прав участников процесса.

Теория и практика уголовного процесса позволяет определить современную уголовно-процессуальную деятельность как совокупность процессуальных и следственных действий институтов, связанных с участием субъектов в процессе [6, 185 с.].

При дальнейшем реформировании досудебного расследования его предлагается установить как *публично-исковую систему уголовного процесса*. Публично-исковой процесс должен соответствовать обвинению как уголовному

иску. Теоретическая модель публично-искового процесса имеет следующие признаки: а) государственные органы, имеющие процессуальные полномочия, должны принять действия по защите пострадавшего, потерпевшего в уголовном процессе; б) разоблачение и преследование преступника за совершённое преступление производится правоохранительными органами; в) преступление определяется как общественно-опасное деяние, несмотря иногда на отсутствие потерпевшего; г) производство по уголовному делу обеспечивается гарантиями прав и свобод лица, привлекаемого к уголовной ответственности; д) судебный контроль обеспечивает гарантии прав и свобод, а также право обжаловать действия следователя в суд. В рамках этой модели уголовное преследование рассматривается не как административная деятельность по «сбору материалов», а как предъявление уголовного иска (обвинения) от имени государства к лицу, совершившему преступление. Перспективное реформирование стадии досудебного следствия будет способствовать эффективности выполнения задач уголовного процесса, обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Осмысливая верховенство права как главный принцип досудебного расследования, гарантий прав участников процесса, раскрывая общие принципы уголовного процесса (состязательности, публичности, диспозитивности), запечатаем, что главная цель уголовного судопроизводства – воплощение на всех этапах досудебного расследования именно принципа верховенства права и закона.

Следует подчеркнуть значимость *принципа верховенства права*. Признание и употребление принципа верховенства права обуславливает необходимость глубокого осмысления, с одной стороны, меры саморазвития права как явления отчасти негосударственного, а общественного происхождения, а с другой стороны – меры происхождения его именно от государства как носителя власти, продукта государственной деятельности в форме юридического закона. Применение принципа верховенства права позволяет отойти от чисто позитивистского толкования права. В отличие от традиций юридического позитивизма, оправдывающего приоритет государственного интереса над интересами личности, принцип верховенства права, напротив, защищает индивида от произвола государственной власти.

Верховенство права в уголовном процессе конкретизируется в верховенстве закона и является неотъемлемой частью регулирования отношений между всеми субъектами на основании закона. Верховенство закона означает неукоснительное соблюдение прав и свобод в обществе. Закон, обязывая к соблюдению общепринятых правил поведения, чётко определяет границы вмешательства государства в отношении индивидуальной свободы.

Верховенство закона требует, чтобы деятельность всех органов государственной власти осуществлялась на правовой основе и отвечала условиям легитимности. Верховенство закона включает: а) главенство Конституции; б) особую процедуру принятия и изменения закона; в) обязательное соответствие нормативных актов закону; г) механизм реализации и защиты закона.

Постигая специфику сторон уголовно-процессуальной деятельности, следует акцентировать внимание на правовых особенностях каждой из них. В основе классификации сторон процесса лежат уголовно-процессуальные функции: а) уголовного преследования; б) уголовной защиты; в) правосудия. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации делит всех участников на тех, которые относятся к стороне уголовного обвинения, сторонам уголовной защиты, других участников правосудия.

Подчеркнём признаки субъектов в процессе. *Первый признак* определяется обстоятельствами, обуславливающими появление субъекта в уголовном процессе, *второй* составляет мотив уголовно-процессуальной деятельности, *третий* обусловлен законными интересами субъектов процесса, *четвёртый* включает права и обязанности, определённые уголовно-процессуальным законом, и принятие процессуального решения, которое является обязательным для субъекта процесса.

II) Наука и практика реформирования досудебного расследования.

Решая проблемы реформирования стадии досудебного расследования и раскрывая проблемы стадии возбуждения уголовного дела, много лет вызывающие полемику не только у теоретиков, но и у практиков [7, с. 184; 8, с. 57–63], утверждаем, что на данной стадии принимается решение о возбуждении уголовного дела, проводится проверка органом дознания, следователем материала, содержащего признаки состава преступления.

Досудебное расследование – это урегулированная законом деятельность органов дознания, досудебного следствия и прокуратуры по раскрытию преступлений, разоблачению виновных, обоснованному привлечению их как обвиняемых, по установлению всех обстоятельств уголовного дела и решению задач уголовного процесса. Деятельность этих органов направлена на выяснение характера и размера ущерба, причинённого преступлением, выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений и принятие мер к их устранению.

В юридической литературе среди учёных существуют разные подходы к реформированию стадии возбуждения уголовного дела [9, с. 170–176].

Важным направлением деятельности органа дознания является реализация результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном процессе. Данные, полученные оперативно-розыскным путём, указывающие на признаки состава преступления, должны быть представлены следователю или прокурору в качестве оперативно-розыскных материалов. Решение проблем предоставления оперативных материалов следователю должно быть осуществлено путём их рассекречивания в допустимых законом рамках [10, 235 с.].

Оперативное сопровождение следственной группы включает: обеспечение постоянного взаимодействия следователей, работников оперативных, других подразделений для быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений.

Дознание – это производство неотложных, начальных следственных действий и принятие в отношении них соответствующих процессуальных решений.

Осваивая теорию и практику реформирования процессуальных полномочий следователя, важно проанализировать полномочия и процессуальные права следователя. Тенденции реформирования досудебного следствия *англосаксонское право* рассматривает путём его устранения. Вместо него устанавливается дознание под надзором прокурора и контролем судьи. *Романо-германское право* описывает самостоятельность следователя, его личные права. Все проекты имеют теоретическое и практическое обоснование.

Обозревая совершенствование правовых гарантий стадии досудебного расследования, распознавая теорию и практику повышения эффективности уголовного процесса, правовой реализации форм, методов и направлений деятельности, констатируем, что термин «гарантия» происходит от французского слова «garantie» (старофранцузский – «guarantir») и переводится как «ручаться», «обеспечение», «заверение». Охрана прав и свобод личности в уголовном процессе – это основной признак гарантий.

Уголовный процесс под гарантиями подразумевает установленные законом средства и способы, способствующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов лица в ходе досудебного и судебного разбирательства уголовного дела. При этом процессуальные гарантии выступают в виде целостной системы.

Устанавливая научные и практические проблемы реформирования процессуальных гарантий прав потерпевшего, раскрывающиеся из его процессуального статуса, регистрируем, что пострадавший имеет право на: а) немедленную регистрацию, рассмотрение и принятие решения по заявлению; б) получение копии постановления о принятом по заявлению решении; в) получение информации о ходе рассмотрения заявления; г) предоставление в компетентные органы предметов, документов применительно к совершённом преступлению; д) ознакомление с материалами проверки; е) обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Потерпевший обязан: а) являться в органы, ведущие проверку по его заявлению; б) предоставлять предметы, документы, имеющие значение для производства по делу; в) присутствовать при необходимости проведения медицинского освидетельствования. Основанием для признания лица потерпевшим необходимо считать вред, который является следствием совершаемого общественно-опасного деяния (преступления) и причиняется правам и интересам лица, охраняемым уголовным законом. Государство защищает права и законные интересы потерпевшего, эта защита осуществляется независимо от желания лица, пострадавшего от преступления.

Рассматривая совершенствование процессуальных форм досудебного расследования, изучая проблемы процессуальной формы, относящиеся к фундаментальным категориям науки уголовного процесса, заключим, что от точности определения процессуальной формы зависит разработка главных положений теории уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный закон не только ставит перед дознавателем полиции, следователем органа внутренних дел, следователем Следственного комитета, прокурором, судьёй цели, методы принятия решения, но и указывает способы их принятия, решения и реализации, а также какими правовыми гарантиями они должны быть законодательно и процессуально обеспечены.

Научно-обоснованная уголовно-процессуальная форма создаёт оптимальные условия для установления объективной истины по уголовному делу, осуществления защиты прав и обязанностей участников процесса, прежде всего, она соответствует моральным и правовым основам справедливости применения норм в досудебном производстве. Объективный результат не может быть получен за счёт нарушения процессуальной формы и процессуальных гарантий. Каждое нарушение процессуальной формы в уголовном процессе должно быть признано незаконным и необоснованным.

Исследуя научный и практический анализ процессуальных и следственных действий досудебного расследования, фиксируя процессуальное закрепление фактических данных, полученных в ходе уголовно-процессуальных следственных действий, обозначим, что фактические данные совершённого преступления отражаются не только как объективно независимые явления, но и объективное отношение их к субъекту, а также условия и средства наблюдения за ними и их фиксации.

Общетеоретические выводы.

1. Доктрина верховенства права и закона включает: а) господство права и закона, которая определяется характером связи между правом и экономическими отношениями; б) господство права и закона является специфическим социальным феноменом, неотъемлемым правом человека и гражданина, средством защиты от противоправных действий системы предварительного расследования. Верховенство права и закона в области досудебного следствия и правосудия означает построение уголовного процесса, где приоритет предоставляется правам и свободам человека.

2. Презумпция невиновности предполагает, что обвиняемый является невиновным, пока его виновность не будет доказана или установлена приговором суда. Презумпция невиновности сохраняет равновесие сторон между органом государственного уголовного преследования и стороной защиты. Основа презумпции – это равенство всех доказательств. Судья обязан исследовать все доказательства предварительного расследования, привести в приговор те, на которых основываются выводы суда и мотивы, по которым судья постановил обвинительный/оправдательный приговор.

3. Уголовный процесс является определённой составляющей системы стадий (в рамках стадий-этапов). Система уголовного процесса образуется не только из совокупности стадий, а также из процессуальных действий, направленных на выполнение задач и целей уголовной юстиции. На досудебных стадиях процесса действует публичная система процесса, на судебных – состязательная. Вся система уголовного процесса должна соответствовать принципам

состязательности, диспозитивности, презумпции невиновности; соревновательное основное досудебное расследование даёт основание для гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Заключение. Итак, в статье были исследованы проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела, проведения досудебного следствия, уголовно-процессуальные принципы, функции и правовой статус субъектов процесса. Намечены некоторые пути реформирования досудебного расследования.

Практическое значение полученных результатов. Методологические приёмы, аналитические материалы, положения научной статьи могут быть использованы: *а) в сфере научно-исследовательской деятельности* – как основа для дальнейших научных разработок правового статуса субъектов уголовного процесса, его принципов, функций в ходе правового регулирования досудебного расследования; *б) в законопроектной работе* – при разработке нового уголовно-процессуального законодательства, внесении изменений и дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, оптимизации законодательства по досудебному следствию; *в) в правоприменительной практике* – в использовании новых теоретических и практических подходов в досудебном расследовании; *г) в образовательном процессе* – при подготовке материалов по дисциплинам: «Уголовный процесс» («Уголовно-процессуальное право»), «Прокурорский надзор»; специальным курсам уголовного-процессуального толка: «Сравнительное уголовно-процессуальное право», «Уголовный процесс зарубежных стран», «Дознание в правоохранительных органах», «Предварительное следствие», «Особые производства в уголовном процессе», «Теория доказывания в уголовном процессе», «Информационные технологии в уголовном процессе», «Документы в уголовном процессе», «Методика расследования отдельных видов преступлений», «Методика расследования преступлений против ... (личности, собственности, общественной безопасности, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества)», «Методика расследования преступлений в сфере ... (экономической деятельности, незаконного оборота оружия, незаконного оборота наркотических средств, компьютерной информации, незаконной миграции)», «Гарантии прав личности в уголовном процессе», «Судебный контроль в уголовном процессе».

Список источников

1. Малышева О.А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Малышева. – Москва : Академия управления МВД России, 2013. – 508 с.

2. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.П. Химичева. – Москва : Московский университет МВД России, 2003. – 399 с.

3. Деришев Ю.В., Гаас Н.Н. Место производства предварительного расследования: понятие, сущность и значение в системе уголовного досудебного производства / Ю.В. Деришев, Н.Н. Гаас // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 1(37). – С. 107–113.

4. Кудряшова Е.С. Качество досудебного производства по уголовному делу как общее условие предварительного расследования / Е.С. Кудряшова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11, № 2(40). – С. 244–249.

5. Масюк В.В., Морозов В.Н. Предварительное расследование как основная стадия досудебного производства по уголовному делу / В.В. Масюк, В.Н. Морозов // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 213–218.

6. Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве / О.В. Гладышева, Р.В. Костенко, Семенцов В.А. и др. : монография. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2023. – 185 с.

7. Володина Л.М. Возбуждение производства по уголовным делам: правовое регулирование, теория, практика : монография / Л.М. Володина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2025. – 184 с.

8. Овсянников И.В. Стадия возбуждения уголовного дела в свете назначения и принципов уголовного судопроизводства / И.В. Овсянников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 3(107). – С. 57–63.

9. Россинский С. Б. Возбуждение уголовного дела: оставить как есть, упразднить или реформировать? // Государство и право. 2025. № 11. С. 170–176.

10. Кленов Д.И. Процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании на досудебных стадиях производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.И. Кленов. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2005. – 235 с.

References

1. Malysheva O.A. Pre-Trial Proceedings in Russian Criminal Procedure: Problems of Implementation and Legal Regulation. *Doc. Diss.* Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 508 p. (In Russian).

2. Khimicheva G.P. Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases (Concept for Improving Criminal Procedural Activity). *Doc. Diss.* Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 399 p. (In Russian).

3. Derishev Yu.V., Gaas N.N. Place of Preliminary Investigation: Concept, Essence and Significance in the System of Criminal Pre-Trial Proceedings. *Altai Law Journal*, 2022, no 1, pp. 107–113. (In Russian).

4. Kudryashova E.S. Pre-Trial Quality in a Criminal Case as a General Condition of Preliminary Investigation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, vol. 11, no. 2(40), pp. 244–249. (In Russian).

5. Masyuk V.V., Morozov V.N. Preliminary Investigation as the Main Stage of Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Law and Legislation*, 2023, no 9, pp. 213–218. (In Russian).

6. Gladysheva O.V., Kostenko R.V., Semenov V.A. et al. Criminal Procedural Activity in Pre-Trial Proceedings: Monograph. Krasnodar, Kuban State University, 2023. 185 p. (In Russian).

7. Volodina L.M. Initiation of Criminal Proceedings: Legal Regulation, Theory, and Practice: Monograph. Moscow, Prospect Limited Liability Company, 2025. 184 p. (In Russian).

8. Ovsyannikov I.V. The Stage of Initiating a Criminal Case in Light of the Purpose and Principles of Criminal Proceedings. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2025, no 3, pp. 57–63. (In Russian).

9. Rossinsky S.B. Initiating a Criminal Case: Leave as Is, Abolish or Reform? *State and Law*. 2025, no 11, pp. 170–176. (In Russian).

10. Klenov D.I. Procedural Procedure for Using the Results of Operational-Investigative Activities in Evidence at Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Izhevsk, Udmurt State University, 2005. 235 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Беженцев Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в почётной отставке, доцент кафедры уголовного права (УП) юридического факультета (ЮФ)

Bezhentsev Alexander Anatolevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Honorably Retired Police Colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty

Статья поступила в редакцию 01.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 02.06.2026 г.; принята к публикации 03.06.2026 г.

The article was submitted 01.05.2026; approved after reviewing 02.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Научная статья

УДК 343.985

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.15

Белов Олег Александрович

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, oabelov@msal.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем уголовно-правового регулирования и методике расследования преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий. Рассмотрены существующие пробелы в российском законодательстве и недостаточная правоприменительная практика, препятствующие эффективному предупреждению, раскрытию и расследованию таких преступлений. В статье рассматривается высокая степень риска нарушений прав личности и потенциальных угроз обществу, возникающих вследствие злоупотребления достижениями в сфере биотехнологий. Особое внимание уделено вопросам криминалистической характеристики подобных деяний, включающим анализ типичных следов, способа совершения и личности правонарушителя. Подчёркнута необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего знания из области права, криминалистики и биотехнологий, для формирования действенной системы противодействия новым видам преступлений, связанным с развитием биотехнологий. Предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, разработке и внедрению эффективных методических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий.

Ключевые слова: биотехнологии, криминалистическая характеристика преступлений, криминалистическая методика.

Для цитирования: Белов О.А. Предпосылки разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий / О.А. Белов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 188–198.

Original article

Belov Oleg Alexandrovich

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, oabelov@msal.ru

PREREQUISITES TO DEVELOP A FORENSIC METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY USING BIOTECHNOLOGY

Abstract. The article is devoted to the problems of criminal law regulation and the methodology of investigating crimes committed with the help of biotechnology. It examines the existing gaps in Russian legislation and the insufficient law enforcement practice that hinder the effective prevention, detection and investigation of such crimes. The article discusses the high risk of individual rights' violations and the potential threats to society that arise from the misuse of biotechnology achievements. Special attention is paid to the forensic characteristics of such acts, including the analysis of typical traces, the method of commission and the identity of the offender. The need for an interdisciplinary approach that combines legal, forensic and biotechnology knowledge is emphasized in order to create an effective system for countering new types of crimes related to the development of biotechnology. The article proposes recommendations for improving criminal legislation and developing and implementing effective methodological guidelines for the detection and investigation of crimes committed using biotechnology.

Keywords: biotechnology, criminalistic characteristics of crimes, forensic methodology.

For citation: Belov O.A. Prerequisites to Develop a Forensic Methodology for Investigating Crimes Committed by Using Biotechnology. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 188–198. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.15

Введение. В последние годы мировая экономика переживает период активной инновационной трансформации. Такие процессы как цифровизация, внедрение технологий искусственного интеллекта и развитие высокотехнологичных отраслей производства существенно меняют традиционные подходы к бизнесу и приводят к глубокой перестройке всей мировой индустрии.

Одним из перспективных направлений инновационного развития большинства стран мира в настоящее время выступают биотехнологии, являющиеся одним из ключевых трендов современного научно-технического прогресса.

Формируя новую стратегию трансформации общества и государства, биотехнологии находят своё применение в различных сферах человеческой деятельности. Используя весьма широкий спектр научных методов исследования, включая микробиологический синтез, геномную и клеточную инженерию, культивирование клеток растений, животных и микроорганизмов, биотехнологии позволяют создавать новые продукты и процессы, способные улучшать каче-

ство жизни человека, повышать эффективность сельского хозяйства, медицины и промышленности, а также решать экологические проблемы. Перспективность и эффективность применения биотехнологических процессов (от производства антибиотиков, новых вакцин и лекарственных препаратов до биотоплива) обусловлена, прежде всего, их компактностью и одновременно крупномасштабностью, а также высоким уровнем производительности труда.

Вместе с тем, стремительное развитие биотехнологий наряду с неоспоримыми благами создаёт новые вызовы для правопорядка и безопасности общества. Применение достижений геной инженерии, клеточных технологий, синтетической биологии сопровождается серьёзными рисками, включающими в себя нарушение прав и свобод человека, возникновение потенциальных угроз для общества. Опасения вызывает не только безопасность употребления генетически модифицированной продукции и её воздействие на здоровье человека и окружающую среду, но также вероятность преднамеренного применения биотехнологий в целях нанесения ущерба безопасности всего человечества.

К сожалению, уже сегодня существует угроза, связанная с возможностью совершения таких преступлений как клонирование, незаконное выращивание и трансплантация тканей и органов человека, неконтролируемое применение методов геной терапии в целях улучшения физических или когнитивных способностей человека. Не меньшую тревогу вызывает и практика проведения абортов с целью дальнейшего использования эмбрионов для экспериментов со стволовыми клетками.

Некоторые исследователи считают, что большинство биологических технологий могут быть применены для разработки биологического оружия и осуществления преступных действий (биотерроризм, биодиверсии) [1, с. 26]. Также вызывает серьёзные опасения возможность использования биотехнологий для культивирования генетически модифицированных растений, содержащих наркотические вещества, с целью увеличения их урожайности и усиления наркотических свойств.

Правовое и криминалистическое обеспечение противодействия таким угрозам существенно отстаёт от темпов технологического развития, что формирует объективные предпосылки для разработки специализированной криминалистической методики их расследования.

Правовой вакуум как системная предпосылка для разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий. В последние годы биотехнологический сектор экономики демонстрирует устойчивый рост прибыли. По оценке специалистов Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка, к 2028 году объём рынка всех биотехнологий составит свыше 4,2 млн тонн продукции, что эквивалентно 700 млрд руб. в стоимостном выражении¹. Дальнейшее развитие биотехнологий в сфере пищевой промышленности и интенсификации аграрного сектора,

---

¹ Россельхозбанк: Рынок биотехнологий в АПК вырастет до 190 млрд руб. к 2028 году [Электронный ресурс] // URL: <https://soz.bio/rosselkhozbank-rynok-biotekhnologiy/> (дата обращения: 02.02.2026).

производства лекарственных препаратов и медицинских изделий, продуктов с высокой добавленной стоимостью, переработки возобновляемого сырья и генетических исследований, откроют перед предприятиями и крупными компаниями перспективу значительного увеличения прибыли.

Законодательство в сфере биотехнологий также постоянно развивается и обновляется в связи с новыми научными достижениями и технологическими разработками. На международном уровне основы правового регулирования биотехнологий закреплены в универсальных базовых документах, среди которых можно выделить: Всеобщую декларацию о геноме человека и о правах человека², Конвенцию Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с приложениями биологии и медицины³, Хельсинкскую декларацию Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы медицинских исследований на человеке»⁴, Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о биомедицине и правах человека и др.

Ключевую роль в правовом регулировании рассматриваемой сферы в Российской Федерации также играют: Федеральный закон № 184-ФЗ «О техническом регулировании», устанавливающий общие принципы технического регулирования, включая стандарты и правила, применяемые к продуктам, полученным с использованием биотехнологий; Федеральный закон № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», регулирующий вопросы обеспечения качества продуктов и их безопасности, в том числе полученные с использованием биотехнологий; Федеральный закон № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который устанавливает правовые основы для осуществления генно-инженерной деятельности в России, а также определяет порядок создания, испытания, регистрации и оборота продукции, полученной с использованием методов генной инженерии.

Вместе с тем, в настоящее время в России процесс формирования основ правового регулирования деятельности, связанной с проведением исследований в биотехнологической сфере, а также с использованием биотехнологий находится пока на начальном этапе развития. Проблемы нормативного регулирования сегодня включают широкий спектр вопросов, касающихся этики, безопасности, прав интеллектуальной собственности и охраны окружающей среды, а также юридической ответственности за непредвиденные последствия применения новых биотехнологий.

Крупномасштабность и высокая доходность новейших разработок на основе биотехнологий в конечном счёте может привести к их использованию не только в легальном, социально полезном пространстве, но и в преступной деятельности. В обозримой перспективе вполне вероятно появление ранее неиз-

---

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

³ Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с приложениями биологии и медицины [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901808464> (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы медицинских исследований на человеке» [Электронный ресурс] // URL: http://acto-russia.org/index.php?option=com_content&task=view&id=21 (дата обращения: 02.02.2026).

вестных в России правонарушений, непосредственно связанных с применением новейших достижений биологической науки. Однако действующая законодательная база и существующая правоприменительная практика пока не имеют полноценных механизмов для предотвращения, выявления, раскрытия и расследования таких общественно опасных деяний. Недостаточно проработанными, прежде всего, остаются вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления с применением биотехнологий.

Действующий УК РФ содержит ряд составов преступлений, опосредованно имеющих отношение к незаконному применению биотехнологий. К таким можно отнести: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), торговля людьми с целью использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), нарушение правил безопасности при обращении с патогенными биологическими агентами (ст. 248 УК РФ), разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ) и др. Однако следует согласиться с мнением Ю.А. Чернышёвой, что «уголовный закон не содержит специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений с использованием биотехнологий в том объёме, который соответствовал бы фактически сложившейся ситуации или (в идеале) был бы ориентирован на вполне реалистичные прогнозные оценки» [2, с. 110].

В настоящее время в России также остаётся открытым вопрос относительно деятельности по клонированию человека. В США, например, запрет на клонирование впервые был введён ещё в 1980 году. В ряде европейских стран (Франция, Испания, Эстония, Молдова) клонирование как преступление закреплено в уголовных кодексах. В таких странах как Бразилия, Германия, Великобритания, Япония уголовная ответственность за клонирование установлена специальными законами. В целях приведения национального законодательства в соответствие с требованиями мировой практики в уголовном законе Казахстана предусмотрена уголовная ответственность за клонирование человека. Так, ст. 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за совершение клонирования человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях [3, с. 482].

В 2002 году в России вступил в силу Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека», согласно которому использование технологий клонирования живых организмов в целях клонирования человека запрещено. Согласно ст. 4 данного закона лица, виновные в его нарушении, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако до сегодняшнего дня в России меры уголовной ответственности за клонирование человека законодательно не определены.

Ранее учёными уже предлагались инициативы по закреплению в уголовном законе некоторых видов преступлений, непосредственно связанных с не-

законным использованием биотехнологий. Так, А.И. Трусов ещё в 2011 году в своём диссертационном исследовании предлагал установить уголовную ответственность за совершение следующих деяний: «умышленное изменение генотипа человека и (или) другие манипуляции с генами человека, приводящие к утрате им генетической индивидуальности, произведённые с нарушением правил и условий, предусмотренных законодательством РФ при их производстве, а равно произведённые неуполномоченными лицами; незаконные испытания генно-инженерно-модифицированных организмов при производстве товаров, разрешённых в гражданском обороте и запрещённых в нём; создание, хранение, перевозка, сбыт либо испытание ранее не известных микробиологических либо других биологических агентов или токсинов в целях, не связанных с исследованиями, а равно произведённые негосударственным учреждением; репродуктивное клонирование человека; терапевтическое клонирование человека, произведённое с нарушением правил и условий, предусмотренных законодательством РФ при его производстве, а равно произведённое негосударственным учреждением; незаконный оборот органов и (или) тканей человека и (или) иных фрагментов тела человека» [4, с. 10] и др. К сожалению, подобные инициативы, рождающиеся в результате глубоких и скрупулезных научных исследований, серьёзного анализа действующего законодательства, правоприменительной практики, практически находят отзвука со стороны законодателя.

Отсутствие следственной практики и криминалистических наработок.

Несовершенство правового регулирования общественных отношений в сфере биотехнологий, в том числе уголовно-правового, закономерно порождает проблемы правоприменительной практики, в том числе в вопросах криминалистического обеспечения противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств. Следовательно, другая предпосылка для разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий, напрямую вытекает из первой – это практически полное отсутствие устоявшейся следственной и судебной практики по делам данной категории.

Общеизвестно, что расследование преступления априори невозможно, пока соответствующее деяние не будет признано преступным в соответствии с законом. Тем не менее, в последнее время отмечается тенденция активной интеграции в УК РФ новых статей, направленных, среди прочего, на повышение уровня защиты национальной безопасности. В случае закрепления в уголовном законе новых видов преступлений, предполагающих использование преступником биотехнологий, следователи (дознаватели) могут столкнуться с практическими проблемами выявления таких деяний, организации процесса их раскрытия, расследования и предупреждения.

Расследование новых видов преступлений всегда сопряжено с трудностями, но в случае с биотехнологиями они многократно усугубляются. В сложившейся ситуации криминалистическая наука может и должна в полной мере реализовывать свою функцию научного прогнозирования. Аналогичного мне-

ния придерживается Н.В. Кручинина, констатируя, что «криминалисты во многом должны работать на опережение в условиях стремительного развития биотехнологий, прогнозировать появление общественно опасных деяний, быть готовыми к обеспечению криминалистическими знаниями практических работников» [5, с. 101].

Е.Н. Холопова, изучая проблематику расследования преступлений с использованием биологического оружия, также говорит о «проблеме нехватки теоретических разработок на уровне частных методик, внедрение которых в практику позволяло бы оперативно доказывать факты применения субъектами преступлений биологических агентов с целью совершения противоправных действий» [1, с. 27].

Таким образом, в России возникла ситуация, когда с одной стороны имеют место общественные отношения, не урегулированные в уголовно-правовом плане, а с другой – отсутствие практики расследования преступлений, совершаемых с использованием современных биотехнологий.

Специфика преступной деятельности и необходимость формирования криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий. Третья группа предпосылок связана со спецификой самих преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий. Их расследование невозможно без формирования криминалистической характеристики преступления, выступающей информационной основой для разработки частных методик расследования. Последняя, как известно, представляет собой «систему обобщённых сведений о закономерно взаимосвязанных криминалистически значимых признаках преступления, отдельных видов и групп преступлений, являющаяся основой организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного раскрытия, расследования и профилактики» [6, с. 363].

Как отмечает А.А. Бессонов, «криминалистическая характеристика преступлений является информационной моделью, отражающей криминалистическую сущность преступлений определённого вида» [7, с. 11].

С практической точки зрения, криминалистическая характеристика конкретного преступления позволяет следователю на начальной стадии расследования предвидеть, какие именно следы, оставленные действиями преступника, могли или должны были появиться в каждом конкретном случае. Также она помогает определить точное содержание этих следов и место их возможного обнаружения. Анализ следовой картины и способа совершения преступлений, в свою очередь, позволяет следователю интерпретировать информацию о личности самого преступника. Иными словами, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой своеобразное «информационное ядро» частной криминалистической методики.

В условиях появления новых видов преступных деяний, связанных с биотехнологиями, возникает необходимость в формировании криминалистических характеристик, которые учитывали бы их специфику. Этот процесс должен строиться с учётом как уголовно-правовой, так и криминологической характе-

ристик, поскольку, как справедливо отмечает В.Я. Колдин, «информационные модели преступления, принятые в других науках, выступают дополнительным средством «прочтения», интерпретации обнаруженных следов» [8, с. 65].

В основе формирования типовой криминалистической характеристики рассматриваемых видов преступлений должны лежать знания в области молекулярной биологии, биохимии и генетики, поскольку механизм совершения таких деяний тесно связан с разработкой, апробацией и применением современных биологических технологий. При этом сами биотехнологии, а также конечный результат производства (продукт), полученный с их помощью, могут выступать орудием или средством для осуществления противоправных деяний (например, террористических актов с применением биологического оружия). Кроме того, они могут выступать предметом посягательства, как в случае нарушения правил обращения с патогенными биологическими агентами или выращивания генетически модифицированных растений, содержащих наркотические вещества и т.д.

При прогнозировании некоторых обстоятельств и условий совершения таких преступлений необходимо учитывать большое разнообразие способов и приёмов, которые могут использоваться злоумышленниками. На наш взгляд, Е.Н. Холопова справедливо отмечает, что «во многом они зависят от выбранных объектов преступного посягательства и обстоятельств, имеющих место в каждой конкретной ситуации» [1, с. 28]. Полагаем, что при совершении преступлений с использованием биотехнологий способ и место их совершения определяются исходя из особенностей предмета преступного посягательства, а также мотива и целей преступников. Выявлению конкретного способа преступления должен способствовать анализ обстановки места происшествия и следовой картины.

Преступления с применением биотехнологий могут совершаться на территории предприятий, использующих в своей деятельности биотехнологические процессы, в специализированных лабораториях (биолабораториях), медицинских учреждениях или исследовательских центрах, где имеется доступ к биологическим материалам и соответствующему оборудованию. Местом преступления также могут быть складские помещения, в которых хранится биоматериал и различные субстраты (место обитания организмов или питательная среда для растений и микроорганизмов).

Следовая картина анализируемых преступлений достаточно разнообразна. К типичным следам, которые могут быть обнаружены на месте происшествия, относятся: ткани и органы человека или животного, растения или части растений, следы-вещества биологического происхождения (кровь, сперма и др.); микробиологические следы (в том числе ДНК, белки, клетки); микроорганизмы (бактерии, вирусы и иные биологические агенты, субстраты); различные химические вещества и реагенты; цифровые следы (например, результаты диагностических медицинских исследований, записи в журналах, базах данных и пр.); оборудование и аппаратура, образцы, отходы биотехнологического производства и пр.

Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий, требует отдельного внимания. Полагаем, что лица, совершающие такого рода преступные деяния значительно отличаются от иных категорий правонарушителей. Прежде всего, это связано с характером преступных действий, выбором средств и способов их совершения для достижения преступного результата.

Поскольку в настоящее время современные биотехнологии и применяемые в промышленном производстве инновационные биотехнологические методы нельзя назвать общедоступными, следовательно, их использование в преступных целях требует наличия у лица специальных знаний в области биотехнологий (генетики и геномной инженерии, биомедицины, биологии, микробиологии, других смежных наук).

Помимо глубоких знаний и профессиональных навыков работы в указанных сферах деятельности, лицо должно иметь доступ к необходимому лабораторному оборудованию и аппаратуре, а также к различным химическим, биологическим веществам и биоагентам, без использования которых невозможно достичь желаемого преступного результата. Поэтому в большинстве случаев преступления, сопряжённые с применением биотехнологий, могут совершаться группой лиц по предварительному сговору.

Тщательный анализ следовой картины и иных элементов механизма преступления, совершённого с использованием биотехнологий, позволит следственным органам своевременно выдвинуть версии по уголовному делу, грамотно осуществить планирование и выстроить алгоритм действий, направленных на всестороннее и объективное установление всех фактов, необходимых для успешного расследования.

Заключение. Таким образом, предпосылки для создания криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий носят комплексный и взаимосвязанный характер.

Прогнозирование появления новых видов преступлений в сфере биотехнологий, решение вопросов совершенствования уголовного законодательства в части регламентации ответственности за указанные преступления, а также дальнейшее изучение закономерных связей между отдельными элементами механизма преступлений, совершаемых с использованием биотехнологий, будет способствовать формированию криминалистических методик их расследования. Разработка таких методик станет ключевым элементом в формировании эффективной системы противодействия новым криминальным вызовам, порождённым биотехнологической революцией.

Список источников

1. Холопова Е.Н. Основы методики расследования преступлений, совершённых с использованием биологического оружия / Е.Н. Холопова // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка: лекции / под редакцией А.И. Бастрыкина. – Москва : Проспект. – 2023. – С. 26–36.
2. Чернышёва Ю.А. Уголовно-правовой аспект использования биотехнологий / Ю.А. Чернышева // Будущее науки – 2013 : материалы Международной молодежной научной конференции, Курск, 23–25 апреля 2013 года / отв. ред. А.А. Горохов. – Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга». – 2013. – Т. 2. – С. 107–111.
3. Белов О.А., Спиридонова Ю.Н., Одинцов А.И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования / О.А. Белов, А.И. Одинцов, Ю.Н. Спиридонова // Пенитенциарная наука. – 2020. — Т. 14, № 4 (52). — С. 479–485.
4. Трусов А.И. Криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений, связанных с использованием биотехнологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Трусов. – Москва, 2011. – 23 с.
5. Кручинина Н.В. Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств / Н.В. Кручинина // Lex russica. – 2022. – № 2 (75). – С. 101–107.
6. Криминалистика: учебник / под ред. Е.И. Галяшиной, Е.П. Ищенко; отв. ред. Я.В. Комиссарова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект». – 2025. – 512 с.
7. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / А.А. Бессонов. – Москва, 2017. – 45 с.
8. Колдин В.Я. Криминалистическое знание преступной деятельности: функция моделирования / В.Я. Колдин // Советское государство. – 1987. — № 2. – С. 63–69.

References

1. Kholopova E.N. Fundamentals of the Methodology for Investigating Crimes Committed with the Use of Biological Weapons. *Current Problems of Crime Investigation: Lectures*. Moscow, Prospect, 2023, pp. 26–36. (In Russian).
2. Chernysheva Yu.A. Criminal Law Aspects of the Biotechnology Use. *The Future of Science – 2013: Proceedings of the International Youth Scientific Conference, Kursk, April 23–25, 2013*. Kursk, University Book Closed Joint-Stock Company, 2013, pp. 107–111. (In Russian).
3. Belov O.A., Spiridonova Yu.N., Odintsov A.I. Genetic Engineering: Issues of Criminal Law Regulation. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 479–485. (In Russian).

4. Trusov A.I. Criminological and Criminal Law Aspects of the Crimes Prevention Related to the Use of Biotechnologies. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2011. 23 p. (In Russian).

5. Kruchinina N.V. Criminalistic Implementation of Counteraction to the Use of Biotechnologies in the Event of Commission of Criminal Offences. *Lex Russica*, 2022, no. 2 (75), pp. 101–107. (In Russian).

6. Galyashina E.I., Ishchenko E.P. (eds.). *Criminalistics: Textbook*. Moscow, Prospekt, 2025. 512 p. (In Russian).

7. Bessonov A.A. Private Theory of Criminalistics Characteristics of Crimes. *Doc. Diss. Thesis*. Moscow, 2017. 45 p. (In Russian).

8. Koldin, V.Ya. Criminalistic Knowledge of Criminal Activity: The Function of Modeling. *Soviet State*, 1987, no. 2, pp. 63–69. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Белов Олег Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

Belov Oleg Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 17.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 19.05.2026 г.; принята к публикации 20.05.2026 г.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 20.05.2026.

Научная статья

УДК 342.4

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.16

Вознюк Максим Анатольевич

ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета

Российской Федерации», Москва, Россия, vozniuk_ma@sledcom.ru

ПРАКТИКА СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ПЕРЕСТРЕЛКИ

Аннотация. Статья развивает тему, общетеоретический анализ которой был сформирован и опубликован автором ранее, в 2024-2025 годах, в статье «Возможности ситуационного анализа в судебной фотовидеотехнической экспертизе». Раскрывается практика ситуационного анализа видеоматериалов и реконструкции перестрелки, зафиксированной с разных ракурсов, с разной детализацией и разными устройствами (видеокамеры системы видеонаблюдения, мобильные видеорегистраторы, смартфон). Приводится методологическая база ситуационного анализа с акцентом на экспертную интегративную диагностику, описываются экспертные практические подходы по синхронизации видеоматериалов в группы в рамках цифровой обработки видеоизображений. Автором раскрываются особенности исследования в каждом из семи этапов ситуационного анализа, отмечается его общая трудоёмкость. Выражено мнение о том, что субъектом ситуационного анализа может быть не только эксперт. В качестве выводов показано подтверждение представленной ранее методической схемы ситуационного анализа на практике, предлагаются рекомендации по подготовке материалов и оптимизации проведения ситуационного анализа в рамках следственной и экспертной деятельности. Отмечается важность применения программного обеспечения для синхронизации видеоматериалов.

Ключевые слова: экспертная интегративная диагностика события, практика ситуационного анализа видеоматериалов перестрелки, судебная фотовидеотехническая экспертиза.

Для цитирования: Вознюк М.А. Практика ситуационного анализа видеоматериалов перестрелки / М.А. Вознюк. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.16 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 199–210.

Original article

Voznyuk Maxim Anatolievich

Federal State-Owned Institution “Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation”, Moscow, Russia, vozniuk_ma@sledcom.ru

THE PRACTICE OF SITUATIONAL ANALYSIS OF SHOOTOUT EVENT VIDEOS

Abstract. The article develops a topic that general theoretical analysis was published by the author earlier, in 2024–2025, in the article «Situational Analysis Capabilities in Forensic Photo and Video Technical Examination». It reveals the situational analysis practice of video materials and reconstruction of a shootout recorded from different angles, with different levels of detail and using different devices (video cameras, mobile video recorders, and smartphones). The article provides a methodological framework for situational analysis with a focus on expert integrative diagnostics and describes expert practical approaches for synchronizing video materials into groups within the framework of digital video image processing. The author reveals the research specific features in each of the seven stages of situational analysis and highlights its overall complexity. The article expresses the opinion that the subject of situational analysis can be more than just a forensic expert. As a conclusion, the paper confirms the previously presented methodological scheme of situational analysis in practice and provides recommendations for preparing materials and optimizing situational analysis as part of investigative and expert activities. The importance of using software for synchronizing video materials is also noted.

Keywords: expert integrative event diagnostics, practice of situational analysis of shootout event videos, forensic photo and video technical expertise

For citation: Voznyuk M.A. The Practice of Situational Analysis of Shootout Event Videos. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 199–210. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.16

Введение. Общетеоретический анализ методологии ситуационного анализа в компетенции судебной фотовидеотехнической экспертизы (далее – ФВТЭ), производство которой организовано в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» [1] (далее – СЭЦ СК России), был представлен в рамках предыдущей публикации [2, с. 99–105]. Было показано, что методологическая база экспертного ситуационного анализа при ФВТЭ включает в себя:

- концепцию криминалистической ситуационной (ситуалогической) судебной экспертизы, объектом которой является событие, а непосредственным объектом – отражающая это событие вещная обстановка места происшествия [3, с. 3–17];

- концепцию ситуационного анализа – метода, включающего в себя процесс осознания и оценки всей совокупности компонентного состава ситуации и её межкомпонентных связей [4, с. 47–48];

- концепцию криминалистической диагностики, предметом которой является познание изменений, происшедших в результате совершения преступления, причин и условий этих изменений на основе избирательного изучения свойств и состояния взаимодействовавших объектов с целью определения механизма преступного события в целом или отдельных его фрагментов [5, с. 96; 6, с. 102–104];

- концепцию экспертного интегративного диагностирования криминальной ситуации на основании исследования результатов действия, объектов или их отображений (ситуационный анализ) [7, с. 60–61];

- нормативно-техническую документацию (стандарты, регламентирующие требования по технической организации систем видеонаблюдения¹, по применению технологий искусственного интеллекта и видеоаналитики²).

В контексте общей темы, рассматриваемой в этой (практической) и предшествующей ей общетеоретической статье, под объектом ситуационного анализа понимается событие, составные части (этапы, эпизоды, процессы) которого зафиксированы на исследуемых видеоматериалах. Предмет ситуационного анализа – реконструкция события как процесс восстановления целого по частям, а частные задачи – установление количественных и качественных сведений, фактических обстоятельств по составным элементам события.

В зависимости от поставленных задач и уровня привлекаемых специальных знаний субъектом ситуационного анализа может быть следователь, специалист, эксперт. Ситуационный анализ видеоматериалов сложносоставных криминальных событий, к которым также относится и перестрелка, как в рамках следственных действий, так и при производстве судебной экспертизы обусловлен такими факторами как:

- объём и информативность видеоданных;
- требуемый уровень детализации при реконструкции события («событие полностью» – «отдельные этапы события» – «отдельные эпизоды этапа» – «отдельные процессы (действия, реакции) эпизода»);
- достаточность (очевидность) видеоматериалов для установления необходимых ключевых (частных) сведений и обстоятельств.

С учётом изложенных факторов, информативность видеоизображения запечатлённого события предполагает его качественную детализацию (очевидность), обусловленную техническими параметрами, ракурсами и настройками видеокамер, освещённостью мест съёмки, отсутствием искажений, выпадений и нарушений непрерывности видеоизображения, сбоям каналов связи видеозаписывающего оборудования и иными факторами. Важным также является

¹ ГОСТ Р 51558-2014. Средства и системы охранные телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний.

² ГОСТ Р 59385-2021. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения.

корректное отображение временных маркеров в видеоданных для формирования хронометража ключевых моментов события – действий запечатлённых лиц, реакций на них и изменений окружающей обстановки. Нами будет показано, что при производстве судебной экспертизы ситуационный анализ как многообъектное исследование требует больших временных затрат, прежде всего связанных с цифровой обработкой неочевидного видеоизображения, диагностикой, классификацией и объединением частей составного (многоэлементного) события, запечатлённого в массиве «пересекающихся» по времени видеоданных разного качества.

Поэтому при необходимости получения в кратчайшие сроки интересующих следствие сведений по очевидным видеоматериалам, а также при наличии средств видеоаналитики, позволяющих оперативно позиционироваться и извлекать изображения в видеоданных системы видеонаблюдения, рекомендуется реконструкция только необходимых эпизодов события в рамках следственных действий, но не его полный ситуационный анализ.

К сожалению, системы видеоаналитики сегодня не настолько развиты, чтобы их можно было применить в ходе осмотра видеоматериалов с неудовлетворительной информативностью и получить объективные результаты, имеется риск ошибок и заблуждений, а следовательно, необъективности реконструкции. В настоящее время для следствия предпочтительным является производство ситуационного анализа таких неочевидных видеоматериалов в рамках ФВТЭ или комплексной экспертизы. В связи с чем, необходима выработка практических подходов к оптимизации работы эксперта ФВТЭ как одного из субъектов ситуационного анализа (подчеркнём – из указанной выше группы возможных исполнителей), который при избыточном объёме видеоматериалов и постановке неконкретных задач может быть вынужденно перегружен цифровой обработкой заведомо неинформативного видеоизображения, классификацией и квалификацией заведомо неочевидных действий, запечатлённых посторонних лиц, потребностью в комплексировании специальных знаний нескольких родов экспертиз.

Экспертная практика ситуационного анализа. В качестве объектов исследования комплексной фотовидеотехнической и портретной экспертизы в СЭЦ СК России были предоставлены 49 файлов видео- и видеозвукозаписей, из которых: 6 видеозвукозаписей получены средствами мобильного телефона; 21 видеозапись получена средствами камер системы видеонаблюдения торгового центра; 22 видеозвукозаписи получены средствами мобильных видеорегистраторов «Дозор», расположенных на одежде сотрудников полиции.

Соответственно, для проведения ситуационного анализа был поставлен вопрос №2: «2. Провести общее описание последовательности и характера действий в отношении каждого из лиц, указанных в протоколах осмотра..., предоставленных эксперту, и запечатлённых на видеозаписях, указанных в вопросе №1».

В вопросе №1 была сформулирована задача по цифровой обработке видеоизображения и перечень фрагментов исследуемых видеоматериалов («1. Выполнить цифровую обработку с целью повышения различимости видео-

изображений лиц и действий людей, запечатлённых во фрагментах и указанных в протоколах осмотра..., предоставленных эксперту, согласно временных меток, указанным в видеокадрах, при отсутствии меток – согласно времени от начала видеозаписи, следующих видеофайлов, содержащихся на представленных носителях информации.....»).

В качестве частных задач ситуационного анализа были поставлены вопросы №3 и №4:

- «3. У кого из лиц (за исключением сотрудников полиции), запечатлённых на видеозаписях, указанных в вопросе №1, в руках имеются предметы, конструктивно похожие на оружие?»;

- «4. Кто из лиц, запечатлённых на видеозаписях, указанных в вопросе №1, производит выстрелы, в какой последовательности и в направлении какой цели?».

В вопросе №5 была поставлена задача по портретной идентификации фигурантов, запечатлённых в исследуемых видеоматериалах, указанных в вопросе №1.

В соответствии с указанными выше методическими подходами ситуационный анализ проводился по следующим этапам (1-7):

1) Установление возможности судить о механизме и обстоятельствах события по его результатам – последствиям, отображениям.

Предварительный просмотр представленных видеоматериалов показал, что различимость фигурантов в группе видеозвукозаписей – достаточная в силу их близкого расположения к мобильным устройствам видеофиксации и позволяет сформировать наборы кадров, индивидуализирующие их по сопутствующим признакам внешности (параметры головных уборов, верхней одежды, обуви, очки и другие предметы на одежде, в руках и пр.). Различимость фигурантов в группе видеозаписей, полученных средствами камер системы видеонаблюдения варьируется, обусловлена их отдалённым расположением и ракурсами видеокамер, но при этом достаточна для распознавания действий фигурантов по указанным сопутствующим признакам внешности. Таким образом, факт видеосъёмки с разных ракурсов в одних и тех же местах и временных периодах одних и тех же людей позволяет установить взаимосвязь между видео- и видеозвукозаписями в представленных видеоматериалах.

По результатам предварительного просмотра также было установлено, что в исследуемых видеоматериалах с разной степенью информативности (частично по фрагментам эпизодов с разных ракурсов и полностью, от начала и до конца события в одном ракурсе) запечатлены:

- последовательный сбор групп фигурантов в толпу перед входными дверьми в здание торгового центра;

- перемещение и разговоры фигурантов с сотрудниками торгового центра и сотрудниками полиции перед дверьми; подход дополнительных групп фигурантов и иных лиц в толпу перед входными дверьми;

- нанесение повреждений стеклянной стене с внешней стороны;

- проникновение группы фигурантов с внешней стороны внутрь помещений торгового центра через образовавшийся проём стены;

- подход к указанному проёму с внутренней стороны стены второй группы фигурантов, ранее находившихся в помещениях торгового центра;
- драка, борьба, переходящие в перестрелку между фигурантами из указанных групп;
- перемещения фигурантов по помещениям торгового центра, территории парковки;
- задержания фигурантов сотрудниками полиции.

Очевидно, что наибольшую значимость представляет этап перестрелки (частная задача в вопросе №4), однако следует отметить, что в предшествующих ему этапам устанавливались дополнительные ключевые сведения (например, передача предметов фигурантов друг другу, смена одежды, перемещение, сбор в группы, использование средств связи и пр.), которые имели значение при реконструкции эпизодов события в условиях недостаточной длительности или очевидности соответствующих фрагментов видеоизображений. Тем более что необходимо было также установить наличие предметов в руках фигурантов, конструктивно похожих на оружие (частная задача в вопросе №3) – отсюда необходимость анализа видеоматериалов в рамках ФВТЭ не выборочно, а в полном объёме.

Следует отметить, что, с одной стороны, этот анализ – один из самых нерациональных с точки зрения временных затрат, поскольку эксперт просматривает видеоматериалы «в ручном режиме»: тратится время на ознакомление и «погружение» в динамику ситуации, к привыканию внешности фигурантов и параметрам окружающей обстановки. Так становятся различимы детали, не заметные на первый взгляд. В ходе анализа применялась цифровая обработка для повышения различимости неочевидного видеоизображения, проводился поиск реперных объектов в каждом из видеофайлов для их синхронизации, отработки экспертных предположений из числа возможных схем процессов действий фигурантов;

2) Определение места действия, его границ, локализации.

В ходе просмотра видеоматериалов было также установлено, что событие складывается из эпизодов с действиями фигурантов на улице, на открытой местности возле входа в здание торгового центра, с внутренней стороны в одном из помещений здания, затем в нескольких внутренних помещениях здания, затем на территории парковки.

Сама по себе перестрелка составляет менее 1 минуты (из видеоматериалов суммарной длительностью около 10 часов) и происходит в одном из внутренних помещений здания торгового центра, в котором видеокамеры не фиксируют звук. Однако звуки выстрелов зафиксированы на видеозвукозаписях, полученных средствами мобильных устройств (мобильный телефон и видеорегистраторы), располагавшихся в руках или на одежде сотрудников, находившихся у входа в здание. Для дальнейшего исследования были отобраны 14 видеофайлов, в которых в разных ракурсах запечатлены фрагменты перестрелки длительностью от 13 до 50 секунд с учётом следующих условий видеофиксации:

- наличие преград (объекты и предметы окружающей обстановки) в поле зрения видеокамер;

- изменение ракурса и переключение режима видеосъёмки, смаз и расфокусировка видеоизображения ввиду резких движений, в т.ч. разворотов сотрудников с видеорегистраторами в сторону от происходящих процессов в моменты перестрелки и задержания фигурантов;

- нарушение непрерывности видеоизображения одной из ключевых по ракурсу видеокамер системы наблюдения ввиду сбоя при передаче данных по каналу связи;

3) Определение отдельных этапов (стадий, фрагментов) события;

4) Установление места и взаимного расположения участников события, их позы;

5) Определение причин наблюдаемых результатов; определение условий, при которых происходило действие (событие);

6) Определение времени (периода) или хронологической последовательности событий.

Для выполнения указанных этапов (3-6) ситуационного анализа исследуемые видеоматериалы были классифицированы на группы, соответствующие 4 этапам составного события. В полученной классификации каждому из этапов соответствовали последовательности эпизодов, в состав которых входили процессы различных действий фигурантов, синхронизированные по реперным событиям с разных ракурсов. Перестрелка была выделена в отдельный этап, который и рассматривается далее в настоящей статье как часть общего ситуационного анализа.

Для синхронизации видеоматериалов использовались следующие подходы:

- синхронизация по видеоизображению реперных действий фигурантов видео- и видеозвукозаписей с разной кадровой частотой;

- синхронизация по видеоизображению реперных действий фигурантов видеозаписей с «относительно» совпадающей кадровой частотой (целая часть значения кадровой частоты совпадает, десятичная часть различается);

- синхронизация по видеоизображению реперных действий, реплик фигурантов видеозаписей и видеозвукозаписей с разной кадровой частотой;

- синхронизация по видеоизображению реперных действий, реплик фигурантов видеозвукозаписей с одной кадровой частотой;

- синхронизация по реперному событию (звуку и видеоизображению действия) по видеозаписям и видеозвукозаписям с разной кадровой частотой.

Таким образом, на основе приведённых подходов к синхронизации была проведена реконструкция этапов, предшествующих перестрелке. Ввиду указанных выше условий видеофиксации видеоизображение перестрелки в отобранных видеоматериалах неочевидно, поэтому реконструкция потребовала применения экспертного подхода в части установления и проверки в каждом конкретном случае признаков видеоизображения выстрела, к которым относятся:

- резкие движения рук фигурантов в момент выстрела (смаз изображения);

- изменение расположения и формы оружия в руках в момент выстрела;
- визуализация продуктов выстрела (вспышка, облако газов и пр.);
- визуализация изменений окружающей обстановки (изменения состояния стекла, наличие облака пыли при попадании пуль на стены помещений);
- резкие движения людей как реакция на внешнее воздействие;
- визуализация ранений на теле и одежде людей.

В силу указанных выше условий видеофиксации данные признаки были не выражены (спорны) для первого выстрела, поэтому было принято решение о проведении проверочного расчёта межкадровых интервалов соответствующих реперных событий по нескольким видео- и видеозвукозаписям. Для этого был проведён отбор интервалов кадров с изображениями и звуками ударов по стеклу стены и интервалов кадров, соответствующих звуку первого выстрела. Полученные значения использовались для установления соответствия по разнице в маркере времени и интервалах кадров одного и того же реперного события (выстрела №1), запечатлённого с разной степенью информативности в группе видеозвукозаписей и в группе видеозаписей. Поскольку в группе видеозвукозаписей изображение выстрела №1 не запечатлено, но воспроизводится характерный звук, то программными средствами ФВТЭ проводилась выборка соответствующих звуку выстрела диапазонов кадров видеопотоков с последующей проверкой корректности (замедление скорости воспроизведения, спектральный анализ звука). В результате расчёта кадровых интервалов указанных реперных событий, установлено:

- разница между кадрами первого и седьмого удара по стеклу стены в группе видеозвукозаписей совпадает и составляет 220 кадров, т.е. 7 секунд при кадровой частоте 30 кадр/сек;
- разница между кадрами седьмого удара по стеклу стены и звуком первого выстрела в группе видеозвукозаписей совпадает и составляет 320 кадров, т.е. 11 секунд при кадровой частоте 30 кадр/сек;
- полученные временные интервалы совпадают с разницей по маркеру времени установленных кадров.

Указанный расчёт позволил избежать ошибочную интерпретацию и дифференцировать видеоизображение движения фигуранта с оружием в руках от действий, характерных для выстрела: расчётный временной интервал между первым ударом по стеклу стены (который чётко различается на кадрах видеозаписей без звука как изменение цвета секции стены) и звуком первого выстрела составляет около 18 секунд. Исходя из изложенного, изменение яркости и цвета области пикселей от оружия в руках фигуранта, характерное для продуктов выстрела, должно находиться в видеозаписи на интервале кадров с маркером времени «12:08:35», что не соответствует установленному изменению яркости и цвета области пикселей на кадре с маркером времени «12:08:33». Далее, с целью установления соответствия звуков всех выстрелов, зафиксированных в аудиопотоках группы видеозвукозаписей и видеоизображения действий фигурантов, запечатлённых в видеопотоках группы видеозапи-

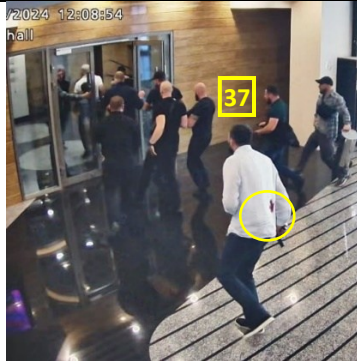
сей без аудиопотоков, с учётом установленных зависимостей при синхронизации программными средствами ФВТЭ проведено наложение фрагмента аудиопотока наиболее информативной видеозвукозаписи (содержащей речь и звуки ударов, выстрелов) с фрагментами видеопотоков видеозаписей, содержащих наиболее информативное видеоизображение действий фигурантов. Полученные экспериментальные видеозвукозаписи использовались для проверки совпадения расположения установленных визуальных признаков и звуков выстрелов. При наличии соответствия формулировался промежуточный вывод – имел место выстрел или искажения видеоизображения.

Также, исходя из фиксированной величины разницы по смещению номеров текущих кадров группы видеозвукозаписей от установленного опорного кадра реперного события (в т.ч. выстрела) или произвольного кадра, проводился автоматический расчёт синхронных кадров («калькулятор синхрона») взаимосвязанных видео- и видеозвукозаписей для отображения обстановки и расположения фигурантов в момент каждого из выстрелов;

7) Выявление механизма действия (события) в целом, в том числе в его динамике.

С использованием указанных подходов выстраивалась хронологическая последовательность действий фигурантов с оружием, устанавливались совокупности признаков выстрелов, проводилась их проверка по экспериментальным видеозаписям. Также применялся и метод исключения – на основе анализа принципиальной возможности совершения действий фигурантов в определённый момент времени с учётом их расположения в помещении и направления оружия в руках (преграды в виде колонны, стен). Таким образом был получен «сценарий» для данного этапа события, экспертная реконструкция перестрелки завершена. Примеры выводов по установленным признакам выстрелов:

Альтернативный вероятный вывод по выстрелу (один звук или совпадение двух звуков выстрела в экспериментальной видеозвукозаписи)			
			
Видеозапись №11. Изменение расположения оружия в руке фигуранта 5. Направление вверх.		Видеозапись №10. Изменение расположения оружия в руке фигуранта 33. Направление прямо.	

Категорический вывод по выстрелу			
			
Видеозапись №12. Движение руки фигуранта 5, облако газов.	Видеозапись №14.	Видеозапись №11.	Видеозапись №13 (ранение фигуранта, в направлении которого был выстрел).
	Изменение формы затвора оружия в руке фигуранта 5 с разных ракурсов.		

Заключение. Таким образом, ранее предложенный автором методический подход ситуационного анализа видеоматериалов в компетенции ФВТЭ [2, с. 99–105] получил очередное практическое подтверждение. Результаты проведённой реконструкции перестрелки как ключевого этапа ситуационного анализа всего события позволяют сформулировать следующие рекомендации:

- ситуационный анализ в ФВТЭ является сложной задачей, требующей значительный ресурс времени. Для оптимизации затрат рекомендуется на этапе подготовки материалов к назначению экспертизы заранее классифицировать видеоматериалы по необходимым эпизодам, процессам действий фигурантов. Рекомендуется оценивать достаточность фактов в очевидных видеоматериалах, затем анализировать необходимость отработки в рамках ФВТЭ неочевидных видеоматериалов;

- в случае очевидности видеоизображения действий фигурантов описание «сценария» соответствующего процесса может выполняться субъектами ситуационного анализа в ходе следственных действий. Рекомендуется обращать внимание на корректность маркеров времени видеоматериалов и использовать синхронизацию разных ракурсов видеосъёмки реперных событий. При назначении ФВТЭ рекомендуется ссылка в вопросах на протокол осмотра с ориентирующим описанием сопутствующих признаков внешности и возможных действий фигурантов с целью недопустимости постановки перед экспертом правовых вопросов³;

- при анализе видеоматериалов в ходе следственных действий или в ходе ФВТЭ рациональнее одновременно устанавливать реперные события и проводить по ним синхронный анализ видеоизображения. Рекомендуется использо-

³ С учётом компетенции экспертизы и недопустимости правовой квалификации действий согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

вание средств видеоаналитики или специализированного программного обеспечения по синхронизации видеоматериалов с разной кадровой частотой и возможностью одновременного воспроизведения нескольких видео- и аудиопотоков в различных комбинациях. Синхронизацию рекомендуется проводить по реперным жестам, репликам фигурантов и звукам акустической обстановки, зафиксированным с разных источников.

Список источников

1. Назначение, производство и оценка результатов судебной фотовидеотехнической экспертизы: Методические рекомендации для следователей и экспертов. – М.: СК России, 2021. – 58 с.

2. Вознюк М.А. Возможности ситуационного анализа в судебной фотовидеотехнической экспертизе / М.А. Вознюк // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – № 20 (3). – С. 99–105.

3. Грановский Г.Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия / Г.Л. Грановский // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях. – М., 1977. – Вып. 16. – С. 3–17.

4. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / Т.С. Волчецкая // Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Москва; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997 – 248 с.

5. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практическое пособие / Ю.Г. Корухов. – М.: НОРМА-ИНФРА. 1998, – 288 с.

6. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 944 с.

7. Корухов Ю.Г, Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Криминалистическая экспертная диагностика. Методическое пособие. — М.: РФЦСЭ при Минюсте России. 2003. – 199 с.

REFERENCES

1. Purpose, Production and Evaluation of Results of Forensic Photo and Video Technical Examination: Methodological Recommendations for Investigators and Experts. Moscow, Investigation Committee of Russia, 2021. 58p. (In Russian).

2. Voznyuk M.A. Situational Analysis Capabilities in Forensic Photo and Video Technical Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2025, no. 20 (3), pp. 99–105. (In Russian).

3. Granovskii G.L. Forensic Situational Examination of Crime Scene. *Abstracts of Scientific Reports of the Theoretical Seminar – Forensic Readings. Moscow, April 21, 1977*. Moscow, 1977, pp. 3–17. (In Russian).

4. Volchetskaya T.S. Forensic Situationology: Monograph. Moscow, Kaliningrad, Kaliningrad University, 1997. 248 p. (In Russian).

5. Korukhov Yu.G. Forensic Diagnostics in Crime Investigation: Scientific and Practical Guide. Moscow, NORMA-INFRA, 1998. 288 p. (In Russian).

6. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. (eds.). Criminalistics: Textbook. 3rd ed. Moscow, Norma, 2008. 944 p. (In Russian).

7. Koruhov Yu.G., Mailis N.P., Orlova V.F. Forensic Expert Diagnostics: Methodological Guide. Moscow, RFCFS, 2003. 199p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Вознюк Максим Анатольевич – ст. эксперт первого отделения (исследования цифровой информации) отдела компьютерно-технических исследований федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»

Voznyuk Maksim Anatolyevich – Senior Expert of the First Department (Digital Information Research) of the Department of Computer and Technical Research, Federal State Institution Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 27.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 08.06.2026 г.; принята к публикации 09.06.2026 г.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 08.06.2026; accepted for publication 09.06.2026.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.17

Кашуба Юрий Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия,
koshianatol@yandex.ru

Тюнь Анастасия Андреевна

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия,
anastasia.tyun@mail.ru

ПОБЕГИ ОСУЖДЁННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РСФСР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1990 – 1994): УРОКИ НА БУДУЩЕЕ

Аннотация: в статье исследована динамика и причинный комплекс побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы в период с 1990 по 1994 год. На основе эмпирических материалов прослежены количественные изменения побегов в различных типах учреждений. Выявлены основные факторы, обуславливающие рост побегов. Приведены конкретные примеры типичных побегов, причиной которых являлась беспечность сотрудников, ошибки в подборе лиц для бесконвойного передвижения и слабая оперативная работа.

Результат: обобщены рекомендации Управления безопасности ГУИН МВД России по профилактике побегов, подчёркивающие необходимость комплексного подхода к укреплению инженерно-технических средств охраны, усилению контроля, а также своевременному обновлению профилактической документации на лиц, склонных к побегу. Выявлено, что эффективная профилактика возможна только при системном применении всего комплекса выработанных мер.

Ключевые слова: побег, исправительно-трудовые колонии, уголовно-исполнительная система, причинный комплекс, профилактика.

Для цитирования: Кашуба Ю.А., Тюнь А.А. Побег осуждённых из мест лишения свободы РСФСР и Российской Федерации (1990 – 1994): уроки на будущее / Ю.А. Кашуба, А.А. Тюнь. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 211–219.

Original article

Kashuba Yuriy Anatolevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia, koshianatol@yandex.ru

Tyun Anastasia Andreevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia, anastasia.tyun@mail.ru

**THE CONVICTED OFFENDER'S FLIGHT FROM PLACE OF CONFINEMENT IN THE
RSFSR AND THE RUSSIAN FEDERATION (1990-1994): LESSONS FOR THE FUTURE**

Abstract. The article examines the dynamics and reasons of flight from place of confinement in the period from 1990 to 1994. Based on empirical materials, quantitative changes in escapes in various types of institutions have been traced. The main factors contributing to the growth of flight from place of confinement have been identified. Specific examples of typical escapes are given, which were caused by the carelessness of employees, errors in the selection of individuals for non-dual movement and poor operational work. Result: the recommendations of the Main Department of Corrections of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the escapes prevention are summarized, emphasizing the need for an integrated approach to strengthening engineering and technical security equipment, strengthening control, as well as timely updating of preventive documentation for people prone to escape. It has been revealed that effective prevention is possible with the systematic application of the entire range of developed measures.

Keywords: escapes, penal institutions, penal enforcement system, causal complex, prevention.

For citation: Kashuba Yu.A., Tyun A.A. The Convicted Offender's Flight from Place of Confinement in the RSFSR and the Russian Federation (1990-1994): Lessons for the Future. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 211–219. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.17

Введение. С распадом СССР уголовно-исполнительная (в тот период исправительно-трудовая) система, как и все правоохранительные органы России, осуществляла свою деятельность в чрезвычайно сложных условиях социально-политической и экономической обстановки, характеризующейся процессами резкого спада производства, инфляции, ухудшения благосостояния значительной части населения, безработицей, конфликтными отношениями в сфере коммерческой и финансовой деятельности, ростом межнациональных конфликтов в ряде регионов и другими негативными явлениями.

Всё это стало катализатором преступности в стране, рост которой создал серьёзную опасность для государства и общества, жизни, здоровья и имущества граждан. Уголовно-исполнительная система как один из важных государственных институтов до сих пор испытывает тяжесть тех же проблем, что и вся страна в целом, а по целому ряду позиций даже в большей степени.

Профилактика побегов осуждённых. В рассматриваемый период обострилась и ситуация в местах лишения свободы: участились побегии. В первом номере ежемесячного Информационного бюллетеня Главного управления по исполнению наказаний (далее – ГУИН) МВД Российской Федерации были доведены основные итоги деятельности мест лишения свободы в 1991 году. Была приведена следующая статистика побегов из учреждений исправительно-трудовой системы¹ (таблица 1)².

Побеги		
ИТК	1990	598
	1991	724
СИЗО и тюр.	1990	98
	1991	91
ВТК	1990	78
	1991	75
ЛТП	1990	3713
	1991	1825
Спецкоменд.	1990	розыск 25870
	1991	27123
Итого	1990	4487
	1991	2715

Таблица 1. Побегии с покушениями

В 1991 году число побегов из исправительно-трудовой колонии (далее – ИТК) возросло по сравнению с 1990 годом на 21 процент и составило 724 случая. На 1 января 1992 года в розыске значилось 189 бежавших преступников³. С 1991 по 1992 год общее количество побегов только из ИТК выросло на 62,6% и составило 1174 случая (таблица 2)⁴.

¹ Информационный бюллетень № 1 ГУИН МВД России. – М., 1992. – С. 3–4.

² Стиль и редакция таблиц по всему тексту сохранены в соответствии с первоисточником.

³ Информационный бюллетень № 1 ГУИН МВД России. – М., 1992. – С. 16.

⁴ Информационный бюллетень № 10 ГУИН МВД России. – М., 1993. – С. 40.

	Отчетный период	ИТК	СИЗОиТ	ЛТП	ВТК
Побеги, всего +, - в %	1992	1174	96	1087	84
	1991	724	91	1650	75
		+ 62,6	+ 5,5	- 34	+ 12,0
В том числе покушений	1992	107	16	4	0
	1991	81	15	2	*)
		+ 32,1	+ 6,6	+ 100	
Побеги из-под охраны	1992	243	80	419	54
	1991	*)	76	*)	*)

Таблица 2. Побегии, в том числе с покушениями

В отношении побегов из следственных изоляторов и тюрем (далее – СИЗО и Т) отмечается их относительно незначительный рост (на 5,5 %), что связано с более жёстким режимом содержания, а также меньшим числом заключённых по сравнению с ИТК.

В лечебно-трудовых профилакториях (далее – ЛТП) наблюдается резкое снижение количества побегов, что обусловлено начавшимся перепрофилированием ЛТП в этот период. Окончательная ликвидация системы лечебно-трудовых профилакториев состоялась в 1994 году [1, с. 59]. В воспитательно-трудовых колониях (далее – ВТК) относительно небольшой рост числа побегов составил 12 %, что связано со спецификой несовершеннолетних осуждённых, в основном отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В отношении статистики покушений на побег можно сделать следующий вывод: в ИТК отмечен рост на 32,1 %, в СИЗО и Т на 6,6 % (с 15 до 16), в ЛТП рост на 100%. Анализ побегов из-под охраны показывает, что наибольшее их количество совершено в ИТК. Несколько улучшается динамика побегов в 1992-1993 годах (таблица 3)⁵.

		ИТК	СИЗО	Тюрьмы	ЛТП	ВТК
Побеги +,-, в %	1993	263	38	3	518	20
	1992	345	44	6	585	34
		- 23,8	- 13,6	- 50,0	- 11,4	- 41,2
В том числе покушения +,-, в %	1993	46	14	3	5	0
	1992	31	14	0	2	2
		+ 48,472	0	-	+ 150,0	- 100,0
Побеги из-под охраны +,-, в %	1993	72	18	0	254	-
	1992	71	22	2	256	-
		+ 1,4	- 18,2	- 100,0	- 0,8	-

Таблица 3. Побегии, в том числе с покушениями

⁵ Информационный бюллетень № 13 ГУИН МВД России. – М., 1993. – С. 15.

В 1993 году наблюдался всплеск побегов из ИТК – 606 побегов (в 1994 году – 453 побега)⁶. Впервые в Сведениях о преступности в учреждениях ГУИН появляется графа, учитывающая количество побегов из лесных исправительно-трудовых учреждений (далее – ЛИТУ): 1993 год – 359 побегов (в 1994 году – 264 побега) (таблица 4)⁷.

	Годы	ИТК	СИЗО	Тюрьмы	ВТК	ЛИТУ
Побеги	1994	453	74	2	44	264
	1993	606	97	3	72	359
+, -, в %		- 25.2	-23.7	-33.3	- 38.9	- 26.5
В том числе покушения	1994	69	17	0	6	9
	1993	107	27	1	1	10
+, -, в %		- 35.5	- 37.0	- 100.0	+ 500.0	- 10.0
Побеги изпод охраны	1994	111	52	2	-	34
	1993	149	70	2		52
+, -, в %		- 25.5	- 25.7	0		- 34.6

Таблица 4. Сведения о преступности в учреждениях ГУИН

Что скрывалось за этими цифрами? Удобный для побегов сезон либо самоуспокоенность, беспечность, пренебрежение своими служебными обязанностями со стороны некоторых сотрудников? По-видимому, всё вместе. Сезонность подобного рода преступлений отрицать трудно, как и то, что в это время сотрудники учреждений должны удвоить бдительность, проявить высокие профессиональные качества, обратить особое внимание на систему профилактики данных преступлений. Думается, не везде этого добивались. Например, 6 апреля 1994 года на базе ИТК-9 в Ленинградской области открыли следственный изолятор для содержания осуждённых, в отношении которых не вступили в законную силу приговоры. Менее чем через месяц после начала реконструкции стали завозить в него контингент, хотя к приёму изолятор был не готов: укрепленность объектов, техническое состояние охранных сооружений оставляли желать лучшего, следственный изолятор комплектовался сотрудниками без достаточного опыта, не знающими специфики работы в учреждениях данного вида.

Результаты спешки сказались: 27 апреля 1994 года, беспрепятственно преодолев охранные сооружения, бежали двое осуждённых. Розыск был плохо организован, вёлся пассивно; к операции подключили часть сотрудников изолятора, что ещё больше ослабило его охрану. Этим воспользовались ещё трое осуждённых.

⁶ Здесь наблюдается нестыковка числа побегов из ИТК в 1993 году (сравн. таблицы 3 и 4), но такова официальная статистика этого периода (Ю.К.).

⁷ Информационный бюллетень № 22 ГУИН МВД России. – М., 1995. – С. 54.

ных, бежавших 6 мая. Только после новой попытки побега были приняты меры по укреплению объектов учреждения, активизации розыска бежавших⁸.

1 июня 1994 года из учреждения ЖХ-385/7 строгого режима совершили побег осуждённые Бурнаев и Хохлов. Осуждённый Хохлов прибыл в ИТК-7 из следственного изолятора 7 декабря 1993 года, был размещён в отряде, но работой не обеспечен. Бурнаев работал в котельной, до осуждения был знаком с Хохловым, проживал с ним в одном городе. И по его ходатайству последний стал сменщиком Бурнаева, но проживал по-прежнему в своём отряде, а Бурнаев – в общежитии хозяйственной службы. В связи с этим контроль за Хохловым был ослаблен, что позволило ему беспрепятственно перемещаться по территории жилой зоны, длительное время находиться в котельной, расположенной в 30 метрах от постовой вышки, устанавливать запрещённые связи с военнослужащими (неоднократно приобретая через них спиртные напитки). Имея возможность постоянно наблюдать за поведением военнослужащих по охране исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ) Хохлов детально изучил систему охраны, действия караула при срабатывании инженерно-технических средств охраны, возможные варианты побега.

Первого июня около 2 часов 30 минут Хохлов по договорённости с часовым рядовым Исмагуловым перебросил через ограждение свёртки с кустарными изделиями на расстоянии 30-40 метров от постовой вышки якобы для того, чтобы переброс не увидели с другого поста. События развивались согласно заранее обдуманному плану: часовой, оставив на вышке автомат, спустился к месту переброса. Наблюдавшие за ним Хохлов и Бурнаев с помощью деревянной лестницы преодолели основное ограждение, поднялись на вышку и, завладев автоматом, совершили побег. В связи с объяснениями часового о якобы совершённом на него нападении, отсутствии должного взаимодействия караула и дежурной службы исправительно-трудовой колонии, преследование бежавших было организовано несвоевременно и положительных результатов не дало. К розыску осуждённых было привлечено около 600 человек и только 3 июня бежавшие были задержаны, автомат изъят⁹.

Проведённый краткий анализ позволяет сделать ряд выводов:

Подавляющее большинство лиц, совершивших побеги из-под охраны, заранее готовились к преступлению. Часть правонарушителей прибывала в ИТУ с уже достаточно сформировавшимся и стойким намерением совершить побег и незамедлительно приступала к его подготовке, тщательно маскируя свои действия. Подготовка, как правило, занимает длительный период времени и заключается в приобретении одежды, денег, продуктов питания, изготовлении различных приспособлений. Примечательно, что эти лица нередко вовлекают в свои замыслы других осуждённых из числа колеблющихся, поддающихся влиянию с их стороны, помогающих осуществлению преступных замыслов. Такие

⁸ Информационный бюллетень № 21 ГУИН МВД России. – М., 1994. – С. 118.

⁹ Информационный бюллетень № 21 ГУИН МВД России. – М., 1994. – С. 119.

лица скрыто изучали существующую в колонии систему охраны и надзора с целью выявления наиболее уязвимых мест для совершения побега.

Негативно сказывалось на состоянии правопорядка в ИТУ ослабление функций охраны и надзора за осуждёнными со стороны военнослужащих внутренних войск (проходивших срочную воинскую службу по призыву). В 1994 году была начата работа по передаче функций охраны учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, от внутренних войск в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы¹⁰.

В ходе этой работы выявлен ряд проблем. Наиболее распространённой ошибкой был приём на службу в уголовно-исполнительную систему военнослужащих, проходящих службу по призыву, срок которой не истёк, но заблаговременно подписавших контракт. Второй характерной ошибкой являлся приём на службу переводом из войск военнослужащих, проходящих службу по контракту, ранее имевших судимость, что категорически недопустимо исходя из требований ст. 9 «Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Третьей характерной ошибкой был приём от воинских частей внутренних войск техники, специальных средств, вооружения и служебных животных по количеству, но без учёта их состояния. Отдельные руководители Службы по исправительным делам и социальной реабилитации (далее – СИДиСР) УВД областей, не желая портить отношения с войсковыми командами, шли у них «на поводу», не настаивали на ремонте, восстановлении, списании или выбраковке вышеназванных сил и средств, что в конечном итоге отрицательно сказывалось на надёжности охраны объектов¹¹.

Изучение обстоятельств побегов осуждённых из мест лишения свободы показывает, что одной из причин, способствующих их совершению, были также недостатки и упущения в работе начальников отрядов. Связаны они в первую очередь с ошибками в подборе кандидатов, представляемых к бесконвойному передвижению. Этой категорией осуждённых совершалось наибольшее число побегов, только за 1992 год их доля составила 71,8 процента¹².

Таким образом, статистика за 1990–1994 гг. демонстрирует крайне негативную ситуацию с побегами в уголовно-исполнительной системе, указывающую на ухудшение оперативной обстановки в отдельные годы. Большое количество названных преступлений связано, прежде всего, с системным кризисом в стране, ослаблением контроля в исправительно-трудовых учреждениях, недостатками в профилактической работе.

В связи с приведёнными примерами и другими многочисленными случаями ГУИН России предлагал в Службах и учреждениях ещё раз внимательно изучить требования приказов № 267-92г., № 290-93г., № 518-93г.; указаний

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 26.09.1995 № 964 (ред. от 30.12.2005) «О передаче внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы функций по охране учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и их объектов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.04.2026).

¹¹ Информационный бюллетень № 22 ГУИН МВД России. – М., 1995. – С. 94.

¹² Информационный бюллетень № 15 ГУИН МВД России – М., 1993. – С. 28.

№ 99, № 415-93 г. МВД России, рекомендации по профилактике побегов, ранее опубликованные в Информационных бюллетенях и других источниках, и в соответствии с ними организовать работу по предупреждению и пресечению побегов.

Управление безопасности ГУИН МВД России потребовало провести следующие мероприятия.

1. Обследовать инженерно-технические средства, разработать и внедрить системы комплексного использования сил и средств в изоляции осуждённых.

2. Перекрыть все уязвимые в побеговом отношении направления, установить жёсткий контроль за коммуникациями и местами вероятного совершения подкопов. Обследовать с помощью биолокационных методов места, удобные для подготовки подкопов.

3. Исключить факты самовольного передвижения осуждённых между жилыми, производственными зонами и изолированными участками, установить строгий режим на контрольно-пропускных пунктах.

4. Во всех колониях через каждые 2-4 часа проводить проверки лиц, находящихся в комнатах свиданий, местах общего пользования, на рабочих объектах, в непосредственной близости от ограждений, обращая особое внимание на лиц, склонных к побегу. Добиться того, чтобы каждый сотрудник чётко знал лиц, состоящих на профилактических учётах, и качественно контролировал их местонахождение.

5. Создать надёжные оперативные позиции на жилых и производственных объектах, особенно в местах, прилегающих к периметру зоны в пределах 50-метровой полосы, прежде всего, для предотвращения готовящихся побегов и раскрытия преступлений.

6. Своевременно обновлять имеющуюся документацию лиц, склонных к совершению побегов, обеспечить фотографиями и необходимой информацией об их намерениях дежурные службы, установить за лицами этой категории действенный гласный контроль, принять меры к их изоляции в локально-профилактических участках.

7. В соответствии со ст. 4 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 года с органами местного самоуправления завершить работу по определению границ территорий, прилегающих к учреждениям, исполняющим наказания, и установлению в них режимных требований¹³.

Заключение. Усиление внимания профилактике побегов не оставалось безрезультатным. Достаточно сказать, что принимаемыми мерами число побегов из ИТК в 1994 году сократилось на 25%, в том числе из-под охраны на 32,5%. Предотвращено 2986 побегов против 2335 в 1993 году. Этому в немалой степени способствовало:

- создание локально-профилактических участков для содержания лидеров уголовной среды и злостных нарушителей режима отбывания наказания, в том числе склонных к побегу;

¹³ Информационный бюллетень № 22 ГУИН МВД России. – М., 1995. – С. 130–131.

- патрулирование лицами из числа дежурного наряда младших инспекторов по внутреннему периметру запретной зоны;
- определение границ территорий, прилегающих к ИТУ, и обеспечение режимных требований на этих территориях.

Безусловно, указанные меры достаточно известны, но надёжная профилактика побегов возможна лишь при скрупулёзном и комплексном их применении. В будущем эти уроки обязательно должны учитываться.

Список источников

1. Кашуба Ю.А. Лечебно-воспитательные профилактории для несовершеннолетних наркоманов, склонных к правонарушениям: возможность их восстановления / Ю.А. Кашуба // *Философия права*. – 2025. – №4 (115). – С. 56–61.

References

1. Kashuba Y. A. Therapeutic-Educational Prophylactic Institutions for Juvenile Drug Addicts Prone to Offending: the Possibility of Their Restoration. *Philosophy of Law*, 2025, no. 4 (115), pp. 56–61. (In Russian).

Информация об авторах

Кашуба Юрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности

Тюнь Анастасия Андреевна – адъюнкт

Information about the Authors

Kashuba Yuriy Anatolevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities

Tyun Anastasia Andreevna – Adjunct

Статья поступила в редакцию 5.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 17.06.2026 г.; принята к публикации 17.06.2026 г.

The article was submitted 5.05.2026; approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 17.06.2026.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.18

Купцова Юлия Ильинична

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», Москва, Россия, kuptsova.yulia3@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается процесс сбора и хранения цифровых следов в контексте усовершенствования российской правоохранительной и следственной деятельности в рамках профилактики, а также раскрытия и расследования преступлений. Проводя анализ механизма реализации, становится очевидно, что создание таких централизованных систем как ГосСОПКА в совокупности с нормативно-правовой базой «пакета Яровой» обуславливает новый этап развития системы государственного контроля в условиях цифровой трансформации общества, а именно переход от сбора цифровых следов уже совершённого преступления (ретроспективный анализ) к массовому сбору и хранению следов цифровой активности на территории России в режиме реального времени с целью решения прогностической задачи.

Данный подход с применением алгоритмической обработки больших массивов данных сетевой активности ведёт к формированию цифровых профилей граждан, которые впоследствии обрабатываются алгоритмами машинного обучения на основе искусственного интеллекта и разделяются условно на две категории: «нормальная модель поведения» и «модель поведения группы риска». Данный факт с точки зрения законодательства противоречит Конституции Российской Федерации и иным федеральным законам в части гарантий на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Отмечается отсутствие законодательно закреплённого порядка обращения к информации, кому предоставляется право получения информации, содержащейся в цифровых профилях, перечень оснований получения указанной информации для санкции суда.

Ключевые слова: цифровые следы, цифровой профиль, машинное обучение, обработка, частная жизнь, персональные данные, расследование преступления, профилактика.

Для цитирования: Купцова Ю.И. Цифровой профиль как инструмент выявления признаков преступления / Ю.И. Купцова. – 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.18 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 220–228.

Original article

Kuptsova Yulia Ilyinichna

Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, kuptsova.yulia3@yandex.ru.

DIGITAL PROFILE AS A TOOL FOR DETECTING CRIMINAL INVOLVEMENTS

Abstract. The article considers the process of collection and storage of digital traces in the context of Russian law enforcement and investigative activities' improvement within the framework of prevention, as well as detection and investigation of crimes. Analyzing the implementation mechanism, it becomes obvious that the creation of such centralized systems as State detection system of prevention and liquidation of computer attacks consequences (Gossipy), together with the regulatory framework of the Yarovaya package, determines a new stage in the development of the state control system in the context of the digital transformation of society, namely the transition from collecting digital traces of an already committed crime (retrospective analysis) to mass collection and storage of digital activity traces in Russia in real time in order to solve a prognostic problem. This approach, using algorithmic processing of large amounts of network activity data, leads to the formation of digital profiles of citizens, which are subsequently processed by machine learning algorithms based on artificial intelligence and conditionally divided into two categories: "normal behavior model" and "risk group behavior model". From the point of view of legislation, this fact contradicts the Constitution of the Russian Federation and other Federal laws in terms of guarantees for privacy and protection of personal data. It is noted that there is no legislatively enshrined procedure for contacting information who is given the right to obtain information contained in digital profiles, a list of grounds for obtaining this information for court approval.

Key words: digital traces, digital profile, computer-aided learning, processing, privacy, personal data, crime investigation, prevention

For citation: Kuptsova Yu.I. Digital Profile as a Tool for Detecting Criminal Involvements. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 220–228. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.18

Введение. Развитие системы государственного контроля в условиях цифровой трансформации общества сегодня определяется не столько методами изъятия данных с конкретного устройства, сколько технологиями их стратегического накопления из распределённых источников. Этот переход от ретроспективной к прогностической модели, в рамках которой объединяются и хранятся следы цифровой активности на территории России в режиме реального времени, в перспективе будет способствовать изменению подхода правоохранитель-

ных органов не только к расследованию преступлений, но также предупреждению совершения преступных деяний.

Вместе с тем, требуют переосмысления классические криминалистические категории «след» и «доказательство». В России данная тенденция нормативно закреплена через «пакет Яровой»¹, который установил обязательства для операторов сотовой связи по длительному хранению трафика и метаданных. В последующем эта нормативная база реализована и расширена в рамках государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации ГосСОПКА².

Рассмотрение содержания цифрового профиля как индикатора возможной преступной деятельности лица. В контексте предупреждения, пресечения подготавливаемых преступлений традиционное криминалистическое определение цифрового следа как «криминалистически значимой компьютерной информации, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» требует дополнения [1, с. 7]. След перестаёт быть лишь дискретным материальным носителем, привязанным к событию преступления; он становится динамическим элементом потока данных, ценность которого раскрывается лишь в большом массиве собранной и обработанной с использованием алгоритмов машинного обучения информации, при непосредственном сравнении с ранее поступавшими аналогичными по своей природе элементами.

В этой связи приобретает особое значение проблема, на которую обращает внимание А.В. Лисаченко применительно к гражданскому праву. Данная проблема заключается в ретроспективной идентификации, то есть достоверного установления тождества субъекта, совершившего те или иные действия в прошлом [2, с. 96]. Если в гражданско-правовой сфере это касается, например, идентификации лица по архивным данным сделок, то в криминалистической и оперативно-разыскной областях речь идёт о способности алгоритмов машинного обучения спустя месяцы и годы точно связать цифровой след с конкретным лицом, чьи данные хранятся в базах данных операторов связи в рамках «пакета Яровой». Без решения этой ретроспективной задачи даже самая совершенная прогностическая модель рискует оперировать неверно идентифицированными данными, что ставит под сомнение как доказательственное значение результатов, так и законность последующих ограничений прав.

В данной статье под алгоритмами машинного обучения понимается технология, которая не требует программирования каждого шага для поиска решения поставленной задачи. Вместо того, чтобы вручную прописывать алго-

---

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.01.2026).

² Концепция, утв. Президентом Российской Федерации 12.12.2014 № К 1274 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026).

ритмы для выполнения тех или иных действий, создают универсальные модели, которые «обучаются» на примерах³.

Таким образом, систематический сбор и анализ таких следов алгоритмами машинного обучения в течение месяцев и лет неизбежно формирует цифровые профили. В рамках настоящего исследования понятие «цифровой профиль» рассматривается в его нормативном правовом значении как совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации⁴ [3, с. 57, 58]. Это понятие следует сопоставить с иными формами систематизированного учёта данных, такими как Единый федеральный информационный регистр, создаваемый на основании Федерального закона от 08 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», на основании которого осуществляется сбор широкого спектра сведений о населении, перечисленных в ч. 2 ст. 7 данного Закона.

Правовой предпосылкой этого процесса в России стал «пакет Яровой», законодательно закрепивший массовый сбор и хранение данных операторами сотовой связи в соответствии со ст. 64 Федерального закона от 07 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи». Если изначально его целью был сбор, систематизация и хранение цифровых следов для расследования уже совершённых преступлений, то современные системы, такие как ГосСОПКА, используют эти данные для анализа информации в реальном времени, формируя эмпирическую базу для алгоритмов машинного обучения и выполняя прогностическую задачу. Таким образом, следовая картина выстраивается на основе постоянно пополняемого массива данных, исходя из намерений своевременного выявления, предупреждения и пресечения подготавливаемых преступлений.

Основой данной модели является использование алгоритмов машинного обучения для анализа собранных данных из разрозненных источников. Задача этих алгоритмов состоит в выявлении несоответствий поступивших данных сформированной «эталонной» модели обычного поведения пользователя или группы [4, с. 2]. В последующем алгоритмы машинного обучения при выявлении подобных несоответствий помечают указанный цифровой профиль субъекта как «модель поведения группы риска» и фактически его поведение расценивается системой как подозрительное.

Основаниями подобных решений могут являться случаи, когда граждане используют различные анонимайзеры с целью обхода замедления и блокировки YouTube, для защиты коммерческой тайны, проявляют интерес к политиче-

---

³ Что такое машинное обучение и как это работает [Электронный ресурс] // URL: https://platformv.sbertech.ru/blog/mashinnoe-obuchenie-machine-learning-chto-eto-i-kak-rabotaet-principy-i-zadachi-mashinnogo-obucheniya?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ Паспорт проекта ФЗ № 702680-6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2026).

ской аналитике, разделяют специфические религиозные или субкультурные практики. Они оцениваются алгоритмами как допустимые, но исходя из статистики являются редкими формами поведения и могут интерпретироваться как «угрожающие» [5, с. 680]. В связи с тем, что цифровой профиль человека является его цифровым двойником, выводы, основанные на работе алгоритмов машинного обучения, распространяются и на личность человека в целом.

Логично предположить, что цифровой профиль, отнесённый к «группе риска», фактически является подозрительным, а значит должен быть подвергнут более детальному анализу и наблюдению за развитием отрицательных тенденций со стороны человека. Таким образом, подозрения должны быть обоснованы не алгоритмами машинного обучения, а человеком, в чью компетенцию входит осуществление контроля за процессом принятия решения, основанного на выводах алгоритма машинного обучения. Необходимо также сосредоточить внимание законодателя на том, что недопустимо принятие решений по ограничению прав и свобод человека только на основании выводов, приведённых алгоритмами машинного обучения. Сегодня, к примеру, алгоритмы машинного обучения на основе искусственного интеллекта могут принять решение по блокировке банковского счёта, если человек сперва снял крупную денежную сумму, а затем пытается её перевести на чужой банковский счёт. Данное решение принял не специалист, который увидел факт подозрительной операции, а машина.

Отнесение цифрового профиля к группе «подозрительных» ведёт к негативным последствиям, таким как автоматический отказ в банковских услугах или трудоустройстве. Выводы делаются на основе скоринга, который анализирует нестандартное поведение и сигнализирует, например, о возможных мошеннических действиях⁵. Подобная дискриминация не имеет законных оснований, не подлежит судебному оспариванию и остаётся для субъекта закрытой процедурой уже долгое время, что ставит под сомнение реализацию права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации).

Как справедливо отмечает А.В. Минбалеев, в настоящее время мы наблюдаем так называемый «социальный скоринг», результаты которого для определённой группы граждан будут негативными, так как они не смогут быть «социально дифференцированы как отвечающие тем или иным критериям», что неизбежно приведёт к сегрегации и социальному расслоению общества [6, с. 98].

Рассмотрим подробнее на условном примере совершённого террористического акта, применяя нормы Федерального закона от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». В ходе расследования преступления необ-

---

⁵ Что такое кредитный скоринг и как он работает [Электронный ресурс] // Официальный сайт «СберБанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/blog/chto-takoe-skoring-v-banke-prostymi-slovami> (дата обращения: 07.02.2026).

ходимо установить факт связи между абонентами как одного из элементов доказывания уже совершённого преступления. В то же время, с целью реализации прогностических задач, алгоритм заранее отмечает эту связь как подозрительную на основании её отклонения от «нормальной модели поведения» или в связи с посещением запрещённых интернет-ресурсов. Таким образом, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, состав преступления отсутствует, но имеются первичные признаки противоправности, которые становятся отклонением от нормы. Это меняет логику в доказывании: не преступление ведёт к поиску следов, а выявленное алгоритмами машинного обучения несоответствие формирует гипотезу о возможном преступлении.

Однако создание цифровых профилей, в контексте реализации прогностических задач, по умолчанию вводит режим тотального негласного наблюдения. Порядок обращения к указанной информации и её использования до настоящего времени законодательно не урегулирован. Это ведёт к нарушению гарантий на неприкосновенность частной жизни, угрожает конституционным правам и свободам человека и гражданина, содержащимся в ст.ст. 22, 23, 24 Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»), Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В данном случае человек рассматривается в качестве носителя профиля с определённым коэффициентом риска. Это фактически создаёт категорию «модель поведения группы риска» для лиц, чьи цифровые привычки алгоритм помечает как не соответствующие «нормальной» модели, даже при полном отсутствии события преступления [7, с. 11, 12].

Одновременно с этим, концентрация детализированных цифровых профилей создаёт мощный соблазн использовать их вне заявленных целей борьбы с киберпреступлениями и тяжкими преступлениями, например, для политического контроля, давления на оппозицию, бизнес-разведки или сбора компромата [8, с. 95].

В рамках изучения вопроса сбора информации и тотального контроля, стоит отметить, что с 2017 года ПАО «Мегафон» запустила и успешно ведёт проект «Мегафон-Таргет», который даёт корпорациям и компаниям возможность привлекать новых клиентов с помощью таких каналов продвижения как баннеры в интернете, рассылки sms, mms, e-mail и другие. Они используют более 100 параметров для формирования и обновления целевой аудитории. Основными из них являются: социально-демографические (пол, возраст, дата рождения, семейное положение, наличие или отсутствие детей), геопозиция, сферы интересов и другие⁶. Сбор данных осуществляется с применением технологии глубокого обучения на основе сбора и систематизации данных об активности группы абонентов, объединённых только признаками. Пользователь,

---

⁶ Точно в цель: как технологии изменили инструменты таргетирования рекламы [Электронный ресурс] // Официальный сайт «РБК». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmr/64e5a6bd9a7947d62390563e> (дата обращения: 05.02.2026).

подключивший данную услугу, при запуске рассылки по базе оператора может видеть только количество отправленных сообщений и количество людей, перешедших по ссылке. Персональные данные остаются для него скрыты, однако ими обладает компания, предоставляющая эту услугу. Стоит отметить, что 31 марта 2025 года стало известно об утечке персональных данных абонентов ПАО «МегаФон», которую оператор впоследствии опроверг.

В России отсутствуют действенные механизмы судебного санкционирования запросов к таким массивам, а требования ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где указано, что «основанием для решения судьёй вопроса о проведении оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, указанные в части первой настоящей статьи, является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность», носят формальный характер. Что должно в нём содержаться? Какая объективная мотивация, если это вывод алгоритмов машинного обучения, который не имеет юридической силы и может быть ложным? Каким образом получить судебную санкцию на проведение ОРМ в отношении информации, собираемой и анализируемой для выполнения прогностических задач?

С учётом выявленных угроз и неопределённостей, необходимо детально, на законодательном уровне разрешить вопрос разработки перечня предоставляемых сведений, основания и порядок ознакомления с ними, какой орган и согласно какому алгоритму действий сможет получать доступ к интересующей информации. Данный подход может способствовать противодействию выявляемым угрозам. Видится необходимым закрепление разделённого режима доступа к таким данным, не связанным с конкретным расследуемым делом, который должен требовать судебного санкционирования, обоснованием которого будет являться указание конкретных параметров поиска и анализа.

В этой связи, необходимо законодательно установить чёткие и максимально короткие сроки автоматического уничтожения данных, не востребованных в рамках возбуждённых уголовных дел, за исключением информации, относящейся к расследуемым преступлениям из ограниченного перечня тяжких и особо тяжких составов.

С целью минимизации риска умышленной дискриминации, необходимо создать контролирующий орган, непосредственной задачей которого будет являться проверка алгоритмов аналитических систем на предмет предвзятости и соответствия заявленным, а не скрытым целям.

С целью повышения уровня доверия к рассматриваемой модели, отвечающей прогностическим задачам, и систем на её основе, лицо, в отношении которого алгоритмами машинного обучения принято решение об отказе в услуге, о включении в группу риска и другие, должно иметь право на получение уведомления с мотивированными разъяснениями данного решения и в объёме, не наносящем ущерб государству, корпорации и уголовно-правовой системе

(в рамках расследования конкретного уголовного дела), а также возможность его судебного оспаривания.

Заключение. Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что при выполнении прогностической задачи сбор, анализ и систематизация цифровых следов перестали быть техническим вопросом и превратились в центральный фактор, определяющий уровень государственного контроля в условиях цифровой трансформации общества. Прогностическая задача, реализуемая в современных государственных системах, потенциально повышает эффективность противодействия угрозам безопасности государства и общества, однако следствием подобного повышения эффективности становится изменение подхода к рассмотрению принципов уголовного процесса и правового статуса личности. Без введения ограничений на законодательном уровне, основанных на судебном контроле, прозрачности процедуры и гарантиях против дискриминации, государственная система контроля рискует создать общество, где цифровая тень человека будет постоянно опережать и менять его судьбу, нарушая его конституционные права.

Список источников

1. Багмет А.М., Бычков В.В., Ильин Н.Н., Скобелин С.Ю. Цифровые следы преступлений: монография / А.М. Багмет, В.В. Бычков, Н.Н. Ильин, С.Ю. Скобелин – Москва : Проспект, 2021. – 168 с.
2. Лисаченко А.В. Идентификация субъектов гражданских правоотношений: новые проблемы и некоторые решения / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 91–99.
3. Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А.К. Жарова // Юрист. – 2020. – № 3. – С. 55–61.
4. Szymielewicz K. The layers of your online profile / K. Szymielewicz // Panoptikon Foundation. – 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.panoptikon.org/articles/three-layers-your-digital-profile> (дата обращения: 07.02.2026).
5. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact / S. Barocas, A.D. Selbst // California Law Review. – 2016. – Vol. 104, № 3. – P. 671–732.
6. Минбалеев А.В. Проблемы социальной эффективности и защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта в рамках социального скоринга / А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 96–101.
7. Ревякин С.А. Влияние процессов цифровизации на права человека и развитие гражданского общества / С.А. Ревякин // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в России. – 2021. – № 2(21). С. 6–13.
8. Напсо М.Д., Напсо М.Б. Тренды цифровой трансформации общества: актуальные проблемы реализации прав индивида в сфере информации / М.Д. Напсо, М.Б. Напсо // Журнал российского права. – 2021. – № 10. – С. 85–97.

References

1. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Ilyin N.N., Skobelin S.Yu. Digital Crimes' Traces: Monograph. Moscow, Prospect, 2021. 168 p. (In Russia).
2. Lisachenko A.V. Identification of Subjects of Civil Legal Relations: New Problems and Some Solutions. *Russian Juridical Journal*, 2019, no. 5, pp. 91–99. (In Russia).
3. Zharova A.K. Issues of Ensuring Security of a Person's Digital Profile. *Jurist*, 2020, no. 3, pp. 55–61. (In Russia).
4. Szymielewicz K. The Layers of Your Online Profile. Panoptikon Foundation, 2019. URL: <https://en.panoptikon.org/articles/three-layers-your-digital-profile> (In English).
5. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact. *California Law Review*, 2016, vol. 104, no. 3, pp. 671–732. (In English).
6. Minbaleev A.V. Problems of Social Efficiency and Human Rights Protection in the Use of Artificial Intelligence in the Framework of Social Scoring. *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2020, vol. 20, no 2, pp. 96–101. (In Russia).
7. Revyakin S.A. The Impact of Digitalization on Human Rights and Civil Society Development. *Information and Analytical Bulletin on the Development of Civil Society and the Non-Profit Sector in Russia*, 2021, no. 2(21), pp. 6–13. (In Russia).
8. Napso M.D., Napso M.B. Digital Transformation Trends in a Society: Actual Problems Arising in Realization of the Rights of the Individual in Information Sphere. *Journal of Russian Law*, 2021, no. 4, pp. 89–97. (In Russia).

Информация об авторе

Купцова Юлия Ильинична – млад-
ший научный сотрудник

Information about the Author

Kuptsova Yulia Ilyinichna – Junior Re-
search Fellow

Статья поступила в редакцию 19.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.19

Пичугин Сергей Анатольевич

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,

sapichugin@msal.ru

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗЫСКИВАЕМЫХ ЛИЦ ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ МЕТИСНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП НА ПРИМЕРЕ ВНЕШНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА¹

Аннотация. Статья посвящена идентификации и розыску лиц, чей внешний облик сформировался в результате метисации и не соответствует классическим описательным схемам европеоидной или монголоидной групп. На примере значительного антропологического разнообразия коренного населения Республики Башкортостан автор обосновывает недостаточность традиционных методик словесного портрета для достоверного описания и отождествления представителей морфологически гетерогенных популяций.

Цель: комплексный анализ методологических проблем применения стандартных инструментов портретной экспертизы к метисным группам, выявление основных источников экспертных ошибок и обоснование необходимости разработки специализированного методического подхода с учетом этнорегиональной специфики.

Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики.

Результаты. В статье выявлены ключевые факторы, снижающие достоверность идентификации: субъективизм восприятия очевидцев, неадаптированность терминологического аппарата и технических средств к промежуточным расовым вариантам. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения классификаций словесного портрета, создания региональных антропологических атласов и внедрения в практику специализированных программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области этнической антропологии. Научно обоснованный учёт антропологической специфики полиэтничных регионов, таких как Башкортостан, рассматривается как необходимое условие повышения эффективности розыскной и экспертной деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая габитоскопия, идентификация человека, метисация, антропологические типы, словесный портрет, портретная экспертиза, коренное население Башкортостана, субуральский тип, понтийский

тип, южносибирский тип, признаки внешности, судебно-экспертная деятельность, вероятно-статистический метод, антропологическая гетерогенность.

Для цитирования: Пичугин С.А. Проблема установления разыскиваемых лиц по признакам внешности метисных антропологических групп на примере внешности коренного населения Башкортостана / С.А. Пичугин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.19 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 229–244.

Original article

Pichugin Sergei Anatolevich

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, sapichugin@msal.ru

PROBLEM OF IDENTIFYING THE WANTED PERSONS BY THE APPEARANCE OF HALF-CASTE ANTHROPOLOGICAL GROUPS: ON THE EXAMPLE OF BASHKORTOSTAN INDIGENOUS POPULATION

Abstract. The article is devoted to the identification and search for persons whose appearance has been shaped by miscegenation and does not conform to the classical descriptive schemes of the Caucasoid or Mongoloid groups. Using the significant anthropological diversity of the Republic of Bashkortostan's indigenous population as an example, the author substantiates the inadequacy of traditional verbal identification methods for the reliable description and identification of morphologically heterogeneous populations representatives. Purpose: a comprehensive analysis of the methodological problems in applying standard forensic identification tools to miscegenated groups, identification of the main sources of expert errors and substantiation of the need to develop a specialized methodological approach that takes into account ethno-regional specifics. Methods: empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results. The article identifies key factors that reduce the reliability of identification: subjectivity of witness perception, the lack of adaptation of terminological frameworks and technical means to intermediate racial variants. The author concludes that it is necessary to refine verbal identification classifications, create regional anthropological atlases and implement special professional development programs for law enforcement officers in the field of ethnic anthropology. A scientifically grounded consideration of the anthropological specifics of multi-ethnic regions, such as Bashkortostan, is viewed as a necessary condition for improving the effectiveness of search and expert activities.

Keywords: forensic habitoscopy, human identification, miscegenation, anthropological types, verbal portrait, portrait examination, indigenous population of Bashkortostan, Subural type, Pontic type, South Siberian type, appearance features, forensic expert activity, probabilistic statistical method, anthropological heterogeneity

For citation: Pichugin S. A. Problem of Identifying the Wanted Persons by the Appearance of Half-Caste Anthropological Groups: on the Example of Bashkortostan Indigenous Population. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 229–244. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.19

Введение. Криминалистическая наука в своей эволюции закономерно сталкивается с проблемами, решение которых требует выхода за рамки устоявшихся догм и методических подходов, сформированных в парадигме изучения фенотипически однородных антропологических популяций. Одной из таких фундаментальных проблем, актуальность которой лишь возрастает в условиях глобализации и усиления миграционных потоков, является проблема криминалистического отождествления лиц, чей внешний облик сформировался в результате сложного и длительного взаимодействия различных антропологических компонентов [1, с. 73–81]. Речь идёт об индивидах, принадлежащих к метисным антропологическим группам, чья морфологическая картина не укладывается в рамки классических описательных схем, разработанных преимущественно на материале европеоидных антропологических популяций [2, с. 203–207]. Настоящее исследование, продиктованное насущными запросами следственной и экспертной практики, ставит своей целью всесторонний анализ обозначенной проблемы, фокусируясь на уникальном в своём роде антропологическом материале – коренном населении Республики Башкортостан, чей внешний облик является живым свидетельством многотысячелетнего процесса метисации на стыке Европы и Азии.

Теоретические и практические аспекты идентификации лиц метисных групп на примере коренного населения Башкортостана. Рассматривая историческую ретроспективу становления и развития криминалистического учения о внешнем облике человека, именуемого криминалистической габитоскопией, невозможно не отметить, что его методологический каркас выстраивался на протяжении десятилетий в рамках доминирующих научных школ, опиравшихся на изучение фенотипов, характерных для определённых географических ареалов и очагов расообразования. Как справедливо отмечал профессор В.П. Алексеев: «Очаг расообразования – это участок земной поверхности, в пределах которого расообразовательный процесс характеризуется определённой интенсивностью и специфическим направлением. Очаг расообразования, с моей точки зрения, – диахронное или временное понятие, в очаге аккумулируется генетическая характеристика локуса, который только в том случае может стать самостоятельным очагом расообразования, если он существует, сохраняя своё индивидуальное лицо, длительное время» [3, с. 15–45].

Научные труды А. Бертильона, заложившие основы метода словесного портрета, а также последующие фундаментальные работы Р.А. Рейсса, в значительной степени унифицировавшие описательную терминологию, создали надёжный, но в то же время и несколько инертный инструментарий, ориенти-

рованный на фиксацию и анализ внешности, вариабельность которой была ограничена пределами относительно гомогенных в этническом отношении групп населения европейского континента. В то время как западноевропейская криминалистика оттачивала свои методы на материале, не отягощённом сложными комплексами межэтнических переходных форм, перед отечественной наукой с самого начала стояла задача адаптации этих методов к реалиям многонационального и полиэтничного государства. Советская школа криминалистической габитоскопии, представленная именами В.А. Снеткова, А.И. Винберга, А.М. Зинина и их многочисленных учеников, внесла неоценимый вклад в развитие криминалистической техники, разработав детальнейшие классификации признаков внешности и усовершенствовав алгоритмы сравнительного исследования [4, с. 56–78; 5, с. 3–28; 6, с. 102–145]. Однако и в этих, безусловно, выдающихся трудах проблема идентификации представителей метисных групп, как правило, затрагивалась фрагментарно, не становясь предметом отдельного систематического изучения. Как отмечает профессор А.М. Зинин: «...существующая научно-методическая база общего назначения, в частности в области анатомии, антропологии, современных средств запечатления внешнего облика человека, недостаточна для анализа признаков внешнего облика человека в конкретных экспертных ситуациях» [7, с. 31]. Применение же общих методических установок к анализу внешности лиц, обладающих смешанным антропологическим типом, часто приводит к возникновению значительных трудностей и порождает предпосылки для формирования ошибочных экспертных суждений.

Центральная гносеологическая сложность, возникающая перед экспертом при исследовании внешности индивида, чей фенотип сформирован в результате метисации, коренится в принципиальной неоднозначности морфологической интерпретации наблюдаемых признаков. Классическая методика словесного портрета и последующей портретной идентификации базируется на аксиоме, согласно которой каждый элемент лица (лоб, нос, глаза, рот, ушная раковина) и его относительные размеры могут быть однозначно отнесены к той или иной градации, будь то высота, ширина, контур, степень выступания или особенность строения [8, с. 84–197]. Предполагается, что такая градация является объективной характеристикой, инвариантной по отношению к субъекту восприятия. Между тем, антропологическая реальность метисных групп, к числу которых с полным основанием относится и коренное население Башкортостана, демонстрирует принципиально иную картину. Морфологический облик башкир, вобравший в себя компоненты различных больших рас, представляет собой не механическую сумму признаков, но сложный и внутренне противоречивый комплекс, в котором классические дефиниции утрачивают свою прежнюю однозначность. Как отмечал профессор И. В. Перевозчиков: «На настоящий момент мы можем сказать, что в результате всё возрастающего процесса смешения возникло большое количество людей и групп смешанного происхождения. Расовых метисов в современном мире не менее 10%, несмешанных национальностей видимо уже нет» [9, с. 8]. То, что в рамках одной описатель-

ной системы может быть квалифицировано как «средняя ширина лица», применительно к метисному фенотипу может оказаться как проявлением европеоидного грацильного компонента, так и следствием монголоидной уплощённости лицевого скелета, что создаёт иллюзию схожести при фундаментальном различии в структуре [10, с. 145–148]. Эта двойственность, это постоянное колебание признаков на границе между привычными расовыми категориями порождает не только трудности при составлении объективных описаний, но и ставит под вопрос саму возможность надёжного использования вероятностно-статистического метода, поскольку частоты встречаемости определённых вариантов признаков, рассчитанные для гомогенных популяций, оказываются неприменимыми к метисным группам, для которых характерны собственные уникальные популяционные частоты.

Для того чтобы в полной мере осознать масштаб и специфику обозначенной проблемы, необходимо обратиться к данным этнической антропологии и детально рассмотреть морфологическую структуру башкирского народа, которая, по общему признанию ведущих специалистов, отличается исключительной сложностью и неоднородностью. Многочисленные антропологические экспедиции, начиная с пионерских и предварительных работ Н.М. Малиева во второй половине XIX века [11, с. 9] и заканчивая комплексными исследованиями советского периода, проводившимися под руководством М.С. Акимовой, Р.М. Юсупова и многих других видных учёных-антропологов [12, с. 104–115; 13, с. 97], позволили установить, что в расовом составе башкир выделяется по меньшей мере четыре основных антропологических типа, каждый из которых характеризуется собственным уникальным сочетанием признаков и имеет свою географическую локализацию. При этом сама возможность выделения этих типов является результатом многолетней кропотливой работы по статистическому анализу обширных массивов данных, полученных в ходе соматологических, кефалометрических, краниологических и одонтологических исследований. В практической же криминалистической деятельности эксперт сталкивается с живым лицом, которое практически никогда не является «чистым» представителем того или иного типа, но всегда несёт на себе отпечаток индивидуальной изменчивости и, что особенно важно, локальной метисации между типами, широко распространённой на территории Башкортостана. Подобная морфологическая мозаичность превращает процесс идентификации в решение уравнения со многими неизвестными, где каждый отдельно взятый признак может быть истолкован двояко в зависимости от того, в рамках какого антропологического контекста его рассматривать.

Детальная антропологическая характеристика башкир, представляющая собой фундамент для любого последующего криминалистического анализа, базируется на результатах более чем векового изучения. Согласно общепринятой в современной науке классификации, первым и, по-видимому, наиболее древним является субуральский тип, генетически связанный с древним уральским населением и характеризующийся сочетанием европеоидных и монголо-

идных признаков при общем ослаблении монголоидного комплекса. Внешность представителей этого типа, распространённого преимущественно в северных и северо-западных районах Башкортостана, отличается средними размерами головы и лица, что само по себе является важным криминалистическим маркером, поскольку не позволяет отнести лицо ни к категории крупных (что характерно для многих европеоидных вариантов), ни к категории мелких (что свойственно некоторым монголоидным группам). Особого внимания заслуживает форма спинки носа, которая в значительном числе случаев имеет вогнутый профиль – признак, относительно редкий в большинстве европеоидных популяций, но являющийся практически диагностическим для многих уральских и субуральских групп. Пигментация покровов в рамках данного типа относительно светлая, однако эта светлая пигментация особого рода, отличающаяся по своему оттенку от классической светлой пигментации северных европеоидов; она сочетается с прямыми, мягкими волосами и относительно светлой радужной оболочкой глаз, в которой нередко присутствует лёгкая желтизна, нехарактерная для европеоидных серых или голубых глаз. Все эти морфологические характеристики, будучи зафиксированы на фотоизображении, требуют от эксперта не только глубоких познаний в области антропологии, но и развитого визуального навыка, позволяющего дифференцировать сходные, но генетически разнородные комплексы признаков.

Вторым крупным антропологическим пластом в составе башкирского народа является понтийский тип, относящийся к южной ветви европеоидной расы и распространённый преимущественно в юго-западных и юго-восточных районах республики. Морфологический портрет представителя данного типа разительно контрастирует с вышеописанным: для него типичны крупные размеры головы и лица, а также массивность черт, что в криминалистическом описании должно находить отражение в соответствующих градациях «большой» или «очень большой» по целому ряду измерительных и описательных параметров. Спинка носа, в отличие от субуральского типа, чаще всего прямая или даже выпуклая, что приближает её к классическим европеоидным формам. Пигментация покровов при этом является преимущественно тёмной: кожа имеет смуглый оттенок, волосы – волнистые и, как правило, тёмные (чёрные или тёмно-каштановые), радужная оболочка глаз – карих оттенков. В экспертной практике лица, принадлежащие к понтийскому типу, нередко ошибочно идентифицируются как представители кавказских или переднеазиатских популяций, что может направить оперативно-розыскные мероприятия по ложному пути, особенно в случае, когда разыскиваемое лицо является уроженцем Башкортостана, но его фенотип не соответствует представлениям о «типично башкирской» внешности. Данный феномен, заключающийся в расхождении между антропологической реальностью и бытовыми стереотипами, представляет собой серьёзный источник ошибок как на этапе составления ориентировок, так и при проведении опознания.

Третий компонент, образующий антропологическую основу башкирского этноса, – светлый европеоидный тип, приуроченный к западным и северо-западным районам и обнаруживающий явное генетическое родство с популяциями Восточной Европы. Лица данного типа характеризуются крупными размерами головы и лица, прямым носом и светлой пигментацией кожи, волос и глаз, что создаёт иллюзию их полной морфологической идентичности с русским или иным восточнославянским населением. Однако детальное антропометрическое исследование, которое, к сожалению, не всегда возможно в условиях криминалистической деятельности, выявляет наличие так называемых «скрытых» признаков, указывающих на примесь иных расовых компонентов. К числу таких признаков можно отнести особенности строения век (незначительное развитие складки верхнего века, не достигающее, однако, степени эпикантуса), специфическую форму скуловой области (несколько более выраженную, чем у классических европеоидов) и некоторые пропорции лицевого скелета. Именно эти особенности могут стать ключом к установлению истинной этнотерриториальной принадлежности разыскиваемого лица, позволяя отличить представителя светлого европеоидного типа башкир от, скажем, уроженца северо-западных областей России. Пренебрежение этими малозаметными, но объективно существующими различиями, как показывает экспертный опыт, является одной из наиболее частых причин принятия ошибочных решений при проведении идентификационных исследований по фото- и видеоизображениям.

Четвёртый основной антропологический тип, южносибирский, наиболее ярко выражает монголоидный компонент в составе башкирского народа. Распространён преимущественно среди зауральских башкир, а также в северо-восточных и юго-восточных районах, он характеризуется крупными размерами головы, широким и при этом удлинённым лицом, что создаёт специфическую форму, не вполне укладывающуюся в привычные классификации монголоидных вариантов. Нос, как правило, прямой, но его ширина и форма крыльев имеют свои особенности, отличные от центральноазиатских групп. Пигментация покровов тёмная, волосы прямые и жёсткие, что является классическим маркером монголоидной расы. В криминалистическом аспекте важно подчеркнуть, что лица, принадлежащие к южносибирскому типу, в силу выраженности монголоидных признаков реже становятся причиной диагностических ошибок при первичной расовой атрибуции, однако и здесь имеются свои подводные камни. Наличие в их фенотипе европеоидных компонентов (что и даёт основание относить его именно к южносибирскому, а не к центральноазиатскому типу) проявляется в смягчении монголоидных признаков, их некоторой «размытости», что затрудняет однозначное отнесение лица к той или иной расовой категории при использовании стандартных описательных шкал. Эксперт, не обладающий достаточной антропологической подготовкой, может колебаться между определениями «монголоидный» и «смешанный», не имея объективных критериев для окончательного выбора.

Приведённый краткий обзор антропологических типов башкир со всей очевидностью свидетельствует о том, что внешность коренного населения Башкортостана представляет собой чрезвычайно сложный объект для криминалистического исследования. Между тем на практике следователи, оперативные работники и эксперты вынуждены работать именно с этой сложной, многомерной и внутренне противоречивой реальностью, используя при этом инструментарий, разработанный в значительной степени для иных условий. Результатом этого несоответствия становится целый спектр проблем, возникающих на всех этапах работы с признаками внешности: от получения исходной информации до формирования экспертного вывода. Как справедливо отмечает профессор А.М. Зинин: «Если социальные, психологические, психические свойства человека активно используются в комплексе при выявлении, изобличении преступников, то биологические свойства, в частности, проявляющиеся в морфологическом строении внешнего облика человека, анализируются при проведении судебных экспертиз. Такое использование биологических свойств направлено на проведение диагностических и идентификационных исследований отображений человека. Результаты этих исследований используются затем при установлении личности» [14, с. 50]. Первая и, пожалуй, наиболее острая проблема возникает уже на стадии получения и фиксации первичной информации о признаках внешности разыскиваемого лица, которая поступает от очевидцев, потерпевших или свидетелей. Как известно, словесный портрет, составленный со слов очевидца, является не объективным отображением внешности, а продуктом субъективного восприятия, опосредованного индивидуальными особенностями памяти, внимания, словарного запаса и, что особенно важно в контексте настоящего исследования, этнокультурными стереотипами. Очевидец, не обладающий специальными познаниями в области антропологии, склонен описывать внешность разыскиваемого лица в терминах привычных ему расовых и этнических категорий, которые далеко не всегда совпадают с научной классификацией. Так, лицо, принадлежащее к субуральскому типу, может быть описано одним свидетелем как «русское», другим – как «татарское», третьим – как «башкирское», четвёртым – как «слегка азиатское», что создаёт крайнюю терминологическую разноголосицу и делает практически невозможным использование таких описаний в качестве объективной основы для розыска.

Проблема усугубляется тем, что в бытовом сознании, равно как и в оперативно-розыскной практике, до сих пор сохраняется тенденция к упрощённой, бинарной классификации внешности по расовому признаку, восходящей к архаичным представлениям о существовании неких «чистых» расовых типов. В соответствии с этой упрощённой схемой все индивиды подразделяются на «европеоидов», «монголоидов» и «лиц кавказской национальности», а все промежуточные формы либо игнорируются, либо втискиваются в рамки одной из этих трёх категорий. Применительно к внешности башкир такая примитивизация приводит к абсурдным с научной точки зрения результатам, когда лица, относящиеся к одному и тому же антропологическому типу, в зависимости от

случайных обстоятельств их восприятия очевидцем, могут быть отнесены к диаметрально противоположным расовым группам. Более того, даже в тех случаях, когда очевидец пытается дать более детальное описание, используя стандартные градации («широкое лицо», «узкий нос», «тёмные глаза»), его субъективная оценка неизбежно искажается под влиянием того самого антропологического контекста, о котором говорилось выше. То, что для жителя Средней Азии покажется «светлыми глазами», для жителя Прибалтики будет «тёмными», и наоборот. Таким образом, словесный портрет, составленный со слов очевидца, изначально содержит в себе значительную долю неопределённости, которая при работе с метисными группами возрастает многократно.

Следующая группа проблем связана с этапом экспертного исследования, в частности с проведением судебно-портретной экспертизы по фото- и видеоизображениям. Традиционная методика такой экспертизы, детально разработанная в трудах А.М. Зинина и других ведущих специалистов, включает в себя стадии раздельного, сравнительного исследования и синтезирующей оценки. Ключевым элементом раздельного исследования является выделение и описание индивидуализирующих признаков внешности. Однако, как было показано выше, сама процедура выделения этих признаков применительно к метисным фенотипам сталкивается с серьёзными трудностями. Многие признаки, которые в гомогенных популяциях обладают высокой диагностической ценностью (например, форма спинки носа, развитие складки верхнего века, выступание скул), у представителей метисных групп утрачивают свою однозначность. Эксперт, рассматривая фотоснимок, может затрудняться с определением градации того или иного признака, поскольку наблюдаемая им морфологическая картина является промежуточной, переходной между двумя или даже несколькими классическими вариантами. В такой ситуации велика опасность субъективизма, когда выбор той или иной градации осуществляется не столько на основе объективных критериев, сколько под влиянием предшествующего опыта эксперта, его личных представлений о «норме» и «патологии» в строении лица. Эта опасность особенно велика при исследовании изображений низкого качества, что, к сожалению, является скорее правилом, чем исключением в современной экспертной практике [15, с. 78].

Вторым камнем преткновения на стадии экспертного исследования является применение вероятностно-статистического метода, который, как известно, основан на использовании заранее вычисленных частот встречаемости различных вариантов признаков внешности в определённых популяциях. Теоретически использование этого метода позволяет эксперту перейти от качественной оценки совпадений и различий к количественной, рассчитав вероятность случайного совпадения комплекса признаков у двух разных лиц [16, с. 60–63]. Однако все существующие на сегодняшний день базы данных по частотам встречаемости признаков внешности созданы на основе изучения относительно гомогенных в расовом отношении групп населения. Для метисных же популяций, к каковым относится и население Башкортостана, подобные популяци-

онные исследования либо вовсе не проводились, либо носят фрагментарный характер и не позволяют создать полноценную статистическую модель. Более того, сама постановка задачи по созданию такой модели для метисных групп представляется крайне сложной в силу их внутренней гетерогенности и географической вариабельности. Частоты признаков, характерные для башкир северо-западных районов, будут существенно отличаться от частот в юго-восточных районах, что делает необходимым проведение не одного, а серии региональных популяционных исследований. В отсутствие же таких данных эксперт, проводящий портретную экспертизу в отношении лица, предположительно принадлежащего к метисной группе, оказывается лишённым возможности опереться на объективный статистический фундамент и вынужден основывать свои выводы исключительно на качественном анализе совпадений и различий, что неизбежно повышает степень субъективности окончательного суждения и снижает его доказательственную ценность.

Нельзя обойти вниманием и проблему, связанную с использованием субъективных портретов (фотороботов, композиционных портретов), создаваемых на основе показаний очевидцев. Современные компьютерные программы для составления композиционных портретов содержат обширные базы элементов лица, однако и здесь доминируют шаблоны, ориентированные на классические европеоидные или монголоидные варианты. Поиск элементов, адекватно передающих своеобразие метисного лица, часто превращается в трудноразрешимую задачу. Очевидец, пытаясь описать внешность, скажем, представителя субуральского типа, сталкивается с тем, что предлагаемые ему варианты глаз, носа или губ не соответствуют тому образу, который запечатлён в его памяти. В результате возникает ситуация, когда созданный с помощью таких программных средств портрет не только не помогает розыску, но и, напротив, дезориентирует оперативные службы, создавая ложное представление о внешности разыскиваемого. Эта проблема усугубляется ещё и тем, что в процессе составления субъективного портрета оперативный работник или специалист, не обладающий должной антропологической квалификацией, невольно подталкивает очевидца к выбору «стандартных» вариантов, тем самым нивелируя те уникальные морфологические особенности, которые как раз и составляют суть метисного фенотипа.

Следовательно, перед криминалистической наукой и практикой со всей остротой встаёт задача разработки специализированного методического подхода, учитывающего антропологическую специфику метисных групп и, в частности, коренного населения Башкортостана. Данный подход должен носить комплексный характер и охватывать все этапы работы с признаками внешности, начиная от получения исходной информации и заканчивая формированием экспертного заключения. Первым и, вероятно, наиболее важным шагом на пути решения обозначенной проблемы является повышение антропологической грамотности сотрудников правоохранительных органов – в первую очередь следователей, оперативных работников и экспертов. Речь идёт не о необ-

ходимости превращения их в профессиональных антропологов, но о формировании у них базовых представлений о расовом и антропологическом разнообразии населения Российской Федерации, о существовании переходных и метисных форм, об основных диагностических признаках различных антропологических типов, встречающихся в том или ином регионе. В рамках служебной подготовки и повышения квалификации целесообразно введение специальных учебных модулей, посвящённых этнической антропологии, в которых на конкретных примерах и с использованием обширного иллюстративного материала демонстрировалась бы специфика внешности различных этнических и антропологических групп. Особое внимание при этом должно уделяться формированию навыков визуальной диагностики, позволяющих сотруднику, не прибегая к сложным измерениям, выявлять ключевые морфологические маркеры, указывающие на принадлежность лица к той или иной антропологической общности.

Параллельно с образовательными мероприятиями необходима и методическая работа, направленная на адаптацию существующих криминалистических инструментов к реалиям полиэтничного общества. В первую очередь нуждается в пересмотре и уточнении терминологический аппарат словесного портрета. Существующая система описательных терминов, будучи в своей основе универсальной, должна быть дополнена рядом специальных градаций и уточнений, позволяющих более адекватно описывать промежуточные, переходные формы признаков. Например, при описании формы спинки носа, помимо стандартных «прямая», «выпуклая», «вогнутая», может быть введена градация «уплощённо-вогнутая», характерная для многих субуральских и уральских групп. При описании складки верхнего века, помимо категорий «отсутствует» и «выражена», целесообразно использование градации «слабо выражена» с указанием на её локализацию (медиальная, средняя часть). Безусловно, любое расширение терминологической системы должно сопровождаться разработкой чётких и однозначных критериев для отнесения признака к той или иной градации, чтобы избежать ещё большей субъективизации описания. Эти критерии должны быть наглядными и, по возможности, опираться на объективные антропометрические данные, полученные в ходе популяционных исследований.

Следующим важнейшим направлением методической работы должно стать проведение широкомасштабных популяционных исследований, направленных на изучение частот встречаемости признаков внешности в различных антропологических группах, населяющих Российскую Федерацию, с особым акцентом на метисные популяции Урало-Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Подобные исследования, организованные на базе ведущих экспертно-криминалистических центров и научно-исследовательских институтов, позволили бы создать репрезентативные базы данных, которые стали бы объективной основой для применения вероятностно-статистического метода в экспертной практике. Применительно к коренному населению Башкортостана необходимо проведение дифференцированных исследований по каждому из четырёх основных антропологических типов с учётом их географической локализации.

Результатом такой работы могло бы стать создание регионального «антропологического атласа», содержащего не только статистические данные, но и эталонные фотографические изображения, наглядно демонстрирующие вариативность внешности в рамках каждого типа. Наличие такого атласа в распоряжении эксперта позволило бы ему более обоснованно подходить к оценке идентификационной значимости совпадающих и различающихся признаков, а также давало бы возможность более точно определять вероятную этнотерриториальную принадлежность разыскиваемого лица по его изображению.

Отдельного внимания заслуживает проблема совершенствования программных средств, используемых для составления композиционных портретов. Очевидно, что существующие базы элементов лица должны быть существенно расширены за счёт включения в них вариантов, отражающих морфологическое своеобразие метисных групп. Такие программные комплексы должны иметь модульную структуру, позволяющую пользователю выбирать не только общий антропотип, но и его конкретный региональный вариант. Например, выбор опции «башкиры» должен открывать доступ к базе элементов, отражающих вариативность признаков в рамках четырёх антропологических типов, характерных для данного этноса. Более того, программное обеспечение должно предоставлять возможность тонкой настройки параметров, позволяя создавать изображения с промежуточными, переходными формами признаков, что является ключевым требованием для адекватного воспроизведения метисных фенотипов.

Не менее важным представляется и развитие методических рекомендаций по тактике допроса очевидцев, потерпевших и свидетелей с целью получения максимально точной и объективной информации о признаках внешности разыскиваемого лица. Как уже отмечалось, одной из главных проблем на этом этапе является склонность очевидцев к использованию бытовых этнических стереотипов, которые зачастую не соответствуют антропологической реальности. Для преодоления этого недостатка необходимо, чтобы следователь или оперативный работник в ходе допроса не ограничивался пассивной фиксацией показаний, а активно применял тактические приёмы, направленные на детализацию и уточнение образа. Одним из таких приёмов может быть предъявление допрашиваемому лицу специально разработанных «антропологических шкал» – наглядных пособий, содержащих эталонные изображения различных вариантов строения отдельных элементов лица, характерных для тех антропологических типов, которые наиболее распространены в данном регионе. Сравнивая запомнившийся ему образ с эталонными изображениями, очевидец может дать более точное и дифференцированное описание, нежели при использовании абстрактных словесных определений. Другим перспективным направлением является применение метода «когнитивного интервью», направленного на активизацию памяти свидетеля и восстановление контекста восприятия, что особенно важно при работе с трудноуловимыми визуальными впечатлениями, которые оставляет внешность представителя метисной группы.

Заключение. Проблема установления разыскиваемых лиц по признакам внешности метисных антропологических групп не может быть решена одномоментно. Речь идёт о долгосрочной и многоплановой научно-практической задаче, требующей консолидации усилий учёных-криминалистов, антропологов, психологов и практических работников правоохранительных органов. Рассмотренный в статье пример коренного населения Башкортостана наглядно демонстрирует, насколько сложным и многогранным может быть объект криминалистического исследования и насколько велика ответственность, лежащая на эксперте, выносящем суждение о тождестве или различии на основе анализа внешности. Игнорирование антропологической специфики, стремление втиснуть живое многообразие человеческих фенотипов в жёсткие рамки упрощённых классификаций неизбежно ведёт к ошибкам, цена которых в сфере уголовного судопроизводства непомерно высока. Лишь последовательное накопление знаний, совершенствование методического инструментария и повышение профессиональной квалификации кадров способны обеспечить ту степень надёжности и достоверности криминалистической идентификации, которая является необходимым условием отправления правосудия в современном многонациональном и полиэтничном обществе. Дальнейшие исследования в обозначенном направлении должны, на наш взгляд, быть сосредоточены на углублённом изучении морфологической вариативности локальных метисных популяций, разработке специализированных вероятностно-статистических моделей, адаптированных к условиям антропологической гетерогенности, а также на создании новых технико-криминалистических средств, позволяющих более точно фиксировать, анализировать и сравнивать уникальные особенности внешности, присущие представителям этих групп. Только такой комплексный, научно обоснованный подход способен вывести криминалистическую габитоскопию на уровень, отвечающий вызовам современной криминогенной обстановки и потребностям правоприменительной практики.

Список источников

1. Пичугин С.А. Особенности криминалистической идентификации лиц по признакам внешности восточноазиатского антропологического типа / С.А. Пичугин // Шикановские криминалистические чтения: криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение расследования и раскрытия преступлений : Материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей, Иркутск, 17 декабря 2025 года. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2026. — С. 73–81.

2. Пичугин С.А. Современные вызовы судебно-портретной экспертизы: методология и практика применения антропологических знаний в экспертной деятельности / С.А. Пичугин // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 03 июля 2025 года. — М. : Московская академия Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева, 2026. — С. 203–207.

3. Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас / В.П. Алексеев. – М. : Мысль, 1985. – 233 с.
4. Снетков В.А. Габитоскопия: учебник / В.А. Снетков. Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. – 183 с.
5. Пархомовский Я.Л., Снетков В.А. Общие положения отождествления личности по внешним признакам / Я.Л. Пархомовский, В.А. Снетков // Криминалистическая экспертиза. – М., 1967. – Вып. 5. – С. 3–28.
6. Зинин А. М. Портретная экспертиза : руководство для экспертов, следователей, судей, адвокатов / А. М. Зинин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 486 с.
7. Зинин А.М. Компетенция при производстве судебных портретных экспертиз: проблемные вопросы / А.М. Зинин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 4(44). – С. 31–34.
8. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности : Учебное пособие / А.М. Зинин, В.А. Газизов, М.Н. Овсянникова, И.В. Киселевич, И.Н. Подволоцкий, С.А. Пичугин, Ю.А. Токарева – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 311 с.
9. Перевозчиков, И.В. Изменчивость расовых признаков внешности человека / И.В. Перевозчиков // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 4. – С. 8.
10. Пичугин С.А. Особенности межэтнического восприятия в психологическом сопровождении расследования преступлений / С.А. Пичугин // Юридическая психология в современном мире: опыт, знание, практика : Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. – С. 145–148.
11. Малиев Н.М. Материалы для сравнительной антропологии / Н.М. Малиев. – Казань : лито- и тип. К.А. Тилли, 1874. – 44 с.
12. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья / М.С. Акимова. – М., 1968. – 120 с.
13. Юсупов Р.М. Краниология башкир. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. — 197 с.
14. Зинин А.М. Установление личности как комплексная задача субъектов правоприменения / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3 (115). – С. 45–51.
15. Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. – 168 с.
16. Зинин А.М. Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 2 (90). – С. 58–66.

References

1. Pichugin S.A. Features of Criminalistic Identification of Persons by Appearance Characteristics of the East Asian Anthropological Type. *Shikanov Criminalistic Readings: Criminalistic and Forensic Expert Support for Investigation and Solving of Crimes: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Researchers, Irkutsk, December 17, 2025*. Irkutsk, Baikal State University, 2026, pp. 73–81. (In Russian).
2. Pichugin S.A. Modern Challenges of Forensic Portrait Examination: Methodology and Practice of Applying Anthropological Knowledge in Expert Activity. *Forensic Examinations in Criminal Proceedings: Theory and Practice: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, July 3, 2025*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, 2025, pp. 203–207. (In Russian).
3. Alekseev V. P. Geographic Foci of the Formation of Human Races. Moscow, Mysl' Publ. House, 1985. 233 p. (In Russian).
4. Snetkov V. A. Habitoscology: Textbook. Volgograd, Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 183 p. (In Russian).
5. Parkhomovskiy Ya.L., Snetkov V.A. General Provisions of Identification of a Person by External Features. *Criminalistic Expertise*, 1967, iss. 5, pp. 3–28. (In Russian).
6. Zinin A.M. *Portrait Examination: Guide for Experts, Investigators, Judges, Lawyers*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 486 p. (In Russian).
7. Zinin A.M. Expert Competence in Forensic Facial Identification: Problem Areas. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2016, no.4 (44), 31–34. (In Russian).
8. Kiselevich I.V., Zinin A.M., Ovsyannikova M.N., et al. *Forensic Identification of a Person by Appearance Features: Textbook*. 1st ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 311 p. (Series “Specialist”). (In Russian).
9. Perevozchikov I. V. Variability of Racial Features of Human Appearance. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no.4, p. 8. (In Russian).
10. Pichugin S.A. Features of Interethnic Perception in the Psychological Support of Crime Investigation. *Legal Psychology in the Modern World: Experience, Knowledge, Practice. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 25, 2025*. Saint Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2025, pp. 145–148. (In Russian).
11. Maliev N. M. Materials for Comparative Anthropology. Kazan, Litho- and Printing House of K. A. Tilli, 1874. 44 p. (In Russian).
12. Akimova M. S. Anthropology of the Ancient Population of the Cis-Urals. Moscow, 1968. 120 p. (In Russian).
13. Yusupov R.M. *Craniology of the Bashkirs*. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1989. 198 p. (In Russian).

14. Zinin A.M. Personal Identification as a Complex Task Subjects of Law Enforcement. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. (3), pp. 45–51. (In Russian).

15. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S.Yu., Ilyin N.N. Digital Traces of Crimes. Moscow, LLC “Prospect”, 2021. 168 p. (In Russian).

16. Zinin A.M. Identification of a Person by Appearance and Biometrics Methods. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. (2), pp. 58–66. (In Russian).

Информация об авторе

Пичугин Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

Information about the Author

Pichugin Sergei Anatolevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 21.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.

Научная статья

УДК 340.624.3

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.20

Сагидуллин Рафаэль Хамитович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ТРАВМАТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу травматологической экспертизы телесных повреждений в системе уголовного и гражданского судопроизводства. Рассмотрены клиничко-диагностические, методические и правовые аспекты судебно-медицинской деятельности, определяющие достоверность и доказательственную значимость экспертных заключений. На основе системно-правового и сравнительно-аналитического подходов проведено сопоставление медицинских и юридических критериев оценки вреда здоровью. Установлено, что отсутствие унифицированных методик и единых дефиниций категорий вреда создаёт риск противоречивых решений при квалификации деяний и определении компенсации.

Эмпирическую базу составили материалы судебно-медицинских экспертиз и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2024-2025 годы. Анализ выявил методические ошибки и расхождения между клиническими и правовыми формулировками, способные снижать обоснованность экспертных заключений. Отдельное внимание уделено инструментальным методам фиксации травм - компьютерной и магнитно-резонансной томографии, цифровому моделированию повреждений, которые обеспечивают воспроизводимость и объективность результатов.

Предложена концепция интеграции медико-технических и правовых процедур в единую систему стандартизированной травматологической экспертизы. Обоснована необходимость разработки федеральных методических рекомендаций, формализующих критерии тяжести повреждений, и внедрения цифровых технологий радиологической фиксации. Научная новизна исследования заключается в систематизации разрозненных данных судебно-медицинской практики и формулировании предложений по гармонизации правовых и медицинских оснований экспертной деятельности. Практическая значимость работы определяется возможностью применения её результатов при разработке единых стандартов судебно-медицинской экспертизы.

Ключевые слова: травматологическая экспертиза, судебно-медицинская диагностика, телесные повреждения, вред здоровью, уголовный процесс, гражданское судопроизводство.

Для цитирования: Сагидуллин Р.Х. Травматологическая экспертиза телесных повреждений в рамках уголовного и гражданского процесса / Р.Х. Сагидуллин. - DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.20 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. - 2026. - № 2. - С. 245–255.

Original article

Sagidullin Rafael Khamitovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

TRAUMATOLOGICAL EXPERTISE OF BODILY INJURIES IN CRIMINAL AND CIVIL PRACTICE

Abstract. The study presents a comprehensive analysis of forensic traumatological expertise of bodily injuries within the framework of criminal and civil procedure. The research examines the clinical and diagnostic, methodological, and legal aspects of forensic medical practice that determines the reliability and evidential value of expert conclusions. Based on a systemic legal and comparative analytical approach, the study compares medical and legal criteria for assessing harm to health. It has been established that the absence of unified methodologies and standardized definitions of harm categories creates the risk of contradictory judicial decisions in the qualification of offenses and the determination of compensation. The empirical basis includes materials from forensic medical examinations and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024–2025. The analysis reveals that up to 12% of expert conclusions require revision due to methodological inaccuracies and discrepancies between clinical and legal terminology. Particular attention is paid to the instrumental methods of injury documentation – computed and magnetic resonance tomography, as well as digital modeling of injuries, which ensure the results' objectivity. The study proposes a concept for integrating medical, technical and legal procedures into a unified system of standardized traumatological expertise. The necessity of developing federal methodological recommendations that formalize the criteria for assessing the severity of injuries and introduce digital radiological documentation technologies is substantiated. The scientific novelty lies in the systematization of previously fragmented forensic medical data and in the formulation of proposals aimed at harmonizing the legal and medical foundations of expert activity. The practical significance of the work is determined by the potential application of its results in developing unified national standards for forensic medical expertise.

Keywords: traumatological expertise, forensic medical diagnostics, bodily injuries, harm to health, criminal procedure, civil procedure

For citation: Sagidullin R.Kh. Traumatological Expertise of Bodily Injuries in Criminal and Civil Practice. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 245–255. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.20

Введение. Проблематика судебно-медицинской и травматологической экспертизы телесных повреждений остаётся одной из центральных в сфере правоприменения. От точности установления характера, механизма и степени тяжести повреждений зависит правильность квалификации преступлений, определение гражданско-правовой ответственности, а также соблюдение принципа справедливости при возмещении вреда здоровью. При этом результаты экспертных исследований напрямую влияют на исход судебных разбирательств, что делает их качеством предметом не только медицинского, но и юридического контроля [1, с. 574–578].

Одним из актуальных вопросов является отсутствие единых стандартов экспертной оценки при решении сходных задач в уголовном и гражданском процессах. Авторы указывают на расхождения между клиническим содержанием диагноза сотрясения головного мозга и юридическими критериями определения тяжести вреда здоровью, что может затруднять формулирование обоснованных экспертных выводов [1, с. 574–578]. Это указывает на необходимость унификации методических подходов и разработки нормативных ориентиров, исключающих субъективные интерпретации экспертов.

Современная судебно-медицинская практика демонстрирует тенденцию к технологическому переосмыслению экспертных процедур. Расширяется использование инструментальных методов, включая компьютерную и магнитно-резонансную томографию, а также цифровую фиксацию результатов исследования. Применение объективных диагностических данных, унифицированных правил описания повреждений и алгоритмов формулирования выводов способствует повышению обоснованности экспертных заключений [2, с. 136–150].

В то же время остаётся открытым вопрос нормативного разграничения компетенции эксперта и правовой оценки его заключений. Г.И. Авходиев и соавторы систематизируют виды судебно-медицинских экспертиз, назначаемых по уголовным делам, и подчёркивают значение соблюдения процессуальных и организационно-методических требований к их проведению [3, с. 274–280]. Это обуславливает необходимость совершенствования профессиональной подготовки судебно-медицинских экспертов, а также разработки федеральных рекомендаций, регламентирующих взаимодействие экспертных учреждений и следственных органов.

Целью настоящего исследования является научное осмысление травматологической экспертизы телесных повреждений как комплексного явления, объединяющего клинику-медицинскую, криминалистическую и правовую составляющие. Основные задачи включают анализ нормативно-правовых и методических основ проведения экспертизы, выявление пробелов в действующих процедурах и формулирование предложений по их устранению. Практическая значимость работы заключается в обосновании путей повышения достоверности экспертных выводов и унификации критериев оценки вреда здоровью в судебной практике.

Материалы и методы. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем правовые, медицинские и криминалистические методы анализа. В качестве методологической основы использованы системно-правовой и сравнительно-правовой методы, позволившие сопоставить нормы уголовного и гражданского процессов в части регулирования судебно-медицинской экспертизы телесных повреждений. Дополнительно применялись элементы формально-логического анализа, направленные на выявление противоречий между медицинскими критериями вреда здоровью и их юридической интерпретацией.

Эмпирическая база исследования включает результаты судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, систематизированные в исследовании Г.И. Авходиева и соавторов. Представленная авторами классификация отражает разнообразие объектов и задач экспертного исследования, а также необходимость разграничения первичных дополнительных, повторных, комиссионных и комплексных экспертиз [3, с. 274–280]. Эти данные позволяют обосновать необходимость стандартизации экспертных процедур и унификации понятийного аппарата при оценке тяжести вреда.

Для проверки достоверности и объективности экспертных заключений использовался контент-анализ судебных решений, опубликованных в базе Верховного Суда РФ. Этот метод обеспечил возможность выявления типичных ошибок экспертов, влияющих на квалификацию деяний и установление причинно-следственной связи между травмой и последствиями. Дополнительно были изучены обзоры судебной практики за 2024-2025 годы, в которых фиксируются случаи пересмотра решений вследствие некорректной оценки медицинских доказательств¹.

Медицинская составляющая исследования опиралась на современные методические рекомендации, представленные в работе О.Б. Долговой и П.О. Ромодановского. Авторы обосновывают принципы обеспечения качества судебно-медицинских исследований механической травмы, выделяя значение научно обоснованных методик описания повреждений, правил формулирования диагноза и выводов, а также объективных инструментальных данных [2, с. 136–150]. В рамках данной методологии были выделены ключевые параметры для оценки обоснованности экспертного вывода: полнота описания морфологических признаков, корректность терминологии, наличие объективных подтверждений данных исследования.

При анализе зарубежных источников использовались публикации, освещающие применение методов судебной радиологии и клинкоморфологическую оценку повреждений, причинённых острыми предметами [4, с. 51–57; 5, с. 310–313]. Это позволило сопоставить российскую практику с

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом ВС РФ 29.05.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом ВС РФ 25.04.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).

международными стандартами судебной медицины и выявить направления адаптации передовых технологий в отечественные методические подходы.

На основании совокупности полученных данных сформирована авторская концепция комплексной травматологической экспертизы, предполагающая сочетание морфологического, инструментального и юридического анализа. Такой подход обеспечивает воспроизводимость экспертных выводов, их доказательственную устойчивость и согласованность с процессуальными принципами уголовного и гражданского судопроизводства.

Результаты и обсуждение. Современная судебно-медицинская травматология опирается на комплексное использование клинических, инструментальных и лабораторных методов, позволяющих объективизировать выводы эксперта и повысить достоверность судебных заключений. В последние годы акцент смещается в сторону технологий трёхмерной реконструкции повреждений и радиологической верификации механизма травмы, что подтверждается результатами исследования колото-резаных повреждений у живых лиц [6, с. 89–96]. Компьютерная томография позволяет уточнять локализацию повреждений, количество травмирующих воздействий и направление раневых каналов, а трёхмерное моделирование – наглядно реконструировать их взаимное расположение.

Данные судебной радиологии свидетельствуют, что рентгенологические изображения могут объективно подтверждать наличие, локализацию, количество и характеристики повреждений, а также использоваться при оценке их давности и механизма образования [4, с. 51–57]. В практике российских экспертных учреждений использование радиологических данных особенно эффективно при исследовании проникающих повреждений грудной клетки и черепно-мозговых травм, при которых часть признаков остаётся недоступной визуальному анализу.

На основании анализа отечественных экспертных заключений выявлено, что существенные трудности при формулировании степени тяжести вреда связаны с недостаточной полнотой клинической документации и преждевременной оценкой лёгких черепно-мозговых травм. По данным И.Г. Кайсарова и соавторов, при исследовании 205 случаев лёгкой ЧМТ у детей заключение эксперта относительно вреда здоровью было обосновано в 82 % и необоснованно в 18 %; при этом клинические сведения нередко ограничивались острым периодом и не отражали последующую динамику и преморбидный статус [7, с. 3–4, 10]. Аналогичные проблемы отмечены при анализе документации пациентов с повреждениями мягких тканей лица и лицевого черепа в сочетании с сотрясением головного мозга, когда неполнота описания клинической динамики затрудняла экспертную оценку [8, с. 20–25].

Методическая неопределённость особенно проявляется при дифференциации лёгких и средних повреждений, когда временные критерии и клиническая динамика не совпадают. Это обстоятельство требует разработки унифицированных диагностических протоколов, которые позволили бы

исключить субъективные интерпретации эксперта и обеспечить сопоставимость заключений в разных ведомствах. Для решения этой задачи в судебно-медицинской практике предлагается активно использовать системы шкалирования, аналогичные зарубежным классификациям AIS (Abbreviated Injury Scale) и ISS (Injury Severity Score), адаптированные к российской терминологии вреда здоровью.

Особое место занимают повреждения, вызванные воздействием острых предметов, где определение механизма образования раны имеет ключевое значение для установления обстоятельств происшествия. В описанном индонезийскими авторами клиническом случае оценка формы раны, состояния её краёв и углов, наличия тканевых перемычек и данных рентгенографии позволила квалифицировать повреждения как причинённые острым предметом [5, с. 310–313]. Подобный комплексный подход имеет доказательственное значение в делах о причинении вреда здоровью и может быть адаптирован для отечественной практики, особенно в рамках комплексных судебно-медицинских и криминалистических экспертиз.

В зарубежных публикациях отмечается также необходимость учитывать биомеханические закономерности формирования повреждений опорно-двигательного аппарата. При ретроспективном анализе 138 случаев травматических вывихов костей исследователи из Турции установили, что 76 (55,1 %) повреждений были обусловлены несчастными случаями, а 62 (44,9 %) – насильственным воздействием [9, с. 592]. Эти данные подтверждают, что оценка морфологии и биомеханики повреждений должна проводиться в контексте конкретной следственной ситуации, а не ограничиваться исключительно медицинским описанием.

В российской судебной медицине прослеживается тенденция к интеграции международных подходов. Использование КТ с последующей трёхмерной реконструкцией позволяет уточнять морфологию и локализацию повреждений, количество травмирующих воздействий и направление раневых каналов, а также реконструировать условия причинения травмы [6, с. 89–96]. Это открывает перспективу формирования объективных цифровых баз данных повреждений, которые могут применяться при повторных и комиссионных экспертизах.

Тем не менее внедрение инструментальных технологий не исключает необходимости совершенствования методики интерпретации результатов. Достоверность заключений зависит от уровня подготовки эксперта, качества ведения медицинской документации, полноты исходных данных и выбора срока экспертной оценки. При лёгкой ЧМТ преждевременное формулирование выводов без учёта клинической динамики может снижать их обоснованность [7, с. 3–10].

Следовательно, клинико-диагностическая составляющая травматологической экспертизы требует стандартизации процедур описания повреждений, а также создания междисциплинарных протоколов, объединяющих клинические, радиологические и правовые критерии. Введение

таких подходов обеспечит повышение доказательственной силы экспертных заключений и укрепит научную базу судебной медицины как ключевого элемента установления истины в уголовном и гражданском процессе.

Переходя от анализа клиничко-диагностических подходов к рассмотрению правового измерения судебно-медицинской экспертизы, необходимо подчеркнуть взаимосвязь между медицинской достоверностью заключения и его процессуальной значимостью. В уголовном и гражданском судопроизводстве экспертное заключение обладает статусом самостоятельного доказательства, но не имеет предустановленной силы: его содержание подлежит критической оценке судом в совокупности с другими материалами дела. Эта позиция закреплена в пункте 10 Постановления Пленума № 23 «О судебном решении»², где указано, что любые выводы эксперта должны быть мотивированы и основаны на исследованных фактах, а не на предположениях.

Судебная практика показывает, что степень убедительности экспертных выводов напрямую определяет результат правовой квалификации деяния. Например, при рассмотрении дел о причинении вреда здоровью средней тяжести именно точность установления длительности утраты трудоспособности и объёма нарушенных функций становится ключевым доказательственным элементом³. В соответствии с пунктом 4 названного Постановления суд обязан сопоставлять выводы эксперта с медицинскими документами, показаниями свидетелей и обстоятельствами дела, поскольку ошибочное заключение способно привести к неправильной квалификации преступления.

Проведённый анализ обзоров судебной практики Верховного Суда за 2024-2025 гг. показывает, что выводы эксперта оцениваются судами в совокупности с другими доказательствами, а неполнота исследования и отсутствие обоснования применённых критериев могут повлечь пересмотр судебного акта. Это обуславливает необходимость включения в заключения детализированных описаний анатомио-функциональных нарушений с указанием клинических последствий. Подобная позиция способствует формированию единообразного подхода к оценке тяжести вреда и снижает риск различий между уголовно-правовой и гражданско-правовой трактовкой.

Значительную роль в правоприменительной практике занимает вопрос о границах компетенции эксперта. Согласно Обзору № 1 (2024), суды должны учитывать, что эксперт не может подменять юридическую оценку, а обязан ограничиваться анализом медицинских фактов. Нарушение этого принципа нередко приводит к тому, что эксперт фактически определяет квалификацию деяния, выходя за рамки процессуальных полномочий. Подобные случаи

---

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регламентирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).

подрывают принцип независимости судебной оценки доказательств и требуют нормативного уточнения границ допустимости экспертных формулировок.

Медико-криминалистические исследования также подтверждают, что правовая достоверность заключения зависит не только от точности диагноза, но и от корректной интерпретации механизма травмы. Сопоставление локализации и морфологии повреждений, возникающих при падении с высоты собственного роста и при ударах твёрдыми тупыми предметами, позволяет выявлять различия, имеющие значение для реконструкции условий травмы [10, с. 182–184]. Эти данные демонстрируют, что морфологический анализ имеет непосредственное доказательственное значение при определении обстоятельств происшествия.

Особое внимание в зарубежной судебной практике уделяется разграничению случайных и предположительно самопричинённых повреждений. Немецкие авторы представили случай дифференциальной оценки повреждения бензопилой. Сопоставление специфических особенностей раны с результатами экспериментальных повреждений, нанесённых бензопилой, ножом и стеклом, позволило обосновать случайный механизм травмы [11, с. 436–441]. Этот пример показывает, что интеграция криминалистических методов в судебно-медицинскую экспертизу способна повысить доказательственную надёжность результатов и минимизировать риск судебных ошибок.

Современные тенденции свидетельствуют о постепенном переходе от описательного к верифицируемому формату экспертных заключений. Использование цифровых изображений повреждений, 3D-реконструкций и электронных баз данных позволяет фиксировать не только визуальные характеристики травмы, но и энергетические параметры повреждающего воздействия. Такая фиксация облегчает последующую проверку заключения и способствует транспарентности экспертного процесса. Однако нормативная база в этой области пока фрагментарна: отсутствуют единые стандарты цифрового архивирования и требования к допустимости электронных изображений как приложений к заключению.

В гражданском судопроизводстве особое значение приобретает оценка степени причинённого вреда для определения размера компенсации. В ряде дел, рассмотренных Верховным Судом в 2024 году, суды указали на недопустимость формального подхода при определении морального вреда, если экспертное заключение не раскрывает связь между физиологическим дефектом и социальными последствиями травмы. Следовательно, правовая интерпретация результатов экспертизы должна включать анализ не только медицинских, но и функциональных аспектов вреда.

Судебно-медицинская практика сталкивается и с коллизиями при повторных и комиссионных экспертизах. Систематизация экспертиз, назначаемых по уголовным делам, показывает, что выбор их вида и состава экспертов должен определяться характером поставленных вопросов, полнотой

первичного исследования и необходимостью устранения противоречий [3, с. 274–280]. Это указывает на необходимость межведомственной координации между медицинскими учреждениями, экспертными комиссиями и судебными органами для обеспечения единообразия выводов.

В совокупности рассмотренные данные подтверждают, что эффективность правового регулирования судебно-медицинской экспертизы зависит от согласованности правовых и медицинских критериев, качества процессуальной оценки заключений и уровня профессиональной подготовки экспертов. Формирование единого методического стандарта, включающего требования к описанию повреждений, структуре заключения и допустимости цифровых материалов, представляется приоритетным направлением дальнейшего развития.

Выводы. Проведённое исследование показало, что современная травматологическая экспертиза телесных повреждений представляет собой комплексное направление, в котором юридические и клинично-инструментальные подходы должны функционировать в единой методической системе. Достоверность экспертных выводов напрямую зависит от стандартизации алгоритмов обследования и интерпретации полученных данных, а также от их соответствия установленным правовым критериям [2, с. 136–150].

Необходимость интеграции медицинских и правовых подходов обусловлена выявленными несогласованностями между клиническими и юридическими дефинициями вреда здоровью, что может приводить к неоднозначности судебных решений [1, с. 574–578]. Для устранения этих проблем целесообразно разработать федеральные методические рекомендации, регламентирующие проведение травматологических экспертиз, уточнить нормативное определение категорий вреда и ввести обязательные стандарты цифровой фиксации повреждений с применением радиологических и 3D-технологий.

Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении медицинских, криминалистических и юридических аспектов травматологической экспертизы, а также в систематизации эмпирических данных, позволяющих сформулировать предложения по совершенствованию доказательственной практики в уголовных и гражданских делах.

Список источников

1. Новикова Е.Е., Новиков А.Г., Колоколов Г.Р. Проблемы судебно-медицинской экспертной оценки тяжести вреда здоровью в уголовном и гражданском процессе при сотрясении головного мозга / Е.Е. Новикова, А.Г. Новиков, Г.Р. Колоколов // Юридическая техника. - 2022. - № 16. - С. 574-578.

2. Долгова О.Б., Ромодановский П.О. Научно-методическая основа обеспечения качества судебно-медицинской экспертизы механической травмы / О.Б. Долгова, П.О. Ромодановский // Уральский медицинский журнал. - 2023. - Т. 22, № 6. - С. 136-150.

3. Авходиев Г.И., Скобина Е.А., Сотникова Е.А. Систематизация судебно-медицинских экспертиз, назначаемых по уголовным делам / Г.И. Авходиев, Е.А. Скобина, Е.А. Сотникова // Юридическая наука. - 2024. - № 1. - С. 274-280.
4. Gisbert Monzon E.S., Aruquipa Cabezas E. Radiología de Interés Forense / E.S. Gisbert Monzon, E. Aruquipa Cabezas // Revista Mexicana de Medicina Forense. - 2020. - Т. 5, № 2. - С. 50-58.
5. Ramadhan M.S., Mauluddin M., Mathius D., Assegaf S.Z. Laporan Kasus: Penganiayaan Akibat Benda Tajam / M.S. Ramadhan, M. Mauluddin, D. Mathius, S.Z. Assegaf // Armada: Jurnal Penelitian Multidisiplin. - 2024. - Т. 2, № 5. - С. 308-313.
6. Леонов С.В., Пинчук П.В., Шакирьянова Ю.П., Троян В.Н. Возможности диагностики колото-резаных повреждений у живых лиц с использованием результатов компьютерной томографии / С.В. Леонов, П.В. Пинчук, Ю.П. Шакирьянова, В.Н. Троян // Судебная медицина. - 2022. - Т. 8, № 4. - С. 89-96.
7. Кайсаров И.Г., Калинина Е.Ю., Абземелева Р.А. Оценка качества проведения судебно-медицинской экспертизы лёгкой черепно-мозговой травмы у детей / И.Г. Кайсаров, Е.Ю. Калинина, Р.А. Абземелева // Современные проблемы науки и образования. – 2026. – № 2. – С. 1–12.
8. Ягмуров М.О., Толмачёв И.А., Иорданишвили А.К. Нерешённые вопросы клинико-экспертной характеристики содержания медицинской документации пациентов с повреждением мягких тканей лица и лицевого черепа в сочетании с сотрясением головного мозга / М.О. Ягмуров, И.А. Толмачёв, А.К. Иорданишвили // Институт стоматологии. - 2021. - Т. 93, № 4. - С. 20-25.
9. Şimşek Ü., Atalay E., Çeliksöz A.H., Karbeyaz K. Travmatik Kemik Çıkığı Olgularının Adli Tıbbi Değerlendirilmesi / Ü. Şimşek, E. Atalay, A.H. Çeliksöz, K. Karbeyaz // Osmangazi Tıp Dergisi. - 2024. - Т. 46, № 4. - С. 592-598.
10. Остробородов В.В., Гульков Н.И., Урюпин А.К. Медико-криминалистическая характеристика повреждений, формирующихся при падении с высоты собственного роста и при ударах твёрдыми тупыми объектами / В.В. Остробородов, Н.И. Гульков, А.К. Урюпин // Закон и право. - 2021. - № 5. - С. 182-184.
11. Ackermann I., Müller A., Baisch S., Kunz S.N. Akzidentelle vs. vorgetäuschte Kettensägenverletzung am Unterschenkel / I. Ackermann, A. Müller, S. Baisch, S.N. Kunz // Rechtsmedizin. - 2023. - № 33. - С. 436-442.

References

1. Novikova E. E., Novikov A. G., Kolokolov G. R. Problems of Forensic Medical Expert Assessment of the Severity of Harm to Health in Criminal and Civil Proceedings in Cases of Concussion. *Juridical Techniques*, 2022, no. 16, pp. 574–578. (In Russian).
2. Dolgova O.B., Romodanovsky P.O. Scientific and Methodological Basis for Ensuring the Quality of Forensic Medical Examination of Mechanical Injury. *Ural Medical Journal*, 2023, vol. 22, no. 6, pp. 136–150. DOI: 10.52420/2071-5943-2023-22-6-136-150 (In Russian).

3. Avkhodiev G. I., Skobina E. A., Sotnikova E. A. Systematization of Forensic Medical Examinations Appointed in Criminal Cases. *Legal Science*, 2024, no. 1, pp. 274–280. (In Russian).
4. Gisbert Monzon E. S., Aruquipa Cabezas E. Radiology of Forensic Interest. *Revista Mexicana de Medicina Forense*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 50–58. (In Spanish).
5. Ramadhan M.S., Mauluddin M., Mathius D., Assegaf S.Z. Laporan Kasus: Penganiayaan Akibat Benda Tajam. *Armada: Jurnal Penelitian Multidisiplin*, 2024, vol. 2, no. 5, pp. 308–313.
6. Leonov S.V., Pinchuk P.V., Shakiryanova Yu.P., Troyan V. N. Possibilities of Diagnosing Stab-Cut Wounds in Living Persons Using Computed Tomography Results. *Russian journal of forensic medicine*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 89–96. (In Russian).
7. Kaiserov I.G., Kalinina E.Yu., Abzemeleva R.A. Assessment of the Quality of Forensic Medical Examination of Mild Traumatic Brain Injury in Children. *Modern Problems of Science and Education*, 2026, no. 2, pp. 1–12. (In Russian).
8. Yagmurov M. O., Tolmachev I. A., Iordanishvili A. K. Outstanding Issues of Clinical and Expert Characteristics of the Content of Medical Documentation of Patients with Injury of the Soft Tissues of the Face and Facial Skull in Combination with Consumption of the Brain. *Institute of Dentistry*, 2021, no. 4(93), pp. 20–25. (In Russian).
9. Şimşek Ü., Atalay E., Çeliksöz A.H., Karbeyaz K. Travmatik Kemik Çıkığı Olgularının Adli Tıbbi Değerlendirilmesi. *Osmangazi Tıp Dergisi*, 2024, vol. 46, no. 4, pp. 592–598. (In Turkish).
10. Ostroborodov V. V., Gulkov N. I., Uryupin A. K. Medico-Criminalistic Characteristics of Injuries Resulting from Falls from One’s Own Height and from Blows with Solid Blunt Objects. *Law and Justice*, 2021, no. 5, pp. 182–184. (In Russian).
11. Ackermann I., Müller A., Baisch S., Kunz S.N. Akzidentelle vs. vorgetäuschte Kettensägenverletzung am Unterschenkel. *Rechtsmedizin*, 2023, no. 33, pp. 436–442. (In German).

Информация об авторе

Сагидуллин Р.Х. - кандидат
медицинских наук, доцент кафедры
криминалистики

Information about the Author

Sagidullin Rafael Khamitovich -
Candidate of Sciences (Medicine),
Associate Professor of the Department
of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 17.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 2.06.2026 г.; принята к публикации 3.06.2026 г.

The article was submitted 17.05.2026; approved after reviewing 2.06.2026; accepted for publication 3.06.2026.

Научная статья

УДК 331.436+343.982.34

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.21

Смирнова Светлана Аркадьевна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, smirnova_sva@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0063-5706>

Бритвак Никита

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, nikita_britvak@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9888-6987>

**К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕТОДОВ
ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК И ЛАДОНЕЙ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые методы визуализации слабовидимых и невидимых следов пальцев рук и ладоней человека, проводится анализ профессиональных рисков, возникающих при работе специалистов-криминалистов органов внутренних дел с веществами-проявителями следов. Основное внимание уделено веществам, представляющим потенциальную опасность для здоровья, таким как нингидрин, цианакрилаты, йод, флуоресцентные реагенты и дактилоскопические порошки. Отмечено, что они могут оказывать токсическое, канцерогенное и раздражающее воздействие при ингаляционном либо контактном пути поступления в организм. Также рассмотрены аспекты токсичности реагентов для окружающей среды.

Подчеркивается, что подходы к технике безопасности в органах внутренних дел зачастую отстают от внедрения новых химических методик в экспертную практику. В связи с этим указывается на необходимость строгого соблюдения регламентированных протоколов работы с опасными реагентами на всех этапах – от приготовления рабочих растворов до утилизации отходов. Особый акцент делается на обязательном использовании средств индивидуальной защиты органов зрения, дыхания и кожных покровов, а также на необходимости оснащения рабочих помещений криминалистических лабораторий системами принудительной вентиляции.

Обосновывается вывод, что непрерывное профессиональное обучение и регулярный инструктаж по технике безопасности при производстве дактилоскопических исследований являются неотъемлемым элементом сохранения здоровья и работоспособности криминалистов. Отмечается, что от эффективности служебной деятельности экспертно-криминалистических подразделений зависит деятельность правоохранительных органов в целом.

Ключевые слова: безопасность труда, дактилоскопия, цианоакрилат, дактилоскопические порошки, пары йода, азотнокислое серебро, криминалистика, правоохранительная деятельность, опасные вещества

Для цитирования: Смирнова С.А., Бритвак Н. К вопросу о безопасности применения отдельных методов выявления следов пальцев рук и ладоней в экспертной практике / С.А. Смирнова, Н. Бритвак. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.21 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 256–267.

Original article

Smirnova Svetlana Arkad'evna

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, smirnova_sva@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0063-5706>

Britvak Nikita

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, nikita_britvak@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9888-6987>

**ON THE SAFETY OF MODERN FINGERPRINT DEVELOPMENT
METHODS IN FORENSIC EXPERT PRACTICE**

Abstract. This article examines modern techniques for the visualization of latent and weak fingermarks, with a specific focus on the occupational health hazards faced by forensic specialists within law enforcement agencies when handling chemical developers. The analysis centers on commonly used yet potentially hazardous substances, including ninhydrin, cyanoacrylates, iodine, fluorescent reagents and fingerprint powders. These reagents pose documented risks of toxic, carcinogenic and irritant effects through inhalation or dermal contact, with additional considerations regarding their environmental toxicity. It is emphasized that approaches to safety in law enforcement agencies often lag behind the introduction of new chemical techniques into expert practice. In this regard, it is pointed out that it is necessary to strictly follow the regulated protocols for handling hazardous reagents at all stages: from the preparation of working solutions to waste disposal. Paramount importance is placed on the mandatory use of personal protective equipment (PPE) for the eyes, respiratory system, and skin, alongside the essential requirement for laboratory spaces to be equipped with forced-air ventilation systems. The conclusion substantiates the position that continuous professional training and regular safety briefings on the protocols for fingerprint examination are integral components for preserving the health and long-term operational capacity of forensic personnel. It is further noted that the efficacy of forensic units is a cornerstone for the overall success of law enforcement operations, thereby inextricably linking specialist well-being to broader public security outcomes.

Keywords: professional safety, fingerprinting, cyanoacrylate, fingerprint powders, iodine vapor, silver nitrate, forensics, law enforcement, hazardous substances

For citation: Smirnova S. A., Britvak N. On the Safety of Modern Fingerprint Development Methods in Forensic Expert Practice. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 256–267. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.21

Введение. Преступность сопровождает человечество на всём пути его существования, развиваясь и адаптируясь к конкретным условиям жизни общества. В связи с этим деятельность по противодействию преступности, защите прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, общества и государства является одним из важнейших направлений любого современного государства.

Деятельность криминалистов органов внутренних дел по производству дактилоскопических исследований является одной из самых базовых составляющих процесса раскрытия и расследования преступлений в частности и правоохранительной деятельности в целом. Папиллярные линии, находящиеся на коже пальцев рук и ладоней человека, при контакте их с какими-либо объектами оставляют след, отражающий их индивидуальное, присущее конкретной личности строение.

В рамках осмотра места происшествия, как и при производстве дактилоскопических экспертиз, ключевой задачей следственно-оперативной группы является обнаружение на поверхности исследуемых объектов следов пальцев рук и ладоней, оценка их пригодности для идентификации.

Современная криминалистика, являясь технико-интегративной юридической дисциплиной, широко заимствует и адаптирует достижения и наработки естественных и технических наук в своих целях. Это проявляется в широком спектре методов выявления следов рук как физических, так и химических.

Нельзя не отметить, что подготовка специалиста-дактилоскописта является трудоёмким и длительным процессом. Помимо базового обучения в организации высшего образования требуется практическая подготовка непосредственно на рабочем месте. К сожалению, не всегда к вопросам техники безопасности и охраны труда криминалистов в правоохранительных органах относятся с должным вниманием. При этом значительное количество методов, применяемых в рамках дактилоскопической экспертизы, сопряжены с использованием потенциально вредных для здоровья и окружающей среды химических веществ или физических факторов.

Среди наиболее широко используемых реагентов для обнаружения слабозримых следов пальцев рук и ладоней – йод, эфиры цианакриловой кислоты, нингидрин, нитрат серебра, флуоресцентные реагенты и иные вещества. Каждый из них обладает потенциальной опасностью при неправильном использовании или при игнорировании надлежащих мер обеспечения безопасности и гигиены труда.

Современные вещества-проявители следов пальцев рук и ладоней, отдельные аспекты их токсичности и правил безопасности при работе с ними. Несмотря на очевидную опасность химических методов, применяемых в дактилоскопии, потенциальную угрозу здоровью представляют и устоявшиеся временем физические методы, наиболее известным представителем которых является метод порошкового опыления. Данный метод существует уже несколько столетий.

Физическую сущность порошкового метода составляют явления адгезии (прилипания) и абсорбции (поглощения). Частицы порошка прилипают к потожировому веществу следов рук и обеспечивают как их видимость, так и чёткость деталей их строения. В состав дактилоскопического порошка входят как минимум два ингредиента: пигмент и связующее вещество. У каждого из них есть своё назначение: пигмент обеспечивает эффективную визуализацию, обеспечивая контрастность и чёткость на фоне объекта-носителя, а связующее вещество обеспечивает максимальную адгезию к потожировому веществу следа.

В зависимости от состава и свойств, дактилоскопические порошки делятся на несколько видов. Порошки на основе углерода являются одними из наиболее распространённых. Они хорошо подходят для работы с гладкими поверхностями, такими как стекло или пластик, и обладают высокой адгезией к следам.

Дактилоскопические порошки на основе магния обычно используются для выявления следов на более грубых материалах, таких как дерево или бумага. Порошки на основе алюминия обеспечивают контрастное отображение следов на тёмных поверхностях.

При использовании дактилоскопических порошков следует соблюдать все предупреждения производителя, в том числе указанные в паспортах безопасности материалов. Токсичность тяжёлых металлов представляет серьёзную проблему для здоровья сотрудников правоохранительных органов, работающих с неорганическими дактилоскопическими порошками [1, с. 2]. Хотя производители давно прекратили использование токсичных металлов (например, кадмия и ртути), специалистам всё равно рекомендуется использовать средства защиты органов дыхания при применении порошкового метода, поскольку при их нанесении на исследуемые объекты порошки свободно распыляются по воздуху. Их мельчайшие частицы размером до 10 мкм могут проникать через дыхательные пути и накапливаться в лёгких, в то время как частицы размером до 2,5 мкм могут вызывать серьёзные проблемы со здоровьем, попадая в организм через дыхательные пути и кровоток [2, с. 197]. В связи с этим длительная работа с дактилоскопическими порошками без использования респиратора может привести к функциональным проблемам респираторной системы или к хроническим заболеваниям органов дыхания, таким как пневмокониоз.

Цианоакрилаты относятся к семейству быстродействующих клеевых соединений, характеризующихся высокой адгезионной прочностью и быстрой полимеризацией во влажных условиях.

Способность цианакрилатов полимеризоваться в области следов потожирового вещества впервые была отмечена Паулем М. Норкусом в 1978 году

[3, с. 232]. Этот метод особенно эффективно проявляет себя при исследовании объектов с непористыми поверхностями и, как отмечает Н.П. Майлис, «позволяет выявить как свежие следы, так и следы значительной давности» [4, с. 111]. Основным механизмом визуализации следов заключается в их обработке парами цианоакрилата – контролируемом испарении мономеров цианоакрилата при нагревании в замкнутой среде. Испаряющиеся мономеры распространяются в объёме герметичной камеры и вступают в контакт с влагой, жирными кислотами, аминокислотами и другими веществами, содержащимися в составе потожирового вещества человека, из которого, собственно говоря, и состоят следы пальцев рук и ладоней. В результате этого взаимодействия инициируется анионная полимеризация, при которой мономеры начинают связываться в длинные полимерные цепи непосредственно в зоне контакта с папиллярными линиями. Проявленные таким способом следы, как правило, представлены в виде белых либо непрозрачных полимерных структур на поверхности объекта-носителя, создавая ярко выраженный визуальный контраст, способствующий их обнаружению [5, с. 94]. Несмотря на то, что этот метод позволяет получить стабильные, чётко очерченные контуры папиллярного узора, он сопряжён с риском вдыхания специалистами едких, раздражающих испарений, равно как и термических ожогов от нагретого оборудования. Хроническое воздействие паров цианоакрилата может вызвать сенсibilизацию иммунной системы или астматические состояния. В связи с этим работы с цианоакрилатом должны проводиться в цианоакрилатных камерах специальной конструкции, оснащённых системами принудительной вентиляции и фильтрационным оборудованием для минимизации негативного воздействия на криминалистов, проводящих исследования.

Обработка парами йода как метод выявления слабовидимых следов рук уходит своими корнями в XIX век и является одним из старейших в криминалистике. Его открытие было основано на эмпирическом наблюдении, что сублимация кристаллического йода и последующая адсорбция его паров компонентами потожирового вещества позволяют эффективно визуализировать следы пальцев рук и ладоней, невидимые невооружённым взглядом. Фундаментальный принцип данного метода основывается на физическом явлении сублимации: при нагреве твёрдые кристаллы йода переходят в газообразное состояние, минуя жидкую фазу. С химической точки зрения, эти пары обладают высокой реакционной способностью и избирательно адсорбируются неопредельными связями жирных кислот и липидов, входящих в состав потожирового вещества. Окраска, вызванная йодом, не является постоянной и имеет тенденцию исчезать по мере рассеивания паров йода или при воздействии на след таких факторов окружающей среды как свет, воздух и влажность [6, с. 90]. Это требует стабилизации следов с помощью различных фиксаторов, чтобы сохранить их для дальнейшей фиксации и изучения.

Несомненным преимуществом и причиной сохранения актуальности метода является его способность выявлять следы на обширном спектре поверхностей, включая как пористые, так и непористые материалы. Кроме того, йодная

обработка относится к числу неразрушающих методов, поскольку окраска визуализированного следа со временем улетучивается, что позволяет в дальнейшем применять к объекту-носителю иные методы выявления следов.

Однако, отмечая значимость метода, нельзя обойти вниманием серьёзные риски, связанные с его применением. Пары йода обладают выраженной токсичностью и коррозионной активностью. Ингаляционное воздействие паров, даже в низких концентрациях, вызывает раздражение слизистых оболочек и дыхательных путей, а при систематическом контакте может приводить к более тяжёлым последствиям, в том числе хроническим заболеваниям органов респираторной системы и нарушениям со стороны эндокринной функции щитовидной железы. В связи с этим использование метода в криминалистической практике должно быть регламентировано и требовать неукоснительного соблюдения мер предосторожности [7, с. 6]. Все манипуляции с кристаллическим йодом, включая его нагрев для сублимации, должны проводиться в условиях лаборатории, оснащённой вытяжным шкафом и системой принудительной вентиляции. Кроме того, специалистам необходимо использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания и зрения, а также работать в перчатках для минимизации кожного контакта.

Использование нитрата серебра для обнаружения слабовидимых следов пальцев и ладоней основано на его реакции с хлорид-ионами, которые содержатся в потожировом веществе человека [8, с. 175]. В результате реакции образуется хлорид серебра, со временем темнеющий под воздействием света, тем самым проявляя следы.

Нитрат серебра является сильным окислителем, интенсивно реагирует с горючими веществами или другими реакционноспособными материалами, тем самым создаёт опасность пожара и взрыва.

Основным путём проникновения азотнокислого серебра в организм человека является вдыхание его испарений. Само вещество не является летучим, но при нагреве разлагается с выделением токсичных оксидов азота, вдыхание которых может приводить к острым и хроническим отравлениям, особенно при работе в плохо вентилируемых помещениях. Токсическое воздействие азотнокислого серебра проявляется преимущественно в виде гематологических нарушений. Одним из наиболее опасных эффектов является образование метгемоглобина, что приводит к снижению способности эритроцитов переносить кислород, вызывая гипоксию тканей. Кроме того, данное вещество оказывает негативное влияние на репродуктивную функцию человека. При внешнем воздействии реагент оказывает эрозивное действие на ткани и слизистые оболочки, что требует использования средств индивидуальной защиты кожных покровов рук, органов зрения и дыхания.

Особое внимание при работе с азотнокислым серебром требуется не только в целях обеспечения личной безопасности. Должны быть рассмотрены и отдельные аспекты экологического характера. Необходимо помнить, что данное вещество крайне токсично для гидробионтов и может оказывать длитель-

ное негативное воздействие на экологию водоёмов в целом. В связи с этим, необходимо соблюдать меры экологической безопасности: в частности, не допускать попадания азотнокислого серебра в окружающую среду.

В методике выявления следов рук широкое применение получили и флуоресцентные реагенты. Среди наиболее известных из них: 1,8-Диазафлуорен-9-он (ДФО) и 1,2-индандион.

1,8-Диазафлуорен-9-он (ДФО) впервые был получен в 1950 году, однако его реакция с аминокислотами оставалась неизученной до 1990 года – именно тогда он впервые был применён для выявления следов рук [9, с. 43]. Первоначальные результаты исследования были обнадеживающими: обработка объектов-носителей ДФО приводила к получению слабо-красно или розово окрашенных и интенсивно флуоресцирующих следов рук. Впоследствии ДФО был признан лучшим флуоресцентным реагентом для выявления следов рук. В настоящее время это вещество широко используется в сочетании с нингидрином для выявления следов рук на пористых поверхностях. Вместе с тем, его токсичные и канцерогенные свойства не должны игнорироваться [10, с. 6].

Использование 1,2-индандиона для обнаружения слабовидимых следов пальцев рук и ладоней представляет собой значительное достижение в области криминалистики. Реагент был впервые синтезирован в 1997 году в Пенсильванском университете профессором М. Джоули и её коллегами в качестве промежуточного продукта для получения аналога нингидрина [11, с. 206]. Используемый, в основном, для визуализации деталей строения папиллярного узора на пористых объектах, реагент получил широкое признание благодаря своей высокой чувствительности к потожировому веществу.

В целях обнаружения следов пальцев рук и ладоней эти вещества используются с использованием экспертного света (источников видимого, инфракрасного и ультрафиолетового излучения). В частности, воздействие ультрафиолета на след, обработанный этими реагентами, вызывает флуоресцентную окраску папиллярных узоров, упрощая возможность их фиксации.

Говоря о токсичности флуоресцентных реагентов, применяемых в криминалистической практике, необходимо отметить их выраженное местно-раздражающее воздействие на кожные покровы и слизистые оболочки. При непосредственном контакте данные вещества могут вызывать дерматиты и иные воспалительные реакции. Дополнительным вредным фактором трудового процесса криминалистов является необходимость применения органических растворителей при приготовлении флуоресцентных составов. Во многих случаях используются легковоспламеняющиеся жидкости, пары которых не только оказывают раздражающее и токсическое воздействие на органы дыхания, но и формируют повышенную пожароопасность в служебных помещениях. Работа с такими веществами должна осуществляться в местах, оборудованных эффективной вентиляцией и средствами пожарной безопасности, что является условием минимизации профессиональных рисков.

Нингидрин хорошо зарекомендовал себя как реагент-проявитель следов рук на пористых материалах, наилучший результат он показывает на объектах бумажной природы. Однако сам по себе нингидрин является токсичным соединением, кроме того, приготовление рабочих растворов нингидрина подразумевает использование растворителей, обладающих потенциальной токсичностью. Эти растворители опасны для слизистых оболочек и центральной нервной системы. При работе с нингидрином необходимо соблюдать технику безопасности, поскольку это реактивное химическое вещество, которое может представлять опасность для здоровья. Необходимо использовать надлежащие средства индивидуальной защиты, включая перчатки, лабораторные халаты и защитные очки, в целях исключения контакта вещества с кожей и попадания его в глаза. Во избежание вдыхания паров необходимо обеспечить достаточную вентиляцию, поэтому работа должна проводиться в хорошо проветриваемом вытяжном шкафу или в специально отведённом лабораторном помещении. Кроме того, необходимо осторожно обращаться с растворами нингидрина, чтобы предотвратить их случайное проливание и обеспечить стабильность реагента.

В целях обеспечения безопасности криминалистов в условиях работы с потенциально опасными веществами, перед внедрением любого метода выявления следов необходимо провести всестороннюю оценку рисков. В ходе данного процесса следует оценить опасности физической и химической природы, связанные с каждым веществом, возможные пути его воздействия на организм, продолжительность и частоту использования, а также адекватность уже имеющихся мер охраны труда.

Кроме того, нельзя не затронуть необходимость обучения по технике безопасности и охране труда в криминалистических лабораториях. Все сотрудники, занимающиеся дактилоскопическими исследованиями, должны своевременно проходить первичные и очередные инструктажи об опасности для здоровья, которую представляют используемые реагенты, а также о надлежащем использовании средств индивидуальной защиты. Регулярное проведение занятий по охране труда будет способствовать высокому уровню осведомлённости о технике безопасности и готовности к ней.

Не менее важен и технический контроль за исправностью используемой аппаратуры. Лаборатории должны быть оборудованы вытяжными шкафами и локальными системами принудительной вентиляции. Помещения для хранения химических реагентов должны быть надёжно защищены от разливов или утечек. Средства пожаротушения должны быть легкодоступны, все сотрудники должны быть обучены их использованию. В целях экстренной промывки глаз должны быть установлены источники воды.

Формирование культуры безопасности в криминалистических лабораториях немаловажно. Это предполагает не только формальное соблюдение стандартов охраны труда и санитарно-гигиенических норм, но и устойчивого понимания личной и коллективной ответственности за безопасное выполнение экспертных исследований.

К сожалению, в правоохранительных органах к криминалистическим подразделениям не всегда относятся с должным вниманием. Считается, что они, в некотором роде, являются вспомогательными по отношению к следствию, дознанию и оперативникам. В результате вопросы охраны труда, модернизации лабораторной базы и внедрения более безопасных технологий остаются на втором плане. Запросы криминалистов в адрес служб материально-технического обеспечения, направленные на улучшение условий труда путём приобретения современных средств индивидуальной защиты, новых материалов и оборудования, часто остаются без должного внимания.

Современная промышленность предлагает широкий спектр менее токсичных и экологически безопасных аналогов потенциально опасных для здоровья веществ-проявителей следов рук, способных существенно снизить профессиональные риски для криминалистов. Однако высокая стоимость таких реагентов и ограниченность бюджетного финансирования делают перспективы оснащения ими всех территориальных криминалистических подразделений крайне неопределёнными.

Заключение. Таким образом, выявление слабовидимых следов пальцев рук и ладоней в рамках осмотра места происшествия и производства дактилоскопической экспертизы является важной составляющей криминалистической деятельности органов внутренних дел в целях раскрытия и расследования преступлений. Однако сами реагенты и методы, которые применяются при данных исследованиях, представляют значительную угрозу для здоровья и безопасности сотрудников. Благодаря управлению рисками, профессиональному обучению, техническому контролю за оборудованием и внедрением культуры безопасности можно добиться должного уровня охраны труда специалистов-криминалистов.

Небрежное отношение к требованиям охраны и гигиены труда может негативно влиять на работоспособность криминалистов. В современных условиях, характеризующихся ростом преступности и недоукомплектованности подразделений органов внутренних дел кадрами, нетрудоспособность даже одного криминалиста влечёт за собой необходимость увеличения рабочего времени и дополнительных дежурств оставшихся сотрудников, что накладывает на них дополнительную нагрузку, снижая продуктивность работы.

В своей совокупности все эти факторы непосредственно оказывают отрицательное влияние на взаимосвязанный комплекс деятельности криминалистических, оперативно-розыскных подразделений, органов следствия и дознания по раскрытию и расследованию преступлений.

Список источников

1. Vadivel R., Nirmala M., Anbukumaran K. Commonly available, everyday materials as non-conventional powders for the visualization of latent fingerprints / R. Vadivel, M. Nirmala, K. Anbukumaran // *Forensic Chemistry*. – 2021. – V. 24. – P. 1–18.
2. Kim E.-J., Lee D.-E., Park S.-W., Seo K.-S., Choi S.-W. A pilot study of a new fingerprint powder application method for the reduction of health risk / E.-J. Kim, D.-E. Lee, S.-W. Park, K.-S. Seo, S.-W. Choi // *Analytical Science and Technology*. – 2019. – V. 32 (5). – P. 196–209.
3. Селезнёв В.М., Червяков М.Э. Особенности выявления следов рук с применением эфиров цианакриловой кислоты / В.М. Селезнёв, М.Э. Червяков // *Вестник КрасГАУ*. – 2014. – № 9. – С. 232–238.
4. Майлис Н.П., Ярмак К.В., Бушуев В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза» / Н.П. Майлис, К.В. Ярмак, В.В. Бушуев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 264 с.
5. Ефименко А.В., Четвёркин П.А. Выявление следов бумагопроводящей системы принтерных устройств с целью проведения экспертных исследований / А.В. Ефименко, П.А. Четвёркин // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2015. – № 12 (2 (38)). – С. 91–103.
6. Соколова О.А., Пономарёв В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учебник для вузов / О.А. Соколова, В.В. Пономарёв; под общ. ред. О.А. Соколовой. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 266 с.
7. Azman A.R., Mahat N.A., Wahab R.A. et al. Relevant visualization technologies for latent fingerprints on wet objects and its challenges: a review / A.R. Azman, N.A. Mahat, R.A. Wahab et al // *Egyptian Journal of Forensic Sciences*. – 2019. – V. 9 (23). – P. 1–13.
8. Черницына Е.Л. Особенности выявления следов рук на объектах из древесины, ткани и других специфических пористых поверхностях / Е.Л. Черницына // *Криминологический журнал*. – 2024. – № 1. – С. 173–179.
9. Васильев В.А., Ермакова Т.А., Дружинин Ю.А., Афанасьев И.Б., Акатьев В.В. О некоторых аспектах выявления следов кожного покрова человека на пористых поверхностях / В.А. Васильев, Т.А. Ермакова, Ю.А. Дружинин, И.Б. Афанасьев, В.В. Акатьев // *NBI-technologies*. – 2021. – Т. 15. – № 4. – С. 41–48.
10. Wang M., Li M., Yu A., Zhu Y., Yang M., Mao C. Fluorescent Nanomaterials for the Development of Latent Fingerprints in Forensic Sciences / M. Wang, M. Li, A. Yu, Y. Zhu, M. Yang, C. Mao // *Advanced Functional Materials*. – 2017. – V. 27 (14). – P. 1–44.
11. D’Elia V., Materazzi S., Iuliano G., Niola L. Evaluation and comparison of 1,2-indanedione and 1,8-diazafluoren-9-one solutions for the enhancement of latent fingerprints on porous surfaces / V. D’Elia, S. Materazzi, G. Iuliano, L. Niola // *Forensic Science International*. – 2015. – V. 254. – P. 205–214.

References

1. Vadivel R., Nirmala, M., Anbukumaran, K. Commonly Available, Everyday Materials as Non-conventional Powders for the Visualization of Latent Fingerprints. *Forensic Chemistry*, 2021, no. 24, pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.forc.2021.100339 (In English).
2. Kim E.-J., Lee D.-E., Park S.-W. et al. A Pilot Study of a New Fingerprint Powder Application Method for the Reduction of Health Risk. *Analytical Science and Technology*, 2019, no. 32 (5), pp. 196–209. DOI: 10.5806/AST.2019.32.5.196 (In English).
3. Seleznev V. M., Chervyakov M. E. The Peculiarities of the Handtracedetection with the Use of the Cyanoacrylate Acid Esters. *Bulletin of KSAU*, 2014, no. 9, pp. 232–238. (In Russian).
4. Mailis N.P., Yarmak K.V., Bushuev V.V. Dactyloscopy and Fingerprint Expertise: Textbook for University Students of the Specialty “Forensic Expertise”. Moscow, UNITY-DANA, Law and Right, 2017. 264 p. (In Russian).
5. Efimenko A.V., Chetverkin P.A. Detection Traces of System Submitting Paper of Printer Devices in Order to Conduct Expert Studies. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2021, no. 2 (38), pp. 91–103. (In Russian).
6. Sokolova O.A., Ponomarev V.V. Fingerprinting and Fingerprint Examination: Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ. House, 2025. 266 p. (In Russian).
7. Azman A.R., Mahat N.A., Wahab R.A. et al. Relevant Visualization Technologies for Latent Fingerprints on Wet Objects and Its Challenges: Review. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 2019, no. 9, pp. 1–13. DOI: 10.1186/s41935-019-0129-3 (In English).
8. Chernitsyna E. L. Features of Detecting Handprints on Objects Made of Wood, Fabric and Other Specific Porous Surfaces. *Journal of Criminology*, 2024, no. 1, pp. 173–179. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-1-173-179 (In Russian).
9. Vasiliev V.A., Ermakova T.A., Druzhinin Yu.A. et al. On Some Aspects of Detecting Traces of Human Skin on Porous Surfaces. *NBI-Technologies*, 2021, no. 15 (4), pp. 41–48. (In Russian).
10. Wang M., Li M., Yu A. et al. Fluorescent Nanomaterials for the Development of Latent Fingerprints in Forensic Sciences. *Advanced Functional Materials*, 2017, no. 27 (14), pp. 1–44. DOI: 10.1002/adfm.201606243 (In English).
11. D’Elia V., Materazzi S., Iuliano G., Niola L. Evaluation and Comparison of 1,2-Indanedione and 1,8-Diazafluoren-9-One Solutions for the Enhancement of Latent Fingerprints on Porous Surfaces. *Forensic Science International*, 2015, no. 254, pp. 205–214. DOI: 10.1016/j.forsciint.2015.07.036 (In English).

Информация об авторах**Information about the Authors**

Смирнова Светлана Аркадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Expertise, Law Institute, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Бритвак Никита – аспирант кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института

Nikita Britvak – Postgraduate Student of the Department of Forensic Expertise, Law Institute

Статья поступила в редакцию 04.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2025 г.; принята к публикации 15.06.2026 г.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.22

Харисов Артур Фагимович

Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
Уфа, Россия, artur020217@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу потенциальных возможностей и направлений системного совершенствования методического обеспечения инновационных междисциплинарных научно-практических исследований в сфере судебно-экспертной деятельности в условиях цифровой трансформации уголовного и гражданского судопроизводства. Обосновывается, что цифровизация судебно-экспертной деятельности закономерно приводит к появлению новых объектов экспертного исследования, трансформации существующих методов и процедур, а также возникновению междисциплинарных направлений судебных экспертиз, требующих интеграции знаний из области юриспруденции, компьютерных наук, математики, генетики и иных отраслей знания. На основе анализа современной экспертной практики и научных разработок выявлены ключевые проблемы методического обеспечения инновационных междисциплинарных исследований в условиях цифровизации, включая фрагментарность понятийного аппарата, отсутствие унифицированных стандартов верификации цифровых методик, недостаточную разработанность подходов к интеграции результатов искусственного интеллекта в процесс доказывания и дефицит междисциплинарных компетенций у судебных экспертов.

Цель: выявление потенциальных возможностей и разработка научно обоснованных направлений системного совершенствования методического обеспечения инновационных междисциплинарных научно-практических исследований судебно-экспертной деятельности в условиях применения цифровых технологий.

Методы: методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, позволяющий рассматривать судебно-экспертную деятельность в развитии и взаимосвязи её элементов с окружающей технологической средой. В работе использовались общенаучные методы (системно-структурный анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод юридического прогнозирования).

Результаты исследования: предложена модель системного совершенствования методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, включающая создание иерархической системы научно-методических материалов, разработку базового стандарта использования технологий искусственного интеллекта, формирование репозитория верифицированных данных и внедрение междисциплинарных образовательных программ повышения квалификации.

Выводы. Сделан вывод о том, что эффективное развитие судебно-экспертной деятельности в цифровую эпоху возможно лишь при условии одновременного решения организационно-правовых, методических и кадровых проблем и совершенствования междисциплинарных исследований на основе интегративного подхода, при сохранении за экспертом статуса субъекта ответственности и центральной роли в процессе формирования выводов.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, методическое обеспечение, междисциплинарные исследования, цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросети, блокчейн, цифровые следы, верификация, интеграция.

Для цитирования: Харисов А.Ф. Совершенствование методического обеспечения междисциплинарных научно-практических исследований судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации / А.Ф. Харисов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.22 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 268–280.

Original article

Kharisov Artur Fagimovich

Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
artur020217@mail.ru

THE METHODOLOGY IMPROVEMENT FOR INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC AND PRACTICAL RESEARCH IN FORENSIC EXPERTISE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of potential opportunities and systematic improvement of methodology for innovative interdisciplinary scientific and practical research in the field of forensic expertise in the context of the digital transformation of criminal and civil procedure. It has been proved that the digitalization of forensic expertise naturally leads to the emergence of the new objects for expert research, the transformation of existing methods and procedures, as well as the emergence of interdisciplinary areas of forensic expertise that require the integration of knowledge in jurisprudence, computer science, mathematics, genetics and other branches of knowledge. Based on the analysis of modern expert practice and scientific developments, the key problems of methodological support for innovative interdisciplinary research in the context of digitalization have been identified,

including the fragmentation of the conceptual framework, the lack of unified standards for verifying digital techniques, insufficient development of approaches to integrating artificial intelligence results into the evidence process and the lack of interdisciplinary competencies among forensic experts. Purpose: to identify potential opportunities and to develop scientifically based directions for the systematic improvement of methodology for innovative interdisciplinary scientific and practical research in forensic expertise in the context of digital technologies. Methods: the methodological basis of the research is the dialectical method of scientific cognition, which makes it possible to consider forensic expertise in the development and interrelation of its elements with the surrounding technological environment. The author uses general scientific methods (system-structural analysis, synthesis, comparison, abstraction, generalization) and private scientific methods of legal science (formal legal, comparative legal, method of legal forecasting). Research results: a model of methodology systematic improvement for forensic expertise is proposed, including the creation of a hierarchical system of scientific and methodological materials, the development of a basic standard for the use of artificial intelligence technologies, the formation of repositories of verified data and the introduction of interdisciplinary educational training programs. Conclusions. It is concluded that the effective development of forensic expertise in the digital era is possible only if organizational, legal, methodological and personnel problems are solved simultaneously and interdisciplinary research is improved based on an integrative approach, while maintaining the expert's status as a subject of responsibility and a central role in the process of making conclusions.

Keywords: forensic expertise, methodological support, interdisciplinary research, digital technologies, artificial intelligence, neural networks, blockchain, digital traces, verification, integration.

For citation: Kharisov A.F. The Methodology Improvement for Interdisciplinary Scientific and Practical Research in Forensic Expertise in the Context of Digitalization. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 268–280. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.22

Введение. Цифровая трансформация общественных отношений, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и повсеместное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) коренным образом изменяют конфигурацию судебно-экспертной деятельности (СЭД). Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, «глобальная цифровизация всех сфер человеческой деятельности серьезно затронула проблемы использования специальных знаний при собирании и исследовании доказательств по уголовным, гражданским и административным делам» [1, с. 88]. В этих условиях традиционные экспертные методики, ориентированные на исследование материальных объектов и следов в аналоговой форме, всё чаще оказываются неприменимыми или недостаточно эффективными при работе с цифровыми «новыми

объектами исследования (дипфейками, цифровыми финансовыми активами, продуктами астротурфинга, 3D-модели» [2, с. 77], алгоритмами смарт-контрактов и иными феноменами, порождёнными цифровой эпохой. О проблемах методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации указывают в своих работах известные ученые: Ф.Г. Аминев [3, 4], Е.И. Галяшина [5], А.В. Кокин [6], Е.Р. Россинская [1, 7], А.А. Савицкий [8] и другие. Однако многие из указанных проблем остаются нерешёнными.

Перед судебно-экспертным сообществом встаёт двуединая задача: с одной стороны, необходимо адаптировать существующие методические подходы к исследованию новых, нетрадиционных объектов, а с другой – разработать принципиально новые методы и алгоритмы, соответствующие требованиям современного судопроизводства и сохраняющие доказательственное значение заключения эксперта. Ключевым условием решения этой задачи выступает системное интеграционное совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, которое признаётся её фундаментом и ядром. При этом методическое обеспечение не может оставаться неизменным: оно должно эволюционировать синхронно с развитием технологий, интегрируя достижения смежных наук и обеспечивая верифицируемость и воспроизводимость судебно-экспертных исследований.

Для дальнейшего прогресса судебной экспертизы необходимо выявить потенциальные возможности и разработки научно обоснованных направлений системного совершенствования методического обеспечения инновационных междисциплинарных научно-практических исследований судебно-экспертной деятельности в условиях применения цифровых технологий.

Проблемы совершенствования методического обеспечения инновационных междисциплинарных научно-практических исследований судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации и пути их решения. Методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности представляет собой один из ключевых видов обеспечения, включающий разработку и внедрение в судебно-экспертную практику методических материалов по производству судебных экспертиз, а также разработку программ дополнительного профессионального образования по конкретным экспертным специальностям. В условиях цифровой трансформации современное методическое обеспечение должно охватывать не только традиционные судебно-экспертные методики, но и алгоритмы работы со сложными программно-аппаратными комплексами, правила валидации автоматизированных средств измерения и анализа, а также процедуры интеграции результатов работы систем искусственного интеллекта в структуру заключения эксперта.

Анализ современной системы научно-методических материалов в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, проведённый А.И. Усовым, Г.Г. Омелянюком и Е.В. Чесноковой, свидетельствует о попытках создания единой методологической платформы судебно-экспертной деятельности [9, с. 66]. Авторами обоснована необходимость разработки комплекса общих

(видовых) экспертных методик по шести основным направлениям: «криминалистические экспертизы, инженерно-технические экспертизы, экспертизы материалов, веществ и изделий, социогуманитарные экспертизы, экономические экспертизы, биологические экспертизы» [9, с. 66–67]. Предполагается, что данный комплекс будет интегрирован в электронный Реестр научно-методических материалов, создаваемый для обеспечения деятельности СЭУ Минюста России [9, с. 59]. Таким образом, при необходимости проведения интеграционных экспертных исследований будет обеспечен доступ к судебным экспертным методикам различных экспертных специальностей.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Ф.Г. Аминев, на пути эффективного совершенствования судебного экспертной практики сохраняется комплекс проблем: организационно-правовые (ведомственная разобщённость, устаревшее законодательство), методологические (отсутствие унифицированных цифровых методик, проблема валидации инструментов искусственного интеллекта), кадровые (дефицит компетенций, неготовность экспертного сообщества к цифровой трансформации), организационно-технические (недостаточное материально-техническое обеспечение, проблемы информационной безопасности) [2, с. 74]. Эти проблемы, усугубляясь в условиях ускоряющейся цифровизации, требуют системного, а не фрагментарного подхода к их разрешению.

Цифровая трансформация судебного экспертной деятельности актуализирует применение комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия в процессе исследования нетрадиционных объектов. Как показано на примере судебного почерковедческой экспертизы, появление подписей, выполненных на графических планшетах с помощью автопена или сгенерированных системами искусственного интеллекта, требует интеграции знаний в области психологии движений, компьютерной графики, математической статистики и традиционной почерковедческой методологии [10, с. 199–200], акцентирует внимание на необходимости «разработки качественных междисциплинарных образовательных программ повышения квалификации экспертов с последующей регулярной актуализацией» [10, с. 195]. Как убедительно доказывает Е.Р. Россинская, междисциплинарность проявляется также в необходимости комплексирования при производстве судебных экспертиз в условиях цифровизации, что особенно актуально при исследовании сложных цифровых объектов, сочетающих в себе признаки и свойства, подлежащие изучению в рамках нескольких родов (видов) судебных экспертиз [1, с. 92–93].

Показательным примером является исследование цифровых изображений, которое, в зависимости от свойств объекта, проводится либо в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы, либо комплексно, с привлечением специалистов в области судебной лингвистической, судебной фоноскопической и других видов судебных экспертиз.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную экспертную деятельность выступает одним из наиболее значимых векторов её цифровой трансформации. В то же время не предусматривается возможность осуществ-

ления судебных экспертиз исключительно силами искусственного интеллекта. Ключевое значение продолжает принадлежать профессиональному опыту квалифицированного эксперта, способного обеспечить достоверность выводов в сложных экспертных ситуациях.

Несмотря на вспомогательную роль искусственного интеллекта, его интеграция в судебно-экспертную практику порождает ряд методологических проблем, требующих безотлагательного решения. Как обоснованно отмечают И.М. Егерев и О.А. Егерева, ключевой проблемой выступает феномен «чёрного ящика» – непрозрачность алгоритмов глубоких нейронных сетей, препятствующая полной юридической оценке результатов [11, с. 70]. Сложность объяснимости решений глубоких нейросетей делает их несовместимыми с требованиями процессуального права, предусматривающими проверяемость и воспроизводимость экспертных заключений [11, с. 70]. Мы полностью согласны с тем, что «решение проблемы требует постоянного междисциплинарного сотрудничества между разработчиками систем искусственного интеллекта, судебными экспертами и юристами» [11, с. 72].

Эта проблема многократно усугубляется в условиях возможных «галлюцинаций» нейросетей, генерирующих правдоподобные, но фактически неверные результаты. В связи с этим Р.Р. Шайдуллин предложил модель методического регулирования использования ИИ в судебной экспертизе, включающая унификацию понятийного аппарата, разработку специализированных стандартов и создание репозитория верифицированных данных (Dataset) [12, с. 342].

Стандартизация процесса использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности признаётся одной из приоритетных задач. Учёными обосновывается необходимость разработки единых, унифицированных подходов не только к определению терминологического аппарата, но и к типовой реализации новых технологий, а также предложена концепция «базового стандарта, обеспечивающего унифицированный подход к использованию искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности» [13, с. 168–169]; разрабатываются критерии выбора направлений для внедрения искусственного интеллекта в систему судебной экспертологии и судебно-экспертной деятельности, а также предложена «система стандартов, регулирующих порядок, алгоритмы и процедуры внедрения и использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности» [14, с. 137].

Важно подчеркнуть, что указанные стандарты не должны сводиться к простому копированию технических стандартов из области информационных технологий. Они должны учитывать специфику юридической деятельности, включая требования к допустимости доказательств, принципы состязательности и непосредственности судебного разбирательства, презумпцию невиновности и иные фундаментальные начала правосудия. Одновременно с искусственным интеллектом в судебно-экспертную деятельность активно интегрируются технологии блокчейна. В этой связи особенности принятия блокчейн-информации в качестве доказательственной базы, практические вопросы реа-

лизации криминалистического анализа, перспективы использования смарт-контрактов и иных передовых решений для противодействия коррупционным проявлениям и снижения числа конфликтов. При этом, как показывает практика, суды, как правило, принимают в качестве доказательств владения криптовалютными кошельками и блокчейн-активами заключение эксперта, в котором подтверждается их принадлежность конкретному лицу. Методическое обеспечение исследования блокчейн-информации требует выработки единых подходов к изъятию, фиксации и исследованию цифровых следов, оставляемых в распределённых реестрах, а также к валидации программных средств, используемых для анализа блокчейн-транзакций.

Инновационные методы исследования в судебно-экспертной деятельности не ограничиваются технологиями искусственного интеллекта и блокчейна. Как показывает анализ, проведённый А.И. Янгировым, в современных условиях крайне важно изучение особенностей внедрения новых научно-технических средств и методов в СЭД [15, с. 438–444]. В качестве примера приводятся высокотехнологичные молекулярно-генетические исследования, включая исследования нетрадиционных объектов криминалистической регистрации, а также разработка и «внедрение инновационных методов исследования с применением искусственного интеллекта» [15, с. 441]. Цифровая обработка криминалистически значимой информации – от судебно-баллистических исследований до анализа ДНК-образцов – становится неотъемлемой частью современной экспертной практики. При соответствующем программно-компьютерном сопровождении обеспечивается «замещение иностранных комплексов инновационными отечественными программно-техническими комплексами» [15, с. 441].

Обобщая изложенное, можно предложить системную модель совершенствования методического обеспечения инновационных междисциплинарных научно-практических исследований СЭД в условиях применения цифровых технологий, включающую следующие взаимосвязанные элементы.

1. Необходимо создать иерархическую систему научно-методических материалов (НММ) по судебной экспертизе, интегрированной в электронный федеральный Реестр научно-методических материалов, с разделами:

а) базовые (общие) судебно-экспертные методики для каждого рода (вида) экспертиз;

б) частные судебно-экспертные методики для исследования отдельных категорий цифровых объектов;

в) алгоритмы (протоколы) работы со специализированным программным обеспечением, в том числе системами искусственного интеллекта. Как обосновано в работе А.И. Усова и соавторов, «процессы системы НММ основаны на жизненном цикле их подготовки и использования, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных и (или) взаимодействующих видов деятельности, включающих в себя: разработку, планирование и координацию научно-методических работ, научное руководство темами и контроль за их вы-

полнением, валидацию (оценку пригодности) научно-методических материалов, внедрение новых НММ в экспертную практику» [9, с. 59].

2. Разработка и утверждение базового стандарта использования технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности. Такой стандарт должен унифицировать понятийный аппарат, определить допустимые сферы применения искусственного интеллекта (вспомогательные и аналитические задачи, предиктивная аналитика, автоматизированное распознавание образов и др.), установить требования к валидации и верификации используемых моделей (включая обязательное тестирование на репрезентативных выборках и документирование точности работы модели), а также сформулировать правила документирования и интерпретации результатов, полученных с помощью искусственного интеллекта. Принципиально важным условием является сохранение за судебным экспертом статуса единственного субъекта, принимающего итоговое решение по поставленным вопросам. Как подчеркивает Р.Р. Шайдуллин, «системное совершенствование методического обеспечения применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе является императивом цифровой трансформации правосудия» [12, с. 338].

3. Формирование и поддержание хранилищ верифицированных данных (Dataset) для обучения и тестирования систем ИИ, используемых в судебно-экспертной практике. Это требование вытекает из необходимости обеспечения репрезентативности, сбалансированности и отсутствия систематической ошибки (bias) в обучающих выборках, что в конечном счёте влияет на достоверность и обоснованность экспертных выводов. Хранилища данных (репозитории) могут создаваться на базе существующих справочно-информационных фондов и баз данных объектов судебной экспертизы при условии их цифровизации и унификации [1, с. 88].

4. Разработка и внедрение междисциплинарных образовательных программ повышения квалификации и профессиональной подготовки. Полагаем, что формирование методических компетенций цифровизации в профессиональной подготовке судебного эксперта в условиях цифровизации общества является одной из приоритетных задач. В содержательном плане такие программы должны включать модули по основам программирования и работы с базами данных, по теории и практике машинного обучения (применительно к задачам судебной экспертизы), по цифровой криминалистике, а также по правовым аспектам использования цифровых доказательств. Необходимо разрабатывать качественные междисциплинарные образовательные программы повышения квалификации экспертов с последующей регулярной актуализацией.

5. Совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок использования цифровых технологий и систем искусственного интеллекта при производстве комплексных судебных экспертиз. Это предполагает внесение изменений и дополнений в Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также в соответствующие процессуальные кодексы (УПК РФ,

ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Эффективное совершенствование судебно-экспертной деятельности в цифровую эпоху возможно «вне зависимости от конкретной формы комплексного исследования для всех участников этого процесса, ... и требует интеграции различных специальных знаний» [10, с. 200–201].

Заключение. Из вышеизложенного можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

1. Цифровая трансформация судебно-экспертной деятельности объективно порождает необходимость системного совершенствования её методического обеспечения, которое выступает фундаментом судебно-экспертной практики. Методическое обеспечение должно не только адаптироваться к появлению новых объектов и технологий, но и опережающим образом формировать методологический инструментарий для исследования постоянно возникающих новых цифровых объектов (дипфейков, смарт-контрактов, квантовых коммуникаций и др.).

2. Междисциплинарный подход и комплексность являются методологической основой инновационных судебно-экспертных исследований в условиях цифровизации. Эффективное исследование сложных цифровых объектов требует интеграции знаний из области юриспруденции, компьютерных наук, математики, генетики и иных отраслей знания, а также развития института комплексных и комиссионных экспертиз с участием специалистов различных областей знаний.

3. Интеграция технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность сопряжена с рисками, связанными с непрозрачностью алгоритмов («чёрный ящик»), возможностью «галлюцинаций» нейросетей, алгоритмической предвзятостью. Преодоление этих рисков требует разработки специализированных стандартов, создания репозиторий верифицированных данных и сохранения за судебным экспертом статуса субъекта ответственности за итоговые выводы. Основой для такой стандартизации могут служить разработанные критерии выбора направлений внедрения искусственного интеллекта и предлагаемая система стандартов регулирования его использования в судебно-экспертной деятельности.

4. Системное совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в условиях применения цифровых технологий должно включать пять взаимосвязанных направлений: создание иерархической системы научно-методических материалов с минимальным циклом функционирования пять лет; разработку и утверждение базового стандарта использования искусственного интеллекта; формирование репозиторий верифицированных данных; внедрение междисциплинарных образовательных программ повышения квалификации экспертов; совершенствование нормативно-правовой базы.

5. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направлять на разработку конкретных частных методик судебно-экспертного исследования отдельных категорий цифровых объектов (криптовалют, дипфей-

ков, цифровых следов в распределённых реестрах и пр.), создание пилотных репозиториев верифицированных данных для обучения и тестирования систем искусственного интеллекта в судебной экспертизе, а также на анализ зарубежного опыта правового и методического регулирования использования искусственного интеллекта в судопроизводстве с целью его адаптации к отечественной правовой системе.

Перспективным представляется также развитие теоретических основ цифровизации судебно-экспертной деятельности – частной теории в системе судебной экспертологии, предмет которой включает, в том числе, решение проблем комплексирования при производстве судебных экспертиз в условиях цифровизации, унификации и нормативного регулирования справочно-информационных фондов и баз данных объектов судебной экспертизы [1, с. 91, 96, 97].

Представляется, что только системное и скоординированное совершенствование всех указанных направлений, в том числе методического обеспечения междисциплинарных научно-практических исследований, позволит обеспечить высокое качество судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации.

Список источников

1. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Е.Р. Россинская // Правовое государство: теория и практика. – Уфа. – 2020. – Ч. 1, № 4 (62). – С. 88–101.
2. Аминев Ф.Г. Проблемы совершенствования судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации и пути их решения / Ф.Г. Аминев // Всероссийский криминологический журнал. – 2026. – Т. 20, № 1. – С. 74–83.
3. Аминев Ф.Г. О некоторых организационно-правовых и научно-методических проблемах экспертно-криминалистической деятельности в условиях цифровизации / Ф.Г. Аминев // Судебная экспертиза. – 2024. – № 4 (80). – С. 63–73.
4. Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1 (21). – С. 105–113.
5. Галяшина Е.И. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности: монография / Е.И. Галяшина, Е.А. Антонян, К.М. Богатырев / отв. ред. Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2025. – 272 с.
6. Кокин А.В. Машинное обучение в криминалистике и судебной экспертизе: проблемы и перспективы / А.В. Кокин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы IX Международной научно-практической конференции. МГЮА, 26-27 января 2023 г. – М. : Блок-Принт. – С. 152–156.

7. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / Е.Р. Россинская. – М. : Проспект, 2022. – 254 с.
8. Судебная экономико-цифровая экспертиза: монография / под ред. А.А. Савицкого. – М.: Проспект, 2026. – 141 с.
9. Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Чеснокова Е.В. Современная система научно-методических материалов по судебной экспертизе в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / А.И. Усов, Г.Г. Омельянюк, Е.В. Чеснокова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20, № 4. – С. 59–69.
10. Рослова О.Е. Комплексный подход к исследованию подписей в эпоху цифровых технологий / О.Е. Рослова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3 (27). – С. 195–204.
11. Егерев И.М., Егерев О.А. Риски использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности и пути их преодоления / И.М. Егерев, О.А. Егерев // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 2 (46). – С. 70–76.
12. Шайдуллин Р.Р. О совершенствовании методического обеспечения применения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации / Р.Р. Шайдуллин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 1 (29). – С. 338–347.
13. Ржанникова С.С. Стандартизация процесса использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности / С.С. Ржанникова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2023. – Т. 28. № 4. – С. 163–172.
14. Юматов В.А., Юматова Э.Г. Искусственный интеллект в судебной экспертологии: проблемы и перспективы / В.А. Юматов, Э.Г. Юматова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. / Право. – 2025. – № 4. – С. 137–146.
15. Янгиров А.И. О методическом обеспечении судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных организаций / А.И. Янгиров // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 438–444.

References

1. Rossinskaya E.R. The Doctrine of Forensic Activities Digitalization and the Problems of Forensic Didactics. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 88–101. (In Russian).
2. Aminev F.G. Problems of Improving Forensic Expertise in the Context of Digitalization and Ways of Solving Them. *Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 1, pp. 74–83. (In Russian).
3. Aminev F.G. On Some Organizational, Legal and Scientific-Methodological Problems of Forensic Expertise in the Context of Digitalization. *Forensic Examination*, 2024, no. 4 (80), pp. 63–73. (In Russian).

4. Aminev F.G., Chemeris A.V. On Modern Forensic Personality Modeling of an Unidentified Offender. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 1 (21), pp. 105–113. (In Russian).

5. Galyashina E.I., Antonyan E.A., Bogatyrev K.M. Protection from Abuse of Artificial Intelligence and Neurotechnologies in the Aspect of Media Security: Monograph. Moscow, Prospect, 2025. 272 p. (In Russian).

6. Kokin A.V. Machine Learning in Criminalistics and Forensic Examination: Problems and Prospects. *Theory and Practice of Forensic Examination in Modern Conditions. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Moscow State Law University, January 26-27, 2023.* Moscow, Blok-Print, pp. 152–156. (In Russian).

7. Rossinskaya E.R. (ed.). Theory of Information and Computer Support for Criminalistic Activities: Monograph. Moscow, Prospekt, 2022, 254 p. (In Russian).

8. Savitsky A.A. (ed.). Forensic Economic and Digital Expertise: Monograph. Moscow, Prospekt, 2026. 141 p. (In Russian).

9. Usov A.I., Omelianyuk G.G., Chesnokova E.V. Modern System of Scientific and Methodological Materials on Forensic Examination in Forensic Institutions of Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2025, vol. 20, no. 4, pp. 59–69. (In Russian).

10. Roslova O.E. Complex Approach to Signature Research in the Digital Age. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 3, pp. 195–204. (In Russian).

11. Egerev I.M., Egereva O.A. The Risks of Using Artificial Intelligence in Forensic Science and Ways to Overcome Them. *Moscow Witte University Bulletin. Journal of Legal Sciences*, 2025, no. 2 (46), pp. 70–76. (In Russian).

12. Shaidullin R.R. On Improving the Methodological Support for the Artificial Intelligence Technologies' Application in Forensic Expertise Activity in the Context of Digitalization. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 1(29), pp. 338–347. (In Russian).

13. Rzhannikova S.S. Standardization of the Process of Using Artificial Intelligence in Forensic Activities. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. Irkutsk, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 163–172. (In Russian).

14. Yumatov V.A., Yumatova E.G. Artificial Intelligence in Forensic Science: Challenges and Prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2025, no. 4, pp. 137–146. (In Russian).

15. Yangirov A.I. On the Methodological Support of Forensic Activities Outside the State Forensic Organizations. *Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 438–444. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Харисов Артур Фагимович – аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Kharisov Artur Fagimovich – Postgraduate Student of the Department of Criminology, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 25.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 28.05.2026 г.; принята к публикации 1.06.2026 г.

The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 1.06.2026.

Научная статья

УДК 343.985

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.23

Шеметов Алексей Константинович

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, shemetov_alexey@mail.ru,
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7519-473>

СИТУАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ МАЛОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ ИЗ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются организационные особенности установления личности субъекта убийства малолетнего из сексуальных побуждений. С использованием ситуационного подхода анализируются основные направления деятельности следователя, основания для выдвижения версий о личности преступника, содержание проверочных мероприятий. Автором предпринята попытка анализа содержания наиболее сложных ситуаций указанного этапа расследования, возникающих в правоприменительной деятельности органов расследования. Цель: обозначить основные характеристики следственных ситуаций, формирующихся на этапе раскрытия убийств малолетних, совершаемых из сексуальных побуждений, определить основные направления их разрешения. Методы: анализ статистических данных, научно-практических и эмпирических материалов, сравнительно-правового и структурно-криминалистического исследования. Результаты: выработка конкретных рекомендаций по установлению субъекта нераскрытого убийства малолетнего из сексуальных побуждений.

Ключевые слова: убийство малолетних, сексуальные побуждения, установление лица, раскрытие преступления, версия, следственная ситуация.

Для цитирования: Шеметов А.К. Ситуационные особенности раскрытия убийств малолетних, совершаемых из сексуальных побуждений / А.К. Шеметов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.23 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 281–292.

Original article

Shemetov Alexey Konstantinovich

A.Y. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, shemetov_alexey@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7519-473>

**SITUATIONAL FEATURES OF SOLVING SEXUALLY
MOTIVATED JUVENILE MURDERS**

Abstract. The article examines the organizational features in order to identify the perpetrator of the minor's murder for sexual reasons. Using a situational approach, the main investigator's activities, the grounds for putting forward versions about the offender's identity and the verification measures content are analyzed. The author attempts to analyze the content of the most difficult situations of the pointed investigation stage that arise in the law enforcement activities of the investigation bodies. Purpose: to outline the main characteristics of investigative situations that form at the stage of solving murders of minors committed for sexual motives, to determine the main directions for their resolution. Methods: analysis of statistical data, scientific-practical and empirical materials, comparative-legal and structural-forensic research. Results: development of specific recommendations for identifying the subject of an unsolved murder of a minor for sexual motives.

Key words: murder of minors, sexual motive, person identification, crime detection, version, investigative situation

For citation: Shemetov A.K. Situational Features of Solving Sexually Motivated Juvenile Murders. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 281–292. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.23

Введение. Наиболее сложные ситуации характеризуются дефицитом информации об обстоятельствах и характере события причинения смерти, субъектах предполагаемого убийства. Такие ситуации, в частности, формируются при поступлении сообщений о безвестном отсутствии, при обнаружении скелетированных или находящихся в состоянии сильного гнилостного изменения трупов малолетних.

Основные направления установления лица, совершившего убийство малолетнего из сексуальных побуждений. При поступлении сообщения вскоре после исчезновения малолетнего незамедлительно организуются поиски потерявшегося ребёнка. Они начинаются от места, где исчезнувшего видели в последний раз. В настоящее время дошкольникам, младшим школьникам и иногда детям подросткового возраста на одежду, ранцы, другие предметы устанавливают тре-

керы, позволяющие определять место пребывания ребёнка, находящегося на определённом расстоянии от устройства, принимающего сигналы трекера.

Кроме того, значительная часть детей имеют аппараты мобильной связи, место положения которых может быть установлено в определённом законом порядке.

Статьёй 8 Федерального закона №144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена возможность в течение 24 часов после поступления в органы расследования сообщения о безвестном исчезновении несовершеннолетнего получить информацию о соединениях и местоположении аппарата мобильной связи пропавшего ребёнка путём снятия информации с технических каналов связи. Указанная деятельность осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность с согласия одного из родителей (законных представителей) ребёнка. За принятым решением должен осуществляться судебный контроль [1, с. 25].

Это позволяет оперативно получить в распоряжение сведения о месте нахождения устройства связи, последних контактах, произведённых несовершеннолетним [2, с. 82].

Так, по факту безвестного исчезновения малолетнего в Ивановской области следователями Следственного комитета было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сотрудниками органов внутренних дел в рамках снятия информации с технических каналов связи было установлено место нахождения аппарата связи потерпевшего незадолго до исчезновения. В ходе поисков мобильный телефон был обнаружен, а при изучении его содержимого получены сведения о контактах пользователя в мессенджерах. Благодаря указанным сведениям удалось найти труп несовершеннолетнего с признаками насильственной смерти и совершённого в отношении него сексуального преступления.

При наличии данных о предполагаемых направлении, маршруте движения разыскиваемого на указанных территориях организовываются сплошные поиски. Для участия в них могут привлекаться сотрудники органов дознания, лица, обладающие специальными знаниями обстановки поисков (лесных массивов, водных пространств и т.п.), волонтёры, другие участники. В ряде ситуаций возникает необходимость не только обследования открытых участков местности, заброшенных, недостроенных, разрушенных зданий, сооружений, но и жилищ, офисных помещений и т.п. В этих случаях сотрудникам органов дознания поручается проведение обходов и обследования названных объектов, опроса находящихся там лиц.

Участники поисков должны быть проинструктированы следователем о возможных объектах обнаружения, признаках, позволяющих обратить внимание на отдельные участки местности и помещений. Кроме того, поисковики должны при обнаружении конкретных следов возможного пребывания несовершеннолетнего на отдельных территориях сообщать об этом следователю.

На названные территории организуется выход с участием специалистов, содействующих в отыскании следов разыскиваемого [3, с. 11].

Возможно также обращение к населению через средства массовой информации с демонстрацией фотографий разыскиваемого ребёнка [4, с. 24].

При подборе фотоизображений, предоставляемых для такой поисковой деятельности, нужно отдавать предпочтение иллюстрациям с актуальным обликом ребёнка, желательно в той же верхней одежде, в которую по предположениям следователя разыскиваемый одет. Лучше, если на снимке будет запечатлён весь силуэт пропавшего, а не только его портрет [5, с. 21].

При наличии данных о признаках внешности людей, находившихся с исчезнувшим ребёнком, организуется поиск этих лиц. Учёту для поиска подлежат не только признаки внешности, но и особенности жестикуляции, походки, одежды и предметов, располагающихся при незнакомцах. Направляются запросы для истребования данных криминалистических учётов о ранее судимых лицах, сходных по приметам с субъектами, находившимися с безвестно отсутствующим. Полученные сведения сопоставляются с показаниями свидетелей, им могут также предъявляться изображения для опознания.

Рекомендуется также проведение опросов в ходе подворно-поквартирного обхода, осмотр материалов видеонаблюдения, осуществлявшегося неподалёку от места, где видели разыскиваемого, а также по маршруту предполагаемого движения.

Потенциальным свидетелям, проживающим недалеко от места происшествия, ставятся вопросы о лицах, которые в периоды времени, близкие к исчезновению ребёнка, появлялись на указанных территориях, обследовали обстановку, без особых причин долгое время находились вблизи этих мест.

Целесообразно также истребование данных об аппаратах мобильной связи, двигавшихся параллельно с телефоном исчезнувшего малолетнего.

При обнаружении скелетированных и сильно разложившихся трупов проводится судебно-медицинская, а также геномно-молекулярная экспертизы с целью идентификации личности умершего, времени и причины смерти, наличия, отсутствия телесных повреждений, выяснения других вопросов.

В случае обнаружения элементов одежды, обуви, других вещей пострадавшего, они подвергаются экспертному исследованию для выявления имеющихся на указанных предметах повреждений, а также следов выделений организма субъекта преступления, отделившихся от него, от его тела, одежды микрочастиц, веществ, материалов и т.п. В случае выявления биологических выделений проводится проверка по данным геномно-молекулярного учёта ранее судимых лиц.

В подобных ситуациях также запрашиваются биллинговые сведения о расположении перед смертью аппарата мобильной связи потерпевшего, движении параллельно с ним аналогичных устройств, принадлежащих другим лицам и т.п.

Чаще всего первичная информация о признаках преступления данного вида поступает после обнаружения трупа малолетнего с признаками убийства и

сексуального насилия. В подобных ситуациях обнаруживались признаки по 45,8% преступлений, изученных нами по материалам уголовных дел.

В ситуациях, когда труп малолетней(его) обнаружен в течение непродолжительного времени после убийства, за которое субъект преступления не мог удалиться на значительное расстояние, организуется преследование злоумышленника по горячим следам. При наличии данных о пути отхода субъекта убийства с места преступления рекомендуется направлять поисковую группу сотрудников органов дознания не только вслед за ним, но и навстречу или наперерез ему.

В ситуациях отсутствия данных о направлении движения названного субъекта целесообразно блокировать и прочёсывать территории, прилегающие к месту преступления. Границы блокирования определяются с учётом структуры названных территорий. Небольшие по площади участки местности могут блокироваться путём выставления сплошного оцепления силами сотрудников органов дознания.

По периметру значительных по площади участков могут выделяться пешеходные, автомобильные и иные пути, которыми может воспользоваться скрывающийся после совершения убийства субъект. В этих точках располагаются посты сотрудников органов дознания. Между этими точками направляются пешие, конные или механизированные патрули.

Внутри заблокированных территорий осуществляются прочёсывание, то есть сплошное обследование участков открытой местности, опросы прохожих, а также лиц, работающих, проживающих, посещающих различные объекты на исследуемой территории. Рекомендуется обращать внимание на внешний вид находящихся на указанных территориях людей, наличие у них на теле и одежде следов, которые могли образоваться при совершении убийства. Опрашиваемым желательно предъявлять фотографии жертвы, выяснять, не видел ли свидетель ребёнка, где, в какое время, в каком направлении, с кем передвигался малолетний, в каком психологическом состоянии он находился. Не проявлял ли беспокойства, страха, как общался с сопровождающим(и) субъектом(ами). Детально выясняются признаки внешности находившегося с ребёнком лица, содержание общения с пострадавшим, реакция на появление посторонних, психологическое состояние, наличие или отсутствие каких-либо предметов и т.п. Важно получить представление не просто о росте, телосложении, цвете одежды, обуви, материале, из которого они изготовлены, желательно получить представление о личности субъекта. По возможности, о стиле его жизни, среде обитания. Так, длина, ухоженность волос на голове, степень выбритости, тщательно обработанные ногти на чистых кистях рук свидетельствуют о том, что субъект следит за своей внешностью. Стиль и состояние одежды, обуви также характеризуют стремление субъекта к созданию и поддержанию определённого имиджа, об уровне материального обеспечения, о знаниях и умениях формирования внешнего образа и т.п.

Аналогичным образом выясняются особенности поведения, коммуникации.

Полученные в ходе опроса сведения используются для формирования мысленного образа разыскиваемого субъекта, определения пространственных границ его поиска. В частности, сведения о новых предметах одежды, обуви могут использоваться для проведения поисковых мероприятий в торговых учреждениях, в том числе маркетплейсах, для установления субъектов, приобретавших такие аксессуары; в парикмахерских, предприятиях торговли, бытового обслуживания, других учреждениях могут использоваться субъективные портреты, изготавливавшиеся с помощью очевидцев.

Повышению продуктивности поисков по горячим следам может способствовать использование помощи населения обследуемых территорий, в особенности родителей детей в возрасте, близком к возрасту пострадавшего [6, с. 127].

В ходе осмотра на месте преступления могут быть обнаружены игрушки, сладости, жевательная резинка, чипсы, остатки продуктов питания, используемые для завлечения малолетнего. В некоторых ситуациях обнаруживается упаковка от указанных предметов, остатки употреблявшихся продуктов питания, тара из-под прохладительных, алкогольных напитков, окурки сигарет и т.п. Данные об этих объектах должны использоваться в ходе поисковых мероприятий, проводимых одновременно с осмотром места происшествия.

Например, в малом населённом пункте был обнаружен труп шестилетней девочки, в карманах одежды которого были обнаружены конфеты. При проводившемся одновременно с осмотром указанного места опросе продавца магазина неподалёку от места происшествия был установлен ранее судимый мужчина, приобретавший такие конфеты. При проверке по месту жительства на тыльной поверхности кистей рук мужчины были выявлены свежие ссадины, а на брюках в области гульфика и нижнем белье – следы крови. Таким образом, ещё до окончания осмотра места происшествия был установлен подозреваемый, в дальнейшем изобличённый и признанный судом виновным в убийстве малолетней, сопряжённом с изнасилованием.

В ситуациях, когда убийство не удаётся раскрыть по горячим следам, неотложной промежуточной задачей расследования является максимально возможное увеличение объёма информации о свойствах личности неустановленного субъекта преступления. Прежде всего, для этого используются возможности судебных экспертиз и криминалистических учётов.

Практически всегда на телах, одежде, трупe потерпевшего, нередко и на других объектах обстановки места преступления остаются следы биологических выделений субъектов убийства анализируемой группы. Они направляются для производства судебной геномно-молекулярной экспертизы и для проверки возможного происхождения от лиц, состоящих на ДНК-учёте.

При обнаружении следов рук назначаются, проводятся дактилоскопическая экспертиза, проверка по дактилоскопическим учётам ранее судимых лиц.

Спецификой отличается подготовка к проведению выборки данных о способах совершения сходных по способам расследуемому убийству малолетнего(ей). Прежде всего, следует принимать во внимание, что в следственно-

судебной практике нечасто встречаются случаи серийных убийств такого рода. Лишь 5,2% изученных нами уголовных дел расследовались по фактам совершения двух и более подобных убийств малолетних. Нередко следователи в своих запросах ограничиваются описанием действий по непосредственному причинению смерти и оказанию сексуального насилия. Такое ограничение содержания способа убийств названной группы представляется необоснованным. Думается, что описание способов таких преступлений следует начинать с действий по подбору пострадавших определённого возраста, признаков внешности, рода, телосложения, цвета волос, причёски, черт лица и т.п. (поведение наедине и в ходе общения с разными людьми).

Значительная часть обвиняемых (83,3%) по изученным нами уголовным делам совершали преступления в отношении малолетних женского пола. Четверть потерпевших по изученным нами преступлениям находились в момент посягательства в возрасте 2-6 лет, еще 25% – 7-10 лет, половина – 11-14 лет. При расследовании 25% изученных уголовных дел было установлено, что субъекты посягательства осуществляли поиск потерпевших в местах, удобных для обнаружения потенциальных жертв, завлекали их на территории с условиями, благоприятными для реализации преступного замысла.

75% обвиняемых в изученных нами посягательствах совершали их в связи с внезапно возникшим умыслом, оценив обстановку обнаружения ребёнка как благоприятную для совершения нападения на жертву, насильственного перемещения её или завлечения обманным путём к месту преступления.

В запросах следует отражать виды заманивания, осуществлявшегося для перемещения жертвы, а также средства, применявшиеся для завлечения жертвы. Необходимо оговориться, что на данном этапе расследования не всегда имеются сведения о названных элементах подготовки к совершению преступления. В ряде ситуаций на месте происшествия обнаруживают уже упоминавшиеся игрушки, сладости, остатки чипсов, прохладительных напитков, упаковки от них, а также следы волочения, фурнитуру, фрагменты ткани, отделившиеся от одежды жертвы и т.п. Иногда эти действия наблюдаются свидетелями, фиксируются в материалах видеонаблюдения, осуществляемого вблизи от места происшествия.

В организме жертвы, в карманах его одежды могут быть обнаружены сладости, продукты питания, напитки, жевательная резинка, употреблявшиеся перед смертью.

На трупe также могут быть следы насилия, осуществлявшегося как на стадии подготовки, так и во время выполнения действий сексуального характера, а также в процессе лишения жизни.

Аналогичным образом описываются действия по непосредственному совершению преступлений данной группы. Прежде всего, необходимо указывать последовательность выполнения действий сексуального характера и направленных на лишение жизни жертвы. Как известно, смерть пострадавшему(ей) может причиняться при преодолении сопротивления, после сексуального

насилия в целях его сокрытия до совершения сексуальных действий, с последующим вступлением в половой контакт, с трупом [7, с. 188].

Целесообразно подробное описание всех операций, образующих содержание анализируемого элемента способа такого преступления.

Таким же образом излагаются действия по сокрытию содеянного.

В криминалистических учётах целесообразно проводить выборку данных не только об убийствах рассматриваемого вида, но и о преступлениях сексуального характера в отношении малолетних, не связанных с лишением жизни жертв. Ряд субъектов начинают свою преступную деятельность с сексуальных посягательств, а затем совершают и убийства. Некоторым из них по разным причинам не удаётся реализация умысла на убийство в момент совершения преступления.

Для более подробного изучения способов преступлений, данные о которых имеются в криминалистических учётах, рекомендуется изучение материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, а также приостановленных и оконченных уголовных дел об указанных посягательствах.

При сопоставлении сведений о способах расследуемого и ранее совершённого преступлений необходимо учитывать, что они, как правило, совпадают не полностью, а в некоторых существенных признаках. При совпадении признаков, отражающих индивидуальные свойства личности субъектов сравниваемых деяний, возможно выдвижение версии о совершении расследуемого убийства конкретным лицом. Такие версии выдвигаются при наличии совпадений признаков способов ранее раскрытых преступлений и расследуемого нераскрытого убийства [8, с. 68].

Продуктивность деятельности по раскрытию таких преступлений в значительной степени зависит от объективности и адекватности действительности создаваемого следователем мысленного образа неустановленного субъекта преступления. В формируемую модель должны включаться кроме черт внешности иные, в том числе психологические, нравственные, волевые качества разыскиваемого. При отсутствии чётких представлений об облике субъекта убийства названные свойства позволяют определить круг лиц, к которому может иметь отношение скрывшийся преступник.

В научной литературе имеются рекомендации по формированию психологического портрета или профиля разыскиваемых субъектов преступления [9, 10].

Конечно, подобные портреты носят достаточно общий характер, определяют перечень возможных качеств, которые могут быть свойственны разыскиваемому. Они должны служить основанием для выдвижения версии о наличии у скрывшегося этих признаков.

В материалах изученных нами уголовных дел не удалось обнаружить сведений о применении в реальных ситуациях подобных средств раскрытия преступления.

Представляется, что подобное положение не является основанием для отказа от применения их в следственной практике. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что создаваемые специалистами психологические портреты, профили

субъектов преступления должны содержать сведения, позволяющие вести целенаправленный поиск, определять его пространственные границы.

Определённым своеобразием отличается организация оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление субъектов нераскрытых преступлений рассматриваемого вида. Большинство обвиняемых (62,5%) в подобных преступлениях, изученных нами по материалам уголовных дел, ранее были не судимы. Это означает, что в круг их общения не входили представители криминогенного контингента, среди которых в основном и проводится оперативная работа.

Зачастую это лица, ведущие замкнутый образ жизни, имеющие отклонения полового поведения, которые осложняют их контакты с представителями противоположного пола их же возраста. Конечно, следственно-судебной практике известны случаи наличия у разыскиваемых субъектов противоположных свойств. Поэтому, наряду с выдвиганием версий о наличии у субъекта определённых качеств, должны выдвигаться и проверяться контр-версии об отсутствии названных признаков.

В то же время названные лица демонстрируют свой интерес к малолетним, что нередко не остаётся незамеченным для окружающих. Их попытки наладить контакт с ребенком, которые могли быть сорваны поведением самого несовершеннолетнего, случайно оказавшихся рядом взрослых, могут быть запечатлены в памяти свидетелей и очевидцев, на устройствах видеозаписи. Поэтому оперативно-розыскные мероприятия рекомендуется проводить среди родителей, других родственников малолетних, работников досуговых, образовательных, других учреждений, связанных с общением с детьми данной возрастной группы.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий рекомендуется выявлять одиноких мужчин, которые контактам со взрослыми женщинами предпочитают общение с малолетними.

По некоторым данным, значительная часть субъектов подобных преступлений страдают расстройством половой функции. Данные о них могут быть получены при проведении оперативно-розыскных мероприятий среди лиц, оказывающих сексуальные услуги.

Определённая информация о разыскиваемых субъектах нераскрытых преступлений может быть получена в электронных сетях. Современные дети большую часть жизни проводят в сети Интернет, коммуницируя там со сверстниками и другими пользователями, делясь переживаниями с виртуальными собеседниками. Значительное количество электронных следов, расположенных в сети, позволяют зачастую определить возможные направления поиска сведений о возможном субъекте преступления [11, с. 114].

В ходе оперативно-розыскных мероприятий может быть организовано обсуждение исходящей от якобы посторонних лиц информации о нераскрытом преступлении и субъекте, его совершившем. Задавая нужные направления участникам общения, от них можно получить сведения о разыскиваемом злоумышленнике. Электронные СМИ могут использоваться и для распространения

сведений об известных следствию свойствах личности субъекта преступления. Подобные обсуждения целесообразно проводить среди лиц, проживающих, работающих, бывающих вблизи от места происшествия, а также так или иначе связанных с малолетними: родственников, педагогов, работников ЖКХ и т.п.

Заключение. В настоящей статье рассмотрены лишь некоторые наиболее существенные аспекты раскрытия преступлений рассматриваемого вида. В реальных ситуациях установление субъектов убийства малолетних из сексуальных побуждений может осуществляться и в других направлениях с использованием иных средств, методов и приёмов.

Список источников

1. Ложис З.З., Чупахин Р.В. Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести / З.З. Ложис, Р.В. Чупахин // Российский следователь. – 2022. – № 4. – С. 23–27.

2. Бессонов А.А., Комаров И.М., Крюкова Е.С., Лушечкина М.А., Перепечина И.О., Хмелева А.В., Цховребова И.А. Расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних (первоначальный этап расследования): научно-практическое пособие / под редакцией А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 256 с.

3. Котяжов А.В. Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.В. Котяжов. – М., 2013. – 28 с.

4. Вебелюнас А.Ю. Криминалистическое обеспечение деятельности по поиску лиц, пропавших без вести / А.Ю. Вебелюнас // Материалы криминалистических чтений: Сборник материалов, Барнаул, 21 ноября 2024 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 22–25.

5. Борисова Н.И. Тактико-криминалистические особенности розыска несовершеннолетнего / Н.И. Борисова // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 марта 2024 года. Выпуск 2. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 18–20.

6. Алехин Д.В. Об организации проверочных и поисковых мероприятий при розыске без вести пропавших несовершеннолетних / Д.В. Алехин // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2025. – № 1(43). – С. 111–116.

7. Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних : монография / В.Н. Карагодин. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2018. – 320 с.

8. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления / Г.Г. Зуйков // Криминалистика. Учебник / под редакцией Р.С. Белкина, И.М. Лузгина. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. – Т. 1. – С. 57–76.

9. Абрамовский А.А. Применение профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений / А.А. Абрамовский // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2022. – № 1. – С. 42–46.

10. Гайфуллина А.Р. Применение метода профайлинга в криминалистике / А.Р. Гайфуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 1(29). – С. 187–197.

11. Трощанович А.В., Алехин Д.В. Расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан: учебно-практическое пособие / под ред. А.М. Багмета. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 143 с.

References

1. Lozhis Z.Z., Chupakhin R.V. Relevant Problems of the Use of Geolocation Data in Search for Missing Minors. *Russian Investigator*, 2022, no. 4, pp. 23–27. (In Russian).

2. Bessonov A.A., Komarov I.M., Kryukova E.S., Lushechkina M.A., Perepetchina I.O. et al. Crimes Investigation Related to the Disappearance of Minors (Investigation Initial Stage): Scientific and Practical Manual. Moscow, Yurlitinform, 2021. 256 p. (In Russian).

3. Kotyazhov A.V. The Investigator's Activities in the Search for Missing Minors. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2013. 28 p. (In Russian).

4. Vebelyunas A.Yu. Forensic Support for the Search for Missing Persons. *Materials of Forensic Readings. Collection of Materials, Barnaul, November 21, 2024*. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, p. 22–25. (In Russian).

5. Borisova N.I. Tactical and Forensic Features of the Minor's Search. *Actual Problems of Legal Regulation, Organization, and Tactics of Investigative Actions. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, March 22, 2024*. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, pp. 18–20. (In Russian).

6. Alekhine D.V. On the Organization of Verification and Search Activities for Missing Minors. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2025, no. 1 (43), pp. 111–116. (In Russian).

7. Karagodin V.N. Investigation of Intentional Crimes against the Life, Sexual Freedom and Inviolability of Minors: Monograph. Moscow, "Prospect", 2018. 320 p. (In Russian).

8. Zuikov G.G. Forensic Doctrine on the Method of Committing a Crime. Forensic science. Textbook. Moscow, Publ. House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978, vol. 1, pp. 57–76. (In Russian).

9. Abramovsky A.A. Application of Profiling in the Detection and Investigation of Crimes. *Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, 2022, no. 1, pp. 42–46. (In Russian).

10. Gaifullina A.R. Application of the Profiling Method in Forensic Science. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 1(29), pp. 187–197. (In Russian).

11. Troshanovich A.V., Alekhine D.V. Investigation of Crimes Related to the Disappearance of Citizens: A Study Guide. Moscow, UNITY-DANA, 2017. 143p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Шеметов Алексей Константинович – старший преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
Shemetov Alexey Konstantinovich - Senior Lecturer, Department of Forensic Science, Yekaterinburg Branch of A.Y. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 24.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 08.06.2026 г.; принята к публикации 09.06.2026 г.

The article was submitted 24.03.2026; approved after reviewing 08.06.2026; accepted for publication 09.06.2026.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

Научная статья

УДК 342.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.24

Ващенко Борис Михайлович

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,

b_vaschenko@mail.ru

Прудников Александр Владимирович

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации, Иркутск, Россия, prudnikovaleksandr7478@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. В продолжение рассматриваемой темы об использовании современных технологий для профилактики дорожно-транспортных происшествий был сделан вывод, что профилактика ДТП включает 4 составляющих: 1) законодательные меры; 2) технические решения; 3) пропаганду; 4) контроль. Исходя из чего было принято решение рассматривать все составляющие последовательно. В первой части статьи были рассмотрены законодательные нормативные акты, регулирующие сферу дорожного движения. Выявлены проблемы правового регулирования, которые связаны с большим количеством субъектов профилактики и нормативно-правовых актов. При этом, единого нормативного акта, который бы регулировал все вопросы, связанные с дорожным движением – нет. Рассматривая вторую составляющую профилактики ДТП, был сделан вывод о том, что, бесспорно, современные технологии помогают контролировать дорожное движение и снижать уровень аварийности, однако в целях повышения эффективности мер профилактики необходимо исключить влияние третьих лиц, а именно: коммерческих организаций (по установке камер фото- и видеофиксации, «умных светофоров» и т.д.), целью которых является получение прибыли. Нельзя смешивать профилактику безопасности дорожного движения и коммерческий интерес, так как у субъектов профилактики разные цели, которые не способствуют достижению единой задачи, а именно: безопасности дорожного движения. Необ-

ходимо решать вопросы по созданию технических подразделений на базе ГИБДД, где специалисты будут самостоятельно устанавливать, обслуживать и заниматься предиктивной диагностикой технических решений и технологий.

Ключевые слова: профилактика, технологии, технические решения, цифровые и платформенные решения, «умные» светофоры, интеллектуальная транспортная система, единая платформа управления транспортной системой, предиктивное обслуживание, цифровые двойники, геоинформационные системы.

Для цитирования: Ващенко Б.М., Прудников А.В. Использование современных технологий для профилактики дорожно-транспортных происшествий (часть 2) / Б.М. Ващенко, А.В. Прудников. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.24 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 293–307.

Original article

Vaschenko Boris Mikhailovich

Baikal State University, Irkutsk, Russia, b_vaschenko@mail.ru

Prudnikov Alexander Vladimirovich

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, prudnikovaleksandr7478@gmail.com

THE USE MODERN TECHNOLOGIES TO PREVENT ROAD ACCIDENTS (PART 2)

Abstract. Following up on the topic of modern technologies for road accident prevention, it was concluded that accident prevention involves four components: 1) legislative measures; 2) technical solutions; 3) publicity; 4) control. Based on this, it was decided to consider all components sequentially. The first part of the article examined legislative regulations governing road traffic. The problems of legal regulation have been identified, which are associated with a large number of subjects of prevention and regulatory legal acts. At the same time, there is no single regulatory act that would regulate all issues related to traffic. Considering the second component of road accident prevention, it is concluded that modern technologies undoubtedly help to control traffic and to reduce accident rates. However, to increase the effectiveness of preventive measures, it is necessary to eliminate the influence of third parties: commercial organizations (installing cameras for photo and video, «smart traffic lights» etc.), the purpose of which is to make a profit. Road safety prevention and commercial interests should not be confused, as these preventive actors have different goals that do not contribute to the overall objective of road safety. It is necessary to address the issue of creating technical units within the State Inspectorate for Road Traffic Safety, where specialists will independently install, maintain, and perform predictive diagnostics of technical solutions and technologies.

Keywords: prevention, technologies, technical solutions, digital and platform solutions, «smart» traffic lights, intelligent transport system, unified transportation system management platform, predictive maintenance, digital twins, geographic information systems

For citation: Vaschenko B.M., Prudnikov A.V. The Use of Modern Technologies to Prevent Road Accidents (Part 2). *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 293–307. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.24

Введение. Как мы уже писали в первой части нашей статьи, профилактика ДТП включает 4 составляющих: 1) законодательные меры; 2) технические решения; 3) пропаганда; 4) контроль. Подробнее остановимся на технических решениях, или иначе технологиях¹, направленных на повышение безопасности дорожного движения.

Для применения технологий необходимы технические решения и регламенты, в том числе стандарты².

Применение технических решений и технологий, направленных на повышение безопасности дорожного движения, лежит в основе стратегических документов нормативного планирования. Например, в Стратегии безопасности дорожного движения³ подчёркивается важность цифровой трансформации и ускоренного внедрения новых технологий, в том числе с участием искусственного интеллекта (далее – ИИ), для повышения безопасности дорожного движения.

---

¹ Термин «технология» происходит от греческих слов: *techne* – «искусство, мастерство, умение» и *logos* – «учение, наука». В научное употребление термин ввёл немецкий учёный Иоганн Бекман в 1772 г. для обозначения «науки о ремесле». Технология – совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата. В широком смысле – применение научного знания для решения практических задач. Технология включает в себя способы работы, режимы работы, последовательность действий – то есть отвечает на вопрос «как, каким образом, с помощью чего» можно что-либо сделать.

² ГОСТ – государственный стандарт, система нормативных документов, устанавливающих единые стандарты качества и безопасности к выпускаемой на территории России продукции. В России ГОСТы разрабатываются и утверждаются Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (далее – Росстандартом). Стандарты, установленные в РФ, называют ГОСТ Р, они действуют только на территории России. Расшифровка ГОСТ: первый код – номер регистрации, второй (после дефиса) – год утверждения стандарта. ГОСТ не всегда обязателен к применению – часто соблюдение стандарта добровольное, производитель сам решает, ориентироваться ли ему на определённые стандарты. Согласно распоряжению Правительства РФ от 04.11.2017 №2438-р, есть перечень документов по стандартизации, обязательное применение которых обеспечивает безопасность дорожного движения на территории России. В первую очередь это касается компаний, которые занимаются строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием дорог. Кроме того, обязательным для применения стандарт становится в том случае, если изготовитель или исполнитель публично заявил о соответствии продукции этому стандарту, а также в случае применения обозначения стандарта в маркировке, в эксплуатационной или иной документации, и (или) маркировки продукции знаком национальной системы стандартизации (пункт 3 статьи 26 Федерального закона от 29.06.2015 №162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» действует, редакция от 30.12.2020 вступила в силу с 29.06.2021).

³ Существует проект «Стратегии повышения безопасности дорожного движения до 2030 г. (и на перспективу до 2036 г.)», который в июле 2025 г. МВД России разместило на сайте regulation.gov.ru для общественного обсуждения. Планируется, что его утвердят указом Президента.

Также в Транспортной стратегии Российской Федерации⁴ говорится о важности внедрения современных технологий, таких как автономный транспорт, интеллектуальные пункты пропуска⁵, BIM-технологии⁶, цифровые двойники и другие, для снижения социального риска на автомобильном транспорте.

Подробно остановимся на некоторых технических решениях и технологиях⁷, направленных на повышение безопасности дорожного движения.

«Умные» средства профилактики дорожно-транспортных происшествий. Во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 №204 необходимо было внедрить к 2024 году новые технические требования и стандарты обустройства автомобильных дорог, в том числе на основе цифровых технологий, направленных на устранение мест концентрации дорожно-транспортных происшествий («очагов аварийности»).

Внедрение цифровых и платформенных решений в сфере дорожного движения осуществляется на основании следующих нормативных правовых актов: Распоряжения Минтранса России от 30.09.2022 №АК-247-р и Постановления Правительства РФ от 20.12.2017 №1596 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»».

Цифровые и платформенные решения в сфере дорожного движения – это инструменты цифровизации дорожной отрасли, которые позволяют оптимизировать процессы управления дорожным движением, предсказывать проблемы и принимать меры для их предотвращения. Их основная цель заключается в переходе от реактивного управления к проактивному, основанному на данных и прогнозах. Ключевым элементом здесь является сбор и анализ больших данных, поступающих от широкого спектра источников: датчиков, камер наблюде-

---

⁴ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 №3363-р (ред. от 06.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

⁵ Интеллектуальные пункты пропуска для предупреждения ДТП – это системы, которые автоматизируют процессы контроля в пунктах пропуска, используя элементы искусственного интеллекта, для обеспечения безопасности дорожного движения. Такие системы могут быть направлены на: контроль пешеходных переходов – отслеживание перемещения пешеходов, обеспечение светового сопровождения в тёмное время суток, чтобы предупредить водителя о наличии человека на проезжей части; автоматизацию таможенных операций – использование «умных» инспекционно-досмотровых комплексов, которые сканируют транспортные средства и грузы, и искусственного интеллекта для анализа изображений

⁶ BIM-технологии (Building Information Modeling) используются для предупреждения дорожно-транспортных происшествий в дорожной отрасли. Это технологии информационного моделирования, которые позволяют создавать цифровые модели (двойники) дорог, дорожных сооружений и связанной с ними инфраструктуры. Цель: учесть все нюансы строительства, предусмотреть особенности эксплуатации и оптимизировать безопасность.

⁷ Технические условия (далее – ТУ) и технологические инструкции (далее – ТИ) отличаются по своему назначению и содержанию. Технические условия – это нормативные документы, которые устанавливают технические требования к продукции, материалам или оборудованию. Они содержат конкретные технические параметры, характеристики и стандарты, которым должен соответствовать продукт или оборудование. ТУ являются обязательными и должны выполняться при производстве продукции или использовании оборудования. Технологические инструкции – это документы, которые определяют последовательность операций и процессов, необходимых для производства продукции или предоставления услуг. Они подробно описывают технологические процессы, методы, материалы, оборудование и параметры, которые должны быть использованы для достижения заданных характеристик продукции. Технологические инструкции не являются обязательными документами, и их разработка и использование могут зависеть от внутренних производственных процессов и практик компании. Таким образом, основное различие между ТУ и ТИ в том, что ТУ фокусируются на конкретном продукте или услуге, а ТИ – на методах производства.

ния, GPS-транспорта, мобильных приложений пользователей и даже социальных медиа. Эти массивы информации, обрабатываемые с помощью алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта, позволяют не только наблюдать текущую ситуацию в режиме реального времени, но и моделировать будущие состояния транспортной сети.

Прямым следствием внедрения этих решений является оптимизация процессов управления дорожным движением. Так, например, алгоритмы динамического управления светофорами, адаптированные к реальному транспортному потоку, снижают заторы и сокращают время в пути. Платформенные сервисы для пользователей предоставляют персонализированные маршруты, предупреждения о пробках или опасных условиях. Например: «умные» светофоры и дорожные датчики⁸ позволяют динамично регулировать потоки транспорта, оптимизировать время ожидания на светофорах и сокращать пробки.

Цифровые и платформенные решения включают внедрение цифровых технологий, создание цифровых платформ и сервисов, а также интеграцию элементов интеллектуальных транспортных систем (далее – ИТС).

В Иркутске в 2022 году установили «умные» светофоры и датчики мониторинга дорожного движения в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги»⁹. Например, в час пик система даёт сигнал светофору дольше гореть зелёным по основному потоку движения транспорта, чтобы пропускать больше машин. По информации на июнь 2025 года, планируется создание «интеллектуальной транспортной системы» в Иркутске¹⁰, в которую войдут «умные» светофоры и детекторы транспортных потоков. Согласно документам, детекторы планируют установить на 20 участках. Цели внедрения ИТС: увеличение пропускной способности улиц и минимизация пробок; повышение безопасности дорог и сокращение числа ДТП за счёт установки камер

---

⁸ «Умные» светофоры – это системы динамического управления сигналами светофора, которые анализируют трафик, время суток и погодные условия. Дорожные датчики – устройства, которые собирают информацию о транспортных средствах и загруженности дорог. Принцип работы «умных светофоров»: датчики фиксируют параметры движения (количество транспортных средств, их скорость, тип) и передают информацию на центральный сервер. Система принимает решения о том, как оптимизировать работу светофоров на перекрёстке. Например: при увеличении потока машин в определённом направлении система может продлить зелёный сигнал для них, а при уменьшении – сократить его; во время пиковых периодов светофоры на перекрёстках синхронизируют свои фазы так, чтобы обеспечить «зелёные коридоры» для транспорта. Виды дорожных датчиков: индуктивные – устанавливаются в дорожном полотне, реагируют на присутствие металла. Например, при проезде над рамкой автомобиля с металлической массой её индуктивность изменяется, и автомобиль регистрируется; радиолокационные – монтируются на опорах освещения, опорах контактной сети, стенах зданий сбоку от проезжей части. Регистрируют наличие движущихся транспортных средств в зонах контроля и ведут статистический учёт динамических параметров транспортных потоков; видеодетекторы – система состоит из одной или нескольких видеокамер, сигналы от которых обрабатываются специальным программным обеспечением. Определяют общее число прошедших транспортных средств по каждой полосе движения за заданный промежуток времени, классифицируют их по типам и т.д.

⁹ На реализацию проекта «Безопасные качественные дороги» из федерального и областного бюджетов на установку оборудования было выделено 197 миллионов руб. [Электронный ресурс] // Иркутск Сегодня : сайт. URL: <https://irk.today/2022/05/12/dva-umnyh-svetofora-ustanovyat-na-kachugskom-i-melnichnom-traktah-v-etom-godu/> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁰ Светофоры станут умнее? В Иркутске готовы потратить миллионы на «интеллектуальную транспортную систему»: что это. [Электронный ресурс] // IRCITY.RU : сайт. URL: <https://ircity.ru/text/transport/2025/06/22/75621101/> (дата обращения: 25.10.2025).

фото- и видеофиксации (далее – ФВФ) нарушений ПДД; помощь водителям и дорожным службам в подготовке к осадкам и обледенению дорог.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2017 года №443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», за установку светофоров и датчиков движения отвечают местные органы власти (с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 08.07.2024 №171-ФЗ).

Полномочия федеральных органов власти в этой области, в свою очередь, включают мониторинг трафика и разработку нормативных правовых актов. К полномочиям региональных властей относят: разработку и реализацию региональной политики в области организации дорожного движения¹¹; организацию дорожного движения на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения, в том числе мониторинг дорожного движения; обеспечение установки, замены, демонтажа и содержания технических средств организации дорожного движения на таких дорогах.

При этом, согласно Федеральному закону от 08.07.2024 №171-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», полномочия органов местного самоуправления и регионов в области организации дорожного движения разрешено перераспределять.

Согласно статье 22.1 Федерального закона от 08.11.2007 №257-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», решение о размещении средств фиксации нарушений правил дорожного движения, в том числе, «умных» светофоров и датчиков движения могут принять: уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ (в Иркутской области это министерство транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области) по территории которого проходит дорога, на которой предлагается разместить средства фиксации; владелец автомобильной дороги, на которой предлагается разместить средства фиксации. При этом, решение, принятое одним из этих органов, должно быть согласовано с другим. Если в течение 15 рабочих дней со дня получения запроса владелец дороги или уполномоченный орган не сообщает о согласии или мотивированном отказе, решение счи-

---

¹¹ В Иркутской области есть нормативно-правовые акты, которые регулируют полномочия региональных властей в области организации дорожного движения, например: Постановление Правительства Иркутской области от 16.05.2022 №364-пп. В нём закреплено, что в сферу управления в области организации дорожного движения в Иркутской области входит разработка и реализация региональной политики в этой области; Постановление Правительства Иркутской области от 01.03.2021 №122-пп (ред. от 16.10.2023). В нём указано, что в сферу управления в области организации дорожного движения в Иркутской области входит, в частности, организация и мониторинг дорожного движения на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения; Постановление Правительства Иркутской области от 13.11.2023 №1019-пп. В нём утверждена государственная программа Иркутской области «Развитие дорожного хозяйства»; Постановление Правительства Иркутской области от 11.06.2025 №503-пп. В нём установлен порядок разработки, согласования и утверждения комплексных схем организации дорожного движения, а также проектов организации дорожного движения для автомобильных дорог регионального, межмуниципального, местного значения и для частных автомобильных дорог.

тается несогласованным. Кроме того, средства фиксации нарушений ПДД размещаются по согласованию с прокуратурой¹² только в «очагах аварийности»¹³.

По информации на май 2024 года, специалисты регионального управления ГИБДД Иркутска по итогам прошлого года выявили 25 очагов аварийности – зон, где за 12 месяцев произошло три и более ДТП с погибшими или пострадавшими людьми¹⁴.

Порядок размещения средств фиксации регулируется, в частности, постановлением Правительства РФ от 01.06.2024 года №754 «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации».

В 2022 году победителем конкурса на установку интеллектуальной транспортной системы, в том числе «умных» светофоров и датчиков, в Иркутске стало московское Научно-производственное объединение «Интеллектуальные технические системы» (далее – НПО ИТС)¹⁵. Стоимость контракта на установку интеллектуальной транспортной системы в Иркутской агломерации (Иркутск, Ангарск, Шелехов и районы вокруг этих городов) для НПО ИТС составила 572 миллиона рублей.

В Иркутской области создан ОГКУ «ЦОДД» (Областное государственное казённое учреждение «Центр организации дорожного движения Иркутской области»)¹⁶. В задачи Центра организации дорожного движения Иркутской об-

---

¹² Методические рекомендации «Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства при создании и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения», утверждённые письмом Генеральной прокуратуры РФ от 31.19.2019 №74/2-23-2019. В документе говорится, что выбор мест установки средств автоматической фиксации осуществляется на основании анализа аварийности на участках автомобильных дорог с высокой вероятностью возникновения ДТП, что соответствует приказу МВД России от 23.08.2017 №664. Прокуратура участвует в контроле за установкой и эксплуатацией комплексов фотовидеофиксации. Ведомство проверяет, в частности, законность установки комплексов, установление скоростного режима, установку дорожных знаков и другие аспекты. В 2024 г. Генеральная прокуратура РФ поручила прокурорам регионов провести ревизию мест установки дорожных камер совместно с органами Госавтоинспекции. Цель – исключить использование комплексов фотовидеофиксации не по целевому назначению.

¹³ Очаг аварийности – это участок дороги, представляющий повышенную опасность и обладающий статистически устойчивым и неслучайным уровнем совершения дорожно-транспортных происшествий. Определение очага аварийности прописано в ФЗ № 196-ФЗ. Согласно ему, это участок дороги протяжённостью не более 1 км за городом или не более 200 м в населённом пункте, где в течение года произошло более трёх ДТП одного типа (например, столкновения или выезды на встречку) или пять разнотипных видов аварий, в результате которых погибли или были ранены люди. Аварии, в которых не пострадали люди, в статистику не входят. Также камеру можно ставить на перекрёстках, где в течение года произошло четыре и более однотипных ДТП без пострадавших (поправка действует с 01.09.2024). Мы считаем, что существующая формулировка нуждается в доработке. По нашему мнению, количество ДТП для признания участка аварийным нужно расширить до трёх лет. Предлагаем внедрить оперативный анализ – проводить оценку аварийности и принимать решения, не дожидаясь окончания календарного года.

¹⁴ Камеры намерены установить на дорогах Иркутска в местах частых ДТП. [Электронный ресурс] // Интерфакс Россия: сайт. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/siberia/novosti-gorodov/kamery-namereny-ustanovit-na-dorogah-irkutska-v-mestah-chastyh-dtp> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁵ НПО «Интеллектуальные технические системы» – коммерческая организация. Компания была создана в 2020 г. и специализируется на оптовой торговле программным обеспечением. НПО ИТС с 2020 г. выиграло торги на установку интеллектуальных систем в восьми регионах страны, не считая Иркутской области, на общую сумму более 3,5 млрд руб.

¹⁶ Областное государственное казённое учреждение «Центр организации дорожного движения Иркутской области» (ОГКУ «ЦОДД») зарегистрировано 11.03.2025 г. и по состоянию на 15.10.2025 г., является действующим юридическим лицом. Учредителем ОГКУ «ЦОДД» выступает Иркутская область, права учредителя осуществляет Министерство Транспорта и Дорожного Хозяйства Иркутской области.

ласти входят, в частности: обеспечение безопасности дорожного движения на дорогах регионального и межмуниципального значения; обработка и анализ записей с камер фиксации нарушений ПДД; обработка материалов с пунктов весового и габаритного контроля транспортных средств; разработка и принятие мер для повышения безопасности на дорогах; внедрение интеллектуальных транспортных систем; консультации и методическая помощь муниципалитетам по вопросам повышения безопасности дорожного движения.

Таким образом, инициирует установку умных камер и датчиков движения ГИБДД и региональные (муниципальные) власти; согласовывают уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ или владелец дороги, если она находится в его ведении; устанавливают НПО ИТС, контролирует их работу ГИБДД, надзор за установкой осуществляет прокуратура, контроль за доходами ведет ЦОДД, а сами доходы получает регион¹⁷. Все доходы поступают в дорожный фонд региона¹⁸, он их распределяет на обустройство дорожной сети. Так, в январе 2024 года сообщалось, что в 2024 году дорожный фонд Иркутской области составит 22,5 млрд рублей, из них: из областного бюджета – 17,1 млрд рублей; из федерального – 4,8 млрд рублей; из местных – 0,6 млрд рублей. Наибольший объем средств – 10,7 млрд рублей – планировалось направить на реализацию регионального проекта «Региональная и местная дорожная сеть Иркутской области». Среди других направлений использования средств: субсидия «Транспортный каркас Иркутской области». Из регионального бюджета в муниципалитеты планировали направить 2,1 млрд рублей, чтобы привести в нормативное состояние дороги, ведущие к социально-важным объектам, а также Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». На неё планировали направить 1,01 млрд рублей, чтобы выделить субсидии на приведение в нормативное состояние улично-дорожной сети и работы на участках местных дорог, соединяющих населённые пункты¹⁹.

Что касается создания единой платформы управления транспортной системой (далее – ЕПУТС), то она объединяет все подсистемы и сервисы ИТС до-

---

¹⁷ Согласно информации, опубликованной в 2023 г., все приборы автофиксации дорожных нарушений в Иркутской области принадлежат областному правительству, и средства, собранные за административные нарушения, поступают в бюджет региона. В 2022 г. сообщалось, что дорожные камеры Иркутской области зафиксировали нарушений на сумму свыше 230 млн руб. [Электронный ресурс] // Общественно-политическая газета «Областная» : сайт. URL: <https://www.ogirk.ru/2022/11/24/v-irkutskoj-oblasti-dorozhnye-kamery-zafiksirovali-narushenij-na-230-mln-rublej/> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1206 «О порядке формирования и использования бюджетных ассигнований Федерального дорожного фонда и о внесении изменений в Правила формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы» (в редакции от 30.05.2024). Определение «Дорожный фонд» закреплено в статье 179.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации и обозначает часть средств бюджета, подлежащая использованию в целях финансового обеспечения дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог общего пользования. Правительство РФ одобрило поправки о новых источниках формирования дорожных фондов. Для федерального дорожного фонда предлагается использовать доходы от использования государственного имущества по условиям концессионных соглашений. Для региональных и муниципальных дорожных фондов – плату в возмещение вреда дорогам, причиняемого тяжеловесным транспортом, и штрафы за нарушение правил движения такого транспорта.

¹⁹ Дорожный фонд Иркутской области в 2024 г. составит 22,5 млрд руб., сопоставим с 2023 г. [Электронный ресурс] // Интерфакс Россия: сайт. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/main/dorozhnyy-fond-irkutskoy-oblasti-v-2024g-sostavit-22-5-mlrd-rub-sopostavim-s-2023g> (дата обращения: 25.10.2025).

рожной сети региона (города, дороги) как единого целого. К функциям платформы относится: единый центр управления транспортом; информирование участников дорожного движения о предстоящих изменениях в организации движения в режиме заблаговременного предупреждения; мониторинг и прогнозирование транспортной ситуации в режиме онлайн на основе данных от всех поставщиков информации. При этом, главная цель ЕПУТС – организация взаимосвязанного функционирования всех подсистем и сервисов интеллектуальной транспортной системы дорожной сети агломераций как единого целого для повышения пропускной способности транспортной сети и безопасности участников дорожного движения²⁰.

Облачные платформы управления трафиком позволяют интегрировать данные из различных источников, включая камеры наблюдения, метеостанции и датчики дорожного движения, обеспечивая комплексное представление о городской мобильности, что, в конечном итоге, помогает принимать более стратегические решения по управлению дорожным движением. Функции облачных платформ, влияющие на безопасность: автоматическое распознавание опасных ситуаций. Если система видит, что на конкретном участке появляются предпосылки для ДТП, она может незамедлительно пересмотреть режим светофоров или проинформировать службы о высокой вероятности инцидента; предупреждение водителей о пробках или происшествиях заблаговременно и направление их на альтернативные маршруты; приоритет проезда общественного транспорта и транспорта служб экстренного реагирования; информирование участников дорожного движения о ситуации на дороге с помощью табло переменной информации или мобильных приложений²¹.

Однозначного ответа на вопрос, снизилось ли количество аварий в Иркутске в связи с применением интеллектуальных транспортных систем нет. Однако есть информация о том, что в Иркутской области продолжают развивать ИТС, в том числе устанавливают подсистемы предупреждения дорожно-транспортных происшествий и чрезвычайных ситуаций, а также подсистемы метеомониторин-

---

²⁰ ЦОДД и ЕПУТС – разные понятия, но концепция деятельности ситуационного центра ЦОДД связана с концепцией единой платформы управления транспортной системой. ЦОДД – один из примеров масштабного проекта объединения разнородных систем, охватывающих различные задачи в области транспорта, в единую систему. Если в Иркутске ЦОДД действует номинально (все действия совершает датчик), то, например, в Республике Бурятия ЦОДД реальный центр, при этом, сообщалось, что в 2022 г. в столице Бурятии завершён второй этап формирования умной системы, основанной на ИИ. В результате модернизировали 40 светофоров, установили 40 контроллеров, 72 обзорные камеры, 103 транспортных детектора, а на 13 остановках появилось 28 мультимедийных информационных табло.

²¹ В 2022-2023 гг. в Иркутске установили 20 подсистем светофорного управления и 17 подсистем мониторинга параметров транспортных потоков. В 2024 г. сообщалось, что в Иркутской области в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги» устанавливают подсистемы детектирования ДТП и ЧС, которые ведут наблюдение за дорогой и обстановкой на ней, выполняют функцию фото- и видеофиксации. Также монтируют подсистемы метеомониторинга, которые предупреждают водителей о возникновении гололёда и других опасностей на дорогах. Для водителей и пешеходов интеллектуальная транспортная система визуально незаметна, так как внешне это привычные светофоры, которые горят больше или меньше в зависимости от ситуации на конкретном участке.

га²². По итогам 2024 года сообщалось, что в Иркутской области, по сравнению с предыдущим годом, сократилось количество дорожно-транспортных происшествий на 2,1%, количество погибших в авариях – на 2,4%, раненых – на 4,6%²³.

Таким образом, можно констатировать, что использование ИТС положительно влияет на безопасность дорожного движения.

Цифровые двойники – это технология предиктивного обслуживания, его ключевой элемент, который предусматривает создание цифровых копий дорожной инфраструктуры, позволяющей в режиме реального времени моделировать и анализировать её состояние для более эффективного обслуживания. Цифровые двойники также применяют для виртуальных краш-тестов, моделирования износа и долговечности компонентов автомобилей, обучения систем автопилота и ассистентов водителя, а также для оптимизации маршрутов транспорта и пассажиропотоков²⁴.

И, последнее, на чём хотелось бы ещё заострить внимание, это геоинформационные системы (далее – ГИС), которые применяются в дорожном планировании, в том числе, для обеспечения безопасности дорожного движения. В дорожной отрасли ГИС используются для создания детальных моделей дорог. При планировании учитывают такие параметры как рельеф, геологические условия, климат и даже социально-экономические характеристики территории для оптимизации маршрутов и трафика. Системы позволяют оценить будущую нагрузку на трассу, смоделировать транспортные потоки и заранее спрогнозировать потенциально опасные точки, такие как сложные перекрестки или же участки с ограниченной видимостью. Инженеры могут виртуально тестировать различные варианты организации движения, размещения дорожных знаков, обустройства пешеходных переходов и освещения, выбирая оптимальное решение, максимизирующее уровень безопасности еще до начала строительных работ.

Оперативное управление безопасностью также опирается на возможности геоинформационных систем. В режиме реального времени ГИС могут агрегировать данные с камер видеонаблюдения, метеостанций, датчиков контроля скорости и датчиков состояния дорожного покрытия. Наложение этих динамических данных на цифровую карту позволяет диспетчерским центрам визуализировать текущую ситуацию на всей подконтрольной сети. При возникновении

---

²² В Иркутской области продолжают развивать интеллектуальную транспортную систему. [Электронный ресурс] // Ситуационно-информационный центр Минтранс России : сайт. URL: <https://sicmt.ru/press-center/v-irkutskoj-oblasti-prodolzhayut-razvivat-intellektualnuyu-transportnuyu-sistemu> (дата обращения: 25.10.2025).

²³ Количество автомобильных аварий снизилось в Иркутской области. [Электронный ресурс] // Новое телевидение Сибири : сайт. URL: <https://nts-tv.ru/events/kolichestvo-avtomobilnykh-avarij-snzilos-v-irkutskoy-oblasti/> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁴ Транспортная инфраструктура Иркутской области планирует использовать технологию цифровых двойников. По информации на сентябрь 2025 г., Иркутский государственный университет путей сообщения разработал агрегированный цифровой двойник моста и получил на него патент. Технология позволяет мониторить состояние объекта в режиме реального времени, определять дефекты конструкции и её остаточный ресурс с учётом трафика, а также прогнозировать негативные события. Планируется, что в 2025-2026 гг. цифровыми двойниками оборудуют два моста в Иркутской области – через реки Олха и Ушаковка. В перспективе разработку планируют применить на мосту через Лену для выявления тяжеловесных ТС, которые разрушают покрытие дорожной сети.

ДТП, обрыве линии электропередач или резком ухудшении погодных условий система оперативно отображает местоположение проблемы, обеспечивая скоординированное и быстрое реагирование экстренных служб. Построение оптимальных маршрутов объезда и своевременное информирование водителей через табло и мобильные приложения помогают минимизировать риски вторичных происшествий.

В настоящее время ГИС используют аналитический центр Госавтоинспекции. Центр представляет собой комплекс аппаратных и программных средств, предназначенных для выработки управленческих решений в области безопасности дорожного движения. Также следует назвать центр специального назначения (далее – ЦСН) в области безопасности дорожного движения МВД России. Одной из ключевых задач, решаемых с помощью геоинформационных технологий, является точное определение очагов аварийности. Так, специалисты центра, используя инструменты ГИС, моделируют различные сценарии изменений на проблемных участках (например, виртуальная проработка новой схемы организации движения, нанесения разметки или установки дорожных знаков и объектов). Отметим, что на единую цифровую карту также выводится текущая дорожная обстановка: место и масштаб ДТП, образующиеся заторы, перекрытия полос движения, изменения погодных условий. Это даёт возможность дежурным сменам оперативно координировать действия экстренных служб, нарядов ДПС, дорожно-эксплуатационных организаций и др.

В реалиях сегодняшнего времени системы автоматической фотовидеофиксации (комплекс ФВФ) также помогают снизить количество нарушений ПДД за счёт формирования устойчивого психологического эффекта – постоянного присутствия контроля. Водитель, осознавая вероятность фиксации любого нарушения на протяжении всего маршрута, внутренне адаптируется к необходимости непрерывного соблюдения правил дорожного движения, это приводит к выработке дисциплины как привычки. Ключевым операционным преимуществом ФВФ является их способность функционировать в постоянном режиме, независимо от времени суток, погодных условий или человеческого фактора. Они обеспечивают непрерывный мониторинг ключевых параметров: скорости, проезда на запрещающий сигнал, соблюдения правил остановки и стоянки, движения по полосам для общественного транспорта и др.

Постановлением Правительства РФ «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» от 1 июня 2024 года № 754 был введён ряд новелл в области регламентации использования технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения. Ключевым аспектом Постановления является чёткое определение критериев и процедуры для размещения каждого типа средств фиксации. Для стационарных комплексов установлен исчерпывающий перечень оснований, главным из которых является отнесение участка дороги к местам концентрации дорожно-транспортных происшествий, при этом вводится обязательность предварительного анализа аварийности

данного участка дороги. Это означает, что решение об установке аппаратуры должно быть документально обосновано, что исключает произвольный выбор мест и нацеливает систему на профилактику аварий именно там, где риск наиболее высок. Дополнительными основаниями являются необходимость контроля на сложных участках дорог, таких как зоны искусственных неровностей, пешеходные переходы, железнодорожные переезды, а также места, где регулярно фиксируются массовые нарушения, создающие угрозу безопасности. Передвижные средства, размещаемые на транспортных средствах или специальных конструкциях, могут использоваться на участках, не отнесённых к местам концентрации ДТП, но где выявлена необходимость профилактического контроля. Постановлением установлен запрет на общие контролируемые участки (зоны контроля стационарных, передвижных и мобильных камер не должны иметь общие участки при фиксации одних и тех же видов нарушений). В Постановлении обращается внимание на то, что стационарные средства должны быть обозначены соответствующими дорожными знаками, а их зоны контроля – специальной табличкой. Для передвижных средств, работающих вне специально оборудованных транспортных средств, также установлена обязанность по дополнительному информированию, например, с использованием переносных знаков. Все сведения о местах установки стационарных и типовых зонах работы передвижных комплексов подлежат обязательному размещению в общедоступных источниках, прежде всего на официальном сайте Госавтоинспекции МВД России.

Федеральный закон от 29 мая 2023 года №197-ФЗ внёс изменения в Закон об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности, регламентирующие использование технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД. Так, законодатель закрепил приоритетность применения средств автоматической фиксации на участках дорог, отнесённых к местам концентрации дорожно-транспортных происшествий, а также на маршрутах патрулирования и на территориях, где существует повышенный риск совершения отдельных видов правонарушений. Кроме того, Закон ввёл единые для всей страны требования к техническим характеристикам и функциональным возможностям средств фотовидеофиксации. Важным нововведением стала норма, обязывающая информировать участников дорожного движения о местах расположения стационарных комплексов фиксации путём установки соответствующих дорожных знаков и размещения информации в общедоступных источниках, включая интернет-ресурсы.

Основные полномочия в области установки и эксплуатации средств ФВФ сосредоточены в руках органов власти субъектов Российской Федерации.

Вопрос в том, а реально ли комплексы ФВФ профилируют безопасность дорожного движения или решают иные вопросы коммерческого характера? Так, в 2024 г. на основании материалов, полученных при использовании комплексов ФВФ, было выявлено 236,6 млн правонарушений: 93 % от общего числа административных правонарушений в области дорожного движения. Общая сумма штрафов по ним составила почти 150 млрд рублей. Региональные

власти и владельцы автомобильных дорог по взаимной договорённости определяют, кто именно размещает дорожную камеру. Местные бюджеты передают полномочия по установке и обслуживанию комплексов ФВФ частным коммерческим организациям и индивидуальным предпринимателям на правах аутсорсинга. Юридические лица и ИП, подписавшие концессионный договор с муниципалитетами, приобретают, устанавливают и обслуживают комплексы ФВФ за свой счёт. Владельцам комплексов фотовидеофиксации полагается процент от каждого уплаченного штрафа или фиксированная сумма, детали которой определяются условиями договора. Например, компания «МВС Групп», установившая камеры в Московской области, получает 233 рубля с каждого штрафа. Один комплекс в среднем фиксирует около 70 нарушений в день, что приносит около 16 000 рублей ежедневно. Доход с одной камеры за год составляет более 5,8 млн рублей²⁵. Доходность комплексов фотовидеофиксации зависит от их функционала: чем шире возможности устройства, тем больше нарушений оно может фиксировать и тем выше доход²⁶.

Заключение. Думается, что современные технологии помогают контролировать дорожное движение и снижать уровень аварийности, однако необходимо исключить влияние третьих лиц, а именно: коммерческих организаций (по установке ФВФ, «умных светофоров» и т.д.), целью которых является только получение прибыли. Нельзя смешивать профилактику безопасности дорожного движения и коммерческий интерес, разные цели не способствуют достижению единой задачи, а именно: безопасности дорожного движения. Необходимо решать вопросы по созданию технических подразделений на базе ГИБДД, где специалисты будут самостоятельно устанавливать, обслуживать и заниматься предиктивной диагностикой технических решений и технологий²⁷.

---

²⁵ Система видеofиксации. Как установить и сколько на ней можно заработать. [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : сайт. URL: https://vrn.aif.ru/auto/sistema_videofiksacii_kak_ustanovit_i_skolko_na_ney_mozhno_zarabotat?erid=LjN8K87oR (дата обращения: 25.10.2025).

²⁶ Размер штрафа с камеры видеofиксации зависит от вида нарушения. В 2025 г. предусмотрены следующие суммы штрафов за некоторые нарушения: Превышение скорости: на 20-40 км/ч – 750 руб.; на 40-60 км/ч – 1 500-2 250 руб.; на 60-80 км/ч – 3 000-3 750 руб.; более чем на 80 км/ч – 7 500 руб. При повторном нарушении сумма штрафа увеличивается. Проезд по полосе, предназначенной для маршрутного транспорта: в регионах – 2 250 руб.; в Москве и Санкт-Петербурге – 4 500 руб. Проезд по обочине – 2 250 руб. Проезд на запрещающий сигнал светофора: первичное нарушение – 1 500 руб.; повторное нарушение – 7 500 руб. Использование телефона за рулём – 1 500 руб. Парковка на тротуаре: в регионах – 1 000 руб.; в Москве и Санкт-Петербурге – 3 000 руб. Езда без использования ремней безопасности водителем и/или пассажирами – 1 500 руб. Выезд за стоп-линию при запрещающем сигнале светофора: первичное нарушение – 800 руб.; повторное нарушение – 7 500 руб. Выезд на перекрёсток, создающий помеху другим участникам движения (на «вафельную» разметку) – 1 000 руб. Отказ пропустить пешехода на пешеходном переходе – 1 500-2 500 руб. Нарушение правил проезда через ж/д переезд – 5 000 руб. Проезд во встречном направлении по дороге с односторонним движением – 7 500 руб. Поворот или разворот из не предназначенной для этого полосы – 500 руб. Неоплата парковки: в регионах – в зависимости от местного законодательства (от 1 000 руб.); в Санкт-Петербурге – 3 000 руб.; в Москве – 5 000 руб. Сама камера не выписывает штраф самостоятельно. Это делает человек, эксперт ЦАФАП (Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения) или инспектор ГАИ, после изучения фото- и видеоматериалов, предоставленных камерой.

²⁷ В структуре Госавтоинспекции есть служба технического контроля, которая занимается контролем технического состояния транспортных средств. Сотрудники этого подразделения, в частности, следят за техническим состоянием машин, участвуют в выдаче диагностических карт на автобусы, осуществляют осмотр транспортных средств при регистрационных действиях и согласовывают их переоборудование. Мы же говорим о том, чтобы сотрудники службы технического контроля полностью взяли на себя функции по установке, обслуживанию и предиктивной диагностике технических решений и технологий.

Первичный запрос на установку комплексов фотовидеофиксации формирует ГИБДД, руководствуясь статистикой ДТП. Развитие сети таких комплексов в России происходит в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги».

Например, в 2025 году в Иркутской области планировалось установить 25 камер фотовидеофиксации на наиболее аварийных участках дорог, которые были очагами аварийности в 2024 году или признаны потенциально опасными местами. Смонтировать камеры собирались до середины декабря 2025 года, на это было выделено 237,1 миллиона рублей. То есть, деньги на установку камер из бюджета выделяют только на следующий финансовый год (статья 83 БК РФ). Пока ассигнования выделяют, ГИБДД согласовывает установку камер с органами транспортной прокуратуры, когда пришло время установки камер, это уже может быть неактуальным, камеру установили (5 млн. руб. потратили из бюджета), но очага аварийности в этом месте уже нет, камеру демонтируют, но установить её в реальном очаге аварийности не могут без соответствующих согласований. Получается «замкнутый круг», обусловленный временным фактором согласований и получением ассигнований из бюджета. Считаем, что от такой практики следует избавляться, действовать мобильно в условиях реального времени, использовать при этом денежные средства региональных резервных фондов – статья 81.1 БК РФ регулирует создание резервного фонда субъекта Российской Федерации как публично-правового образования. Средства резервных фондов направляются на финансовое обеспечение непредвиденных расходов, в том числе на проведение аварийно-восстановительных работ и иных мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций. В данном случае установка ФВФ в очагах аварийности может быть отнесена к чрезвычайным ситуациям локального характера²⁸.

---

²⁸ Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определённой территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Согласно Федеральному закону №68-ФЗ от 21.12.1994 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024) очаги аварийности нельзя приравнивать к чрезвычайным ситуациям. Опять таки, в соответствии с постановлением Правительства РФ №304 от 21.05.2007 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 27.03.2025), выделяют разные виды ЧС в зависимости от масштабов распространения и тяжести последствий, в том числе, локального характера, согласно новой редакции, чрезвычайная ситуация локального характера определяется как ситуация, в результате которой территория, на которой сложилась чрезвычайная ситуация и нарушены условия жизнедеятельности людей, не выходит за пределы территории организации (объекта), при этом количество людей, погибших и (или) получивших ущерб здоровью, составляет не более 10 человек либо размер ущерба окружающей природной среде и материальных потерь (размер материального ущерба) составляет не более 376,2 тыс. руб.

Информация об авторах

Ващенко Борис Михайлович – кандидат юридических наук, помощник ректора по стратегическому партнерству и развитию, доцент кафедры конституционного и административного права

Прудников Александр Владимирович – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел

Information about the Authors

Vaschenko Boris Mikhailovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Rector for Strategic Partnership and Development; Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law;

Prudnikov Aleksandr Vladimirovich – Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies

Статья поступила в редакцию 9.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2026 г.; принята к публикации 15.06.2026 г.

The article was submitted 9.03.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Научная статья

УДК 342.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.25

Власова Елена Львовна

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации, Иркутск, Россия,

vlasovael1963@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0929-8176

Фидель Петр Михайлович

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации, Иркутск, Россия, p-fidel@mail.ru,

ORCID: 0000-0002-3097-4522

**ЭЛЕКТРОННЫЕ СЕРВИСЫ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГИБДД:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА**

Аннотация. В статье рассматривается процесс цифровизации взаимодействия граждан и организаций с Госавтоинспекцией в рамках общей трансформации государственного управления. Описаны ключевые электронные сервисы ГИБДД: проверка и оплата штрафов, регистрация транспортных средств, работа с водительскими удостоверениями, проверка истории автомобиля по VIN-коду, получение цифровых копий постановлений, использование приложения «Госуслуги Авто» с QR-кодами документов и др. Приведены правовые основы электронного взаимодействия (ФЗ № 210, ФЗ № 196, постановления Правительства РФ и приказы МВД). Анализируются преимущества цифровых сервисов – сокращение временных и административных затрат, повышение прозрачности и доступности госуслуг. Одновременно обозначены проблемы: технические сбои, риски кибербезопасности, неравномерность покрытия интернетом, правовые коллизии, различия в уровне цифровизации регионов и недостаточная цифровая грамотность пользователей. В заключении представлены перспективы развития, расширение функционала «Госуслуги Авто», интеграция систем на единой платформе, внедрение ИИ, легализация QR-кодов, запуск «Европротокола онлайн» и меры по повышению информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, ГИБДД, электронные сервисы, государственные услуги, «Госуслуги Авто», QR-код, проверка штрафов, регистрация ТС, водительское удостоверение, VIN-код, кибербезопасность, ФИС ГИБДД-М, межведомственное взаимодействие, цифровая трансформация, безопасность дорожного движения, электронное взаимодействие.

Для цитирования: Власова Е.Л., Фидель П.М. Электронные сервисы для взаимодействия с ГИБДД: возможности и преимущества / Е.Л. Власова, П.М. Фидель. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.25 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 308–316.

Original article

Vlasova Elena Lvovna

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, vlasovael1963@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0929-8176

Fidel Petr Mikhailovich

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, p-fidel@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3097-4522

ELECTRONIC SERVICES FOR INTERACTION WITH THE STATE INSPECTORATE FOR ROAD TRAFFIC SAFETY: POSSIBILITIES AND BENEFITS

Abstract. This article examines the digitalization process of interaction between citizens and organizations with the State Inspectorate for Road Traffic Safety within the framework of public administration's general transformation. The key electronic services of the State Inspectorate for Road Traffic Safety are described: verification and fines payment, vehicles registration, work with driver's licenses, checking the history of a vehicle by VIN-code, obtaining digital copies of rulings, using the «Gosuslugi Auto» with QR codes of documents, etc. The legal framework for electronic interaction (Federal Law No. 210, Federal Law No. 196, Russian Government decrees, and Ministry of Internal Affairs orders) is presented. The advantages of digital services, including reduced time and administrative costs and increased transparency and accessibility of government services, are analyzed. At the same time, technical issues, cybersecurity risks, uneven Internet coverage, legal conflicts, regional differences in digitalization and insufficient digital literacy of users are highlighted. In conclusion, development prospects, functional expansion of the «Gosuslugi Auto», integration of systems on a single platform, implementation of AI, legalization of QR codes, launch of «Europrotocol online» and measures to improve information security are presented.

Keywords: digitalization, State Inspectorate for Road Traffic Safety, electronic services, government services, Gosuslugi Auto, QR code, fine verification, vehicle registration, driver's license, VIN code, cybersecurity, Federal Information System State Inspectorate for Road Traffic Safety–M, interagency cooperation, digital transformation, road safety, electronic interaction

For citation: Vlasova E.L., Fidel P.M. Electronic Services for Interaction with the State Inspectorate for Road Traffic Safety: Possibilities and Benefits. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 308–316. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.25

Введение. В условиях цифровой трансформации государственного управления¹ взаимодействие граждан и организаций с органами власти всё активнее переходит в электронный формат. Сфера обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД) органично встраивается в данный процесс, демонстрируя существенную эволюцию механизмов взаимодействия с Госавтоинспекцией² посредством внедрения современных информационных технологий. Применение цифровых решений позволяет оптимизировать административные процедуры, минимизировать временные затраты участников дорожного движения, а также повысить уровень прозрачности и доступности государственных услуг в области БДД. Таким образом, цифровизация взаимодействия с ГИБДД – это логичный шаг в развитии системы государственного управления в сфере БДД, обусловленный как социальными запросами, так и стратегическими приоритетами цифровой трансформации государственного сектора.

Правовой основой данного процесса является ряд нормативно-правовых актов, среди которых Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ №210-ФЗ), Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – ФЗ № 196-ФЗ), Постановление Правительства РФ от 27.09.2011 № 797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти...»³, Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ о безопасности дорожного движения» и многие другие.

Классификация электронных сервисов, используемых для взаимодействия с ГИБДД. Ключевые онлайн-сервисы ГИБДД охватывают широкий спектр востребованных услуг, существенно упрощающих взаимодействие участников дорожного движения с ведомством. Прежде всего, это сервис проверки и оплаты штрафов⁴: пользователь может оперативно узнать о наличии неоплаченных взысканий, введя данные автомобиля (государственный номер), свидетельства о регистрации ТС (далее – СТС) или водительского удостоверения (далее – ВУ). Система отображает все актуальные штрафы с возможностью немед-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В этом документе упоминается направление «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (краткое наименование – «Экономика данных») запущен 01.01.2025 г. по поручению Президента России Владимира Путина.

² Госавтоинспекция (также Государственная инспекция безопасности дорожного движения – ГИБДД) – самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации.

³ Полное название документа: «Постановление Правительства Российской Федерации от 27.09.2011 №797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, публично-правовыми компаниями».

⁴ Портал «Госуслуги» (gosuslugi.ru) – официальный государственный портал, где можно проверить и оплатить штрафы; официальный сайт ГИБДД (гибдд.рф) – на сайте можно проверить штрафы, введя данные автомобиля.

ленной онлайн-оплаты. Не менее важна услуга регистрации транспортных средств, позволяющая в электронном виде подавать заявления: на постановку автомобиля на учёт, на замену государственных регистрационных знаков, на внесение изменений в регистрационные данные. Это сокращает необходимость личного посещения подразделений и ускоряет оформление документов. В сфере работы с водительскими удостоверениями доступен комплекс услуг: запись на сдачу экзаменов для получения ВУ, оформление замены удостоверения (например, при истечении срока действия или утрате), восстановление ВУ в случае потери или порчи. Особую ценность представляет сервис проверки истории автомобиля по VIN-коду⁵. Введя идентификационный номер, пользователь получает сведения о: участии транспортного средства в ДТП (с указанием даты, места и характера повреждений), наличии автомобиля в розыске, обременениях и залогах, действительности диагностической карты (результатах технического осмотра). Такой аудит критически важен при покупке подержанного автомобиля, так как позволяет оценить юридическую чистоту сделки. Кроме того, пользователи могут получить цифровые копии постановлений о нарушениях в формате PDF, включая фотоматериалы с камер фиксации⁶. Это обеспечивает прозрачность процесса и даёт возможность оперативно ознакомиться с деталями вынесенного решения.

Наконец, доступен сервис проверки статуса водительского удостоверения⁷, с помощью которого можно уточнить: действует ли ВУ на текущий мо-

---

⁵ VIN-код (Vehicle Identification Number) – это уникальный 17-значный код, который присваивается транспортному средству на заводе-изготовителе. Он содержит информацию о происхождении, характеристиках и некоторых особенностях автомобиля. VIN-код можно сравнить с отпечатком пальца у человека – двух машин с одинаковым VIN не существует.

⁶ Пользователи могут получить цифровые копии постановлений о нарушениях в формате PDF, включая фотоматериалы с камер фиксации, на основании Постановления Правительства РФ от 19.06.2021 № 947 «Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъёмки, видеозаписи, или средств фото и киносъёмки, видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг». Данное постановление утверждает правила, которые устанавливают порядок направления: экземпляров постановлений; копий решений по жалобам на постановления; материалов, полученных с применением специальных технических средств (включая фото- и видеоматериалы), в форме электронного документа через Единый портал государственных и муниципальных услуг.

⁷ Проверка статуса водительского удостоверения базируется на нескольких ключевых нормативных актах: Постановление Правительства РФ от 24.10.2014 №1097 «О допуске к управлению транспортными средствами» утверждает правила проведения экзаменов и выдачи водительских удостоверений; Приказ МВД России от 20.02.2021 №80 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» определяет порядок предоставления услуги и включает положения, касающиеся статуса удостоверений; Федеральный закон от 10.12.1995 №196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» устанавливает общие принципы обеспечения безопасности дорожного движения, включая вопросы, касающиеся водительских удостоверений; другие подзаконные акты и приказы МВД, которые регулируют отдельные аспекты, связанные с водительскими удостоверениями. Сервисы для проверки статуса водительского удостоверения: Официальный сайт ГИБДД (гибдд.рф) – на сайте можно проверить статус удостоверения, введя необходимые данные; портал «Госуслуги» (gosuslugi.ru) – в разделе услуг можно найти сервис для проверки статуса водительских прав; другие государственные и коммерческие сервисы, которые предоставляют данную услугу на основе данных из государственных баз.

мент, не лишён ли водитель права управления ТС по решению суда. Таким образом, онлайн-сервисы ГИБДД формируют целостную цифровую среду, позволяющую решать большинство типовых задач без личного визита в подразделение, экономя время и повышая удобство взаимодействия с ведомством.

Приложение «Госуслуги Авто»⁸ позволяет автомобилистам предъявлять цифровое водительское удостоверение и СТС в виде QR-кода. Сервис работает с 2021 года. На данный момент в приложение загружено почти 15 млн СТС и более 10 млн водительских удостоверений. Сотрудник ГИБДД считывает QR-код специальным устройством – планшетом, после чего данные верифицируются в реальном времени. Сведения, подписанные электронной цифровой подписью, передаются в приложение по защищённым каналам из ведомственных баз данных Госавтоинспекции в неизменном виде. Данные документов водителя загружаются из ГИБДД в сервис автоматически при наличии у приложения доступа к сети. QR-коды водительских прав и СТС обновляются один раз в 24 часа. Минцифры⁹ предлагает включить СТС и водительское удостоверение в перечень электронных документов, действующих наравне с бумажными. На данный момент применять QR-код можно в ситуациях, определённых Постановлением № 1443¹⁰.

Ещё одним инновационным решением является интерактивная карта дорожных камер на сайте ГИБДД¹¹. Она позволяет водителям узнать о местах установки дорожных камер, что способствует повышению безопасности дорожного движения и сознательности водителей. Информация о местах установки камер и маршрутах движения ТС с размещёнными на них мобильными средствами фиксации в открытом доступе на сайте МВД России¹².

Кроме того, существует система «Витрина данных ГИБДД» – подсистема федеральной информационной системы Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М), которая используется для предоставления данных по компетенции Госавтоин-

---

⁸ Приложение «Госуслуги Авто» было запущено в сентябре 2021 г. Приложение разработано в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Эксперимент по внедрению приложения проводят МВД России совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России.

⁹ Минцифры – сокращённое название Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 19.09.2025 № 1443 «О применении мобильного приложения федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях представления гражданами Российской Федерации сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документах, выданных гражданам Российской Федерации государственными органами Российской Федерации».

¹¹ Федеральный закон от 29.05.2023 №197-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С 01.09.2024 г. в соответствии с Законом действуют, в частности, Постановление Правительства РФ от 01.06.2024 г. №752 (порядок передачи, приёма и обработки информации о нарушении ПДД, зафиксированном дорожной камерой) и Постановление Правительства РФ от 01.06.2024 г. №754 (правила размещения комплексов фотовидеофиксации нарушений).

¹² Согласно постановлению Правительства РФ от 01.06.2024 №754, информация о местах установки камер и маршрутах движения транспорта с размещёнными на них мобильными средствами фиксации должна быть общедоступной и размещаться на сайте МВД. Документ вступил в силу с 01.09.2024 г. и действует до 01.09.2030 г.

спекции. Система применяется для межведомственного обмена в целях оказания государственных и муниципальных услуг, исполнения государственных и муниципальных функций, а также передачи данных в подсистему информационно-аналитического обеспечения федеральной государственной информационной системы «Единая информационная платформа национальной системы управления данными». Правовой основой организации электронного межведомственного взаимодействия служит Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 198 «Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов».

Данные о влиянии цифровизации на количество нарушений и ДТП неоднозначны. С одной стороны, в 2025 году зафиксировано снижение общего числа нарушений ПДД на 9% по сравнению с 2024 годом. Эксперты связывают это с повышением штрафов и другими факторами, но роль цифровых сервисов (например, камер фиксации) также могла быть значимой. С другой стороны, некоторые исследования указывают, что переход к дистанционным формам контроля иногда приводит к ухудшению показателей безопасности дорожного движения, так как снижается личный контакт инспектора с участниками движения¹³.

Кроме того, не все нарушения фиксируются камерами. Например, нарушения, связанные с несоответствием скорости конкретным условиям движения (пункт 10.1 ПДД), пока не отслеживаются автоматически¹⁴. Планируется дальнейшее развитие цифровых сервисов, включая: расширение функционала «Госуслуги Авто» и других приложений, совершенствование Федеральной информационной системы Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М) для предоставления более детальных сведений о транспортных средствах, создание системы полного цикла сбора информации по каждому ДТП (электронное дело) на базе ЕИАС БДД¹⁵ для оценки эффективности мер по устранению причин аварий, внедрение новых технологий, например, использование искусственного интеллекта для анализа данных и выявления нарушений. Кроме того, планируется полная легализация QR-кодов вместо бумажных документов¹⁶; запуск «Европротокола он-

---

¹³ Госавтоинспекция в цифре [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6110131> (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁴ Камеры, штрафы и аварийность: интересные цифры [Электронный ресурс] // За рулём : сайт. URL: <https://www.zr.ru/content/articles/957428-kamery-i-lyudi/> (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁵ ЕИАС БДД – Единая информационно-аналитическая система обеспечения безопасности дорожного движения. Это автоматизированная система сбора, учёта и анализа сведений о показателях в области обеспечения безопасности дорожного движения.

¹⁶ Минцифры подготовило проект постановления правительства, в котором предлагается предъявлять через приложение «Госуслуги» сведения из свидетельства о рождении, водительского удостоверения, свидетельства о регистрации транспортного средства, полиса ОСАГО, удостоверения многодетной семьи, пенсионного удостоверения, удостоверения инвалида о праве на льготы и студенческого билета. С 30.09.2025 г. юридически такая возможность уже действует для паспорта. На первом этапе QR-код можно использовать в кино или музеях при проходе на мероприятия с возрастными ограничениями, в магазинах при покупке товаров 18+, для входа в офисные центры с пропускной системой и при отправке или получении посылок и заказных писем. В дальнейшем планируется распространить эту практику на финансовые организации, МФЦ, салоны связи, частные медицинские учреждения и гостиницы. МВД разработало проект поправок в ПДД, в котором предлагается разрешить водителям предъявлять обязательные для управления автотехникой документы «в многофункциональном сервисе обмена информацией с применением двумерного штрихового кода» при взаимодействии с порталом «Госуслуг». Планируется, что поправки вступят в силу 01.03.2026 г.

лайн» для оформления ДТП¹⁷; интеграция разрозненных систем ГИБДД в единую платформу; расширение функционала мобильного приложения¹⁸.

Заключение. Электронные сервисы для взаимодействия с ГИБДД значительно упрощают и ускоряют получение государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения, сокращают временные и административные затраты граждан и организаций. Однако их внедрение сопряжено с рядом проблем, которые требуют внимания и решения [1, с. 39].

Так, регулярные сбои в работе информационных систем ГИБДД (например, ФИС ГИБДД-М) приводят к приостановке предоставления услуг – регистрации ТС, выдачи прав и т. д. Это вызывает очереди в подразделениях и нарушение сроков оформления документов. Причины могут включать ошибки при обновлении программного обеспечения (далее – ПО), высокую нагрузку на системы или недостаточный уровень технической поддержки.

Электронные системы подвержены рискам утечек данных, кибератак, DDoS-атак¹⁹, внедрения вредоносного ПО и фишинга²⁰. Например, существует опасность взлома баз данных с электронными удостоверениями²¹, что может привести к подделке документов. Недостаточная защита может привести к нарушению конфиденциальности, целостности данных и репутационным потерям²².

Многие сервисы требуют доступа к сети для проверки или обновления данных. В отдалённых регионах или зонах с нестабильным интернетом это может стать препятствием для использования электронных услуг. Например, при проверке электронных прав или СТС инспектор может столкнуться с невозмож-

---

¹⁷ С 01.01.2025 г., согласно Федеральному закону от 14.07.2022 №327-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», все страховщики будут обязаны урегулировать убытки по европротоколу полностью дистанционно, включая осмотр машины. С 15.07.2023 г. водители могут оформить возмещение по европротоколу через «Госуслуги». При этом страховые компании предоставляют опцию электронного урегулирования добровольно.

¹⁸ По информации на июль 2023 г., работа по интеграции разрозненных систем Госавтоинспекции в единую цифровую платформу уже ведётся: разработана концепция и технические требования, следующим шагом должно стать заключение контракта на разработку платформы. В рамках этой работы обсуждались, например, такие варианты развития: выбор профилей с единым QR-кодом для конкретного пакета документов, который необходим для определённой жизненной ситуации. Переход на использование планшетов с NFC-чипами: в этом случае водителю достаточно будет просто поднести телефон, и инспектор получит все необходимые данные. По данным на март 2025 г., развитие и расширение функционала цифровых сервисов – одна из приоритетных задач Госавтоинспекции. Работа в этом направлении ведётся в тесном взаимодействии с Минцифрой России и другими заинтересованными министерствами и ведомствами.

¹⁹ DDoS-атаки (Distributed Denial of Service) – кибератака, цель которой – нарушить работоспособность веб-сервера, онлайн-сервиса или сети путём создания искусственного «перегружа». Злоумышленники направляют на целевую систему огромное количество запросов из распределённых источников, в результате чего система перестаёт отвечать на легитимные запросы пользователей.

²⁰ Фишинг (phishing) мошенническая попытка получить конфиденциальные данные (пароли, номера карт, СНИЛС и т. п.) путём маскировки под доверенный источник. Это разновидность социальной инженерии – манипуляции поведением человека для обхода технических защит.

²¹ Пенсионные удостоверения стали электронными: как их получить и что будет со старыми документами [Электронный ресурс] // Челябинск онлайн : сайт. URL: <https://74.ru/text/world/2025/11/19/76128864/> (дата обращения: 07.02.2026).

²² Электронные водительские права. Эксперты рассказали о минусах и рисках [Электронный ресурс] // AUTONEWS : сайт. URL: <https://www.autonews.ru/news/693986ac9a794741664f5800> (дата обращения: 07.02.2026).

ностью верифицировать данные из-за отсутствия связи. Несмотря на развитие цифровых сервисов, законодательство иногда не успевает адаптироваться к новым реалиям. Например, долгое время электронные права и СТС работали в экспериментальном режиме, и водители были обязаны иметь при себе бумажные версии документов. Также возможны юридические коллизии в переходный период, когда отдельные структуры не готовы к работе с цифровыми документами.

В системах могут возникать сбои, приводящие к некорректным данным (например, массовое аннулирование электронных паспортов транспортных средств – ЭПТС в 2025 году). Это создаёт проблемы для пользователей и требует времени на исправление. В разных регионах доступ к электронным услугам может существенно различаться из-за различий в уровне цифровизации и финансирования. Это приводит к дисбалансу в качестве обслуживания. Недостаточная цифровая грамотность сотрудников ГИБДД или пользователей сервисов может приводить к ошибкам при работе с системами, неправильному использованию электронных подписей и т. д.

Некоторые эксперты считают, что полный переход на дистанционные формы взаимодействия может ослабить контроль за соблюдением ПДД, что потенциально замедлит достижение целей по снижению смертности и травматизма на дорогах [1, с. 40].

В качестве решений по преодолению указанных проблем, думается об усилении мер информационной безопасности. Необходимо применять шифрование данных, многоуровневую аутентификацию, электронную подпись, резервное копирование и системы мониторинга угроз. Важно привлекать специалистов по защите информации для разработки комплексных стратегий безопасности. Далее требуется модернизация технических средств, регулярное обновление ПО, масштабирование систем для обработки возросшей нагрузки. Целесообразно рассмотреть передачу управления информационными системами профильным организациям (например, в сфере цифрового развития)²³. Необходимо оперативно вносить изменения в нормативные акты, чтобы легализовывать новые цифровые инструменты (например, приравнять электронные права к бумажным) и устранять правовые пробелы. Акцентировать внимание на проведении тренингов и инструктажей для сотрудников ГИБДД и граждан по работе с электронными сервисами, правилам использования электронных подписей и мерам предосторожности. Расширять покрытие интернета в отдалённых регионах в целях обеспечения стабильного соединения в местах оказания услуг. Проводить регулярные проверки на предмет уязвимостей, ошибок и сбоев перед внедрением обновлений с привлечением независимых аудитов для оценки уровня безопасности и эффективности работы сервисов.

---

²³ Передача управления информационными системами профильным организациям (например, в сфере цифрового развития) – это практика аутсорсинга ИТ-услуг, при которой компания или государственный орган делегирует ответственность за управление, обслуживание и развитие своих информационных систем специализированному внешнему поставщику. Это решение может быть обусловлено стремлением сосредоточиться на основной деятельности, снизить затраты, получить доступ к экспертной поддержке или повысить уровень безопасности и эффективности работы систем.

Считаем, что в сферах с высоким риском для жизни и здоровья (как БДД) важно сохранять баланс между цифровизацией и личным контролем, чтобы не снижать уровень безопасности [1, с. 42], а объединение разрозненных систем ГИБДД на единой цифровой платформе упростит обмен данными, повысит эффективность работы и снизит риски ошибок.

Таким образом, хотя электронные сервисы значительно улучшают взаимодействие с ГИБДД, их внедрение требует комплексного подхода, включающего технические, организационные и правовые меры для минимизации рисков и повышения эффективности работы системы.

Список источников

1. Майоров В.И., Полякова С.В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы / В.И. Майоров, С.В. Полякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – №4 (70). – С. 38–47.

References

1. Mayorov V.I., Polyakova S.V. Digitalization of the Control and Supervisory Activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry: Problems and Prospects. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2024, no. 4 (70), pp. 38–47. (In Russian).

Информация об авторах

Власова Елена Львовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел

Фидель Петр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел

Information about the Authors

Vlasova Elena Lvovna – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies;

Fidel Petr Mikhailovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies

Статья поступила в редакцию 23.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 15.06.2026 г.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.